



THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING  
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

INSTITUTION «BELARUSIAN ARCHIVAL SCIENCE AND RECORDS  
MANAGEMENT RESEARCH INSTITUTE»

ARCHEOGRAPHICAL COMMISSION

# **THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK**

Founded in 2000

Volume 21

Minsk  
2020

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ  
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

УСТАНОВА «БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ  
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ»

АРХЕАГРАФІЧНАЯ КАМІСІЯ

# БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 21

Мінск  
2020

УДК 930.25(476)(058)

У дваццаць першым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» друкуюцца матэрыялы па археаграфіі, архівазнаўстве, крыніцазнаўстве, кадыкалогіі, тэксталагіі і гісторыі дзяржаўных устаноў. Публікуюцца дакументы па сярэдневяковай, новай і найноўшай гісторыі Беларусі, агляды архіўных фондаў і іншыя матэрыялы.

Прызначаны для архівістаў, гісторыкаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДЦДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), У. І. АДМУШКА,  
Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА, В. А. ГАПАНОВІЧ, С. У. ЖУМАР, Д. У. КАРАЎ,  
У. К. КОРШУК, В. А. КОСМАЧ, В. І. КУРАШ, М. В. ЛАРЫН (Расія),  
І. Б. МАЦЯШ (Украіна), В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ  
(адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ, І. В. САВЕРЧАНКА, А. М. САРОКІН,  
В. Д. СЕЛЯМЕНЕЎ, М. Ф. ШУМЕЙКА

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук

© БелНДЦДАС, 2020

## АРТЫКУЛЫ

**С. В. Кулинок,***заведующий отделом публикаций**Национального архива Республики Беларусь,**кандидат исторических наук;**e-mail: svkulinok@tut.by***ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРХИВНЫЕ ФОНДЫ  
ПАРТИЗАНСКИХ СОЕДИНЕНИЙ В БЕЛАРУСИ:  
ФОРМИРОВАНИЕ, СОСТАВ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ  
(к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне)\***

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории БССР развернулось массовое движение Сопротивления — партизанское движение и подпольная борьба. По данным отдела кадров Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), к концу освобождения Беларуси от немецких захватчиков в рядах партизан насчитывалось 373 942 человека [26, л. 39]. Начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П. Пономаренко отмечал: «По своим масштабам, политическим и военным результатам борьба в тылу немецко-фашистских армий приобрела стратегическое значение и превратилась в один из важных факторов разгрома врага» [29, с. 26]. За годы оккупации партизанами и подпольщиками Беларуси было уничтожено и ранено более 500 тысяч немцев и их союзников, пушено под откос 11 128 эшелонов и 34 бронепоезда, разгромлено 29 железнодорожных станций, 948 штабов и гарнизонов, подорвано и уничтожено более 18 700 автомобилей, взорвано и сожжено более 819 железнодорожных и 4170 других мостов, сбито в воздухе и на земле 305 самолетов, выведено из строя 1355 танков и бронемашин, взято большое количество трофеев [1, с. 17].

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) хранит основной массив документальных источников по истории партизанской борьбы в БССР периода Великой Отечественной войны. Отметим, что «собираение» документов по партизанской борьбе началось еще в военный период.

7 марта 1943 г. начальник ЦШПД П. Пономаренко подписал приказ № 0027 «О порядке хранения партизанских документов». В документе указывалось: «Все законченные материалы по партизанскому движению передать на хранение областным партархивам при обкомах ВКП(б). Материалы Центрального штаба партизанского движения передать на хранение Центральному

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941—1944 гг.».

The reported study was funded by BRFFR and RFBR, project number Г20Р-287 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941—1944».

партархиву при ЦК ВКП(б). Штабам партизанского движения материалы для хранения сдавать в архивы в порядке, годном для хранения» [27, л. 12]. Через год во все партизанские формирования было направлено указание заместителя начальника БШПД И. Ганенко, в котором отмечалось: «В целях накопления для истории документов, отражающих развитие партизанского движения Белоруссии, тщательно собирайте их. По возможности отправляйте в штаб или храните на месте. Закладывайте указанные материалы в надежно укрытые места для последующего изъятия по освобождению районов от оккупантов» [22, л. 163].

В результате хорошо организованной и функционирующей системы делопроизводства и документооборота в партизанских формированиях и их руководящих органах [7; 10; 31] сформировался значительный корпус документов, который начиная со второй половины 1940-х гг. постепенно передавался на государственное хранение.

На сегодняшний день можно уверенно говорить, что основную массу документов по истории партизанского движения в Беларуси удалось сохранить и сберечь. Самым крупным фондом по данной теме является фонд № 1450 (Белорусский штаб партизанского движения). В настоящее время данный фонд состоит из 24 описей и включает в себя более 11 тысяч дел [12, л. 63]. Мы не будем подробно останавливаться на обзоре данного фонда, так как делали это раньше [9]. В данной статье мы рассмотрим состав объединенных партизанских архивных фондов, находящихся на хранении в НАРБ.

До начала 2000-х гг. документы партизанских отрядов и бригад (за исключением фонда № 1450) были разделены на многочисленные мелкие фонды. Фактически, каждое соединение партизан составляло отдельный фонд. Безусловно, такое положение дел значительно усложняло поисковую и исследовательскую работу пользователей, а также создавало определенные неудобства в вопросах архивного учета, хранения и использования. Кроме того, имелись значительные недостатки в научно-технической обработке документов. В заголовках единиц хранения не были раскрыты состав и содержание документов, неточно определялись крайние даты. При создании объединенных архивных фондов (ОАФ) проводилась следующая работа: пересоставление заголовков дел, уточнение крайних дат документов и проверка количества листов в делах, пересистематизация дел.

В начале 2000-х гг. было принято решение провести научно-техническую переработку указанных фондов, систематизировав их по географическому принципу (по 10 областям БССР, существовавшим на момент начала Великой Отечественной войны). В результате были образованы следующие фонды: № 1399 (Партизанские формирования Барановичской области в годы Великой Отечественной войны, 796 ед. хр.), № 1400 (Партизанские формирования Белостокской области в годы Великой Отечественной войны,

125 ед. хр.), № 1401 (Партизанские формирования Брестской области в годы Великой Отечественной войны, 531 ед. хр.), № 1402 (Партизанские формирования Вилейской области в годы Великой Отечественной войны, 275 ед. хр.), № 1403 (Партизанские формирования Витебской области в годы Великой Отечественной войны, 694 ед. хр.), № 1404 (Партизанские формирования Гомельской области в годы Великой Отечественной войны, 200 ед. хр.), № 1405 (Партизанские формирования Минской области в годы Великой Отечественной войны, 2485 ед. хр.), № 1406 (Партизанские формирования Могилевской области в годы Великой Отечественной войны, 657 ед. хр.), № 1407 (Партизанские формирования Пинской области в годы Великой Отечественной войны, 684 ед. хр.), № 1408 (Партизанские формирования Полесской области в годы Великой Отечественной войны, 168 ед. хр.). Как видно, данные фонды значительно различаются по своему размеру, что во многом было определено уровнем развития партизанской борьбы в соответствующих регионах.

Более подробно рассмотрим процесс создания ОАФ на примере Барановичской области. Например, при переработке фондов партизанских соединений, действовавших на данной территории, из 29 фондов (862 ед. хр.) был сформирован один фонд (№ 1399), где все документы были разбиты по принципу бригадности/отрядности. Внутри разделов описи дела расположены по хронологически-номинальному признаку.

После обработки в состав ОАФ вошли 796 единиц хранения из указанных выше фондов. Уменьшение количества дел на 66 единиц произошло за счет объединения ряда личных дел партизан, а также передачи 3 дел в ОАФ «Партизанские формирования Могилевской области в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» и «Партизанские формирования Минской области в годы Великой Отечественной войны».

При проведении работы по систематизации единиц хранения объединенного фонда и определении разделов описи на первом месте помещены документы уполномоченных органов руководства партизанским движением и штабов соединений. Далее располагаются документы партизанских формирований (бригад), которые систематизируются по следующим признакам:

1. Формирования, имеющие в своем наименовании цифровое обозначение, располагаются по порядковым номерам (1-я Барановичская партизанская бригада и т. д.). Формирования, имеющие в названии нарицательные понятия («Вперед»).

2. В алфавитном порядке располагаются формирования по фамилиям и инициалам лиц, именем которых они названы (бригады им. В. И. Чапаева, им. В. П. Чкалова, им. Н. А. Щорса и т. д.), и бригады, названия которых образованы от имен выдающихся деятелей (Ленинская бригада) или определенных дат (Первомайская бригада). В случае таких названий, как «25-летия

БССР», такое формирование располагается вслед за алфавитной группировкой.

Отряды каждой бригады систематизированы по алфавиту. Документы партизанских формирований, не входящие в состав соединений, располагаются в описи аналогично, вслед за документами партизанских формирований, входящих в состав территориальных соединений. Документы партизанских формирований Барановичской области систематизируются по межрайонным соединениям территориальных зон (Ивенецкая, Лидская, Слонимская, Столбцовская, Щучинская), внутри документы фондов партизанских формирований располагаются в последовательности, указанной выше.

Аналогичный принцип переработки был заложен и при работе с другими ОАФ. При работе с документами, касающимися партизанских отрядов и бригад, действовавших на территории Витебской области, которые поступили в НАРБ в 1995 г., был выявлен ряд недостатков в имеющихся фондах (неточные и малоинформативные заголовки, неточные крайние даты единиц хранения и др.). Все недостатки были устранены при переработке и создании ОАФ (№ 1403).

Состав документов ОАФ богат и разнообразен. Они включают в себя следующие основные виды: приказы и предписания уполномоченных ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандующего и ЦК КП(б)Б, уполномоченных БШПД и ЦК КП(б)Б, секретарей подпольных райкомов КП(б)Б и партийных межрайцентров, командования бригад и отрядов; отчеты, донесения и рапорты бригад и отрядов о боевых и хозяйственных операциях и диверсионных действиях; разведсводки и агентурные донесения; дневники боевых действий и журналы учета поощрений и взысканий партизан; информацию о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории области и списки вражеских шпионов, служащих учреждений оккупационных властей и полицейских; сведения о националистических организациях, листовки-обращения партизанских отрядов и бригад к служащим оккупационных учреждений, предателям, военнопленным; сведения о количественном и качественном составе и вооружении партизанских формирований; наградные и аттестационные листы; справки, подтверждающие принадлежность граждан к партизанскому движению, списки личного состава отрядов и бригад, агентурных работников.

Данные документы отражают не только все основные направления партизанской борьбы (например, есть интересные материалы по программе занятий и курсов в партизанских отрядах [18, л. 37—39]), но также и различные аспекты нацистского режима и коллаборации на оккупированной территории БССР. В качестве примера можно привести материалы о деятельности 52-го украинского полицейского батальона [14, л. 12—18], Национально-трудового союза Нового поколения новой России и Союза трудовой солидарности (Могилев) [19; 20], ортскомендатуры в Толочине [23, л. 21].



Отдельное место занимают судебно-следственные дела в отношении разоблаченных агентов [13, л. 21—22; 24; 25], а также материалы, связанные с обеспечением советской законности и правопорядка, как в соединениях «лесных солдат», так и в партизанских зонах [15, л. 6—9; 16, л. 54, 143; 17; 21; 23, л. 9].

Безусловно, такое богатое видовое разнообразие документальных источников и их информативность способствовали тому, что материалы ОАФ активно использовались и пользуются до сих пор интересом как у ученых, так и у всех, кто занимается проблемой партизанского движения. Только за последние годы материалы из ОАФ активно использовались при написании диссертационных исследований [4; 8; 11; 28], подготовке сборников документов [2; 3; 5; 6], научных статей и др. Иллюстративный материал из фондов был использован при подготовке презентационного альбома «Хранители документальной памяти. История партизанского движения» [30] и в выставочной деятельности.

Таким образом, ОАФ партизанских формирований — это важнейший и богатый корпус документов по истории партизанской борьбы на оккупированной территории БССР, который активно используется учеными, архивистами и исследователями в настоящее время. Комплексное привлечение источников и ОАФ с материалами фонда БШПД (№ 1450), партийных и комсомольских фондов позволяет проводить глубокие научные исследования различных аспектов движения Сопротивления на территории Беларуси периода 1941—1944 гг.

#### Литература и источники

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945. Энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін і інш. — Мінск: БелСЭ, 1990. — 509 с.
2. Белорусский штаб партизанского движения. Сентябрь—декабрь 1942 г. Документы и материалы / авт.-сост.: В. Д. Селеменев, М. Н. Скоморощенко, И. Тумаш. — Минск: Издательство «Белорусская энциклопедия им. П. Бровки», 2017. — 464 с.
3. Гомельщина партизанская: док. и материалы. Вып. 1: Начало: июнь 1941 г. — май 1942 г.; Вып. 2: Развитие: Июнь 1942 г. — август 1943 г. / сост.: В. Д. Селеменев (рук.), И. А. Валаханович, В. В. Скалабан и др. — Минск: НАРБ, 2010. — 260 с.
4. Ивицкий, А. М. Материально-техническое и продовольственное обеспечение партизан Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Минск, 2017. — 27 с.
5. «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май — июнь 1944 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]. — Минск: НАРБ, 2020. — 712 с.
6. «Котбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май — июнь 1943 г.: документы и материалы / сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]. — Минск: НАРБ, 2018. — 636 с.
7. Кулинок, С. В. Делопроизводство и документооборот в Белорусском штабе партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (к 75-летию создания

- БШПД) / С. В. Кулинок // Архивы и делопроизводство. — 2017. — № 5. — С. 29—38.
8. Кулинок, С. В. Документальные источники Белорусского штаба партизанского движения по разведывательной деятельности партизан // Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / С. В. Кулинок. — Минск, 2016.
  9. Кулинок, С. В. Фонд Белорусского штаба партизанского движения: формирование, состав, использование. По документам Национального архива Республики Беларусь. К 75-летию создания БШПД / С. В. Кулинок // Вестник архивиста. — 2017. — № 3. — С. 84—98.
  10. Кулинок, С. В., Скоморощенко, М. Н. К вопросу об организации делопроизводства в Белорусском штабе партизанского движения в сентябре—декабре 1942 г. / С. В. Кулинок, М. Н. Скоморощенко // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты: матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (Мінск, 28 чэрвеня 2018 г.) / рэдкал.: В. І. Кураш (старшыня) [і інш.]. — Мінск: БелНДЦДАС, 2019. — С. 48—58.
  11. Матусевич, Ю. В. Медицинская помощь партизанам и населению партизанских зон Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Автореф. дисс. канд. ист. наук. — Минск, 2017. — 29 с.
  12. НАРБ. — Дело фонда № 1450 (3500). — Т. 1.
  13. НАРБ. — Ф. 1399. — Оп. 1. — Д. 15.
  14. НАРБ. — Ф. 1399. — Оп. 1. — Д. 21.
  15. НАРБ. — Ф. 1401. — Оп. 1. — Д. 12.
  16. НАРБ. — Ф. 1401. — Оп. 1. — Д. 200.
  17. НАРБ. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 73.
  18. НАРБ. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 384.
  19. НАРБ. — Ф. 1405. — Оп. 1. — Д. 237.
  20. НАРБ. — Ф. 1405. — Оп. 1. — Д. 1979.
  21. НАРБ. — Ф. 1405. — Оп. 2. — Д. 356.
  22. НАРБ. — Ф. 1406. — Оп. 1. — Д. 357.
  23. НАРБ. — Ф. 1406. — Оп. 1. — Д. 383.
  24. НАРБ. — Ф. 1407. — Оп. 2. — Д. 2.
  25. НАРБ. — Ф. 1407. — Оп. 2. — Д. 4.
  26. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 12. — Д. 3.
  27. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 17. — Д. 3.
  28. Павлова, Е. Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.): Источники и метод анализа // Дисс. ... канд. ист. наук. — Минск, 2003. — 121 с.
  29. Пономаренко, П. К. Борьба советского народа в тылу врага // Военно-исторический журнал. — 1965. — № 4. — С. 26—36.
  30. Хранители документальной памяти. История партизанского движения. Изд. 2-е, доп. [авторы текста: М. Н. Скоморощенко, С. В. Кулинок]. — Минск: «Колорград», 2020. — 107 с.
  31. Шумейко, М. Ф. Делопроизводство в партизанских отрядах Беларуси в годы Великой Отечественной войны / М. Ф. Шумейко // Архівы і справаводства. — 2005. — № 2(38). — С. 60—66.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 20.10.2020*

**Г. В. Запартыка,**  
дырэктар Беларускага дзяржаўнага архіва-музея  
літаратуры і мастацтва;  
e-mail: bdamlim@tut.by

## ГІСТОРЫЯ АДНАГО АРХІЎНАГА ФОНДУ І ЯГО СТВАРАЛЬНІКА (да 60-годдзя БДАМЛМ)

Для Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва год 2020 — юбілейны. Споўнілася 60 гадоў са дня выхаду пастановы Савета Міністраў БССР ад 9 чэрвеня 1960 г. № 323 «Аб стварэнні Цэнтральнага дзяржаўнага архіва літаратуры і мастацтва БССР». Ад таго часу і да сёння сабраны звыш 500 фондаў, якія складаюць адну з унікальных частак нацыянальнай архіўнай спадчыны — крыніцы па гісторыі беларускай культуры, літаратуры і мастацтва. Многія з фондаў архіва-музея даўно вядомы беларускім вучоным, іх дакументы паслужылі шэрагу адкрыццяў, сталі факталогіяй у даследаваннях, прыадчынілі таямніцы жыцця і творчасці сваіх стваральнікаў. Большая частка фондаў архіва-музея ўведзена ці актыўна ўводзіцца ў навуковы ўжытак. Некаторыя ж па розных прычынах застаюцца па-за ўвагай даследчыкаў. Мяркую, што юбілей архіва з'яўляецца добрай нагодай расказаць пра адзін з такіх фондаў, узнавіць гісторыю яго стваральніка, якую ўсяго некалькімі радкамі пазначаюць у энцыклапедычных даведніках і да крыўднага коратка згадваюць у навуковых працах. Гэты архіўны фонд належыць Дзяржаўнаму тэатру музычнай камедыі БССР, пра які можна смела сказаць — забыты тэатр. Створаны ён быў у самы цяжкі для нашай краіны час і рабіў неацэнную справу для падтрымкі духоўнага стану знявечанага вайной народа, даваў надзею на адраджэнне, ствараў адмысловую атмасферу прыгажосці і радасці ад кожнага дня мірнага жыцця. Можна памылкова падумаць, што гэта папярэднік сучаснага Музычнага тэатра Беларусі. Але гэта не так. Установа культуры, пра якую пойдзе гаворка, існавала ў 1943—1949 гг.

Да 1978 г. архіўны фонд Дзяржаўнага тэатра музычнай камедыі БССР захоўваўся ў Цэнтральным дзяржаўным архіве Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва (ЦДАКР). Як профільны быў перададзены архіву-музею з усім НДА і ўліковымі дакументамі. Уключаў 42 адзінкі захоўвання. На момант ліквідацыі тэатра ў яго архіве значылася 196 адзінак захоўвання, што адлюстравана ў папярэднім заключэнні інспектара Архіўнага ўпраўлення МУС БССР. Відавочна, што менавіта ў такой колькасці адзінак у 1949 г. архіў ліквідаванага тэатра і быў перададзены ў ЦДАКР. У 1954 г. быў складзены «адборачны спіс», згодна якому да знішчэння, як не маючыя навуковай і гістарычнай каштоўнасці, былі адабраны 126 адзінак захоўвання: картэтка балансавых рахункаў, абаротныя ведамасці, перапіска па фінансавых пытаннях, касавыя кнігі і інш. Перададзеныя ў архіў-музей адзінкі ўключалі загады Упраўлення па справах мастацтваў, загады дырэктара тэатра па ўсіх напрамках дзейнасці, спісы работнікаў, асабовыя справы, асабовыя рахункі і

іншыя дакументы. Творчыя дакументы, калі давяраць выключна вопісу ЦДАКР, цалкам адсутнічалі. Але творчыя дакументы (эскізы, праграмы спектакляў, запіскі рэжысёраў і інш.) можна сустрэць, гартаючы, да прыкладу, каштарысы тэатра, ведамасці на выдачу зарплаты і інш. У ваенны час, калі не хапала паперы для стварэння нават афіцыйных дакументаў, многія з іх друкаваліся на чыстых адваротах, у нашым выпадку на адваротах эскізаў ці праграм спектакляў. Так і захаваліся, хоць і ў невялікай колькасці, сведчанні творчай працы тэатра. У 2015 г., пасля папярэдняга і вельмі ўважлівага вывучэння кожнага дакумента гэтага фонду, вопіс яго прайшоў удасканаленне: былі адрэдагаваны загаловкі адпаведна змястоўнаму нападуненню спраў, напісаны анатацыі на найбольш важныя для гісторыі тэатра дакументы, у тым ліку творчыя, складзена гістарычная даведка. Факталагічнымі крыніцамі для напісання гісторыі гэтага тэатра паслужылі загады, перапіска, асабовыя справы, справаздачы і нават ведамасці на выдачу зарплаты. І паўстала незвычайная і трагічная гісторыя ўстанова, якая адыграла ў 1940-я гг. сваю выключную ролю ў адбудове мірнага жыцця.

Гісторыя гэтага тэатра зыходзіць да пачатку 1930-х гг. Дакладная дата яго заснавання пакуль не ўстаноўлена. Першым дакументам, які адлюстравваў яго дзейнасць у даваенны час, з'яўляецца «План Цэнтральнага праўлення саюза працаўнікоў мастацтва Беларусі па мастацкаму абслугоўванню тэатрамі калгасаў, саўгасаў і МТС у часе веснавой пасяўной кампаніі 1933 г.»\*. Сярод іншых беларускіх тэатраў названа і «Музычная камедыя» з выездамі ў Веткаўскі, Чачэрскі і Церахаўскі раёны. Гэты дакумент датаваны 10 сакавіка 1933 г., а 17 красавіка гэтага ж года выйшла пастанова Бюро ЦК КП(б)Б «Аб устанаўленні сеткі тэатраў і паляпшэнні іх работы»\*\*, адпаведна якой Тэатр музычнай камедыі ліквідаваўся. Але ў пачатку 1939 г. даведка тэатральнага сектара Упраўлення па справах мастацтваў пры СНК БССР «Аб росце тэатраў за другую пяцігодку» паведамляла аб стварэнні ў гэты перыяд, гэта значыць да 1937 г., Тэатра музычнай камедыі\*\*\*. Пасля вядомых у гісторыі Беларусі падзей, 24 жніўня 1940 г. СНК БССР прыняў пастанову «Аб пераводзе Тэатра музычнай камедыі БССР для стацыянарнай работы ў г. Беласток». Для дзейнасці тэатра перадаваўся будынак Беластоцкага гарадскога тэатра, а Беластоцкі аблвыканкам абавязалі «прадставіць тэатру неабходную колькасць

\* Мастацтва Савецкай Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў у двух тамах. — Т. 1. 1917—1941 / склад.: А. Я. Атрошчанка [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1976. — С. 141.

\*\* Мастацтва Савецкай Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў у двух тамах. — Т. 1. 1917—1941 / склад.: А. Я. Атрошчанка [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1976. — С. 141—142.

\*\*\* Мастацтва Савецкай Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў у двух тамах. — Т. 1. 1917—1941 / склад.: А. Я. Атрошчанка [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1976. — С. 164—165.

кватэр для размяшчэння работнікаў тэатра»\*. Невядома, ці паспеў тэатр пераехаць у цудоўны будынак, які ўсяго два гады таму быў узведзены па праекце архітэктара Яраслава Гірына як Народны дом, але канчаткова быў прызначаны пад Гарадскі тэатр. Менавіта ў гэтым будынку ў 1939 г. пачынаў сваю працу Дзяржаўны польскі тэатр БССР. Але ў хуткім часе польскі тэатр быў пераведзены ў Гродна і ў 1940—1941 гг. працаваў тут. Магчыма, што менавіта ў сувязі з вышэйназванай пастановай ён вызваліў будынак для Тэатра музычнай камедыі БССР. Але менш чым праз год пачалася Вялікая Айчынная вайна, і тэатр так і не паспеў папрацаваць над новым рэпертуарам: трупа расфарміравалася, жыццё многіх артыстаў і працаўнікоў тэатра абарвалася ў першыя ж дні вайны, некаторыя пехатой пайшлі на ўсход, пасля сталі артыстамі франтавых брыгад, адрасы некаторых былі адшуканы ў акупаваным Мінску. З даваеннага складу трупы, дзякуючы архіўнаму фонду тэатра, устаноўлена толькі дзесяць імёнаў\*\*.

Новы перыяд у жыцці тэатра бярэ адлік ад 7 кастрычніка 1943 г. Гэтым днём датуецца загад № 20 Упраўлення па справах мастацтваў пры СНК БССР: «1) На падставе пастановы СНК БССР ад 7 кастрычніка 1943 г. за № 80 і загада ВКІ\*\*\* за № 475 узнавіць працу Дзяржаўнага тэатра музычнай камедыі БССР з 07.10.1943 г. 2) Часовай базай дзяржтэатра музкамедыі БССР вызначыць горад Масква. 3) Прызначыць выконваючым абавязкі дырэктара дзяржтэатра музкамедыі БССР артыста тэатра Гераскіна Георгія Паўлавіча. 4) Вызначыць колькасны склад тэатра на першы час — 35—40 чалавек. 5) Вызначыць тэрмін збору тэатра ў складзе, які ўказаны ў §4 — 20 кастрычніка 1943 г. 6) Зацвердзіць наступны рэпертуар тэатра на IV квартал 1943 г. і тэрміны выпуску пастановак: а) каницэрт-спектакль (савецкая аперэта, класічная аперэта, венская аперэта) — 01.11.1943 г.; б) «Нітуш» — муз. Эрве — 01.12.1943 г.; в) «Жаніцьба Фрыца» — муз. А. Клумава\*\*\*\* — 25.12.1943 г.

Начальнік Упраўлення па справах мастацтваў пры СНК БССР П. Пестрак\*\*\*\*\*. Масква, 7 кастрычніка 1943 г.»\*\*\*\*\*

\* Мастацтва Савецкай Беларусі. Зборнік дакументаў і матэрыялаў у двух тамах. — Т. 1. 1917—1941 / склад.: А. Я. Атрошчанка [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1976. — С. 169—170.

\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 22. — Арк. 13.

\*\*\* Всесоюзный комитет искусств — Усесаюзны камітэт мастацтваў — далей у тэксце УКМ.

\*\*\*\* Аляксей Канстанцінавіч Клумаў (1907—1944), беларускі кампазітар, піяніст, педагог. Заслужаны артыст БССР.

\*\*\*\*\* Піліп Сямёнавіч Пестрак (1903—1978), беларускі паэт, празаік, дзяржаўны дзеяч. Заслужаны дзеяч культуры БССР.

\*\*\*\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 2. — Арк. 228—230.

10 кастрычніка 1943 г. было зацверджана Палажэнне аб Дзяржаўным тэатры музычнай камедыі БССР. Тэатр арганізоўваўся як стацыянарны для працягу працы на тэрыторыі Беларусі. Ішла вайна. 26 верасня 1943 г. Чырвоная Армія ўступіла на беларускую зямлю і да пачатку 1944 г. вызваліла ўсходнія раёны Віцебскай, Магілёўскай, Гомельскай і Палескай абласцей. Беларускі ўрад, які знаходзіўся ў эвакуацыі ў Маскве, пачаў рабіць першыя крокі да адбудовы мірнага жыцця на вызваленых тэрыторыях. Аднаўленне Дзяржаўнага тэатра музычнай камедыі БССР з часовай базай у Маскве было разлічана, перш за ўсё, на канцэртнае абслугоўванне вайсковых часцей, шпіталю, гарадоў і сёл Беларусі, якія толькі што былі вызвалены з-пад фашысцкай акупацыі. Першыя дакументы аб аднаўленні яго дзейнасці вельмі лаканічныя і катэгарычныя: на збор трупы тэатра — 13 дзён, на падрыхтоўку першага канцэрта-спектакля — 24 дні, на падрыхтоўку першага музычнага спектакля — 54 дні. Як такое было магчыма? Але як і ўсе загады ваенага часу, гэты таксама патрабаваў неадкладнасці, хуткасці, мабільнасці. Г. П. Гераскін, прызначэнне якога на пасаду дырэктара было абумоўлена, перш за ўсё, творчымі мэтамі тэатра, павінен быў вырашыць адначасова некалькі задач: стварыць дзейздольны творчы калектыў, забяспечыць фінансава-матэрыяльнае становішча тэатра, арганізацыю гастроляў і апэратыўнае ўпраўленне базавымі пляцоўкамі, якія былі выдзелены для тэатра ў Маскве. Гэта ўсё патрабавала выключных арганізацыйных высілкаў. На арганізацыйным этапе патрэбна было вырашаць, якога тыпу павінен быць тэатр. Лягчэй за ўсё было абмежавацца стварэннем апэрэтачнага ансамбля і даваць канцэрты, а меўшы паралельныя калектывы, выязджаць на гастролі адначасова ў некалькі мясцін. Але ўсё ж ствараўся тэатр рэспубліканскага значэння, які павінен быў заняць сваё адметнае месца ў вызваленай Беларусі. Менавіта з такой думкай кіраўнікі Упраўлення па справах мастацтваў пры СНК БССР ішлі ў кабінеты Усесаюзнага камітэта мастацтваў і даказвалі неабходнасць існавання ў гэтых умовах паўна-вартаснага музычнага тэатра. Устаноўка на арганізацыю такога тэатра вызначалася і яго мастацка-кіруючым складам: на пасаду галоўнага рэжысёра быў запрошаны заслужаны артыст РСФСР Д. У. Камерніцкі\*, галоўнага балетмайстра і рэжысёра — І. В. Курылаў\*\*, балетмайстрам-педагогам — М. М. Каверынскі\*\*\*. Мастацкім кіраўніком тэатра быў прызначаны В. Г. Зак\*\*\*\*. Пэўны час тэатр знаходзіўся ў стадыі афармлення творчага калектыву і адзінай магчыма ажыццявімай задачай была падрыхтоўка «Спектакля-канцэрта», праца над якім пачалася вельмі хутка. «Спектакль-канцэрт»

\* Дзмітрый Уладзіміравіч Камерніцкі (1897—1972), савецкі рэжысёр, артыст. У 1943—1946 гг. — гал. рэжысёр тэатра музычнай камедыі БССР.

\*\* Іван Васільевіч Курылаў (1910—1992), савецкі балетмайстар, артыст.

\*\*\* Міхаіл Міхайлавіч Каверынскі (1906—1964), артыст балета, балетмайстар.

\*\*\*\* Вігаль Германавіч Зак (псеўд. Чарнаяраў; 1899—1965), лібрэтыст, драматург, крытык.

складалі ўрыўкі з класічных і савецкіх аперэт. В. Г. Зак вынайшаў вельмі ўдалую форму падачы такога канцэрта — злучаючы нумары своеасаблівым канферансам.

Першы «Спектакль-канцэрт» Упраўленне па справах мастацтваў пры СНК БССР абавязвала выпусціць ужо да 1 снежня 1943 г. Але неўкамлектаванасць і неспрацаванасць калектыву, адсутнасць самых элементарных тэхнічных і іншых сродкаў стрымлівалі працу. Як вынік, з'яўляліся загады, якія ставілі амаль нерэальныя задачы з абяцаннем самай суровай кары за невыкананне. 9 снежня 1943 г. дырэктар тэатра ў адным са сваіх загадаў адзначаў «недапушчальную затрымку выпуску «Спектакля-канцэрта» і назначаў новую дату — 15 снежня, пры гэтым патрабаваў: «да 12 снежня падабраць неабходныя касцюмы ў «Мостеакостюме», да 10 снежня здаць у майстэрні эскізы для пашыўу касцюмаў і да 14 снежня іх пашыць». Гэтым жа загадам аб'яўлялася поўная мабілізацыя калектыву на выпуск «Спектакля-канцэрта» і выносілася папярэджанне, што за невыкананне «будуць прыняты самыя крайнія меры, аж да зняцця з працы»\*.

І тым не менш падрыхтоўка ішла з вялікім спазненнем. Маскоўскі рэперткам і Упраўленне па справах мастацтваў прынялі «Спектакль-канцэрт» толькі 3 лютага 1944 г. Умовы працы былі надзвычай цяжкімі. Тэатр усю зіму 1943—1944 гг. туліўся ў халодным памяшканні Клуба дрэваапрацоўчага завода: рэпетыцыйных памяшканняў не хапала, адсутнічалі майстэрні, фінансавыя сродкі выдзяляліся ў асноўным на мізэрную зарплату актёрам. З надыходам вясны 1944 г. дырэкцыя тэатра змагла заключыць дамову на арэнду пляцоўкі Клуба «Красная Звезда» з больш спрыяльнымі ўмовамі. Праца над спектаклем актывізавалася. Да таго ж, нарэшце, тэатр завяршыў укамлектаванне жаночага хору, што таксама мела вялікае значэнне.

Першая гастрольная паездка тэатра на вызваленую беларускую зямлю адбылася з 15 сакавіка да 3 красавіка 1944 г. у г. Гомель для ўдзелу ў «мастацкім абслугоўванні» сесіі Вярхоўнага Савета БССР. Калектыв тэатра да гэтай падзеі рыхтаваўся вельмі адказна і мабілізаваў самыя лепшыя сілы. Для паказу быў абраны «Спектакль-канцэрт», які, у адпаведнасці з загадам дырэктара ад 4 сакавіка 1944 г., павінен быў дапоўніцца новымі нумарамі. Загадчык музычнай часткі А. К. Клумаў павінен быў тэрмінова арганізаваць развучванне Дзяржаўнага гімна\*\*. Увесь кіруючы склад атрымаў даручэнні, выкананне якіх было справай тэрміновай: галоўны рэжысёр Д. У. Камерніцкі — «рэпетыцыйную працу па сцэнічнай падрыхтоўцы новых нумароў», галоўны балетмайстар І. В. Курылаў — «адпрацаваць сольныя і агульныя балетныя выступленні», загадчык пастановачнай часткі І. М. Карынскі — «забяспечыць неабходнае афармленне бутафорыі і рэквізіту тэатра», мастакам тэатра

\* БДАМЛІМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 2. — Арк. 144.

\*\* Тут маецца на ўвазе Дзяржаўны гімн СССР, які быў прыняты ў 1943 г. замест «Інтэрнацыянала».

А. К. Лейнеману і А. У. Фларову — «прывесці ў поўны парадак афармленне бутафорыі і рэквізіту тэатра», намесніку дырэктара М. І. Яграву — «атрымаць вагоны, аформіць пропускі і стварыць неабходныя бытавыя ўмовы, паклапаціцца аб своєчасовым атаварванні прадуктовых картак і атрымання сухіх пайкоў», галоўнаму адміністратару Я. І. Ханіну — «забяспечыць у Гомелі канцэрты, акрамя ўрадавых канцэртаў»\*.

«Спектакль-канцэрт» меў у Гомелі вялікі поспех, а выступленне перад дэпутатамі сесіі Вярхоўнага Савета БССР атрымала выдатную ацэнку, якая была выказана ў лісце ЦК КПБ(б) БССР на імя старшыні УКМ пры СНК СССР. Усё гэта вельмі моцна ўзрушыла калектыў і настроіла на творчыя здзяйсненні. Вельмі хутка, 19 чэрвеня 1944 г., група актёраў тэатра зноў адправілася ў Гомель і раёны, дзе давала канцэрты да 7 ліпеня. 15 ліпеня яе змяніла наступная група. З гэтага часу гастрольныя паездкі становяцца адной з форм існавання тэатра. Першымі гарадамі вызваленай Беларусі, якія наведвалі брыгады тэатра, былі Гомель, Рэчыца, Навабеліца і іх ваколіцы. Важна адзначыць, што канцэртныя брыгады тэатра ў гэты перыяд былі частымі гасцямі ў вайсковых часцях Чырвонай Арміі і шпіталях. За 1944 г. тэатрам было паказана 122 шэфскіх канцэртаў і гастрольных спектакляў, якія ўбачылі 86,5 тыс. глядачоў.

Адначасова з падрыхтоўкай канцэрта калектыў тэатра прыступіў да рэпетыцый класічнай аперэты С. Джонса «Гейша» ў пастаноўцы рэжысёраў І. Курылава і Я. Цяцерына\*\*. Для падрыхтоўкі спектакля ўстанаўліваўся новы графік працы касцюмерна-пашывачнаму, бутафорска-рэквізітарскаму, дэкаратыўна-мастацкаму цэхам і складам з 10 гадзін раніцы да 21 гадзіны. За парушэнне працоўнай дысцыпліны артысты і тэхнічны персанал тэатра строга караліся: аб'яўляліся вымовы, пазбаўляліся на працяглы тэрмін (да 20 дзён) сныданкаў, за спазненні і несанкцыянаваны адыход з працоўнага месца некаторыя аддаваліся пад суд\*\*\*. Але ўсе гэтыя меры не маглі супрацьстаяць эканамічным праблемам тэатра: адсутнасць сродкаў і немагчымасць набыцця самых простых рэчаў для афармлення спектакля страшэнна зацягвалі працу. Да таго ж паралельная эксплуатацыя «Спектакля-канцэрта», у якім былі заняты вядучыя актёры, часта зрывала рэпетыцыі.

Найбольш актыўнымі рэпетыцыйнымі месяцамі спектакля «Гейша» былі ліпень — верасень 1944 г. 20 верасня ў памяшканні тэатра парка ЦДКА імя Фрунзе ў Маскве адбылася прэм'ера «Гейшы», якая благаславіла аперэту на яе паспяховае жыццё. Спектакль быў нават адзначаны загадам Упраўлення па справах мастацтваў ад 17 кастрычніка 1944 г.: «*Дзяржаўны тэатр музыч-*

\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 2. — Арк. 121—122.

\*\* Яўген Яўхімавіч Цяцерын (1905—1987), савецкі актёр і рэжысёр тэатра і кіно. Заслужаны артыст РСФСР. У 1944—1946 гг. працаваў у Дзяржаўным тэатры музыкамедыі БССР.

\*\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 2. — Арк. 48.



най камедыі БССР паказаў 20 верасня 1944 г. у г. Маскве ў памяшканні ЦДКА імя Фрунзе свой першы спектакль «Гейша» Сіднея Джонса, тэкст В. Зака. У сваёй трактоўцы аперэтакнай класікі тэатр зыходзіў са стылю англійскай «музычнай п'есы», якая мае сваім вытокаам мюзікхольны спектакль, падкрэсліўшы завершанасць асобных нумароў.

Распрацаваўшы асобна сюжэт п'есы, акрэсліўшы суадносна з музычнымі характарыстыкамі вобразы і характары дзеючых асоб, тэатр стварыў драматургічна моцны музычны сцэнарый, дадаўшы танцавальную музыку, напісаную заслужаным артыстам БССР А. К. Клумавым. Гэта дазволіла стварыць жыва радасны спектакль на высокім мастацкім узроўні — папулярная музыка «Гейшы» загучала паўней і свяжэй, а жывая займальная п'еса дала магчымасць абысціся без звычайнай аперэтакнай «адсябцяціны». Добры густ і поўная адсутнасць якой-небудзь пошласці складае характэрную рысу ўсяго спектакля ва ўсіх яго частках. Каларытная і стыльная праца мастака Л. А. Окуня садзейнічае поспеху спектакля. Выканаўцы спектакля склалі добры ансамбль, у якім адзначаю выдатную ігру Папко (Моллі), Качарова (Вун-Чхі), Грасавай (Ледзі Канстанцыя), галасавыя даныя і вакальную культуру Арловай (Мімоза), жывы тэмперамент Набатавай (Джульета), мяккі гумар Тэр'які (Імары), выдатныя вакальныя і сцэнічныя даныя Сайкова (Фэрфакс) і Рэбрыхавы (Кенінгам). Звяртаюць на сябе ўвагу праўдзівая ігра і эмацыянальнасць спеваў Кедрова (Катана). Невялікая па тэксце і музыцы роля Такіміні вырастае ў выкананні Пірульскага.

У цікава задуманых і ажыццёўленых балетных нумарах адзначаю майстэрства Ванюскай, добры стыль выканання Мезеневай і яркі характар музычнага танца Бергерава, Пыхценкі, Рагозіна. Добрае ўражанне пакідаюць ансамблевыя нумары і сцэны балета. Прыемнае гучанне хору і яго сцэнічнае жывіцё.

Адзначаючы высокі мастацкі ўзровень спектакля, лічу, што кіраўніцтва тэатра [...] правяло выключна вялікую і каштоўную працу па аднаўленні тэатра ў час Вялікай Айчыннай вайны і выпуску яго першага спектакля» [...]. — Начальнік Упраўлення па справах мастацтваў СНК БССР П. Пестрак»\*.

Спектакль «Гейша» ішоў у тэатры «Эрмітаж», клубах заводаў і іншых арэндуемых маскоўскіх пляцоўках. Да канца 1944 г. адбыліся 63 яго паказы.

Паралельна з класічнай аперэтай «Гейша» пачалася рэжысёрская распрацоўка нацыянальнага музычнага спектакля А. К. Клумава на лібрэта У. І. Няфёда\*\* «44-ы дзень». Напачатку планаваны спектакль гэтых жа аўтараў пад назвай «Жаніцьба Фрыца» ці «Прыгоды Фрыца» па нейкіх прычынах быў адхілены. Але і твор «44-ы дзень» патрабаваў вялікіх дапрацовак на

\* БДАМЛІМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 26. — Арк. 47.

\*\* Уладзімір Іванавіч Няфёд (1916—1999), беларускі тэатразнавец, педагог, пісьменнік. Заслужаны дзеяч мастацтваў БССР. Заснавальнік беларускай тэатразнаўчай школы.

ўзроўні аўтарскай музыкі і тэксту, а ў тэатры пакуль што адсутнічаў мужчынскі хор, які прадугледжваўся лібрэта. Нечаканая смерць 5 верасня 1944 г. кампазітара і загадчыка музычнай часткі тэатра А. К. Клумава спыніла працу над спектаклем. Да таго ж сваякі А. Клумава паведамлілі, што згублены ўвесь музычны матэрыял гэтай аперэты, і працу давялося згарнуць\*. Узамен УКМ рэкамендаваў тэатру савецкую аперэту М. Старакадомскага\*\* на лібрэта В. Я. Ціпота\*\*\* «Тры сустрэчы». Спектакль быў пастаўлены і прыняты камісіяй, а першы паказ адбыўся 31 снежня 1944 г.

За першы год сваёй дзейнасці тэатр выпусціў тры пастаноўкі, што было добрым пачаткам у тых складаных умовах. У складзе трупы вядучае месца занялі ўжо вядомыя артысты: З. Я. Грасава, Е. М. Папко, Г. П. Гераскін і маладыя — І. П. Сайкоў, С. Я. Рэбрыкава, А. М. Набатава, Л. Я. Качароў, І. І. Тэр'які і інш. Натхнёны поспехамі першых спектакляў, калектыў тэатра ў 1945 г. плануе выпусціць ужо чатыры пастаноўкі: «Марыэтту» кампазітара Вальтара Колла, балетную сюіту — вакальны канцэрт «Чатыры памылкі», «Бярдэру» кампазітара Імрэ Кальмана і адну савецкую аперэту беларускай тэматыкі. Трэба сказаць, што выбар рэпертуару быў абмежаваны, таму што тэатр не меў права дубліраваць пастаноўкі маскоўскіх тэатраў.

14 кастрычніка 1944 г. быў зацверджаны гастрольны расклад тэатра на снежань 1944 г. — студзень 1945 г. у гарадах Беларусі: у Мінску ў памяшканні Акруговага дома Чырвонай Арміі, у Гродна ў памяшканні Гарадскога тэатра. У рэпертуар на час гастроляў былі ўключаны спектаклі «Гейша», музычная казка «Іван ды Мар'я», «Спектакль-канцэрт».

Але матэрыяльныя цяжкасці не дазволілі і ў 1945 г. ажыццявіць задуманае. Знаходзячыся ў Маскве ва ўмовах амаль бесперапынных пераездаў з аднаго памяшкання ў другое і чакаючы вяртання ў Беларусь, кіраўніцтва тэатра было пазбаўлена магчымасці і сродкаў ствараць уласныя вытворчыя цэхі, а праца на пляцоўках з малой колькасцю глядзельных месцаў рабіла спектаклі стратнымі. Тэатр знаходзіўся ў надзвычай цяжкім фінансавым стане: меў вялікія даўгі па арэндзе памяшканняў, па дзяржаўных падатках і зборах, па аўтарскім і музычным фондах, сацстраху і нават па зарплате ўласнаму калектыву. У 1945 г. удалося падрыхтаваць толькі дзве пастаноўкі: «Марыэтта» і «Вяселле ў Малінаўцы» кампазітара Б. Аляксандрава. Прэм'еры гэтых дзвюх пастановак адбыліся з вялікім спазненнем ад планаванага: «Марыэтта» — 12 мая 1945 г., «Вяселле ў Малінаўцы» — 25 снежня 1945 г. Рыхтаваліся ў гэты год,

\* Клавір і некалькі партый аперэты ўсё ж захаваліся. У 1962 г. сястрой кампазітара В. К. Клумавай былі перададзены ў складзе яго асабістага архіўнага фонду ў ЦДАЛМ (БДАМЛМ). — Ф. 29. — Воп. 1. — Адз. зах. 2—7.

\*\* Міхаіл Леанідавіч Старакадомскі (1901—1954), савецкі кампазітар, арганіст і педагог.

\*\*\* Віктар Якаўлевіч Ціпот (сапр. Гінзбург; 1893—1960), савецкі тэатральны дзеяч, драматург, рэжысёр, публіцыст, пісьменнік.

але так і не былі завершаны спектаклі «Баядэра» і «Чатыры памылкі». У дакументах архіўнага фонду тэатра сустрэлася тлумачэнне прычын гэтаму, акрамя матэрыяльных і фінансавых цяжкасцей. На падставе Указа Вярхоўнага Савета і СНК БССР «Аб прадстаўленні рабочым і служачым адпачынкаў» у кастрычніку 1945 г., упершыню за ўсе ваенныя гады, калектыў тэатра атрымаў працоўны адпачынак, што незапланавана спыніла працу амаль на месяц.

Але былі і добрыя вынікі. У 1945 г. мастацкім кіраўніцтвам тэатра была праведзена вялікая праца па рэфармаванні выканаўчага калектыву. Былі створаны два поўныя склады па ўсіх спектаклях, што забяспечыла арганізацыю паказаў без адмен і замен. Для арганізацыі перыферыйных спектакляў была ўведзена дадатковая пасада адміністратара, на якую 10 сакавіка 1945 г. быў прыняты па дагавору Восіп Мееравіч Генесін-Юр'еў. Яго заробная плата цалкам залежала ад колькасці гастрольных паказаў. Па лініі ваенна-шэфскай працы калектыў тэатра ў 1945 г. даў 134 канцэрты і спектаклі ў вайсковых часцях і шпіталях.

1946 г. прынёс мала змен у жыццё тэатра. Пераезд на пастаянную базу ў Беларусь адкладваўся. Выявілася, што ўвесь 1946 г. база тэатра застанецца ў Маскве. Гэты год характарызуецца яшчэ і небывалай цяжучасцю кадраў. Ведаючы пра хуткі пераезд у Мінск, работнікі тэатра з маскоўскай прапіскай, у тым ліку і многія з творчага складу, а таксама былыя актёры і музыканты перыферыйных расійскіх тэатраў, пачалі масава звальняцца. Перад кіраўніцтвам тэатра зноў паўстала задача фарміравання калектываў як творчых, так і тэхнічных. І тым не менш тэатр працаваў і за ўвесь 1946 г. выпусціў тры спектаклі: «Баядэра» — прэм'ера адбылася 9 мая, «Каламбіна» А. Рабава — прэм'ера адбылася 22 кастрычніка, «Дзяўчына з Барселоны» Б. Аляксандрава — прэм'ера адбылася 31 кастрычніка.

Адценку спектаклю «Баядэра», як самаму паспяховаму, даў у спецыяльным распараджэнні ад 19 чэрвеня 1946 г. начальнік аддзела тэатраў Упраўлення па справах мастацтваў пры СМ БССР У. Няфёд: *«Спектакль «Баядэра» па сваіх мастацкіх якасцях значна пераўзыходзіць папярэднія спектаклі тэатра і сведчыць пра яго рост. Задачы, пастаўленыя перад тэатрам пры яго арганізацыі планамерна ажыццяўляюцца, што відавочна па працы, праведзенай над «Баядэрай». Жадаю тэатру далейшых творчых поспехаў і выказваю ўдзячнасць»\**.

Адпаведна пастанове ЦК ВКП(б) ад 26.08.1946 г. і загада Камітэта па справах мастацтваў пры СМ СССР ад 11.09.1946 г. «О репертуаре театров и мерах по его улучшению» Галоўрэперткамам былі забаронены два спектаклі Дзяржаўнага тэатра музкамедыі БССР: «Марыэтта», які пратрымаўся ўсяго год, і «Тры сустрэчы», пастаўлены ў 1944 г. Затое Галоўрэперткам дазволіў

\* БДАМЛІМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 26. — Арк. 54.

пачаць працу над пастаноўкамі «Дзявочы перапалох» Ю. Мілюціна, «Вясёлая ўдава» Ф. Легара і «Кірмаш нявест» В. Якабі, якія рыхтаваліся да прэм'еры ў 1947 г.

Летам 1946 г. змянілася кіраўніцтва тэатра. Па ўласнай просьбе з 1 жніўня быў вызвалены з пасады дырэктара Г. П. Гераскін, з 25 ліпеня — мастацкі кіраўнік В. Г. Зак. Загадам Упраўлення па справах мастацтваў пры СМ БССР ад 17.07.1946 г. дырэктарам тэатра быў прызначаны Б. П. Парамонаў, а галоўным рэжысёрам з 25.07.1946 г. — М. Г. Мінаеў. Галоўны рэжысёр Камерніцкі пакінуў тэатр яшчэ 1 студзеня 1946 г. У гэты ж дзень былі звольнены з працы і галоўны балетмайстар Курылаў, і яшчэ дзевяць супрацоўнікаў. 21 жніўня 1946 г. было аб'яўлена скарачэнне штатнага складу тэатра — са 190 адзінак да 126\*.

Зраблю невялікае адступленне. Г. П. Гераскін, насамрэч, быў вызвалены з пасады па патрабаванні Усесаюзнага камітэта па справах мастацтваў пры СМ СССР. Амаль разам з ім, называючы ў сваіх заявах самыя розныя прычыны, звольнілася цэлая група акцёраў. Усе яны вельмі хутка ўвайшлі ў склад ансамбля аперэты, створанага пад кіраўніцтвам Г. П. Гераскіна з базай у Гомелі: з 30 артыстаў ансамбля 18 — былыя супрацоўнікі тэатра музыкамедыі. Ансамбль пратрымаўся год. У жніўні 1947 г. Г. П. Гераскін з групай артыстаў папрасіўся назад у тэатр. 14 жніўня начальнік Упраўлення па справах мастацтваў пры СМ БССР П. В. Лютаровіч\*\* выдаў загад, якім абавязваў дырэктара Б. Парамонава неадкладна прыняць удзельнікаў ансамбля ў трупы тэатра. Але калектыў тэатра выказаў рэзкі пратэст, успомніўшы і пра сапраўдныя прычыны звальнення Г. П. Гераскіна, і пра здраду падчас пераезду ў Беларусь (група звольнілася, не зважаючы на ўгаворы сваіх калег не зрываць рэпертуар), і пра кампраметуючыя ўчынкі некаторых акцёраў ансамбля і інш. Г. П. Гераскін, падаўшы просьбу аб вяртанні і атрымаўшы ўспомнены загад П. Лютаровіча, маёмасць ансамбля з Гомеля адправіў не на адрас новай базы тэатра, а ў Маскву. На імя П. В. Лютаровіча была паслана дакладная запіска за подпісам дырэктара Б. Парамонава, у якой пераканаўча патрабавалася адмяніць загад. У гэтым калектыў тэатра падтрымаў прэзідыум БРК Саюза работнікаў мастацтваў, які таксама выказаў меркаванне аб недапушчальнасці вывазу маёмасці ансамбля.

У пачатку верасня 1946 г. калектыў тэатра пачаў рыхтавацца да гастролі ў БССР, у г. Бабруйск. Гастролі — прычына афіцыйная, на самой справе ўсе добра ведалі, што ў Маскву калектыў тэатра больш не вернецца. Частка калектыву ўспрыняла гэта як належнае, як доўгачаканую магчымасць вярнуцца дадому, але большая частка падала заяву на звальненне. На гастролі ў Бабруйск тэатр выехаў 23 верасня 1946 г. у далёка не поўным складзе.

\* БДАМЛІМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 25. — Арк. 1.

\*\* Павел Вікенцьевіч Лютаровіч (1907—1973), дзяржаўны дзеяч, гісторык. З 1969 г. працаваў у Галоўным архіўным упраўленні пры СМ БССР.

Многія артысты рабілі захады звольніцца, і звальняліся і па прыездзе тэатра ў Бабруйск. Як прыклад, заява артысткі хора А. В. Сыравацкай ад 15.10.1946 г.: «Знаходжуся ў вельмі цяжкім становішчы ў цяпершніх гастроях. Не маю ні матэрыяльнай, ні маральнай глебы. Выйсця з гэтага становішча не знаходжу, як толькі вярнуцца назад у Маскву. Мне здаецца, што маючы музычна-драматычную адукацыю, я магла бы быць карыснай тэатру ў некаторых ролях, але іх атрымаць, відавочна, вельмі цяжка, ды і паўсядзённы клопат аб тым, як сёння праіснаваць дзень, не дае мне працаваць над сабой, адсюль выйсце адно — вярнуцца ў Маскву, у чым і прашу дырэкцыю мне дапамагчы». Прыпіска: «Засталася працаваць да канца»\*.

«Бабруйскія гастролі» праходзілі толькі на адной пляцоўцы горада, як выявілася — не на самай даступнай для шырокага кола гараджан, што ўплывала на даходную частку гаспадарчай дзейнасці. У лісце кіраўніцтва тэатра на імя П. В. Лютаровіча ад 17.05.1947 аб дадатковым фінансаванні ўказваецца адна з прычын невыканання плана больш чым на 80%: «Спектаклі тэатра, якія ідуць у Доме афіцэраў, наведваюць выключна афіцэры і іх сем'і, так як грамадзянскае насельніцтва доступу ў памяшканне Дома афіцэраў амаль не мае. У горадзе Бабруйску няма свабоднай глядацкай пляцоўкі»\*\*. Гэтым жа днём Савет Міністраў БССР выдаў распараджэнне «з 1 чэрвеня «стацыянарнаваць» тэатр у г. Бабруйску ў памяшканні Гарадскога тэатра»\*\*\*. У хуткім часе сталі абмяркоўваць пытанне аб пераводзе тэатра музкамедыі БССР на сталую базу ў Брэст. На гэта была ўжо дадзена згода гаркамам партыі і гарвыканкамам Брэста. Але 6 верасня 1947 г. СМ БССР прыняў пастанову «Аб зменах сеткі абласных тэатраў Беларускай ССР на 1947 г.», дзе было сказана: «У сувязі з пераездам Дзяржаўнага рускага драматычнага тэатра БССР з г. Гродна ў г. Мінск і вяртаннем у Беларусь Дзяржаўнага тэатра музычнай камедыі, перавесці Бабруйскі абласны драматычны тэатр з г. Бабруйска ў г. Гродна, замацаваўшы за ім будынак Гарадскога тэатра. Устанавіць пастаянную базу Дзяржаўнага тэатра музычнай камедыі БССР у г. Бабруйску»\*\*\*\*.

У жніўні 1947 г. тэатр выехаў на гастролі ў Віцебск. Спектаклі ставіліся ў памяшканні Дзяржаўнага тэатра імя Я. Коласа. Паказвалі ўвесь свой тагачасны рэпертуар: «Блакiтнyю мазуркy» Ф. Легара, «Вяселле ў Малінаўцы», «Каламбiну», «Баядэру», «Халопкy» М. Стрэльнікава і новую аперэту І. Дунаеўскага «Вольны вецер». У гэты час узначальваў тэатр майстар аперэты і мастакі кіраўнік Дз. Джусто\*\*\*\*\*, музычным кіраўніком тэатра быў Ю. Бяль-

\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 7. — Арк. 124.

\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 57. — Арк. 84.

\*\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 35. — Арк. 143—144.

\*\*\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 35. — Арк. 148.

\*\*\*\*\* Дзмітрый Фаўставіч Джусто (сапр. Ціхаміраў; 1895—1985), артыст аперэты, рэжысёр.

зацкі\*, танцы ставіў заслужаны артыст БССР С. Дрэчын\*\*. Упершыню ў 1947 г. была паказана аперэта на музыку ўкраінскага кампазітара Б. Крыжаноўскага «З-за гары каменнай»\*\*\*, прысвечаная ўз'яднанню Закарпацця з Савецкай Украінай. Да 30-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі тэатр задумаў пастаноўку аперэты беларускага кампазітара М. Чуркіна «Залатая маладосць»\*\*\*\*. Яго ж «Песня Беразіны» павінна была стаць яшчэ адным узорам беларускай аперэты. Лібрэта да яе напісалі К. Цітоў і В. Барысевіч. Пастаноўку ўзяў на сябе мастацкі кіраўнік тэатра Дз. Джусто, мастацкае афармленне было даручана А. П. Марыксу\*\*\*\*\*. Прэм'ера была прызначана на 06.11.1947 г. Камісія па прыёмцы спектакля 25.12.1947 г. адзначала: «Музычная камедыя К. Цітова і В. Барысевіч «Песня Беразіны» першая з аперэт беларускіх аўтараў-лібрэтыстаў на сучасную тэму, якая адлюстроўвае жыццё калгаснай вёскі ў нашы дні... У перыяд адсутнасці аперэтычнага нацыянальнага жанра ў Беларусі, музыкамедыя «Песня Беразіны», нягледзячы на шэраг істотных недахопаў, з'яўляецца прыемнай з'явай у тэатральным жыцці беларускага народа, паказвае сапраўдны росквіт матэрыяльнага дабрабыту ў пасляваенны, аднаўляльны перыяд у вёсцы і ў паказе іншым народам уяўляе вялікую этнаграфічную цікавасць сапраўды нацыянальнымі маляўнічымі касцюмамі, глыбокай народнай лірыкай і цудоўнымі беларускімі танцамі»\*\*\*\*\*.

Рэпертуарным планам тэатра на 1948 г. меркавалася паставіць спектаклі «Вольны вецер» І. Дунаеўскага, «Таёжны салавей» Ю. Мілюціна, «Ружа вятроў» Б. Макраусава, «Карневільскія званы» Робера Планкета, «Сільва» І. Кальмана, спектакль для юнага глядача. Наступнай беларускай аперэтай прапаноўвалася «Несцерка» кампазітара І. Любана на лібрэта В. Вольскага.

25 студзеня 1948 г. тэатр выпусціў спектакль «Вольны вецер» на музыку І. Дунаеўскага. Паставіў спектакль М. Г. Панфілаў\*\*\*\*\*. Меркавалася, што ў пачатку лютага пачнецца праца над пастаноўкай «Сільвы» І. Кальмана. Была нават створана пастановачная група, у якую ўвайшлі М. Г. Панфілаў (рэжысёр-пастаноўшчык), Ю. Бяльзацкі (дырыжор), Н. І. Казіміраў (балетмайстар), Г. Я. Карастылёў (мастак). Але названы спектакль быў заду-

\* Юрый Давыдавіч Бяльзацкі (1909—1963), беларускі кампазітар, дырыжор, піяніст.

\*\* Сямён Уладзіміравіч Дрэчын (1915—1993), беларускі артыст балета і балетмайстар.

\*\*\* Багдан Уладзіміравіч Крыжаноўскі (1894—1955), кампазітар, заслужаны артыст УССР.

\*\*\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 35. — Арк. 7—8.

\*\*\*\*\* Аскар Пятровіч Марыкс (1890—1976), беларускі мастак тэатра, графік, педагог. Народны мастак Беларусі.

\*\*\*\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 35. — Арк. 166.

\*\*\*\*\* Мікалай Георгіевіч Панфілаў (1909 — ?), рэжысёр, тэатральны дзеяч.

маны насуперак рэкамендацыям Камітэта па справах мастацтваў. За некалькі дзён да пачатку працы над «Сільвай», прадбачачы многія праблемы, звязаныя з гэтай пастаноўкай, М. Панфілаў звярнуўся да кіраўніцтва з запіскай: *«Спектакль «Сільва» павінен аднасіці па наступных прычынах: Камітэт па справах мастацтваў не ўхваляе і не ўводзіць у рэпертуар нашага тэатра спектакль «Сільва». Калі ставіць «Сільву», то гэты спектакль павінен быць «вялікім палатным» і «цэльным» спектаклем. Для тэатра «канспіратыўны» выпуск дадзенага спектакля ад Камітэта і нават ад ЦК партыі БССР, для мяне, як пастаноўшчыка, не з'яўляецца паказам сваёй творчай працы. Акрамя гэтага, я толькі што здаў спектакль «Вольны вецер» і наступная чарговая праца павінна належыць іншаму. Я ж згодна плану сумесна з прадстаўнікам Камітэта і мастацкім кіраўніком павінен пачаць працу над выпускам спектакля да 15.03.1948 г. «Адзінаццаць невядомых» (ці якога іншага), таму да рэпетыцый «Сільвы» я не прыступаю»\**. «Сільва» ў планах тэатра з'явілася яшчэ ў першай палове 1947 г., а Упраўленнем па справах мастацтваў нават была зацверджана дата выпуску — 20 ліпеня 1947 г.\*\* Рэжысёрам-пастаноўшчыкам у той час быў прызначаны Дз. Джусто. Але пастаноўка адкладвалася, як бачым, не адзіны раз і так і не была ажыццёўлена.

З кастрычніка 1947 г. да сакавіка 1948 г. тэатр знаходзіўся ў памяшканні былога Бабруйскага гарадскога тэатра, які адначасова рамантаваўся. Але сродкаў не хапала, рамонт зацягваўся, і гэта моцна ўплывала на творчыя і эканамічныя вынікі дзейнасці тэатра. У канцы сакавіка 1948 г. было прынята рашэнне аб скарачэнні штатаў на 81 адзінку, а 6 красавіка 1948 г. урад БССР прыняў рашэнне аб пераводзе Дзяржаўнага тэатра музычнай камедыі БССР у статус перасоўнага тэатра без базы. 24 сакавіка 1948 г. тэатр адправіўся ў свае апошнія доўгатэрміновыя гастролі па гарадах Беларусі і суседніх рэспублік. За год калектыў тэатра ажыццявіў больш за 10 пераездаў. Але і гэта мала што змяніла ў эканамічным стане тэатра. Ён па-ранейшаму не мог выконваць план па прыбытках. За год з 8 запланаваных пастановак было ажыццёўлена толькі 4. Задуманыя спектаклі «Роз-Мары», «Беспакойнае шчасце», «Лютучая мыш», «Адзінаццаць невядомых» так і не былі пастаўлены.

Усю маёмасць, увесь калектыў з сем'ямі тэатр вымушаны быў перавозіць з горада ў горад пры вельмі складаных матэрыяльных умовах. За ўвесь час свайго існавання ў статусе перасоўнага тэатр працаваў у Маскве, Мінску, Ялце, Смаленску, Оршы, Вільнюсе, Мурманску, Брэсце, Бабруйску, Пінску, Віцебску, Мазыры, Гомелі, Прылуках, Нежыне і некаторых іншых гарадах. Працаўнікам тэатра жылося вельмі цяжка, спектаклі ставіліся ў неверагодна цяжкіх умовах. Вельмі ярка гэта адлюстроўвае заява мастацкага кіраўніка тэатра М. Панфілава ад 31.08.1948 г.: *«Мной у вельмі цяжкіх умовах за 8 месяцаў маёй працы пастаўлена 6 спектакляў. У дадзены момант я адмаўляюся*

\* БДАМЛІМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 35. — Арк. 299.

\*\* БДАМЛІМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 35. — Арк. 107.

ад выпуску наступнай пастаноўкі па наступных прычынах: 1) Умовы, у якія трапіў тэатр, не дазваляюць выпусціць якаснай пастаноўкі; 2) Мае сілы, здароўе не дазваляюць мне працягваць такую вялікую нагрузку, бесперапыннай творчай працы (яна будзе недабраякаснай); 3) Затрымка зарплаты ўплывае на маё здароўе і не дазваляе мне па-сапраўднаму жыць і працаваць»\*.

Адпаведна пастановы Урада БССР, з 7 жніўня 1948 г. тэатр быў пераведзены на поўную самаакупнасць. Гэта крыху стымулявала дзейнасць і, як адзначаюць дакументы, была праведзена значна большая колькасць спектакляў, якія паглядзела значна большая колькасць глядачоў у адносінах да 1947 г. Але 17 верасня 1948 г. «з мэтай памяншэння выдаткаў» быў скарачаны аб'ём работ, што аўтаматычна прывяло да скарачэння штатнай колькасці: 14 адзінак творчага складу і 22 — тэхнічнага. Яшчэ ў красавіку таго ж года ў тэатры ўпершыню за пасляваенныя гады была распачата шырокая праверка яго фінансава-гаспадарчай дзейнасці. Высновы яе былі ва многім прадказальнымі. Кіраўніцтву тэатра давялося пісаць безліч тлумачальных запісак і даказваць супрацьлеглае таму, што было пастаўлена ў віну: бескантрольная трата дзяржаўных сродкаў без уліку мэтазгоднасці выдаткаў, невыкананне відаў эканоміі, пераплаты заробкаў, бяздзейнасць па ліквідацыі страт і многае іншае. Як прыклад, адзін з «эпізодаў» акта, які нельга чытаць без спачування кіраўнікам тэатра: «*Пры наяўнасці ў горадзе майстэрні па афарбоўцы матэрыі ў арцелі «Бытавік» тэатрам былі здадзены прыватным асобам набываць 15 парашутаў — 600 кв. м. Распорка, мьціцё, афарбоўка абышлася тэатру ў 11,4 тыс. руб. Па расцэнках арцелі кошт павінен быў скласці 3,3 тыс. руб.»\*\*.* На гэтую прэтэнзію дырэктар тлумачыў: «*Для афармлення новых пастановак тэатр атрымаў 15 шоўкавых парашутаў, нафарбаваных у маскіровачныя колеры. Была заключана дамова з брыгадай Окунева—Вадавозава на апрацоўку гэтых парашутаў: зрабіць распорку парашутаў на асобныя кліны, тры разы пракіяціць і прамыць з прымяненнем хімічных раствораў для зняцця фарбы. Усе 600 метраў шоўку нафарбаваць 2 разы ў патрэбныя колеры, напасаваць і г. д. Ніводная майстэрня не бралася за гэту працу»\*\*\*.*

11 студзеня 1949 г. быў выдадзены загад № 5 Упраўлення па справах мастацтваў пры СМ БССР наступнага зместу: «*За дапушчаную безгаспадарлівасць і развал работы тэатра музычнай камедыі БССР, за незаконныя выдаткі дзяржаўных сродкаў, у выніку чаго тэатр па стану на 1-ае кастрычніка 1948 г. мае буйныя звышпланавыя ўбыткі і крэдытарскую запазычанасць у суме 1062 тыс. руб., а таксама за адсутнасць кантролю за фінансавым станам тэатра, за патуральніцтва ў незаконным выдаткаванні дзяржаўных сродкаў і не прыняцце мер да ліквідацыі дэбітарскай запазычанасці і*

\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 7. — Арк. 253.

\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 50. — Арк. 82—83.

\*\*\* БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 50. — Арк. 123—124.



*запавычанасці па падсправаздачных сумах, дырэктара тэатра Парамонава Б. П., намесніка дырэктара тэатра Бараду Л. Г. і старшага бухгалтара тэатра Шлапака І. С. з работы зняць... Матэрыялы праверкі (акты, рэвізіі і высновы камісіі) перадаць следчым органам...»\*.*

12 студзеня 1949 г. новым дырэктарам тэатра быў прызначаны В. К. Пятроўскі. А 1 сакавіка 1949 г., у адпаведнасці з загадам № 29 Упраўлення па справах мастацтваў пры СМ БССР, тэатр Музычнай камедыі БССР быў расфарміраваны, маёмасць перададзена тэатру Ленінскага камсамола ў Брэсце. Апошнім горадам, дзе гастралюваў тэатр, быў г. Нежын ва Украіне.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 09.10.2020*

---

\*БДАМЛМ. — Ф. 306. — Воп. 1. — Адз. зах. 46. — Арк. 111, 113.

**М. Ф. Шумейко,**  
ведущий научный сотрудник  
Белорусского научно-исследовательского института  
документоведения и архивного дела,  
кандидат исторических наук;  
e-mail: jesti@inbox.ru

### **ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ БЫВШИХ ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ\***

Анализ археографической продукции архивных учреждений Республики Беларусь последних лет свидетельствует, что значительная ее часть основывается на источниках, до конца 1991 г. не входивших в состав Национального архивного фонда страны. Речь идет о документах бывших архивов Компартии Беларуси, составлявших белорусский сегмент параллельно сосуществовавшего с ГАФ СССР Архивного фонда КПСС, положение о котором было утверждено постановлением Секретариата ЦК КПСС 28 декабря 1966 г. Как известно, после августовских событий 1991 г. и принятия Верховным советом Республики Беларусь решения о приостановлении на территории республики деятельности КПСС-КПБ постановлением Совета Министров республики от 27 декабря 1991 г. архивы КПБ, представлявшие собой Центральный партийный архив (с включенным в него архивом Минского обкома КПБ) и архивы Брестского, Витебского, Гомельского, Гродненского и Могилевского обкомов КПБ, были переданы в ведение Государственной архивной службы. В них на то время находилось более 2, 7 млн дел, объединенных в 16 тыс. архивных фондов. Ядро данного архивного комплекса составляли документы бывшего ЦПА КПБ, с 1996 г. (после неудачного его объединения в 1992 г. с ЦГИА Беларуси) входившие в НАРБ. Важным дополнением стали реорганизованные в сентябре 1996 г. в государственные архивы общественных объединений, существовавшие с 1992 г. как филиалы государственных архивов Гомельской, Гродненской и Могилевской областей, созданные на основе архивов обкомов КПБ этих областей; а также интегрированные в состав государственных архивов Брестской, Витебской и Минской областей фонды бывших партийных архивов этих областей.

Как отмечалось в предисловии к первой части изданного в 1997 г. краткого справочника в двух частях на фонды бывших архивов КПБ: *«Архивы Коммунистической партии Белоруссии были малодоступны исследователям. Их научно-справочный аппарат не в полной мере раскрывал состав и содержание хранившихся документов. Не имелось опубликованных путеводителей или справочников»* [19, с. 6; здесь и далее выделено мною. — М. Ш.].

---

\* В основе статьи доклад на XIX архивных чтениях, состоявшихся в БГАМЛИ 4 октября 2019 г.

Все это соответствовало действительности, однако это была лишь малая часть проблем, с которыми пришлось столкнуться белорусским архивистам, прежде чем интегрированный в состав Национального архивного фонда республики «партийный архивный комплекс» начал использоваться активнее, нежели в прошлом, в том числе и в форме подготовки археографических публикаций.

Далее мы не станем говорить о той поистине колоссальной работе, проведенной архивистами НАРБ и всех областных государственных архивов (архивов общественных объединений) по созданию объединенных архивных фондов, переработке и уточнению фондовой принадлежности многих комплексов бывших партийных архивов, усовершенствованию описей, зачастую носивших примитивный инвентарный характер и т. п. Об этом идет речь в многочисленных статьях тех, кто занимался в прошлом (А. В. Воробьев, В. Д. Селеменев, Г. Н. Лихтенштейн, Ю. И. Анейчик и др.) [4; 5; 19] и ныне продолжает заниматься подобной работой (Т. В. Бувевич, Ж. А. Лиходиевская, Е. А. Макаренко Г. И. Плавская и др.) [2; 3; 12]. Наша задача заключается в том, чтобы попытаться обратить внимание участников сегодняшних «архивных чтений», а через них и всех, занимающихся археографической деятельностью, на те сложные вопросы, которые неизбежно возникают перед археографами, работающими с документами бывших партийных архивов, начиная с особенностей их выявления и до передачи текстов и составления к ним научно-справочного аппарата. При этом мы опирались на подготовленные и изданные в 2017 г. методические рекомендации по публикации документов КПБ/КПСС [21], предполагая, что их содержание по объективным причинам (прежде всего, из-за малотиражности) не стало достоянием практиков-археографов, работающих в государственных архивах страны.

Документы КПБ/КПСС, как бы к ним ни относиться, занимают важное место в посвященных истории XX в. исследованиях, равно как и в сопровождающих их археографических публикациях. Речь, разумеется, не идет о канувшей в Лету ВАКовской специальности 01 «История КПСС»; имеются в виду исследования не подверженных идеологической и политической конъюнктуре историков, а также документальные публикации их коллег-археографов, честно занимавшихся своим трудом и оказавшихся выше своего времени, порой даже не очень заботясь об этом [подр. об этом см.: 20, с. 204].

Не будет преувеличением утверждение о том, что почти в любой, изданной в Беларуси публикации документов XX в. вне зависимости от ее вида и формы, присутствуют источники, связанные своим происхождением с органами, организациями и учреждениями КПБ/КПСС. Порой эти документы составляют подавляющее большинство в данных публикациях. Сошлемся в качестве примера на только что увидевший свет, подготовленный НАРБ совместно с ЦА КГБ Республики Беларусь, тематический сборник документов и материалов о действиях республиканского НКВД в Западной Беларуси в сентябре—декабре 1939 г., в котором из 87 включенных в издание докумен-

тов — 60 выявлено в фонде ЦК КП(б)Б [14]; или предшествовавший ему сборник документов одного вида, подготовленный НАРБ, в котором все включенные в издание оперативные сводки взяты исключительно из хранящегося в НАРБ фонда БШПД [15]. Подобная ситуация имела место и в прошлом.

Так, информируя в 1962 г. секретаря ЦК КПБ В. Ф. Шауро о ведущейся Архивным управлением Беларуси совместно с академическим Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора работе над сборником документов «Искусство Советской Белоруссии», зам. директора Института истории партии по партийному архиву С. З. Почанин подчеркивал, «*что такой сборник без партийных документов в полной мере не отразит историческую действительность*». С учетом данного обстоятельства руководитель центрального партийного архива Беларуси считал целесообразным включить в подготавливаемый сборник наряду с документами отдела пропаганды и агитации ЦК КПБ ранее не публиковавшиеся отдельные постановления бюро и секретариата ЦК КПБ и просил секретаря ЦК дать на это согласие, гарантируя при этом их «*политическую благонадежность*» («с политической точки зрения они могут быть опубликованы») [13, л. 31—32].

Переходя далее к раскрытию особенностей использования документов бывших партийных архивов, докладчик сталкивается с необходимостью ответить на вопрос: «а есть ли они, эти самые особенности?» И ответ будет скорее всего отрицательным и с точки зрения источниковедческой, документоведческой, архивоведческой, историографической и, наконец, археографической. Документы партийных органов, организаций и учреждений представляют собой точно такие же источники, как и документы органов государственной власти и управления, требуя к себе точно такого же отношения в плане проведения источниковедческой критики. Ранее существовавшее искусственное их выделение в самостоятельный раздел представляет собой не более чем идеологическую уловку, целью которой являлось выведение их из-под ложно понимаемой историками «первой» специальности источниковедческой критики.

Не существует, на наш взгляд, также принципиальных различий между системами партийного и государственного делопроизводства, равно как и последующей организацией архивного хранения созданных в этих системах документов. Правда, партийное делопроизводство в отличие от государственного, не знало такого видового многообразия документов. Отметим также, что работники бывших партийных архивов порой достаточно вольно подходили к решению вопросов фондирования. Наглядным примером здесь может служить обилие созданных в 1960—1980-е гг. в партархиве республиканского Института истории партии малочисленных «фондов» (правильнее было бы говорить о «коллекциях») подпольных партийных, комсомольских, антифашистских организаций и групп, что вызвало впоследствии необходимость

сведения их в объединенные архивные фонды (правильнее опять же было бы их именовать коллекциями), распределенные с учетом географического принципа.

Исходя из вышеизложенного, следует, вероятно, говорить не об особенностях, а о своеобразии использования документов, ранее находившихся в партийных архивах, в процессе их подготовки к публикации. Оно обусловлено как вышеуказанными расхождениями документоведческого характера, так и различиями в составе научно-справочного аппарата, имея в виду кодирование вторичной документной информации на основе схемы, отличной от тех, что применялись в государственных архивах и др.

Однако общее правило для всех исторических источников, подготавливаемых к публикации, включая и те, что ранее находились в партийных архивах, должно быть единым: их надлежит рассматривать исключительно в контексте того окружения, в котором они пребывают (в составе архивных фондов (архивных коллекций)). Взятые вне контекста документы не только исключают или ограничивают возможности продолжения поиска других, аналогичных источников, но даже теряют значительную часть своего информационного потенциала.

Следующее правило, обязательное для всех, выступающих в качестве объекта публикации источников, может быть сведено к тому, что они вначале изучаются, а потом публикуются, а не наоборот.

Вернемся далее к своеобразию в использовании документов, ранее находившихся в партийных архивах, в процессе их подготовки к публикации. На какие вопросы следует, на наш взгляд, обращать внимание при проведении всего цикла действий, именуемых «подготовкой археографических публикаций».

*Во-первых*, археограф должен быть хорошо знаком с системой партийного аппарата, происходивших в разное время его реорганизациях, соподчиненности его различных элементов и самое главное — с организацией документирования его деятельности.

*Во-вторых*, должно быть принято во внимание своеобразие существовавшего до интеграции «партийного архивного комплекса» в НАФ Республики Беларусь научно-справочного аппарата первого. Как выше уже отмечалось, ограниченность доступа широкого круга исследователей к документам КПБ обусловила утилитарный характер НСА, имеющегося в бывших партийных архивах. В основном он был нацелен на поиск и предоставление информации по личному составу по запросам партийных и комсомольских контрольных органов. То же самое имело место и в отношении НСА на комплекс документов о партизанском движении и подполье в годы Великой Отечественной войны: он был направлен на обеспечение ведения справочной работы путем исполнения запросов, подтверждающих участие граждан в партизанском движении и подполье. Начавший разрабатываться с середины 1970-х гг.

систематический каталог, основывавшийся на «Примерной схеме единой классификации документальных материалов партийных архивов филиалов ИМЛ, крайкомов и обкомов партии», затрагивал преимущественно документы, создававшиеся в идеологических отделах (и то не за весь период!) ЦК (ОК, РК) партии. Документы же съездов и конференций КПБ, пленумов, бюро, секретариата ЦК (ОК) представлены в каталоге совершенно глухо и требуют обращения либо к первичной информации, либо к дополнительным элементам НСА (хотя бы к тем же перечням вопросов, рассмотренных на заседаниях бюро и секретариата ЦК (ОК).

*В-третьих*, следует учитывать имевший место в практике работы бывших партийных архивов отход от основополагающего принципа архивоведения — принципа происхождения при распределении ряда архивных фондов. Он был закреплён принятым 2 сентября 1947 г. постановлением ЦК КП(б)Б «Об организации партархивов обкомов КП(б)Б», в соответствии с которым в партархивы обкомов должны были передаваться материалы партийных и комсомольских организаций областей со времени их освобождения от немецко-фашистских оккупантов; что же касается аналогичных документов и материалов довоенного и военного периодов, они подлежали передаче в партархив ЦК КП(б)Б. И если в части, касавшейся довоенного комплекса, положение было исправлено передачей в 1980-е гг. из центрального партархива в областные фонды соответствующих партийных и комсомольских органов, то аналогичные фонды периода войны оставались на хранении в партархиве Института истории партии и с созданием ИАРБ составили в нём особый комплекс. То же самое касается и фондов партизанских формирований, которые, как известно, независимо от региона их действия, хранятся в ИАРБ.

Помимо существующего в архивно-эвристической сфере своеобразия использования документов бывших партийных архивов, работающий с уже выявленными, отобранными и включёнными в состав планируемого сборника документов археограф может столкнуться и с необходимостью решения ряда вопросов текстологического характера. В качестве общеметодологического принципа, помогающего ему определиться с тем, как он будет передавать текст документа (по действующим на момент его публикации нормам языка или с сохранением языковых особенностей, существовавших во время создания документа), могут быть взяты следующие рекомендации, сформулированные академиком Д. С. Лихачевым, о чём шла речь выше: «Сперва изучить историю текста и потом издавать, а не сперва издавать и по этому изданию изучать историю текста произведения» [11, с. 13]. Это мнение авторитетного ученого, одновременно являвшегося и опытным практиком-публикатором, несмотря на его текстологическую направленность, в равной мере может быть распространено и на археографическую сферу, учитывая,

что текстология и археография решают очень близкие, а порой и одинаковые задачи [об этом см.: 18, с. 29—30].

Учитывая, что документирование деятельности органов, организаций и учреждений КПБ велось в основном на двух языках — белорусском и русском — археографу следует иметь представление о происходившем в XX в. реформировании этих языков. Это позволит, с одной стороны, не спешить с исправлением явных с позиций сегодняшнего дня ошибок, встречающихся в документах на белорусском или русском языках, созданных в первой половине XX в., а с другой, сохранить их индивидуальность, особенно в тех случаях, когда речь идет о причастности выдающихся деятелей белорусской культуры к созданию документов. В этой связи заслуживают внимания наблюдения современного российского историка и археографа, академика Н. Н. Покровского, сделанные им в отношении особенностей воспроизведения текста русскоязычных документов XX в. Они в полной мере могут быть распространены и на белорусский язык, претерпевший еще больше, нежели русский, преобразований.

«При определении аутентичности текста публикуемого документа, — пишет ученый, — исследователи подчас сильно злоупотребляют, на наш взгляд, предоставляемой «Правилами издания исторических документов» (1990 г.) возможностью неоговоренной правки орфографии, синтаксиса и т. д. Для источников 1920-х гг. и более поздних исправление дореформенной орфографии лишает исследователя интересной характеристики автора, не придерживающегося новых правил. Исчезает и обычное для некоторых функционеров (особенно карательных органов) сочетание революционного пафоса с неграмотностью. К тому же на протяжении прошлого и нынешнего веков язык и чиновников, и исследователей постепенно менялся и будет меняться впредь, так что уже через несколько десятилетий неоговоренное приведение языка 1920-х гг. к нормам 2000-х годов создаст неясность, что за текст нами все же издавался, каков был его подлинник, аутентичный вид» [16, с. 60—61].

Что касается документов на белорусском языке, то при передаче их текста археограф должен быть еще более внимательным. Как признавал, выступая на XI съезде КП(б)Б (ноябрь 1927 г.), первый секретарь ЦК В. Г. Кнорин, партийному аппарату республики, решая вопросы белорусизации, пришлось бороться с пережитками русификации. «Галоўная цяжкасць, — отмечал он, — тут заключалася ў тым, што асноўныя кадры нашых працаўнікоў прайшлі русіфікатарскую царскую школу, праз яе далучыліся да культуры і тым самым адарваліся ад шырокіх беларускіх мас. Больш таго, уся наша партыйная арганізацыя сваю практычную школу прайшла ў буйных пралетарскіх цэнтрах. Гэта дало вельмі многа станоўчых вынікаў для нашай арганізацыі, гэта выхавала асноўныя кадры нашай арганізацыі, але гэта, аднак, пры ўсіх іншых умовах затрудніла і не дало магчымасці гэтым кадрам выву-

чыць у выстарчальнай меры беларускую мову. Таму многім прыйшлося перавучвацца, нам прыходзілася прымушаць многіх таварышаў звяртацца да роднай беларускай мовы, што патрабуе пэўных намаганняў і часу» [1, с. 130].

Как известно, перевод делопроизводства, включая и партийное, на белорусский язык был обусловлен необходимостью решения одного из важнейших в рамках проведения белорусизации вопросов, а именно, вопроса о белорусском языке. Руководство КП(б)Б потребовало, чтобы белорусским языком наряду с сотрудниками государственных, хозяйственных, профессиональных органов и организаций овладели в первую очередь сами партийные функционеры. В политическом отчете ЦК X съезду КП(б)Б (январь 1927 г.), с которым на *русском языке* выступал первый секретарь ЦК А. И. Криницкий, подчеркивалось: «КП(б)Б должна пройти через изучение белорусского языка и основных предметов белорусоведения, чтобы начать принимать активное участие в работе по культурному строительству — в вопросах белорусской печати, литературы, школы, вести руководство белорусской интеллигенцией» [6, с. 29].

К 1928 г. почти все делопроизводство партийных учреждений было переведено на белорусский язык. Выступавший на упоминавшемся выше XI съезде КП(б)Б с отчетным докладом съезду, уже на белорусском языке, первый секретарь ЦК В. Г. Кнорин, ранее отличавшийся проявлениями крайнего национального нигилизма (здесь будет уместным вспомнить хотя бы его статьи, предшествовавшие образованию БССР), теперь говорил: «Партыйныя кадры... павінны тут паказаць прыклад; партыя павінна патрабаваць ад кожнага дзяржаўнага служачага, каб ён дасканала ведаў і ў сваёй рабоце карыстаўся беларускай мовай» [1, с. 130—133]. Он призвал руководящие кадры партии к полному овладению белорусским языком, ко введению его в повседневный быт и культуру народа. Этой же линии придерживался и его преемник Я. Б. Гамарник.

26 августа 1933 г. Совнарком БССР принял постановление «Об изменениях и упрощении белорусского правописания», напрямую вытекавшее из близившейся к завершению кампании по борьбе с «национал-демократизмом». В постановлении отмечалось, что «нацдемократизм стремился всеми мерами и способами оторвать белорусский литературный язык от языка широких белорусских трудящихся масс, создавал искусственный барьер между белорусским и русским языками и засорял белорусский язык разного рода средневековыми архаизмами и буржуазными вульгаризмами» [17, с. 6].

С целью «решительного изгнания из белорусского правописания национал-демократических влияний и искажений, облегчения широким трудящимся массам усвоения белорусской грамоты» вносился ряд изменений в существовавшее правописание: в частности, исключался мягкий знак между согласными (вместо: *сьвет, сьнег* — *свет, снег*), между удлинёнными согласными (вместо: *насенне, галльё* — *насенне, галлѐ*) и т. д.



Традиционное для белорусского языка общее правило аканья не распространялось на интернациональные революционные слова: *рэвалюцыя, совет, большэвік, комуна, соцыялізм, камунізм, Комінтэрн, пролетарый*. В остальных иностранных словах вместо *о* следовало писать *а*, но сохранять *е* (э) (*прафесар, маналог, тэлеграф*).

Такие слова, как *комуніст, соцыяліст, марксіст* надлежало писать без окончания *ы* и склонять их не как прилагательные (*комуністага, комуністаму*), что имело место до реформы 1933 г., а как существительные (*комуніста, комуністу*).

Вносились изменения и в морфологию: существительные мужского рода в родительном падеже единственного числа предлагалось писать преимущественно с окончаниями *а, я* (*завода, цэха, трактара, інстытута, соцыялізма, універсітэта, правапіса*, но — *жалю, болю, гаю, лесу, краю*). Вводились причастия действительного залога, особенно если они обозначали социальный смысл: *пануючы клас*, а не *пануючая кляса*.

Кроме этой, признанной уже буквально через несколько лет неудачной, реформы, предпринимались и другие попытки изменений в белорусском языке. Значительная их часть носила явно вульгаризаторский характер и опять-таки была обусловлена борьбой с пресловутым «национал-демократизмом». Показательно в этом отношении письмо занявшего в июне 1938 г. должность первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко «О белорусском языке, литературе и писателях», 21 ноября 1938 г. направленное в адрес И. Сталина. Его автор, не пробыв в Беларуси и полгода, брал на себя смелость говорить об особенностях белорусского языка, сознательно, по его мнению, искажавшегося в «националистическом духе», дабы оторвать белорусское правописание от русского. Он приводил примеры «хулиганского», по его мнению, искажения языка (*Эфион, Ниоба* как *Эфіён, Ніёба*); замены в белорусском варианте лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» слово «*соединяйтесь*» словом «*злучайцеся*», что идентично русскому «*случайтесь, случка*». (4 августа 1939 г. сессия Верховного Совета БССР приняла решение писать данный лозунг в следующей редакции: «Пролетаріі ўсіх краін, еднайцеся»). Фантазии Пономаренко, вероятно, не без подсказки доброхотов-вульгаризаторов зашли так далеко, что даже в здравнице на белорусском языке он усмотрел «похабщину»:

«Лозунг «Да здравствуе годувщина Октябрьской революции» на белорусском языке «Няхай жыве гадавіна Кастрычніцкай рэвалюцыі» испохаблен от начала до конца. Белорусы говорят здравствуй, а «няхай» означает «пусть» в смысле пренебрежительного «так и быть». Гадавіна означает гада большого размера. Так и говорят: «Ух, якая гадавіна». Кастрычнік — октябрь. Но кастрица — это не лён, а отбросы от льна» [9, с. 238].

Правда, буквально через год Пономаренко изменит свое отношение к «нацдэмовскому языку». Так, в письме от 25 сентября 1939 г., характеризую-

щем положение в Западной Беларуси после вступления сюда войск Красной Армии, направленной на имя того же адресата, он писал: «Крестьяне говорят на настоящем белорусском языке, причем употребляют много слов, о которых нас здесь уверяли, что они нацдемские, выдуманные. Нацдемы могли выдумать в литературе, а народу привить не могли, тем более западным белорусам» [8, с. 163].

Представляет интерес для археографа совещание по вопросу о поправках и уточнениях в белорусском языке, состоявшееся 28 марта 1940 г. под председательством секретаря ЦК КП(б)Б В. Н. Малина. Оно было инициировано Академией наук БССР, а также газетами «Літаратура і мастацтва» и «Звязда». Материалы совещания свидетельствуют об отношении его участников к реформе 1933 г. (в основном — отрицательном); самостоятельный интерес представляет также и современная публикация стенограммы совещания, на что автор статьи обратил внимание в подготовленных им методических рекомендациях [10, с. 23—57; 21, с. 97—98].

По итогам совещания руководство Академии наук совместно с Институтом литературы и языка направило в высший партийный орган республики письмо со своими предложениями. Суть их сводилась к тому, чтобы не проводить коренной реформы языка, а ограничиться поправками в правописании. Было признано «вредным», что революционные слова (*совет, большэвік, комуна, соцыялізм* и др.) пишутся по принципу иностранных слов; предлагалось подчинить их написание общим правилам правописания (*савет, бальшавік, камуна, сацыялізм* и др.). Предлагалось также правописание имен собственных славянского корня (независимо от национальности их носителя) подчинять правилам написания белорусских слов (*Астроўскі, Чарнышэўскі, Шаўчэнка*) и т. п.

Вторая значительная реформа правописания на белорусском языке имела место в 1950-е гг. На основе принятого Советом Министров БССР 11 мая 1957 г. постановления были узаконены, упрощены и уточнены некоторые правила правописания, сформулированы новые. Результатом реформы стало приближение белорусского языка к русскому, что не только не сняло, но породило еще большие, нежели прежде, проблемы при передаче текстов публикуемых документов. И это заметно при обращении к появившимся в данный период в республике соответствующим документальным изданиям, в которых присутствовали и документы КПБ. Последние, несмотря на свое происхождение еще задолго до реформы, тем не менее, испытали на себе ее влияние (теперь уже со стороны археографов, передававших тексты с учетом реформы правописания 1957 г.).

Реформе 1957 г. предшествовал ряд политических кампаний и обсуждений языковых проблем на разных уровнях, о которых также необходимо знать археографу.

Наиболее важными среди них были развернувшаяся в конце 1940-х — начале 1950-х гг. в СССР «борьба с космополитизмом» (начало ей в Беларуси было положено XIX съездом КП(б)Б, состоявшимся в феврале 1949 г.), а также июньским (1953 г.) Пленумом ЦК КПБ. В рамках языкового сегмента «борьбы с космополитами» атаке подверглись преподаватели филологического факультета БГУ Л. Бараг и И. Матвеевко. Публикация последней статьи «Развіццё беларускай літаратурнай мовы за 30 год БССР» квалифицировалась выступавшими на партийном собрании университета как попытка доказать, что белорусский язык есть ни что иное, как диалект польского [7, с. 1].

Заслуживают внимания материалы июньского (1953) Пленума ЦК КПБ, хотя вопросы правописания на нем специально не обсуждались. Однако важен факт участия и выступления на пленуме Якуба Коласа. Последнее проникнуто беспокойством в связи с имевшим место сужением сферы применения белорусского языка. В выступлении содержался ряд многочисленных примеров существовавшего разнобоя в правописании. Народный поэт говорил о некритическом заимствовании слов из русского языка, чем, по его мнению, особенно грешили работники республиканских и местных газет и что порой приводило к несуразностям и даже глупостям. Он считал целесообразным, подготавливая реформу правописания, собрать и издать областные словари, разработать терминологию по всем областям знаний, переиздать незаслуженно забытый, по его мнению, словарь И. И. Носовича.

Глубоко символично, что последним письмом Якуба Коласа, которое он в день смерти, 13 августа 1956 г., возил в ЦК КПБ для передачи первому секретарю К. Т. Мазурову, стало написанное еще 25 мая 1956 г. послание в адрес бюро ЦК КПБ о проблемах белорусского языка.

Отразилась ли реформа белорусского правописания 1957 г. на создававшихся в 1960—1980-е гг. в делопроизводстве органов, организаций и учреждений КПБ документах на белорусском языке? Разумеется, да, хотя их объем и не был таким значительным в сравнении с 1920-ми годами. Учитывать это археограф, конечно же, обязан, работая с текстами подобных документов.

Что касается научного сопровождения публикуемых документов КПБ/КПСС, то на него в полной мере должны распространяться все те же положения, которые существуют в отношении других документов вне зависимости от их происхождения. С учетом типа, вида и формы готовящегося издания археограф вправе сам определить те элементы НСА, которые необходимы для удовлетворения потребностей пользователя его публикацией. Здесь, на наш взгляд, должен господствовать принцип «золотой середины», не допускающий, с одной стороны, злоупотребления информацией (в предисловии, примечаниях по содержанию, указателях), которая легко доступна в электронных справочных изданиях, а с другой стороны, ее отсутствия или

недостаточности, что может привести к обесцениванию документальной публикации.

В завершение отметим, что документы КПБ/КПСС представляют собой важный исторический источник, выступающий как в качестве объекта исследования, так и объекта археографических публикаций. На них в полной мере должны распространяться все те же приемы и методы, которые применяются в отношении к любым другим историческим источникам, созданным в XX в.

Требуется, на наш взгляд, продолжения и развития начатая в архивах, сохраняющих документы КПБ, работа по усовершенствованию имеющегося здесь научно-справочного аппарата. Целью ее должно стать создание автоматизированных информационно-поисковых систем, позволяющих вести выявление документной информации на уровне конкретного документа, аннотированных справочников по фондам и путеводителей по архивам. Особое внимание должно быть уделено подготовке и изданию в различных формах биографических, неографических (содержащих образцы почерков руководителей КПБ разных лет) справочников, используя при этом фонды партийных и контрольных органов КПБ/КПСС, документы делопроизводства бывших партийных архивов.

Необходимо, продолжая и развивая традиционные формы публикации документов и материалов КПБ/КПСС, в то же время активнее внедрять и новые, с использованием социальных сетей, интернет-порталов, выставок документов на веб-сайтах архивов, привлечением отечественных и зарубежных партнеров.

#### Источники и литература

1. XI з'езд Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі (22—29 лістапада 1927 г.): Стэнагр. справаздача. — Менск, 1928.
2. Буевич, Т. В. Особенности классификации документов в архивах обкомов КПБ (на примере партархива Витебского обкома Коммунистической партии Белоруссии) // БАШ. — Вып. 15. — Мінск: БелНДДАС, 2014.
3. Буевич, Т. В. Особенности формирования архивных фондов областных организаций КПБ (1940—1991) и их интеграция в Национальный архивный фонд Республики Беларусь // БАШ. — Вып. 10. — Мінск: БелНДДАС, 2009.
4. Воробьев, А. В. К вопросу о создании объединенных архивных фондов в Национальном архиве Республики Беларусь // Архивы и делопроизводство. — 2000. — № 3.
5. Воробьев, А. В. Научно-справочный аппарат к документам периода Великой Отечественной войны // БАШ. — Вып. 2. — Мінск: БелНДДАС, 2001.
6. X съезд Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. 3—10 января 1927 г. Стенографический отчет. — Менск, 1927.
7. За сталінскія кадры 1949. № 8(31). 18 сакавіка.
8. Знешняя палітыка Беларусі: Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 3 (1928 — чэрвень 1941 г.) / Склад. У. М. Міхнюк, У. К. Ракашэвіч, Я. С. Фалей, А. В. Шарапа. — Мінск, 2001.

9. Купала і Колас, вы нас гадавалі: дак. і мат.: У 2 кн. — Кн. 1. 1909—1939. / уклад.: В. Дз. Селяменеў, В. У. Скалабан. — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2010.
10. Купала і Колас, вы нас гадавалі: дак. і мат.: У 2 кн. — Кн. 2. 1909—1939. — Ч. 1 / уклад.: В. Дз. Селяменеў, В. У. Скалабан. — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011.
11. Лихачев, Д. С. Текстология: краткий очерк. 2-е изд. — М.: Наука, 2006.
12. Макаренко, Е. А. Интеграция научно-справочного аппарата бывшего Центрального партийного архива (ЦПА) КПБ в информационно-поисковую систему Национального архива Республики Беларусь // БАШ. — Вып. 18. — Мінск: БелНДДАС, 2017.
13. НАРБ. — Ф. 1440. — Оп. 1. — Д. 317.
14. НКВД в Западной Беларуси: сентябрь—декабрь 1939 г.: док. и мат. — Минск; М.: Фонд «Историческая память», 2019.
15. Оперативные сводки Белорусского штаба партизанского движения: январь—июль 1944 г.: док. и мат. — Минск: НАРБ, 2019.
16. Покровский, Н. Н. «Текстология» Д. С. Лихачева и проблемы издания документов XX века // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: К 100-летию академика Д. С. Лихачева. Материалы научной сессии Отделения историко-филологических наук РАН. Москва, 20 декабря 2006 г. / отв. ред. А. П. Деревянко. — М.: УОП Института этнологии и антропологии РАН, 2006.
17. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Белорусской Социалистической Советской Республики. — 8 сентября 1933. — № 33.
18. Тэксталагія і яе дапаможныя навукі: вучэб.-метадыч. дапам. / В. П. Рагойша [і інш]; пад рэд. В. П. Рагойшы. — Мінск: БДУ, 2015.
19. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: Кратк. справ.: В 2 ч. — Ч. 1 / Сост.: Г. С. Данилова, В. Д. Селеменев; предисл. В. Д. Селеменева, М. Ф. Шумейко. — Минск: НАРБ, 1997.
20. Хорошкевич, А. Л. Археографическая комиссия императорской Академии наук и ее традиции издания Литовской метрики // *Metriciana: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага*. Т. III. — Мінск: Athenaеum, 2004.
21. Шумейко, М. Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ/КПСС: методические рекомендации. — Минск: БелНИИДАД, 2017.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.01.2020*

**В. С. Іванова,**  
*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта  
 Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,  
 кандыдат гістарычных навук;  
 e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com*

## АРХІЎНАЯ АДУКАЦЫЯ Ў ПОЛЬШЧЫ

*Навучанне архівіста патрабуе набыцця шырокіх ведаў не толькі ў галіне гісторыі і яе дапаможных дысцыплін, але таксама геаграфіі, лінгвістыкі, гісторыі арганізацый, права і шматлікіх іншых, якія будуць складаць гэту прафесію.*

*Дар’юш Магер [1, s. 218]*

Развіццё архівазнаўства як навуковай дысцыпліны ў апошнія дзесяцігоддзі, а таксама агульныя грамадскія працэсы інфарматызацыі, глабалізацыі і антрапалагізацыі істотна ўздзейнічаюць і на асноўныя прафесійныя кампетэнцыі архівіста і вызначаюць узровень запатрабаванасці грамадствам спецыялістаў такога кшталту. Упершыню гэтая праблема пачала падымацца амерыканскімі архівазнаўцамі яшчэ ў 70-я гг. XX ст. [2], а ў апошнія дзесяцігоддзі над ёй актыўна працуюць польскія архівазнаўцы, чый досвед можа быць актуальным для адказу на актуальныя выклікі беларускай грамадскай прасторы.

Фарміраванне традыцыі архіўнага навучання ў Польшчы суправаджалася і навуковымі дыскусіямі ў галіне архіўнай дыдактыкі. Ужо ў міжваенны перыяд пачалі актыўна распрацоўвацца прынцыпы архіўнай тэорыі і методыкі ў Варшаўскім архівазнаўчым асяродку, які, як ужо адзначалася, уключаў у сябе выкладчыкаў універсітэта і супрацоўнікаў вядучых архіваў. У 1920-я гг. на старонках часопіса «Archeion» і іншых перыядычных выданняў пачалі выказвацца думкі аб неабходнасці стварэння архіўнай школы для магчымасці назапашвання і трансляцыі эмпірычнага досведу і тэарэтычных падыходаў. У прыватнасці, Казімірам Канарскім была агучана ідэя стварэння вышэйшай акадэмічнай школы ў галіне архівазнаўства і бібліятэказнаўства [3].

Аднак першая грунтоўная навуковыя праца па праблеме адукацыі архівістаў у Польшчы з’явілася ўжо ў пасляваенны перыяд. Гэта быў артыкул Мар’яна Фрыдберга на старонках штогодніка «Archeion» у 1966 г. Тут архіўнае навучанне ў Польшчы разглядалася ў кантэксце агульнаеўрапейскай традыцыі. Адзначалася, што ад якасці падрыхтоўкі архівіста наўпрост залежыць эфектыўнасць працы архіваў. Звернута ўвага не толькі на архівазнаўчы, але і на дыдактычны бок пытання [4]. Развагі над аналагічнымі пытаннямі былі працягнуты і ў артыкуле Анджэя Томчака 1978 г. Аўтар звяртаў увагу на тое, што эфектыўнае функцыянаванне архіўнай службы наўпрост залежыць ад узроўню прафесіяналізму архіўных кадраў, нарматыўных асноў працаўладкавання, атракцыйнасці прафесіі архівіста, годнай аплаты працы, узроўню

ўніверсітэцкай адукацыі, належнай яе арганізацыі і інш. Адзначаліся станоўчыя і праблемныя бакі гэтай сістэмы ў Польшчы [5].

Істотныя арганізацыйныя змены 1990-х гг. запатрабавалі і сур'эзнага тэарэтычнага асэнсавання падыходаў да навучання архівістаў. У 2003 г. у 105 выпуску «Archeion»'а была апублікавана шырокая дыскусія пра адукацыю архівістаў [6]. Адзін з аўтараў гэтага нумара штогодніка, Ірэна Мамчак-Гадкоўска адзначала, што ў Польшчы ўжо некалькі гадоў працягваецца дыскусія аб змяненні мадэлі адукацыі архівістаў. На той момант амаль усе польскія ўніверсітэты рыхтавалі архівістаў на гістарычных факультэтах. Крыніцай дыскусіі сталі пытанні аб інфарматызацыі і мадэрнізацыі вышэйшай адукацыі ў цэлым. Ішла гаворка аб тэндэнцыях да выхаду архіўнай спецыяльнасці па-за межы гістарычных факультэтаў, яе адасаблення ці аб'яднання з напрамкамі навуковай інфармацыі і бібліятэказнаўства. Інакш архівазнаўства рызыкуе застацца толькі адукацыяй для вузкага кола кадраў гістарычных архіваў [7; 8].

Арганізатары I Торуньскіх архіўных канфрантацый у 2007 г. надалі ім назву «Архівістыка ва ўніверсітэтах і архівістыка ў архівах». Дыскусія была прысвечана таму разрыву, які існуе паміж асяродкамі тэарэтыкаў і практыкаў, якія працуюць у агульным напрамку захавання архіўнай спадчыны. Канферэнцыя падзялялася на дзве часткі: «Новыя ідэі ў архівістыцы» і «Праблемы архіўнай адукацыі». У дыдактычным блоку выступоўцы найбольш канцэнтраваліся на праблематыцы ўніверсітэцкага навучання на дзвюх ступенях, пасля ўвядзення балонскай сістэмы [9, s. 9—15].

У гэтым жа годзе была створана Секцыя архіўнай адукацыі пры Таварыстве польскіх архівістаў, задачай якой стаў абмен досведам паміж рознымі адукацыйнымі асяродкамі, распрацоўка праграм, падручнікаў, слоўніка архівістаў і г. д. [10]. Яна пачала працу над вельмі важным дакументам, які фіксаваў і іерархізаваў кампетэнцыі архівістаў, а таксама і надаваў напрамак для развіцця архіўнай адукацыі. Гэта т. зв. «Мадэль прафесійных кампетэнцый архівістаў і дакументазнаўцаў», якая была зацверджана 4 лістапада 2010 г.

У яе распрацоўцы прымалі ўдзел прадстаўнікі вядучых польскіх асяродкаў архіўнай адукацыі. Былі вылучаны тры ўзроўні кампетэнцый: фундаментальны (1-я ступень адукацыі), спецыяльны (2-я ступень) і навуковы (падрыхтоўка дактарантаў). На першым узроўні вылучаны дзесяць раздзелаў кампетэнцый: гісторыі і гісторыі архіваў, права і кіравання, кіравання дакументамі ва ўстанове, камплектавання і экспертызы каштоўнасці, захоўвання і кансервацыі архіўных дакументаў, апрацоўкі дакументаў, інфармацыйнай дзейнасці і доступу да дакументаў, супрацоўніцтва з іншымі інстытутамі памяці, а таксама раздзел агульных прафесійных правіл і прынцыпаў. На другім узроўні гэта тры раздзелы: агульных кампетэнцый, дакументацыі да XX ст., папулярызацыі, адукацыі і архіўнай інфармацыі. Згодна гэтай мадэлі ў далейшым распрацоўваліся праграмы навучання, пачынаючы з 2012 г. Гэтае пытанне абмяркоўвалася на VI Усеагульным з'ездзе польскіх архівістаў у

Вроцлаве. Мэтай архіўнай дыдактыкі тут дэкларавалася неабходнасць укаранення найноўшых навуковых архівазнаўчых дасягненняў у архіўную адукацыю. Пры гэтым форму і змест навучання кожная ўстанова абірала самастойна [11].

Што тычыцца распрацоўкі новага зместу архіўнай адукацыі, то ў дыскусіях польскіх архівазнаўцаў вылучаюцца некалькі асноўных накірункаў. Першы з іх — гэта неабходнасць укаранення ў навучанне найноўшых дасягненняў лічбавай архівістыкі. Праблема лічбавых архіваў палягае не толькі ў тэхналагічнай плоскасці, але і ў тэарэтычным, прававым, грамадскім і эканамічным полі. Паўстае шэраг пытанняў: *Ці патрабуе новы носьбіт рэвізіі фундаментальных тэарэтычных архівазнаўчых паняццяў, як, напрыклад, паняцце «фонд», ці яно мусіць заставацца нязменным? Ці патрэбна выпрацоўка новых паняццяў? Як новы носьбіт уздзеічае на межы архіўнага фонду і яго структуру? Якім чынам будзе адбывацца экспертыза каштоўнасці? Ці змяняюцца ў сувязі з гэтым грамадскія функцыі архівістаў?*

У 2013—2014 гг. па ініцыятыве Варшаўскага архівазнаўчага асяродка і прафесара Аліцы Кулецкай адбыліся дзве сустрэчы архівістаў і архівазнаўцаў па тэмах «Лічбавая архівістыка ў архіўнай адукацыі» і «Дапаможныя гістарычныя дысцыпліны ў навучанні архівістаў», па выніках якіх пачыў свет зборнік артыкулаў «Лічбавае архівазнаўства і дапаможныя гістарычныя дысцыпліны. Праблемы дыдактыкі архівазнаўства». Ён стаў першай спробай пошуку адказаў на гэтыя пытанні [12]. Так, Галіна Рабутка і Дарота Джэвецка з упэўненасцю заявілі, што асновай эфектыўнай працы ў сістэмах электроннага дакументазвароту і электронных архіваў з'яўляецца найперш добрае валоданне метадамі архіўнай і дакументацыйнай працы ў сістэмах традыцыйных, бо жыццёвы цыкл дакументаў не змяняецца пры рознасці віду носьбіта. Таму навучанне архівістаў у накірунку лічбавых архіваў павінна ажыццяўляцца толькі пасля засваення імі базавых прынцыпаў архівазнаўства [13, s. 30—33].

Другі накірунак, найбольш грунтоўна закрануты ў даследаваннях і непасрэдна звязаны з першым, — гэта ўвядзенне электронных тэхналогій у непасрэднае навучанне архівістаў. У 2012 г. Нацыянальны лічбавы архіў Польшчы (NAC) перадаў для навучання архівістаў у Гістарычны інстытут Варшаўскага ўніверсітэта інфармацыйную сістэму ZoSIA (Zintegrowany operacyjny System Informacji Archiwalnej) для працы па ўсіх накірунках архіўнага захоўвання ад камплектавання да выкарыстання. Асноўным вынікам дыдактычнай працы з сістэмай стала ўдасканаленне навыкаў студэнтаў па працы і складанні архіўных даведнікаў і архіўным апісанні. На гэтай аснове быў створаны лічбавы дыдактычны архіў, які прыдаўся і для практычных заняткаў наступных пакаленняў архівістаў [14, s. 50—55].

У архіўным навучанні актыўна выкарыстоўваюцца афіцыйныя інтэрнэт-старонкі Галоўнай дырэкцыі архіваў і дзяржаўных архіваў, дзе можна знайсці асноўныя перыядычныя выданні галіны, базы даных і іншыя архіў-



ныя даведнікі. Карыснымі для розных накірункаў архіўнага навучання з'яўляюцца таксама: Архіўны інтэрнэт-форум (IFAR, <http://www.ifar.pl>), анлайн курсы для архівістаў грамадскіх архіваў (<http://kursy.archiwa.org>), ютуб-канал Нацыянальнага лічбавага архіва (NAC, <https://www.youtube.com/user/archiwumcyfrowe>), электронная праграма навучання лацінскай палеаграфіі, распрацаваная ва ўніверсітэце Адама Міцкевіча ў Познані «In Nomine Domini» (<http://paleografia.home.amu.edu.pl>) [15]. Тэхналогіі актыўна ўжываюцца і для асэнсавання ролі і місіі архівіста, дакумента, архіваў у сучасным свеце. Як прыклад можна прывесці фільм студэнткі Універсітэта Мікалая Каперніка ў Торуні Агнешкі Стэмпоўскай «Дакумент у жыцці чалавека» [16].

Агулам, выкладчыкі адзначаюць большую цікавасць студэнтаў пры навучанні праз зразумелае для іх тэхнічнае і віртуальнае асяроддзе. Ганна Собчак звяртае ўвагу на неабходнасць выкарыстання ў навучанні архівазнаўству новых педагагічных падыходаў [17]. Сярод іх прапаноўваюцца наступныя: навучанне праз дзеянне (англ. «learning by doing»), навучанне праз выкарыстанне (англ. «learning by using»), навучанне праз узаемадзеянне (англ. «learning by interacting»). Тут увага скіроўваецца найперш на вучня, тэхналогіі, аддаленае навучанне і элементы праектавання архіўных працэсаў. Актуальнымі з'яўляюцца таксама самастойны пошук інфармацыі, самаадукацыя, індывідуалізацыя навучання. Абапіраючыся на распрацоўкі амерыканскага даследчыка ў галіне адукацыі Марка Прэнскі (Marc Prensky), аўтар зважае на розніцу адукацыйных падыходаў для т. зв. «лічбавых тубыльцаў» (англ. «digital natives») і «лічбавых мігрантаў» (англ. «digital immigrants»). Для першых тэхналогіі сталі часткай жыцця пачынаючы ад нараджэння. Але сістэма адукацыі ўсё яшчэ трансфармуецца з часоў далічбавай эпохі, гэта доўгі і складаны працэс. Таму чаканні маладога пакалення, якое хацела б працаваць у зразумелай ім лічбавай прасторы, часта не спраўджваюцца. Навучанне для «лічбавых тубыльцаў» усё больш нагадвае гульню. І найлепш яго праводзіць у натуральным асяродку, дзе вырашэнне адукацыйных задач адбываецца праз пошук і эксперымент.

Актуальныя кампетэнцыі архівістаў, на думку польскіх архівазнаўцаў, палягаюць таксама і ў веданні прававых аспектаў працы з архіўнымі дакументамі (напрыклад, аховы інтэлектуальнай уласнасці [18]), педагагічных метадык для іх выкарыстання ў навучанні школьнікаў і студэнтаў (архіўная педагогіка) [19], валоданні тэорыяй сацыяльнай камунікацыі для набывання камунікацыйных навыкаў [20] і інш.

Карыстаючыся досведам французскіх і іспанскіх калег, у Польшчы ў навучанне архівістаў быў уведзены такі прадмет, як «Сацыяльная камунікацыя». Ён з'яўляецца актуальным у кантэксце магчымасці атрымання сучаснымі архівістамі навыкаў камунікацыі з карыстальнікамі, сродкамі масавай інфармацыі і інш. Што, у сваю чаргу, несумненна паспрыяе і набыванню новага погляду на ролю архіваў у грамадстве.

Адукацыйная дзейнасць у польскіх архівах прысутнічала шмат дзесяцігоддзяў, аднак на сённяшні дзень вядзецца гаворка аб іх адаптацыі да сучасных дыдактычных патрабаванняў. Прафесійныя кампетэнцыі архіўнага педагога былі акрэслены ва ўжо згаданай Мадэлі прафесійных кампетэнцый архівіста і дакументазнаўцы (2010 г.). У той яго частцы, якая тычыцца ўзроўню спецыяліста ў галіне прасоўвання, адукацыі і архіўнай інфармацыі. Выпускнік другой ступені навучання ў галіне архівазнаўства і кіравання дакументамі павінен мець магчымасць папулярызаваць архіўныя рэсурсы, выкарыстоўваць іх у адукацыйных мэтах і мэтах развіцця рэгіянальных супольнасцей. Сукупнасць кампетэнцый, якія змяшчаюцца ў мадэлі, вызначаюць профіль архіўнага педагога і веды архівіста з навыкамі педагога і культурнага аніматара. З мадэлі вынікае, што выпускнік павінен валодаць асноўнымі метадыкамі псіхалогіі і педагогікі, каб мець магчымасць распознаваць і рэагаваць на розныя адукацыйныя патрэбы сацыяльна арыентаванага грамадства, адаптавацца да розных людзей і груп, выкарыстоўваць формы і метады, адпаведныя іх патрэбам, пры гэтым ведаючы асаблівасці адукацыйнай сістэмы сваёй краіны [21].

Для інтэграцыі і камунікацыі архівістаў, якія займаюцца ў сферы архіўнай педагогікі, у 2014 г., па прыкладу нямецкіх архівістаў (вэб-партал Archivpädagogen), а таксама польскіх музейных работнікаў (Форум музейных педагогаў), была створана адпаведная платформа для абмену вопытам і ведамі [22].

У 2016—2017 навучальным годзе ў рамках паслядыпломнага навучання ў галіне архівазнаўства і кіравання дакументамі ва ўніверсітэце імя Мікалая Каперніка былі створаны новыя спецыяльнасці. Адна з іх — адукацыя і папулярызацыя архіваў — ахоплівае чатыры прадметы. Два ў галіне папулярызацыі (сацыяльная камунікацыя ў архівах, сувязь з грамадскасцю ў архівах) і два ў сферы адукацыі (архіўная педагогіка, формы адукацыйнай дзейнасці архіваў).

Такім чынам, падыходы да навучання архівістаў у Польшчы, якія маюць даволі глыбокія карані і развіваюцца ў кантэксце традыцыйнай еўрапейскай мадэлі навучання гісторыкаў-архівістаў, за апошнія дзесяцігоддзі набылі новыя арганізацыйныя формы і змест. Гэта звязана і з істотным павелічэннем асяродкаў архіўнага навучання, балонскім працэсам і ўвядзеннем дзвюх ступеняў адукацыі, зменамі навучальных праграм, але асабліва — з істотнымі гуманітарнымі і тэхналагічнымі зменамі. Яны змянілі і архіўную навуку, і архіўнае навучанне. І, як слушна адзначае Агнешка Роса, «па сутнасці самі архівісты з'яўляюцца сёння ініцыятарамі змен, якія адбываюцца ў архіве, вызначаюць месца і ролю архіваў у гэтых зменах». Найбольш істотныя зместавыя трансфармацыі палягаюць ва ўкараненні ў архіўнае навучанне дасягненняў лічбавай архівістыкі, сучаснай педагогікі, лічбавага навучання, тэорыі камунікацыі і права. Гэтыя напрамкі на сённяшні дзень з'яўляюцца

ўніверсальнымі для ўдасканалення зместу архіўнай адукацыі, у тым ліку і ў Беларусі.

#### Літаратура

1. Magier, D. Regionalna rola archiwum państwowego w epoce postindustrialnej // I Toruńskie Konfrontacje Archiwalne. — T. 1. Archiwistyka na uniwersytetach archiwistyka w archiwach / pod red. W. Chorążyczewskiego, A. Rosy. — Toruń, 2009. — S. 213—222.
2. Падрабязней гл.: Иванова, В. Выклікі сучаснасці і змена місіі архівіста // Здабыткі / Нацыянальная бібліятэка Беларусі; склад. Т. А. Сапега і інш. — Вып. 22. — 2019. — С. 114—129.
3. Kaczmarczyk, K. Potrzeby naszych archiwów // Nauka Polska. — 1929. — № 10. — S. 522—523; Konarski, K. Kursy archiwalne // Archeion. — 1927. — № 2. — S. 184—193.
4. Friedberg, M. Przygotowanie do zawodu archiwisty // Archeion. — T. 44. — 1966. — S. 7—29.
5. Tomczak, A. Kształcenie archiwistów w Polsce i innych krajach Europejskich // Archeion. — 1978. — T. 66. — S. 29—65; Lewandowska, M. Kadra archiwistów państwowych w Polsce Ludowej (1945—1983). — Warszawa, 1988. — 199 s.
6. Nałęcz, D. Od Redakcji // Archeion. — T. 105. — 2003. — S. 7—9.
7. Mamczak-Gadkowska, I. Aktualne kierunki kształcenia archiwistów i archiwalnych badań naukowych na świecie w świetle badań opublikowanych przez Carola Couture'a // Archeion. — T. 105. — 2003. — S. 14—22.
8. Skupieński, K. Dyskusja nad perspektywami kształcenia archiwistów na polskich uniwersytetach — stadium pytań czy odpowiedzi? // Archeion. — T. 105. — 2003. — S. 23—41.
9. I Toruńskie Konfrontacje Archiwalne. — T. 1. Archiwistyka na uniwersytetach archiwistyka w archiwach / pod red. W. Chorążyczewskiego, A. Rosy. — Toruń, 2009. — 407 s.
10. Sekcja Edukacji Archiwalnej. SAP [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: [http://sap.waw.pl/dzialalnosc\\_statutowa/sekcja-edukacji-archiwalnej](http://sap.waw.pl/dzialalnosc_statutowa/sekcja-edukacji-archiwalnej). — Дата доступу: 24.04.2020.
11. Chorążyczewski, W., Kwiatkowska, W. Sylwetka i kompetencje absolwenta studiów archiwistyki i zarządzania dokumentacją // Problemy archiwistyki. — 2009. — № 2. — S. 4—11; Model kompetencji zawodowych archiwisty [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: [http://sap.waw.pl/dzialalnosc\\_statutowa/model-kompetencji-zawodowych-archiwisty](http://sap.waw.pl/dzialalnosc_statutowa/model-kompetencji-zawodowych-archiwisty). — Дата доступу: 24.04.2020.
12. Archiwistyka cyfrowa i nauki pomocnicze historii w edukacji archiwalnej. Problemy dydaktyki archiwistyki / Red. A. Kulecka. — Warszawa, 2016. — 157 s.
13. Drzewiecka, D. O potrzebie kształcenia «archiwistów cyfrowych» // Archiwistyka cyfrowa... S. 27—33.
14. Kulecka, A. Cyfrowe Archiwum Dydaktyczne // Archiwistyka cyfrowa... S. 50—57.
15. Biniś-Szkopek, M. Pierwszy polski internetowy program do nauki paleografii łacińskiej // Archiwistyka cyfrowa... S. 45—49.
16. Film «Document in a Human Life» [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: [https://www.youtube.com/watch?v=oADXMRj7vT4&list=PLwjCEXSC0UWG0rO4C5lhG13nChkC4\\_Dy5](https://www.youtube.com/watch?v=oADXMRj7vT4&list=PLwjCEXSC0UWG0rO4C5lhG13nChkC4_Dy5). — Дата доступу: 24.04.2020.
17. Sobczak, A. Nowe trendy w edukacji i możliwość ich zastosowania w nauczaniu archiwistyki // Archiwistyka cyfrowa... S. 19—26.

18. Konstsnkiewicz, M. Kompetencje w zakresie prawnych aspektów ochrony własności intelektualnej i dóbr osobistych w cyfrowym warsztacie archiwisty // *Archiwistyka cyfrowa...* S. 34—40.
19. Mazur, H. Edukacja archiwalna w Polsce — realna potrzeba czy przejściowa moda? // *Historia — Pamięć — Tożsamość w edukacji humanistycznej.* — T. 4. Archiwum jako «strażnik pamięci». — Kraków, 2016. — S. 19—32.
20. Jabłońska, M. Komunikacja społeczna na studiach archiwistycznych jako krok ku poprawie wizerunku archiwów polskich // *I Toruńskie Konfrontacje Archiwalne...* S. 241—250.
21. Rosa, A. Działalność edukacyjna archiwów w kształceniu archiwistów na Uniwersytecie Mikołaja Kopernika w Toruniu // *Archiwa—Kancelarie—Zbiory* — № 7(9). — 2016. — S. 77—90.
22. Mazur, H., Rosa, A. O potrzebie szkolenia archiwistów w zakresie edukacji // *Archiwa—Kancelarie—Zbiory.* — № 5(7). — 2014. — S. 169—181.

*Арттыкул паступіў у рэдакцыю 20.08.2020*

**Ю. А. Бакун,**  
*аспирант кафедры источниковедения исторического факультета  
Белорусского государственного университета,  
заместитель директора по воспитательной работе  
ГУО «Гимназия № 13 г. Минска»*

### **ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ БГУ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СТУДЕНЧЕСТВА 1956—1991 гг.**

История периодической печати в БГУ берет свое начало с 1923 г., с газеты рабочего факультета «Голос рабфаковцев». Позже на других факультетах стали выходить «Белорусский студент», «Голос студента» и другие периодические издания. Общеуниверситетская же газета под названием «Ленінскім шляхам» начала выходить с ноября 1929 г. В 1931—1947 гг. она именовалась «За пралетарскія кадры», «За сталінскія кадры», а с 1955 г. выходила под названием «Беларускі універсітэт».

Автор настоящей статьи ставит своей задачей определить репрезентативность и информационную насыщенность помещенных в университетской многотиражке публикаций, оценить возможность их использования в качестве исторического источника, освещающего повседневную жизнь белорусского студенчества во второй половине XX в.

В то время как документы хранящегося в Национальном архиве Республики Беларусь (далее — НАРБ) фонда университета предлагают исследователю комплекс источников лишь одного фондообразователя, периодическая печать предоставляет возможность, во-первых, анализировать многоаспектный комплекс источников, сформировавшихся в процессе работы университета; во-вторых, включаться в жизненный мир студенчества как социальной группы. Такой подход позволяет расширить границы исследовательской деятельности, задать совершенно другие параметры источниковедческой критики. Источниковой единицей в этом случае выступает не издание в целом, а отдельная публикация, что позволяет определить многообразие опубликованных в газете материалов и специфику каждого из них [16, с. 45].

Как отмечает О. М. Медушевская, вузовские многотиражки нельзя назвать рупором общественного мнения студенческой молодежи республики. В лучшем случае они выражали интересы группы людей — партийных и комсомольских ячеек, ректората или деканатов факультетов. Другое дело, что пресса стремится представить себя выразителем общественного мнения, борется за формирование позиции, якобы выражающей мнение молодежи [10, с. 458].

При анализе такого исторического источника, как материалы периодической печати, следует помещать в центр рассмотрения не авторские идеи, которым они посвящали те или иные публикации, или не сами тексты, а ито-

говые сюжеты, концепты и метафоры, заключающие в себе категории совместного мышления авторов и редакторов.

Советская вузовская многотиражка — это способ реализации идей господствующей партии, возможность обсуждения и реализации новых планов и идей, а также информирования о приоритетах развития университета и разъяснения позиций руководства страны. Кроме того, этот вид исторических источников является приоритетным в изучении истории повседневной жизни студенческой молодежи.

М. Е. Аникина отмечает, что в силу возрастных и социально-психологических особенностей молодежной аудитории основной функцией в студенческих изданиях становится социологизаторская функция, которая заключается в «представлении аудитории и распространении различных моделей поведения, в оказании определенного влияния на принимаемые читателем решения и разумной, тактичной корректировки их деятельности, в широком смысле — во введении в общественную жизнь, помощи молодежи в адаптации к существующим условиям» [17, с. 34].

Кроме того, студенческие издания выполняют и другие функции, схожие с функциями остальных СМИ:

коммуникативную (функция общения, установление связей между руководством вуза и студентами, между вузами и связь студентов между собой);

непосредственно-организаторскую (студенческие СМИ выступают в качестве «четвертой власти» на университетском пространстве);

культурно-образовательную (газета воспитывает, дает необходимые знания, а также пропагандирует культурные ценности, способствуя всестороннему развитию личности);

рекламно-справочную (анонсирование событий жизни вуза, справочная информация официального характера);

рекреативную.

Специфика подобных изданий определяется четко выраженной ориентированностью на вузовскую аудиторию, здесь используются особые, присущие только студенческой прессе приемы отображения действительности, собственные выразительные средства, формы и способы подачи материалов. Поэтому изучение вузовских изданий представляет особый интерес. Только с помощью их можно узнать, чем живет вуз: студенческая жизнь, конференции, праздники, сессии, встречи и многое другое, что увлекает студенческую молодежь.

По охвату аудитории и методам работы студенческую прессу БГУ можно распределить на несколько групп:

1. Общеуниверситетская студенческая газета («Беларускі ўніверсітэт»).

2. Газета «Журналист», издание которой преследовало исключительно учебные цели [6, с. 14].

3. Стенные газеты.

4. Научное издание «Вестник БГУ».

Газета «Беларускі ўніверсітэт» выходила с периодичностью раз в две недели, тиражом 2 тыс. экземпляров. Ее можно было либо приобрести за 2 коп., либо прочесть на стенде любого факультета. В 1983 г. была изменена шапка газеты: вместо «издается с 1935 года» было обозначено «издается с 1922 года».

Редакция газеты строила свою работу по планам, квартальным и перспективным. В них указывались основные проблемы, на которых газета считала необходимым сконцентрировать внимание. Планы позволяли учитывать насущные вопросы, подсказываемые жизнью.

Как и все советские газеты того времени, в том числе многотиражные, газета БГУ была очень политизирована. Много места в ней занимали материалы парткома, комитета комсомола, информации о «ленинском зачете», общественно-политической практике и т. п. Вместе с тем в ней сложились хорошие традиции: отмечать юбилеи заслуженных людей и освещать повседневную жизнь, литературное творчество студентов.

«Беларускі ўніверсітэт» старался затронуть интересовавшие студентов темы. До середины 1970-х гг. в газете не было рубрик; постоянными были лишь статьи с предложениями студентов и преподавателей об улучшении быта и качества образования. Так, в одном из номеров в рамках дискуссии о вечернем образовании была опубликована статья студента вечернего отделения филологического факультета, представляющая, на наш взгляд, интерес и сегодня:

«Мне хочацца выказаць некаторыя думкі аб вячэрнем навучанні.

Па-першае аб пачатку заняткаў. Як бачна, большасць вячэрнікаў заканчвае работу ў 17 гадзін. Адною гадзіны (з 17 да 18), напрыклад, мне недастаткова для таго, каб працуючы на вуліцы Астроўскай, прыехаць дамоў на Грушаўскі пасёлак, пераапрунуцца, павячэраць і паспець на заняткі ва ўніверсітэт. І гэта так, бачна, у большасці вячэрнікаў ...

Другое пытанне, якое я хацеў бы ўзняць, — гэта патрабаванне абавязковага канспектавання. Некаторыя выкладчыкі аж да непрыняцця заліку патрабуюць абавязковага падрабязнага канспектавання лекцый і семінараў, але ў вячэрнікаў часу для канспектавання дома проста няма. . .

Ці не час для вячэрнікаў зрабіць спецыялізаваныя фонды, як гэта зроблена для студэнтаў завочнага аддзялення? . . .» [11].

Заметки, подобные описанной выше, как правило, не оставались без внимания. Многие поднятые студентами проблемы разбирались на заседаниях бюро комитета комсомола.

Во время зимней и летней экзаменационных сессий освещались вопросы успеваемости студентов, степени их подготовки, а также эмоционального состояния. Широко практиковалось присутствие корреспондентов «Беларускага ўніверсітэта» на экзаменах, а также впечатления самих студентов и преподавателей о степени подготовленности, что указывает на активное участие в создании газеты студенческой аудитории.

«Я не бачыў, як сяброўкі віншавалі Лілю Сілкіну пасля экзамена па гісторыі філасофіі, але аднакурснікі, што сядзелі ў аўдыторыі і рыхтаваліся да адказу, праводзілі яе радаснымі ўсмешкамі. І, бачна, кожны падумаў «Вось і мне б так адказаць».

Так, гэта быў самы лепшы адказ на працягу пяці дзён, калі філолагі-выпускнікі здавалі экзамены на гісторыі філасофіі. . .

Ужо па кароткіх адказах можна было меркаваць, што многія студэнты за пяць гадоў вучобы ў БДУ выраслі ў рознабакова развітых, добра падрыхтаваных спецыялістаў. . .

Пралікі, недахопы. . .

Яны, на жаль, яшчэ ёсць у ведах студэнтаў, у падрыхтоўцы іх да экзаменаў. Дастаткова прывесці такія лічбы. З 44 студэнтаў аддзялення беларускай мовы і літаратуры, якія здавалі экзамен па гісторыі філасофіі, 25 атрымалі «тройкі» і толькі тры адказы былі ацэнены «пяцёркай». Шмат «трок» і ў журналістаў. . .

Хто вінаваты?

Сваю адмоўную ролю адыгралі пропускі лекцый і семінараў. Некаторыя прагульшчыкі вымушаны былі прызнаць гэта на экзамене. . .

Студэнты-філолагі кажуць цяпер, што часу на падрыхтоўку да экзамену было мала. Мала, як бачна, для тых, хто замест чытання неабходнай літаратуры заняўся састаўленнем шпаргалак. Знайшліся і такія» [9].

Подобные статьи изобиловали фамилиями студентов, не сдавших экзамен, пользовавшихся шпаргалками, нарушавших дисциплину. Эта открытость с правовой точки зрения может интерпретироваться как своего рода нарушение права личности, однако с исторической она вызывает интерес. В нынешней газете «Універсітэт» эта открытость уже отсутствует.

Учеба — далеко не единственное занятие студентов в университете. Уже с первых номеров газеты ее страницы заполнили важные и интересные темы повседневной жизни: спортивные мероприятия, развитие студенческого театра, художественная самодеятельность, проблема успеваемости, организации питания, быта в общежитиях (например, «Вы прыйшлі ў інтэрнат» В. Степанов. № 4. 1973 г.), истории выдающихся студентов и т. д.

Появлялись «несерьезные» темы, публиковались забавные истории из жизни студентов, анекдоты и фельетоны.

От номера к номеру «Беларускі ўніверсітэт» выполнял, на наш взгляд, главную задачу, стоявшую перед ориентированным на молодую аудиторию



периодическим изданием — воспитательную. Не могли не формировать чувства гордости за свой университет материалы о посвящении в студенты, о выпусках прошлых лет, о ветеранах. Даже поздравления сотрудников с юбилеями позволяли ближе узнать этих людей, микроисторию, вклад личности в историю университета.

Особым этапом в истории первой университетской газеты можно выделить период 1966 — середины 1980-х гг. Это обусловлено свертыванием политики «оттепели» и началом нового этапа в жизни страны. В каждом номере стали преобладать статьи политического характера, которые занимали не менее 40% всего выпуска.

Появились первые интервью с деканами факультетов, преподавателями, студентами, известными актерами. Так, в одном из номеров публиковалось интервью с Михаилом Пуговкиным, в котором он поделился своими впечатлениями о съемках на «Беларусфильме», рассказал о своих любимых фильмах, творческих планах [7].

Менялся и объем газеты. Он увеличился до 4 полос. На ее страницах стали публиковаться статьи не только студентов факультета журналистики, но и других факультетов. Появились постоянные рубрики «Камсамольскае жыццё», «Народны кантроль», «БДУ — спартыўны». Об учебной, спортивной и повседневной жизни факультетов читателю рассказывали постоянные рубрики новостей «Весткі юрфака», «Весткі з ФПМ», «Весткі з гістфака».

Один из майских выпусков газеты, как правило, посвящался предстоящей приемной кампании и содержал подробную информацию о каждом факультете, его достижениях, успехах и перспективах развития.

Студенческая многотиражка являлась едва ли не единственным источником по изучению досуга студентов в период летних каникул. В ней публиковались статьи о студотрядах, спортивных и оздоровительных мероприятиях, причем чаще всего это были репортажи самих участников событий. Статьи насыщены их личными переживаниями и эмоциями:

«Дзень першы.

Першы вечар прайшоў у клопатах: усе старанна перасяляліся з вагона ў вагон, абжываліся. Я трапіла ў вагон № 5. Тут жывуць студэнты МДП. Выбралі старасту: цяпер ён наш «цар і бог».

Гэтым жа вечарам па радыё быў праведзены конкурс «Алё, мы шукаем таленты!» Для пачатку надрэнна. А што будзе заўтра?

Дзень другі.

Мы на Украіне. Львоў сустрэў нас цёплым надвор'ем. Старажытныя дамы, касцёлы, саборы — святой Елізаветы, святога Юлія, Высокі замак. Гэта — стары Львоў...

Дзень шосты.

Вечар. Апошні вечар на Украіне. Усім крыху сумна. Зноў сабраліся ў купэ, спявалі песні. Па радыё аб'явілі, што наша газета заняла трэцяе месца з 12 магчымых» [12].

С 1969 г. тема состояния и пропаганды научно-исследовательской деятельности стала постоянной на страницах «Беларускага універсітэта». При этом студенты знакомились с деятельностью молодых ученых, принципами этики в науке. А материалы о выдающихся ученых, работающих в университете, должны были стать примером для подражания. Пропагандировалась работа различных студенческих научных кружков и объединений:

«Археалагічны гурток гістарычнага факультэта быў створаны ў кастрычніку 1974 года, праз год пасля ўтварэння кафедры археалогіі. Але сама назва «археалагічны» не раскрывае сутнасці справы. У гуртку павышаюць узровень сваіх ведаў і аматары этнаграфіі, нумізматыкі. Яго пасяджэнні праходзяць вельмі плённа, захапляюча, у чым вялікая заслуга належыць кіраўніку гуртка дацэнту Міхаілу Фёдаравічу Філіпенку і яго самым актыўным памочнікам А. Трусаву, А. Мазуркевічу, В. Плужнікаву...

Мабыць, самай вялікай і плённай работай, зробленай за час існавання гуртка, былі раскопкі Сenniцкай групы курганоў, якія вяліся пад кіраўніцтвам дацэнта Э. М. Загарульскага...» [14].

Вузовская газета постоянно давала информацию о специальностях, которым обучаются студенты. Давалось это в форме отчетов о производственной практике (нередко в шутливых тонах), рассказах о стажировке за границей и обмене студентами и др.

С 1977 г. возник собственный графический стиль газеты; она стала выходить под лозунгом «Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!». В начале номера стала постоянной колонка «Інфармацыя па БДУ», сложилась система постоянных рубрик. В «Тваім этыкеце» размещались статьи о формировании у студентов культуры общения и взаимодействия в коллективе. Рубрика «Былі каникулы» посвящалась спортивным, культурным поездкам учащихся во время каникул. «З нашай пошты» часто затрагивала проблемы, волнующие отдельных студентов. Однако постепенно перестали публиковаться заметки о недостатках в организации учебного и воспитательного процесса, на смену им первую полосу заняли общесоюзные новости (обсуждение проекта Конституции, дня Советской армии и флота и др.), общеуниверситетские постановления и приказы («Аб удзеле студэнтаў універсітэта ва ўборцы ўраджаю 1978 г.» [15], «Пастанова XXV прафсаюзнай канферэнцыі Беларускага ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна» [16]). Изменилось также освещение одной из самых популярных среди студентов тем о подготовке и сдаче сессий. Если в предыдущем периоде развития газеты это были репортажи, впечатления студентов и преподавателей, то теперь — «сухие» данные об успеваемости, а статьи и заметки преподавателей носили скорее описательный характер. Стала меньше освещаться повсе-

дневная жизнь студентов, быт в интернате, проблемы организации питания и занятий. В основном публиковались репортажи о художественной самодеятельности и спортивных соревнованиях.

Если в период так называемой хрущевской «оттепели» осуждался догматический начетнический подход к изучению марксизма-ленинизма, то эпоха «застоя» расставила новые приоритеты. В статьях типа «Вывучаем Лени́на» [4], «Заповетам Лени́на верныя» [5] стали активно пропагандироваться идеи марксизма-ленинизма.

На практике «Беларускі універсітэт», вопреки своему изначальному предназначению, переставал выражать интересы студенческой молодежи, становясь рупором административно-командной системы, приобретал черты, содержащиеся в основе своей субъективизм, формализм, лакировку действительности и т. п.

В 1970-х гг. для совершенствования работы со студенческой молодежью комитет комсомола и студенческая социологическая лаборатория стали проводить на страницах «Беларускага універсітэта» исследования с целью изучения сложившихся за время учебы представлений о студенческой жизни. Анкеты состояли из вопросов об учебной, научной и повседневной жизни: «Чем привлекала Вас учеба в вузе? Если бы Вам пришлось выбирать заново, то каково было бы Ваше решение? Изменилось ли Ваше представление об учебе в вузе и о студенческой жизни после поступления в университет? Что Вам больше всего нравится в студенческой жизни? Каков характер выполняемой Вами научно-исследовательской работы? На какую работу Вы хотели бы попасть после окончания университета?» [17, с. 5].

С 1978 г. редакция сделала попытку установить обратную связь с аудиторией и опубликовала анкету с вопросами о том, какие темы следует вынести на обсуждение в газете, нравятся ли читателям ставшие уже постоянными рубрики «Рамонак» (клуб любителей природы), «Кафедра агульнага смехаробства» (юмористическая и сатирическая страница), «Спорт», «Літаратура і мастацтва», «Старонка народнага кантролю», а также выяснить, кто является основными читателями многотиражки — студенты, преподаватели, аспиранты или сотрудники.

Важнейшими источниками для изучения истории повседневности студентов являются фоторепортажи, такие как «Один день из жизни факультета», в которых описываются организация отдыха, любимые дисциплины и научные объединения.

«Гістфак сёння — гэта 14 кафедраў, факультэтскіх і агульнаўніверсітэцкіх, каля 2 тысяч студэнтаў, звыш 350 з якіх займаюцца ў навукова-даследчых гуртках. Гэта і практыкі: азнаямленчая, педагагічная, піянерская і іншыя. Асабліваю цікавасць у студэнтаў выклікае археалагічная практыка, якую яны праходзяць пасля першага курса. Першая практыка — гэта і рамантыка нязве-

данага, непасрэднае сутыкненне з мінулым краіны, і тэмы для курсавых і нават дыпломных работ...

Ёсць на факультэце археалагічны музей, у якім рыхтуецца да паказу экспазіцыя старажытных манет, знойдзеных экспедыцыяй пад кіраўніцтвам Эдуарда Міхайлавіча Загарульскага.

Хутка агляд мастацкай самадзейнасці. Творчая група факультэта прыкладае ўсе намаганні, каб зноў дабіцца мінулагадняга поспеху і заняць першае месца ў конкурсе...» [1].

Перемены в общественно-политической жизни середины 1980-х гг. не могли не повлиять на содержание «Беларускага універсітэта». Перестройка сломала прежние принципы, не сформулировав ни одного нового. Все то, что еще несколько лет назад люди готовы были защищать с пеной у рта, оказалось фальшивым. То, о чем раньше писалось, стало неинтересным. В то же время люди нуждались в информации. Отказываясь от груза застойного времени, газета включилась в конструктивный диалог, стремясь вовлечь в него широкий круг участников и тем самым способствовать их консолидации. Постепенно освобождаясь от многочисленных запретов и регламентаций, университетская печать стала влиятельным фактором развития и углубления процессов перестройки. И студенты, и преподаватели писали о том, что несколько лет назад просто не могло появиться в печати.

С 1985 г. газета существенно изменила не только свое содержание, но и внешний вид; она стала цветной. В рамках продолжения общения с читателями редакция обращалась к ним с просьбой дать оценку газете, узнать их запросы. К примеру, в одном из выпусков на вопрос корреспондента «Каких материалов, на какие темы не хватает газете?» были получены следующие ответы:

«І. Комар: Аб студэнцкім жыцці ў інтэрнаце, бо тут студэнт праводзіць значную, калі не пераважную частку свайго часу. Было б добра, калі б паболей і падрабязней расказвалі пра розныя факультэты.

М. Марозава: Мы — студэнты. Натуральна, што больш за ўсё нас хваляюць тэмы, звязаныя са студэнцтвам. І не толькі аб вучобе, але і дзейнасці гурткоў, факультэта грамадскіх прафесій, аб тым, як праводзяць свой вольны час студэнты розных факультэтаў.

Н. Калішук: Трэба, на маю думку, паболей змяшчаць матэрыялаў непасрэдна аб факультэце ці групе, а не ўвогуле аб універсітэце, як гэта часам мае месца ў газеце. Хацелася б паболей бачыць матэрыялаў аб выпускніках універсітэта, аб клопатах і праблемах маладых спецыялістаў» [2].

Вторая половина 1980-х гг. — время перемен, которое требовало и перестройки системы высшего образования. Рост выпуска специалистов не сопровождался надлежащим повышением качества их подготовки, серьезно отставала материальная база университета. Одним из шагов к демократизации и перестройке образовательного и воспитательного процесса стало созда-

ние студенческого самоуправления, положительные и отрицательные стороны которого горячо обсуждались на страницах «Беларускага ўніверсітэта». Далеко не все факультеты охотно поддержали идею введения элементов студенческого самоуправления. Среди пилотных факультетов выступали мехмат, ФПМ, истфак и физфак. Теперь в работе ученых советов факультетов и университета стали принимать участие 25 процентов студентов. Студенты также получили право ставить перед администрацией факультета вопрос о замене преподавателя, который проводит занятия на недолжном уровне. Университетская многотиражка стала тем местом, где можно было свободно высказать свое мнение в поддержку или отрицание подобных новшеств.

Впервые на страницах «Беларускага ўніверсітэта» был остро поставлен вопрос о формализации организации воспитательного процесса и культурной жизни университета в целом.

«Мы не заўсёды ведаем, чаго хочучь студэнты. Такая фраза прагучала на пасяджэнні бюро партыйнага камітэта Белдзяржуніверсітэта імя У. І. Леніна, на якім абмяркоўваліся пытанні арганізацыі быту і адпачынку выкладчыкаў і студэнтаў. У гэтых словах канстатацыя факта: адпачынак студэнтаў у большасці выпадкаў праводзіцца па ўсталяваных стандартах, дзе на першым месцы стаіць масавасць» [3].

Сами студенты снова получили возможность поднимать волнующие их проблемы, публиковать свои предложения по совершенствованию учебной и повседневной жизни.

«Калі б Вучоны савет сумесна са спецыялістамі псіхалагамі і сацыялагамі распрацаваў анкету для таго, каб ведаць, чым дышае сёння студэнт, якімі якасцямі ён валодае, якія неабходна ў яго выхаваць, чаму і як яго вучыць. Такая своеасаблівая «мадэль студэнта» дазволіла б выкладчыкам працаваць мэтанакіравана.

Я б выдала палажэнне аб студэнцкім інтэрнаце, дзе б за кожным студэнтам з першага па апошні курс замацавала б пакой. Іначай, толькі пасябруеш з суседам, зробіш рамонт — і цябе ўжо перасяляюць. І так кожны год. Таму рукі ў многіх проста апускаюцца і студэнцкае жыллё выглядае так непрывабна: дзеля чаго старацца?

Больш за ўсё не люблю сесію. За тое, што ў нашым корпусе (на хімфаку) практычна няма ні крэслаў, ні лавак. Прыходзіцца стаяць па стойцы смірна. А адысці куды-небудзь нельга: хто ведае, што здарыцца ў час экзамена. Я б паклапацілася аб крэслах. Тым больш, што у калідорах гістарычнага, фізічнага, геаграфічнага, фізічнага і факультэта журналістыкі карціна такая ж» [8].

Новые веяния в социально-политической жизни страны, начиная со второй половины 80-х гг., существенно повлияли на роль и возможности средств массовой информации. Многие вузовские газеты перестали отвечать потребностям читательской аудитории, настроенной на демократические преобразования. В этот период «Беларускі ўніверсітэт» изменил свою внешнюю

и содержательную стороны, хотя и не стал независимой прессой для студенчества. Газета выполняла организаторскую функцию, призывая студентов к консолидации и осознанию себя как большой социальной группы.

Освещение того или иного исторического факта в газете может быть одноразовым. Сам по себе этот материал не может служить полноценным свидетельством о всех сторонах события. Но в совокупности с другими материалами, посвященными данному событию или явлению, такие единичные сведения о фактах приобретают большую познавательную ценность.

Однако печать далеко не полно освещает события. Многие крупные события жизни университета по ряду причин не находят отражения на страницах «Белорусского университета». Это объясняется тем, что газета по своему существу злободневна. Поэтому часто на страницы газеты не попадает какой-либо материал, так как, с точки зрения сегодняшнего дня, он оказывается менее важным, чем другой.

Поэтому исследование вузовской периодической печати требует критического анализа. Начать его следует с установления источника получения информации. Это могут быть личные наблюдения (репортаж, очерки), интервью, ознакомление с документальными материалами и т. п. Особенностью университетской прессы является то, что такими источниками информации являются, как правило, субъективные впечатления авторов, результаты их столкновения с теми или иными явлениями. Для проверки достоверности материалов газеты следует обращаться к делопроизводственным документам факультетов и университета в целом. Труднее всего с проверкой сводок, очерков, репортажей и пр. Тщательно сопоставив все материалы, можно выявить подлинный ход событий, значительно дополнить и выправить их субъективную оценку, приведенную в изучаемой газете.

При систематизации следует сочетать все виды газетных материалов, ибо только в такой совокупности они позволяют всесторонне исследовать данное историческое явление и выявить те закономерности, которые лежат в их основе. В конечном счете разновидности материалов газет, или, как их обычно называют, газетные жанры, являются составной частью всех газет независимо от их назначения, направления и принадлежности.

Говоря о ценности и значимости газеты «Белорусский университет» как исторического источника, необходимо отметить, что она представляет собой по существу один из немногих, хотя и не всегда достоверный источник по истории повседневной жизни студенчества, наполнена информацией, несущей культурно-историческую специфику своего времени, а также представления, характерные для студенчества как отдельной социальной группы.

#### Л и т е р а т у р а

1. Аўсіевіч, А. Адзін дзень факультэта / А. Аўсіевіч // Беларускі ўніверсітэт. — 1980. — 27 сакавіка. — С. 4.

2. Білан, А. Каких материалов, на какие темы не хватает газете? / А. Білан // Беларускі ўніверсітэт. — 1985. — 26 снежня. — С. 2.
3. Білан, А. Мы не заўсёды ведаем, чаго хочучь студэнты. . / А. Білан // Беларускі ўніверсітэт. — 1987. — 22 красавіка. — С. 5.
4. Борсук, П. Вывучаем Леніна / П. Борсук // Беларускі ўніверсітэт. — 1975. — 18 мая. — С. 4.
5. Борсук, П. Запаветам Леніна верныя / П. Борсук // Беларускі ўніверсітэт. — 1978. — 12 кастрычніка. — С. 2.
6. Градюшко, А. А. Студенческая печать в системе СМИ / А. А. Градюшко // Студенческая печать: проблематика, дизайн, язык и стиль: сб. ст. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. А. Градюшко [и др.]. — Минск, 2007. — С. 13—21.
7. Захаров, В. Міхаіл Пугаўкін. Аб сабе і аб кіно / В. Захаров // Беларускі ўніверсітэт. — 1976. — 26 лютага. — С. 4.
8. Іваніцкі, М. «Мадэль студэнта» / М. Іваніцкі // Беларускі ўніверсітэт. — 1988. — 1 верасня. — С. 5.
9. Іваноў, М. Пралікі, недахопы. Чаму? / М. Іваноў // Беларускі ўніверсітэт. — 1964. — 8 февраля. — С. 2.
10. Медушевская, О. М. Теория, история и метод источниковедения: учебное пособие / О. М. Медушевская. — М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. — 758 с.
11. Несцяровіч, А. Мае прапановы / А. Несцяровіч // Беларускі ўніверсітэт. — 1964. — 8 февраля. — С. 3.
12. Новікава, М. Сем дзён у дарозе / М. Новікава // Беларускі ўніверсітэт. — 1976. — 24 красавіка. — С. 2.
13. Пастанова XXV прафсаюзнай канферэнцыі Беларускага ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна // Беларускі ўніверсітэт. — 1981. — 15 кастрычніка. — С. 2.
14. Пермакоў, А. Раскрываць тайны гісторыі / А. Пермакоў // Беларускі ўніверсітэт. — 1976. — 24 красавіка. — С. 2.
15. Пермакоў, А. Аб удзеле студэнтаў ўніверсітэта ва ўборцы ўраджаю / А. Пермакоў // Беларускі ўніверсітэт. — 1978. — 31 жніўня. — С. 3.
16. Рынков, В. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. Рынков // Отечественные архивы. — 2010. — № 3. — С. 44—50.
17. Типология периодической печати: учеб. пособие для студентов вузов □ под. ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. — М.: Аспект-Пресс, 2009. — 236 с.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 05.05.2020*

**С. В. Кулинок,***заведующий отделом публикаций  
Национального архива Республики Беларусь,  
кандидат исторических наук;  
e-mail: svkulinok@tut.by***Е. Е. Красножэнава,***профессор кафедры общественных наук  
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский  
политехнический университет Петра Великого»,  
доктор исторических наук;  
e-mail: eleena@inbox.ru*

## **НЕМЕЦКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЕ ШКОЛЫ И КУРСЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ И СЕВЕРО-ЗАПАДА РСФСР В 1942—1944 гг.: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВ\***

В годы Великой Отечественной войны немецкие разведывательные и специальные службы (абвер и его структуры и органы, полиция безопасности СД, Тайная полевая полиция (ГФП), айнзатцгруппы и команды, жандармерия, орган «Цеппелин» и др.) организовали на оккупированных территориях СССР значительное количество специальных учебных разведывательно-диверсионных центров (школ и курсов), где готовилась агентура противника.

Тот факт, что до недавнего времени в русскоязычной историографии использовались данные о деятельности на Восточном фронте «около 60 различных школ для подготовки агентуры» [22, с. 207; 60, с. 155; 65, с. 537.], а в результате многолетних исследований было доказано, что за период с 1941 по 1944 г. на оккупированных территориях действовало более 150 учебных центров (в том числе в БССР — 68, Украине — более 30, России — около 35, Прибалтике — более 20) говорит о том, что данная тема еще недостаточно изучена [30].

В данной статье на основании анализа достижений историографии и обзора архивных документов рассмотрим подготовку немецкой агентуры в двух пограничных (смежных) регионах — это территория Витебской области (БССР) и Северо-Запад РСФСР (Ленинградская, Новгородская и Псковская области), определим закономерности и различия в этом процессе. Укажем, что территории областей рассматриваются в их современных границах.

---

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ и РФФИ в рамках научного проекта № Г20Р-287; № 20-59-00004 «Народ и власть: оккупанты, коллаборационисты и партизаны на пограничной территории Беларуси и северо-запада России в 1941—1944 гг.».

The reported study was funded by BRFFR and RFBR, project number Г20Р-287; 20-59-00004 «People and power: occupiers, collaborators and partisans on the border territory of Belarus and North-West Russia in 1941—1944».



Первые сведения о деятельности немецких спецслужб по подготовке агентуры появляются еще до начала Великой Отечественной войны [8, 11]. В опубликованном в 1937 г. сборнике статей «Гестапо» говорится: «...Важнейшей функцией гестапо во всех странах является шпионаж. Немецкая разведка еще до войны и во время войны располагала мощным шпионским аппаратом во всех странах Европы» [11, с. 7]. Отметим, что под термином «гестапо» подразумевается совокупность всех немецких спецслужб.

Уже в период войны появились работы, в которых говорилось о подготовке немецкой агентуры. Часто их авторами выступали сотрудники органов госбезопасности. Например, Петр Николаевич Кубаткин с августа 1941 г. возглавлял управление госбезопасности Ленинградской области. В брошюре «Уничтожим шпионов и диверсантов» приводятся данные о многочисленных немецких десантах и «революционной бдительности и дисциплины» различных категорий населения [25]. В небольшой по объему работе «Разоблачить происки фашистской разведки», изданной в 1942 г., П. Кубаткин указывает на то, что немецкие спецслужбы «создали большую сеть разведывательных школ в Германии и в оккупированных ими государствах. Такие школы созданы и на территории временно оккупированных советских районов». Автор концентрирует свое внимание на деятельности немецкой разведки на северо-западном и ленинградском направлениях (по месту своей службы). Среди основных задач агентуры выделены: сбор военных разведывательных сведений; проникновение в штабы и органы управления частей Красной Армии и на оборонные предприятия и т. д. [24, с. 3—4].

Сразу обратимся к работам этого периода, которые касаются территории БССР (и Витебской области в частности). Приведем выдержки из работы руководителя Центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенанта П. Пономаренко: «Напуганные размахом партизанского движения... органы разведки и контрразведки, жандармерии и гестапо принялись за изучение истории партизанской борьбы в войнах России и особенно партизанского движения в нынешней Отечественной войне, его движущих сил, организации, тактики... открываются особые «противопартизанские» школы...» [61, с. 57].

Таким образом, уже в работах военного периода сразу бросается в глаза основное различие в направлении подготовки немецкой агентуры в обозначенных регионах: борьба с партизанским движением — в Витебской области и разведывательно-диверсионная работа в прифронтовой полосе и в советском тылу — на Северо-Западе России.

Второй важный момент, характерный для историографии периода войны, это упрощенная характеристика социальной базы для вербовки агентуры: «для подлой и диверсионной работы фашистские разведывательные органы вербуют человеческие отбросы, подонки, лишённые совести и чести — бывших репрессированных, уголовников и социально чуждых людей

из числа изменников и предателей Родины» [24, с. 6]. Можно понять, что это делалось для того, чтобы четко отделить антисоветские категории от обычных советских граждан и показать их единство на фоне тяжелых военных событий.

Вместе с этим укажем, что в названных работах уже приводятся данные, хотя и фрагментарные, о вербовке немецкой разведкой в качестве агентов женщин и детей [24, с. 3—4, 10—12]. О подготовке детей-диверсантов пишет и Пономаренко: «Практикуется засылка детей, тренируемых под страхом смерти в специальных детских школах» [61, с. 57]. Эти же данные подтверждаются и архивными материалами. Уже в августе 1941 г. на территории БССР в д. Кремное были открыты первые на Восточном фронте курсы разведчиков для подростков [33, л. 114—115], а всего за период с 1941 по 1944 г. дети-диверсанты готовились в 14 учебных центрах на территории БССР [29].

Если проанализировать всю послевоенную историографию, то отчетливо можно заметить несколько важных закономерностей изучения обозначенной нами проблемы:

деятельность немецких спецшкол до последнего времени не являлась объектом самостоятельного комплексного исследования. В тоже время тема тесно взаимосвязана с различными аспектами истории периода Великой Отечественной войны: оккупационным режимом, социальной историей, вопросами военной и политической коллаборации и др.;

разработка темы осуществлялась в контексте изучения деятельности советских и немецких спецслужб и их противостояния в годы войны, либо как отдельные сюжеты разведывательной и контрразведывательной работы партизанских формирований и соединений;

большинство историографических исследований по теме «косвенные», то есть не касающиеся напрямую деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ и курсов на территории СССР (и по отдельным регионам). Можно выделить порядка 15—20 научных работ, где данная проблема является основной, остальные работы касаются отдельных ее аспектов.

Историографических наработок о деятельности немецких спецшкол на территории Витебской области не так много. В основном они касаются материалов, связанных с деятельностью абвершколы в Витебске [16, с. 126—127; 32, с. 159; 70, с. 236—237; 71, с. 135]. Причем отметим, что основу всех этих исследований составляют материалы «Сборника справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», который был подготовлен и издан в Москве сотрудниками Министерства государственной безопасности в 1952 г.

Из других учебных центров на территории области в историографии можно встретить эпизодические упоминания о школах в Полоцке [22, с. 170],

Глубоком [13, с. 151; 67, с. 224—225], Лепеле [71, кн. 2, с. 35], Орше [16, с. 128] и Шумилино [14, с. 4].

В 2016 г. автором было подготовлено исследование [28], посвященное деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Витебской области, в котором на основании новых выявленных данных было указано, что на территории Витебской за годы оккупации было открыто 9 учебных центров в: Витебске, Полоцке, Шумилино (детская школа), Городке (детская школа), Сенно, Орше, Осинторфе, Лепеле (две). В статье были обобщены и систематизированы новые выявленные данные по данной проблеме, а также указано, что через эти учебные центры прошло более тысячи агентов.

Уже после выхода данной статьи в архивных документах удалось обнаружить материалы, которые касались деятельности немецкой спецшколы в Бегомле. В одном из отчетов особого отдела партизанской бригады «Железняк» указывается: «В январе 1943 г. раскрыта немецко-шпионская школа в местечке Бегомль. . . Школа состояла из лиц бывшей советской интеллигенции местечка Бегомль. . . Лица этой школы задержаны и разоблачены» [52, л. 192—195]. Данная школа, видимо, действовала с лета 1942 г. [35, л. 203]. Кроме того, выявлен ряд свидетельств того, что подготовка и выпуск агентуры происходил в Толочине [37, л. 14об.; 46, л. 152; 48, л. 520, 535; 50, л. 396].

Анализируя историографию проблемы, касающейся Северо-Запада РСФСР, можно говорить о значительных наработках советской и российской историографии [4; 17; 18; 26; 31]. Укажем, что среди описанных учебных центров в этом регионе есть и свой «бренд» — это разведшкола «Цеппелин» в д. Печки. По аналогии с «брендовой» школой в БССР — Борисовской («Сатурн»). Школе в Печках посвящены воспоминания и документальные повести, а также различные исследования [7; 10; 12; 62; 63].

В декабре 1943 г. оперативная группа под руководством начальника особого отдела 1-й Ленинградской партизанской бригады Г. И. Пяткина подготовила и осуществила операцию по захвату ваффеншулле в д. Печки. Во время ее проведения в руки партизан и чекистов попал один из руководителей школы [31, с. 178].

Отметим еще одну, на наш взгляд, важную особенность — это тесное взаимодействие на северо-западе России немецких спецслужб (в первую очередь) с прибалтийскими националистическими организациями [20; 31]. Этот вывод еще ранее подтвердил Л. Барков: «ни в одной европейской стране, пожалуй, германская разведка не запустила свои щупальца так глубоко, как в буржуазной Эстонии. Можно без преувеличения утверждать, что государственный механизм довоенной Эстонии был опутан сетями шпионажа и измень» [1, с. 70, 75—77].

В историографии упоминаются данные о деятельности «разведшколы пос. Сиверский» [67, с. 147], «спецшколы в д. Натальевка» [6, с. 17], тренировочного лагеря под Шимском [68, с. 147], тренировочные лагеря в Лужском и

Себежском районах [19, с. 126], «школа гестапо в г. Себеже» [69, с. 22], школа в Пскове [58, с. 210—211].

Источниковая база по обозначенной проблеме достаточно широкая. Прежде всего, укажем на опубликованные сборники документов, основу которых составили рассекреченные документы спецслужб, а также новые материалы по истории партизанского движения [2; 3; 5; 9; 15; 57; 58; 59].

Анализ архивных документов нами был проведен ранее [27], в результате чего было выделено четыре основные группы документов: организационно-распорядительные (приказы, указания и рекомендации по ведению разведки, инструкции), планово-отчетные (отчеты, разведывательные и оперативные сводки, донесения, опросные листы, разведанные и др.), судебно-следственные (протоколы допросов, следственные дела) и справочно-информационные (справки, обзоры, аналитические и докладные записки). Анализ документов показывает высокую степень их репрезентативности и достоверности. Все эти группы характерны и при изучении немецких спецшкол на территории Витебской области и Северо-Западе РСФСР [34, л. 281—282; 36, л. 176об.; 37, л. 78об.—79; 38, л. 12; 39, л. 24; 40, л. 60; 41, л. 1; 42, л. 27—27об.; 43, л. 13; 44, л. 105—106об.; 47, л. 59, 110об.; 49, л. 1—3; 50, л. 21—22; 51, л. 95—103; 52, л. 7; 53, л. 64об.—66об.; 54, л. 103; 55, л. 166—167; 56, л. 131—133; 64, л. 41]. Кроме того, в разведывательных сводках Калининского штаба партизанского движения в апреле и сентябре 1943 г. сообщалось о том, что «отделением гестапо из Пустошки направлено в партизанские отряды 170 человек диверсантов и шпионов, окончивших месячные курсы, преимущественно женщины...», а также, что «в Опочка в начале августа 1943 года 20 девушек окончили школу шпионажа... и направлены для собирания данных о дислокации партизанских бригад с целью вступления в отряды» [45, л. 50, 141—142].

Подводя итог, укажем, что в историографии указанной темы встречается большое количество данных, хоть и разрозненных: определяются основные направления деятельности немецких спецшкол в этих регионах, социальная база вербуемых, приводятся отдельные сведения по некоторым операциям. Для более глубокого изучения темы необходимо введение в научный оборот новых архивных материалов, прежде всего из архивов спецслужб, а также «партизанских фондов» и немецких архивов. Такой подход позволит провести глубокий сравнительный анализ проблемы и сделать более точные выводы.

#### Источники и литература

1. Барков, Л. И. В дебрях абвера / Л. И. Барков. — Таллин: Эсти раамат, 1971. — 126 с.
2. Белик, И. К. Немецкая разведка является довольно сильным противником / И. К. Белик // Исторический архив. — 2000. — № 5. — С. 27—63.
3. Белорусский штаб партизанского движения. Сентябрь—декабрь 1942 г. Документы и материалы / Авт. сост.: В. Д. Селеменев, М. Н. Скоморощенко, М. Е. Тумаш. — Минск: Издательство «Белорусская энциклопедия им. П. Бровки», 2017. — 464 с.

4. В поединке с абвером. — Л.: Лениздат, 1974. — 320 с.
5. В тылу врага. Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1941 г. Сборник документов / Авт. сост. В. П. Самухин. — Л.: Лениздат, 1979. — 302 с.
6. Васильев, А. О. Гатчина в годы немецко-фашистской оккупации / А. О. Васильев. — СПб.: «Свет», 2018. — 32 с.
7. Васильева, Л. Г. Операция «С Новым годом!» / подгот.: А. Михайлов, Л. Г. Васильева // Лъновод (Палкинский р-н) от 27.12.2005. — С. 4—5.
8. Винкель, Э. ... «Гестапо...» / Э. Винкель. — М.: Изд-во ЦК МОПР, 1935. — 40 с.
9. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. — М.: Юридическая литература, 1975. — 726 с.
10. Герман, Ю. П. Операция «С Новым годом!»: [сборник]. — М.: Политиздат, 1964. — 423 с.
11. Гестапо. Сборник статей. — М.: «Молодая гвардия», 1937. — 142 с.
12. Гусев, Б. Последнее поручение: [беседа с Героем Советского Союза В. И. Никифоровым о Ю. П. Германе и его повести «Операция «С Новым годом!»] / Б. Гусев, В. И. Никифоров // Известия от 16.02.1967 г.
13. Долгополов, Ю. Б. Война без линии фронта / Ю. Б. Долгополов. — М.: Воениздат, 1981. — 200 с.
14. Закржевский, Г. В Шумилино немцы организовали детскую школу, готовившую диверсантов. Кто сейчас помнит об этом? / Г. Закржевский // Советская Белоруссия от 15 июля 2003 г. — С. 4.
15. Из истории партизанского движения на Новгородской земле в 1941—1942 годах: сборник документов / Сост. В. Г. Колотушкин. — Великий Новгород: ООО «Типография «Виконт», 2017. — 214 с.
16. Иоффе, Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии — Востоку» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. / Э. Г. Иоффе. — Минск: Харвест, 2007. — 384 с.
17. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941—1944 / Б. Н. Ковалев. — М.: Издательство АСТ, 2004. — 486 с.
18. Ковалев, Б. Н. Формы коллаборационизма несовершеннолетних на оккупированной территории России (1941—1944 гг.) / Б. Н. Ковалев // История государства и права. — 2010. — № 5. — С. 15—21.
19. Коновод, Н. О. Усилия германских спецслужб по созданию отрядов лжепартизан на Ленинградской земле в 1941—1942 гг. // XVI Царскосельские чтения: Человек — гражданин — правовое государство: материалы международной научной конференции (24—25 апреля 2012 г.) Т. III. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 123—126.
20. Крысин, М. Ю. Органы госбезопасности против буржуазных националистов Прибалтики / М. Ю. Крысин, М. Ю. Литвинов. — М.: Вече, 2017. — 416 с.
21. Кулик, С. В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941—1944 гг. (Проблемы политического и идеологического противоборства). СПб.: Изд. дом «Мирь», 2006. — 337 с.
22. Коровин, В. В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / В. В. Коровин. — М.: Русь, 2003. — 310 с.
23. Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / сост.: Н. Т. Пашчинский [и др.]. — Краснодар: Советская Кубань, 1997.

24. Кубаткин, П. Н. Подрывная работа фашистской разведки на Ленинградском фронте / П. Н. Кубаткин. — Л.: Госполитиздат, 1944. — 36 с.
25. Кубаткин, П. Н. Разоблачить происки фашистской разведки / П. Н. Кубаткин. — [М.]: Госполитиздат, 1942. — 20 с.
26. Кубаткин, П. Уничтожим шпионов и диверсантов / П. Кубаткин. — [М.]: Госполитиздат, 1941. — 16 с.
27. Кулинок, С. В. Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Вестник архивиста. — 2016. — № 4. — С. 74—86.
28. Кулинок, С. В. Немецкие разведывательно-диверсионные школы на территории Витебской области в годы Великой Отечественной войны / С. В. Кулинок // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сборник научных трудов. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2016. — Т. 22. — С. 39—44.
29. Кулинок, С. В. Школы и курсы немецких спецслужб для детей и подростков на территории Белорусской ССР (1941—1944 гг.) / С. В. Кулинок // Исторические чтения на Лубянке. 2015 год. Деятельность отечественных спецслужб в XIX—XXI веках. — М.: ОЭТО Росархива, 2016. — С. 211—226.
30. Кулинок, С. В., Халяпина, Л. П. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Советского Союза в 1941—1944 гг.: количественные и региональные характеристики / С. В. Кулинок, Л. П. Халяпина // Вопросы истории. — 2019. — № 12(3). — С. 215—219 (на англ. языке).
31. Литвинов, М. Ю., Седунов, А. В. Шпионы и диверсанты: борьба с прибалтийским шпионажем и националистическими бандформированиями на Северо-Западе России / М. Ю. Литвинов, А. В. Седунов. — Псков: Псковская областная типография, 2005. — 343 с.
32. Надгачаев, В. Н. Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... / В. Н. Надгачаев. — Минск: Кавалер, 2008. — 416 с.
33. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4п. — Оп. 33а. — Д. 5.
34. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 33а. — Д. 151.
35. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 33а. — Д. 154.
36. НАРБ. — Ф. 4п. — Оп. 33а. — Д. 174.
37. НАРБ. — Ф. 1350. — Оп. 1. — Д. 28.
38. НАРБ. — Ф. 1350. — Оп. 1. — Д. 35.
39. НАРБ. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 103.
40. НАРБ. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 384.
41. НАРБ. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 450.
42. НАРБ. — Ф. 1403. — Оп. 1. — Д. 639.
43. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 4.
44. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 850.
45. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 857.
46. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 859.
47. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 1. — Д. 887.
48. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 10.
49. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 56.
50. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 57.
51. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 62.

52. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 64.
53. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 2. — Д. 1311.
54. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 3. — Д. 20.
55. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 4. — Д. 411.
56. НАРБ. — Ф. 1450. — Оп. 21. — Д. 1.
57. Новгородские партизаны. Партизанское движение на Новгородской земле в 1941—1944 гг. Сборник документов и воспоминаний. — Великий Новгород: ОАО «Типография «Новгород», 2001. — 456 с.
58. О структуре и личном составе разведывательных и контрразведывательных органов и о политико-экономическом положении города Пскова в период оккупации его германо-фашистскими войсками, 25 октября 1944 г. // Псковские хроники: История Псковского края в документах и исследованиях. — Псков: ООО «Издательский Дом «Стерх», 2004. — Вып. 4. — С. 203—243.
59. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. — Т. 3: Крушение «Блицкрига». — Кн. 1: 1 января — 30 июня 1942 г. — М.: Русь, 2003. — 691 с.; Т. 4: Секреты операции «Цитадель». — Кн. 1: 1 января — 30 июня 1943 г. — М.: Русь, 2008. — 813 с.; Т. 4: Великий перелом. — Кн. 2: 1 июля — 31 декабря 1943 г. — М.: Русь, 2008. — 814 с.; Т. 5: Вперед на запад. — Кн. 1: 1 января — 30 июня 1944 г. — М.: Кучково поле, 2007. — 752 с.
60. Остряков, С. З. Военные чекисты / С. З. Остряков. — М.: Воениздат, 1979. — 320 с.
61. Пономаренко, П. К. Партизанское движение в Великой Отечественной войне / П. К. Пономаренко. — М.: ОГИЗ. Госиздат политической литературы, 1943. — 58 с.
62. Пяткин, Г. И. Крах «Цепелина»: документальная повесть / Г. И. Пяткин. — Л.: Лениздат, 1987. — 182 с.
63. Пяткин, Г. И. Операция без кода: документальная повесть / Г. Пяткин // Нева. — 1985. — № 5. — С. 18—66.
64. Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 69. — Оп. 1. — Д. 848.
65. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. С. Семиряга. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 863 с.
66. Смирнов, Н. И. Военные контрразведчики Беларуси. Память, люди, операции... / Н. Смирнов. — Минск: Белпринт, 2014. — 355 с.
67. Старобудцев, А. Ф. Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага / А. Ф. Старобудцев. — М.: Вече, 2010. — 448 с.
68. Трусов, И. К. Старорусские подпольщики / И. К. Трусов // Партизанскими тропами Приильменя. — Л.: Лениздат, 1981. — С. 144—150.
69. Цветков, А. В. Военный коллаборационизм и пропагандистская война на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны / А. В. Цветков. — Тверь: Тверской государственный университет, 2011. — 60 с.
70. Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. — Кн. 1 / С. Г. Чуев. — СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. — 383 с.; Чуев, С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха. — Кн. 2 / С. Г. Чуев. — СПб.: Издательский дом «Нева», 2003. — 447 с.
71. Чуев, С. Г. Разведывательные и диверсионные школы абвера / С. Г. Чуев // Военно-исторический архив. — 2002. — № 11. — С. 122—146.

**А. С. Кудрыцкий,**

*аспирант кафедры источниковедения исторического факультета  
Белорусского государственного университета*

## **БЕЛОРУСЫ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПОЛЬСКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ ИНТЕРБРИГАД РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АРМИИ ИСПАНИИ**

Гражданская война в Испании была самым крупным европейским вооруженным конфликтом в период между двумя мировыми войнами. Она использовала военную, техническую и экономическую помощь со стороны иностранных государств и массово привлекала иностранных добровольцев. В числе последних, прибывавших в Испанию со всего мира, были также и белорусы или уроженцы белорусских земель (далее для краткости они будут именоваться «белорусскими добровольцами»). Часть из них были советскими военнослужащими, отправленными в Испанию в рамках операции «Х», другие являлись простыми рабочими, крестьянами, врачами, служащими и т. д., которые воевали в Испании в составе интернациональных бригад.

Абсолютное большинство белорусских добровольцев интербригад были эмигрантами, которые в 1920-е—1930-е гг. уехали из II польской республики и нашли свой новый дом и работу по всему миру — от шахт Франции до полей Аргентины. Первые из них прибыли в Испанию уже в октябре 1936 г. и продолжали приезжать вплоть до 1938 г., когда интербригады были расформированы и интернированы во Франции.

Белорусские добровольцы воевали в различных подразделениях интернациональных бригад, однако своей собственной национальной боевой единицы в составе интербригад у них не было. Отдельные бывшие добровольцы рассказывали о планах формирования белорусской роты, но она так и не была сформирована [4, с. 7].

Тем не менее, во многих подразделениях республиканской армии Испании количество белорусов было велико: около 30 воевали в различное время в составе украинской роты им. Тараса Шевченко, значительное число добровольцев находилось в других ротах в составе батальона Палафокс 13-й интербригады. Политическим комиссаром этого батальона, одновременно и первым командиром роты им. Шевченко, был белорус Николай Дворников, который воевал в Испании под псевдонимом Станислав Томашевич. Некоторое число белорусских добровольцев воевало в составе роты им. Мицкевича, а затем и в батальоне им. Мицкевича, и в других боевых соединениях.

Участие белорусских добровольцев в гражданской войне в Испании не осталось незамеченным в периодической печати интернациональных бригад и соединений республиканской армии Испании, а также в отдельных работах, издаваемых в интербригадах. В рамках этой статьи будет сделана попытка проанализировать материалы периодической печати польских добровольцев интербригад в качестве источника о белорусских добровольцах. В



первой части будет проведен внешний и внутренний анализ периодической печати добровольцев как источника, а во второй описаны примеры упоминания в ней белорусских добровольцев.

В СССР отдельных исследований о периодической печати добровольцев не было. Еще во время гражданской войны в Испании вышла брошюра В. Фина «По страницам фронтовых газет героической Испании» [16], которая, однако, не содержала упоминаний газет непосредственно польских добровольцев.

Что же касается Польши, то этот вопрос неоднократно становился предметом исследования польских историков. Так, во время конференции, организованной Институтом национальной памяти Польши 26—28 июня 2018 г., целая секция была посвящена вопросам печати польских добровольцев интербригад или отражению их деятельности в печати Польши или других стран. В частности, в своем докладе Давид Загзил осветил некоторые вопросы истории и позиции польскоязычной прессы интербригад, а д-р Матей Коркуть рассмотрел вопросы пропаганды на страницах газеты «Домбровшчак». Стоит отметить, что в ряде вопросов польский Институт национальной памяти выступает с крайне тенденциозными позициями, и вопрос интербригад не стал исключением.

Интересную периодизацию развития республиканской фронтовой печати предложила российская исследовательница Чернышева О. В. в статье «Фронтовая республиканская печать периода гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.)» [17]. Выходили в России и другие статьи на данную тему [5].

Вопрос печати еврейских добровольцев, в т. ч. и тех, кто входил в состав польских подразделений интербригад, рассматривается также в книге Гербена Заагсма «Еврейские добровольцы: интернациональные бригады и гражданская война в Испании» [2].

Периодическая печать в качестве исторического источника неоднократно становилась предметом исследований специалистов по источниковедению. В русскоязычной историографии эта тема нашла свое отражение в работах М. С. Селезнева, М. Н. Черноморского и др. За рубежом эта тема становилась предметом исследования М. Харриса, Дж. Дон Ванна, Т. Ван Арследа, Ж.-Л. Секер и др. В целом, периодическая печать характеризуется как синкретический источник, вбирающий в себя материалы различных видов, часть из которых публикуется в период, незначительно отдаленный от описываемого события. В момент издания он содержит в себе цель информирования, формирования определенного мнения и др.

О роли периодической печати в республиканской армии Испании лучше всего свидетельствует брошюра М. Арпи Лоза «Полезность прессы в Народной армии зависит от ее правильной ориентации» [6] (*La utilidad de la Prensa en el Ejército Popular depende su justa orientacion*), вышедшая в 1937 году,

экземпляр которой в настоящее время находится на хранении в РГАСПИ. В брошюре описываются цели и задачи газеты в армии: указывается, что она должна быть агитатором и организатором в подразделении [6, л. 4]. Здесь прослеживается ленинский тезис о газете как о коллективном агитаторе и организаторе. В брошюре определяется и список тем, которые необходимо освещать в рамках газеты: как организовывать группы бойцов, как атаковать позиции врага, как использовать автоматическое оружие, а также информировать о политической ситуации в стране и мире. Первой целью армейской газеты, согласно данной брошюре, являлось поддержание боевого духа, а второй — улучшение военно-технической подготовки солдат.

В 1936—1938 гг. в Народной армии Испании выходил целый ряд польскоязычных армейских газет, как минимум одна газета на украинском, а также газеты на идиш и других языках, распространенных во Второй Польской республике. Наиболее универсальный способ их классификации был предложен Д. Загзилем в его выступлении на упомянутой выше конференции [1]. Он разделил фронтовую прессу на центральную и окопную. Такое разделение, основанное на профессиональности и отношениях с центральным штабом интербригад, можно считать уместным для рассмотрения данной проблемы.

В качестве примеров будет рассмотрен ряд как центральных, так и окопных изданий польских добровольцев интербригад. Это газеты «Домбровшчак» (Dąbrowszczak) [8], «Охотник вольности» (Ochotnik wolności) [7], «Напшуд» (Naprzód) [12], «Бартошчак» (Bartoszczak) [14], «Боротьба» и др. Среди них к центральной прессе можно отнести газеты «Домбровшчак» и «Охотник вольности», а остальные из перечисленных можно причислить к окопной прессе. Примеры окопной прессы: «Напшуд» — газета батальона «Палафокс» 13-й интербригады, «Боротьба» была газетой роты им. Шевченко, «Бартошчак» — газета батареи им. Гловацкого и т. д.

Цели периодической печати добровольцев формулировались или в специализированных брошюрах, таких как упомянутая выше, или непосредственно на страницах самих газет. Например, вышедшая в 50-м выпуске газеты «Домбровшчак» статья «Piedziesiąt numerów «Dąbrowszczaka»» цитировала цель газеты: «Домбровшчак» имеет своей целью не только информировать Вас о важнейших событиях в целом мире, но и одновременно будет он организатором нашей внутренней жизни, будет участвовать в усилении нашей стальной дисциплины [8, л. 72]. Можно сказать, что в своих целях центральная и окопная печать были схожими.

Сходства также выражались в тематике материалов и в способах передачи польского языка: в типографии отсутствовали польские литеры (как и в подразделениях, где пользовались печатными машинками без польских букв), поэтому текст на польском языке передавался без диакритических знаков: буквы «f», «ź», «ą», «ę», «ć», «ś», «ó», «ż», «ń» заменялись соответственно

на «f», «z», «a», «e», «c», «s», «o», «n». Иногда для передачи польских букв использовались испанские, к примеру «ñ» вместо «ń». Однако эта практика не была повсеместной. Исключением были рукописные окопные газеты, которые использовали буквы польского алфавита.

Еще одно сходство центральной и окопной прессы проявлялось в наличии в шапке указания на принадлежность газеты: «organ polskich ochotników republikańskiej armii hiszpańskiej» [8, л. 1] — «Домбровшчак»; «komp. Mickiewicza» [11, л. 3] — «Жолнеж вольности»; «Gazetka okopowa Batalionu Dabrowskiego 13 brygady» [10, л. 1] — «За вольность» и т. д. Еще одним сходством было наличие даты и номера. Особенностью окопных газет является указание в шапке названия фронта, на котором находилось подразделение в момент выхода газетки.

Между центральной и окопной прессой существовали также и различия. Разумеется, самым наглядным из них является способ издания: центральные газеты изготавливались в типографии значительным тиражом, в то время как окопные газеты создавались либо с помощью пишущей машинки, либо вовсе от руки. В центральной прессе печатались фотографии, которые отсутствовали в окопной прессе по понятным причинам.

Периодика польских добровольцев интербригад начинается с газеты «Домбровшчак», которая начала выходить уже с 24 декабря 1936 г. Вначале она выходила в качестве органа батальона им. Домбровского, а после стала газетой 13-й интербригады и всех польских добровольцев интербригад. Интересно, что один из первых номеров «Домбровшчака» попал в руки белорусского поэта Максима Танка, о чем он сделал заметку в своем дневнике 20 января 1937 г. [15, с. 150].

Создание собственной периодики происходило как по инициативе снизу, так и развивалось с помощью командования. Показательным примером здесь может быть газета роты им. Ботвина батальона Палафокс 13-й интербригады. Изначально она создавалась как окопная газетка роты, со всеми признаками последней (писалась от руки, от руки выполнялись и иллюстрации, и т. д.), вскоре ее редакции удалось выпустить несколько номеров в типографии, но затем она вернулась в окопный формат. Как и «Домбровшчак» превратился из газеты батальона в газету всех польских добровольцев, так и «Ботвин» штаб интербригад, вероятнее всего, готовил к тому, чтобы из газеты роты стать печатным органом еврейских добровольцев. Однако этот вопрос, несмотря на явную аналогию, требует дальнейшего исследования.

Тиражи центральных газет могли быть довольно крупными, в т. ч. и относительно общего количества добровольцев. Так, в течение первой половины 1937 г. тираж газеты «Домбровшчак» рос, пока не зафиксировался на отметке в 3000 экземпляров [8, л. 74]. При этом общее число польских добровольцев составляло около 4—5 тысяч, а сама газета активно передавалась за границу, в т. ч. и в Польшу, позиционируя себя как «орган народного фронта

Польши». Крупными тиражами издавался и «Охотник вольности», который сменил «Домбровшчак» в качестве центральной газеты польских добровольцев. Тиражи окопных газет обычно были небольшими и распространялись по принципу «прочел и передал другому».

Интересным фактом о печати польских добровольцев интербригад является связь центральной и окопной печати. На страницах центральных газет нередко размещались материалы из окопных газет [8, л. 26], а также статьи о начале выхода той или иной окопной газетки, иногда даже с дружеской критикой [8, л. 12].

Как центральные, так и окопные газеты пользовались популярностью у добровольцев. Например, присутствовавшие в ранних номерах призывы к добровольцам писать в газету сменялись конкретизацией требований. Существующая переписка между редакциями центральных газет и добровольцами также показывает, что многие добровольцы отправляли свои письма в редакцию с различными материалами или просьбами. В окопной прессе были нередки рекомендации к безопасному прочтению: в «Жолнеже вольности» (орган роты Мицкевича) за 14 апреля 1937 г. на первой полосе помещено объявление о том, чтобы товарищи читали «на позициях газетку осторожно» и не раскрывали «целый лист, чтобы не давать цели фашистам» [11, л. 1].

Важным вопросом в отношении печати домбровшчаков является ее идеологическая заряженность. Центральная пресса служила не только в качестве органа польских добровольцев, но и была органом штаба интербригад. Поэтому на ее страницах выражалась политическая позиция интербригад, и редакция не могла от нее отступить. Однако и окопная пресса, и стенгазеты отличались сильной идеологизированностью и в целом соответствовали политической линии интербригад.

Может сложиться впечатление, что печать домбровшчаков была одним из изводов коммунистической печати и имела плотную связь с Коммунистической партией Испании (далее — КПИ). Да, позиция газет была антифашистской, антисанационной (польское правительство нередко называлось фашистским), антитроцкистской и просоветской. Тем не менее, если сравнивать ее с советской фронтовой прессой времен Великой Отечественной войны, то бросается в глаза «беспартийность» как окопных, так и центральных газет. В них размещаются сообщения о событиях в различных политических партиях и организациях (КПИ, ИСРП, НКТ), но не публикуются постановления партийных органов КПИ или любой другой партии. Следить за партийной жизнью по прессе домбровшчаков проблематично. Это сильно контрастирует с представлениями об интербригадах как своеобразной «креатурой Коминтерна» и «армией Сталина», принятой в современной польской историографии.

Пресса домбровшчаков являлась определенной площадкой для демонстрации творчества добровольцев: публиковались стихи, рисунки (в основном шаржи и карикатуры), сообщения о культурных вечерах. Ближе к концу 1937 — началу 1938 г. в печати появляются материалы для изучения испанского языка.

В газетах регулярно публикуются результаты футбольных матчей между футбольными командами различных подразделений интербригады. И это становится как рубрикой внутри центральной прессы (в «Охотнике вольности» она называлась «Szal futbolowy» [7, л. 21]), так и внутри окопной прессы. Также встречаются заметки, описывающие различные случаи на кухне и другие бытовые вещи.

Негативные стороны из жизни интербригад практически не освещались, а если и освещались, то крайне осторожно. За пределами страниц как центральной, так и окопной прессы оказывались такие темы, как дезертирство добровольцев, алкоголизм, случаи антисемитизма, слабой морали, аресты добровольцев на почве троцкизма и т. д., несмотря на то, что такие случаи были и даже рождали целый тип документов в интербригадах (списки дезертиров, троцкистов и т. д.). Стоит напомнить, что одной из основных задач армейской прессы являлось поддержание боевого духа, и этим объясняется слабое освещение таких тем.

Но иногда они затрагивались. Например, в № 34 «Домбровшчака» от 10.07.1937 была помещена статья Белецкого под заголовком «Historia tow. Wojtka Matczaka (z galerei naszych bohaterow)». В ней рассказывалась история о добровольце, который был пьяницей, из-за чего рота часто сталкивалась с трудностями, но после того как в роту пришел новый политкомиссар, он стал образцовым добровольцем. В этой же статье указывается, что Матчак погиб в бою, отказавшись от помощи санитаров в пользу раненого товарища [8, л. 8].

В случаях с азартными играми на страницах газет использовался юмор. Так, в № 35 «Домбровшчака» публиковалось стихотворение «Spowiedź karciarza», в котором высмеивался картежник [8, л. 13об.].

В целом, как центральную, так и окопную прессу польских добровольцев интербригад можно считать ценным источником о жизни, быте, участии в боевых действиях самих добровольцев, а также ценным источником об уровне военной подготовки добровольцев, о тех идеологических сообщениях, которые командование считало важными для распространения в среде добровольцев. Хорошим вспомогательным источником являются письма домбровшчаков в редакции центральных газет, которые также позволяют понять, какие темы были важны для самих добровольцев и насколько они находили отражение на страницах печати.

Учитывая все вышесказанное, можно перейти к вопросу упоминания белорусов в печати польских добровольцев. Для центральной прессы характерны несколько типов упоминаний белорусов. Это краткие упоминания в

биографиях добровольцев (как белорусских, так и в рамках биографий добровольцев из других стран и регионов), в описании боевых действий, в материалах о сборах средств, в открытых письмах к добровольцам из-за границы, в некрологах (в некоторых случаях их можно отнести к биографиям), в перечислениях национальностей того или иного подразделения и др. Беларусь упоминалась в центральной прессе в основном в рамках новостей из Польши (материалы о действиях режима санации в отношении белорусов и украинцев и др.), упоминаний лагеря в Березе-Картузской, открытых писем к домбровшчакам от жителей Западной Беларуси, а также в рамках материалов о жизни в БССР и отдельных фотографий из БССР (иногда без упоминания места, которое снималось).

В окопной прессе белорусов обычно не упоминали, хотя встречались материалы, написанные белорусами. Например, Николай Коротынский, известный в Испании как Роман Стефаньский, белорус, политкомиссар батальона Мицкевича, только изредка публиковался в окопной газете, а материалов о нем в центральной печати не было. В целом, национальный вопрос для окопной прессы был менее приоритетным, чем для центральной, поэтому обычно на национальности того или иного добровольца акцент не делался.

Биографии белорусов-добровольцев представляются довольно интересными для получения начальных сведений об их судьбе, а также позволяют проводить параллели и по возможности верифицировать те или иные факты. Для примера можно рассмотреть биографию Станислава Томашевича, которая была помещена в № 34 «Домбровшчака» за 10 июля 1937 г. [8, л. 9]. В биографии не указаны ни город, где Николай Дворников (настоящее имя Станислава Томашевича) родился, ни год его рождения. Говорится, что он из рабочей семьи, что соответствовало реальной биографии Дворникова [3, с. 14]. Также верным являлось и то, что он в молодости работал в качестве слесаря (известно, что он работал на заводе Гомсельмаш). Тем не менее, в такой биографии видны и определенные допущения: сказано, что он революционизировался под гнетом на фабрике (начало его трудового пути пришлось на 1920-е гг. на государственном предприятии). Однако верно указано, что он довольно скоро становится членом КПЗБ. Фактом является и борьба Томашевича с польским фашизмом (Максим Танк отмечает это в своем дневнике [15, с. 123]), а также то, что он был известным в кругах белорусской молодежи. Таким образом, из газеты нам становится известна фактически легенда Станислава Томашевича в Испании, которая основана как на реальных фактах из его биографии, так и на адаптации некоторых событий из его жизни. Это позволило ему закрепиться в среде революционеров и подпольщиков.

Информация о Станиславе Томашевиче встречается также и в некрологе, который был опубликован в № 12 «Охотника вольности» за 1 мая 1938 г. после его гибели на фронте Эстремадуры. Автором некролога был

Г. Боген (Герман Моисеевич Дуа-Боген [3, с. 130]), который был знаком с Дворниковым по работе в ЦК КПЗБ и подполье Западной Беларуси, а в Испании был комиссаром 13-й интербригады. Особенностью этого некролога является то, что в нем указаны эпизоды революционной деятельности Дворникова в Западной Беларуси, обстоятельства знакомства Богена с ним, отношение Томашевича к гибели своих товарищей.

Еще одним примером является биография Владимира Бомбешко, опубликованная в № 36 газеты «Домбровшчак» [8, л. 15]. И если в случае с Николаем Дворниковым есть возможность верифицировать данные из газеты с другими источниками, то в случае с В. Бомбешко газета является основным источником информации о добровольце, поскольку не удалось найти ни его анкеты, ни автобиографии, ни краткой характеристики в соответствующих делах польских добровольцев интербригад.

Описания боевых действий также содержат упоминания о белорусах. В статье «При ЦКМ-ах» [8, л. 40] в «Домбровшчаке» упомянуто сразу несколько белорусов. Автор статьи, Василий Марчук, который в ряде документов отмечен как украинец, родился в деревне Корчицы (ныне Брестская область). Он описывает, как перед боем подошел к позиции станкового пулемета, которую обустроили белорусы Демьянчук и Бомбешко (в статье нет указания на их национальность, но она известна по другим документам), и спросил, где лучше поставить пулемет, на что Демьянчук ему предложил оборудовать позицию рядом с ним, т. к. позиции справа и слева уже были заняты. Затем описывался бой, в котором ЦКМ-ы (рота станковых пулеметов) поддерживали атаку батальона Гарибальди на позиции франкистов. Описание таких эпизодов в современной историографии о белорусских добровольцах в интербригадах редкость. В № 38 «Домбровшчака» в заметке о впечатлениях от стихотворения Олека Нуса «Уэска» дается и небольшое описание того самого боя, где упомянут и белорус Свекла [8, л. 23].

Материалы о сборах средств регулярно встречаются как в центральной, так и в окопной печати. Чаще всего это простые списки фамилий и имен, напротив которых размещена сумма пожертвования. В этих списках регулярно фигурируют белорусы, однако их национальность никак не отражена, поэтому о том, что это белорусы, известно только из иных источников (списки добровольцев, личные дела, автобиографии и др.).

Одной из постоянно проскальзывающих в газетах тем является лагерь в Березе-Картузской. В одном из номеров «Домбровшчака» целая страница была отдана материалу о добровольце, который некоторое время был заключенным Березы [8, л. 17об.].

Открытые письма и передача приветствий добровольцам также не обходились без упоминаний белорусов или выходцев из Беларуси. В № 39 «Домбровшчака» была размещена заметка «Bialystok-Puentealcina», в которой автор говорил, что рабочие из Пуэнте Альсина попросили его передать при-

вет тем белостокцам, которые воюют в бригаде им. Домбровского [8, л. 27]. В № 52 «Домбровшчака» было опубликовано письмо 82 белорусских крестьян Индорского района (вероятно из д. Индуры Гродненской области) к домбровшчакам. Что интересно, письмо это было опубликовано на белорусском языке латинским алфавитом, а ниже был размещен перевод на польский язык. В тексте писалось: «мы з велькаю гордасцю отчуваем што нашыя браты полякі, беларусы і украінцы яўляюцца лепшымі барцамі за нашую і вашую вольносць на далёком іспанскім фронце» [8, л. 86].

Одним из чаще всего встречающихся типов упоминаний белорусов в печати домбровшчаков является перечисление национальностей. Это используется чаще всего как риторический прием, который указывает на многонациональность роты или батальона, служит делу единения добровольцев различных национальностей. В окопной прессе такие приемы обычно не использовались.

Представления добровольцев к наградам и званиям также содержат сведения о белорусах. В № 14 «Охотника вольности» размещено представление к званию сержанта, где упомянуты Федор Воронища, Константин Каптур, Максим Кулик и другие белорусы.

БССР также не раз упоминалась в периодической печати добровольцев. В материале о жизни в СССР поляков упоминается Дзержинский польский национальный район, который был организован в 1932 г. в БССР, а на одной из страниц размещена фотография парада на ул. Советской в Минске, подписанная, правда, фразой президента Испании Х. Негрина о том, что у республики будет больше оружия.

Подводя итог, можно сказать, что материалы периодической печати польских добровольцев интербригад могут быть хорошим дополнительным источником о белорусских добровольцах в интербригадах. Этот источник позволяет раскрыть многие стороны жизни домбровшчаков, в том числе и их повседневность, открывает отдельные эпизоды биографий добровольцев, дает возможность проанализировать место и роль белорусских добровольцев среди польских. Некоторые добровольцы в силу того, что они занимали особое положение, гораздо чаще выступали авторами статей или становились их героями. Однако некоторые из них так и оставались в тени, несмотря на свое положение, в то время как по материалам периодической печати можно следить за боевым путем Николая Дворникова достаточно пристально. В белорусской историографии вопроса этот источник еще не использовался в полной мере и поэтому будет ценен как для исследователя, так и для читателя.

#### Источники и литература

1. Międzynarodowa konferencja naukowa «Dąbrowszczacy w trzech odsłonach» — sesja IV [Resurs elektroniczny]. — Tryb dostępu: <https://youtu.be/X0rpJtN3PuU>. — Data dostępu: 20.12.2019.



2. Zaagsma, G. Jewish volunteers, the international brigades and the Spanish Civil War / G. Zaagsma. — New York: Bloomsbury Publishing, 2017. — 264 p.
3. Воронкова, И. Беларусь и война в Испании / И. Ю. Воронкова. — Минск: НАН Беларуси, 2009. — 159 с.
4. Дробинский, Я. От Гомеля до Эстремадуры / Я. И. Дробинский. — Минск: Беларусь, 1971. — 192 с.
5. Коханова, Е. Пресса интернациональных бригад в годы гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.): анализ электронного ресурса / Е. А. Коханова // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. — 2013. — № 1. — С. 61—70.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). — Ф. 545. — Оп. 2. — Д. 321.
7. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 2. — Д. 369.
8. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 2. — Д. 439.
9. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 2. — Д. 85.
10. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 3. — Д. 349.
11. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 3. — Д. 351.
12. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 3. — Д. 352.
13. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 3. — Д. 354.
14. РГАСПИ. — Ф. 545. — Оп. 3. — Д. 651.
15. Танк, М. Поўны збор твораў: у 13 тамах / М. Танк. — Мінск: Беларуская навука, 2006—2012. — Т. 9: Лісткі календара. Дзённікі (1941—1959). — 2009. — 590 с.
16. Фин, В. По страницам фронтовых газет героической Испании / Фин В. Г. — Москва: Партиздат, ф-ка книги «Кр. пролетарий», 1937. — 70 с.
17. Чернышева, О. В. Фронтовая республиканская печать периода гражданской войны в Испании (1936—1939 гг.) / О. В. Чернышева // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2006. — № 6. — С. 85—90.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 14.09.2020*

**З. В. Антановіч,**

*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта  
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,  
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;  
e-mail: zinantonowicz@gmail.com*

### **КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПРЫХОДАЎ МІНСКАЙ ПРАВАСЛАЎНАЙ ЕПАРХІІ Ў КАНЦЫ ХVІІІ — ПАЧАТКУ ХХ ст.**

Рэгіянальная (лакальная) гісторыя сёння з'яўляецца адным з актуальных напрамкаў даследаванняў у айчынай гістарычнай навуцы. Яна ўключае шматаспектнае вывучэнне мясцовага кіравання, эканамічнага развіцця, побыту насельніцтва, дзейнасці ўстаноў і прадпрыемстваў канкрэтнага населенага пункта або іх сукупнасці (рэгіёна). У гэтым кантэксце пры вывучэнні гісторыі мясцовасці да пачатку ХХ ст. неабходны зварот да дакументальнай спадчыны канфесіянальных устаноў, якія аказвалі значны ўплыў на фарміраванне светапогляду насельніцтва гэтага перыяду. Сярод іх праваслаўе з'яўляецца адной з найбольш распаўсюджаных і ўплывовых на грамадскае жыццё канфесій на беларускіх землях. Яе адміністрацыйна-тэрытарыяльная структура была вызначана Кіеўскай мітраполіяй, а пазней — Маскоўскім патрыярхатам і ў канцы ХVІІІ ст. уключала епархію, якая падзялялася на духоўныя праўленні (пазней — благачынні) [26]. Апошнія аб'ядноўвалі прыходы — ніжэйшыя адміністрацыйна-тэрытарыяльныя адзінкі, якія выконвалі шырокія функцыі ад душпастырскай апекі над прыхаджанамі, рэгістрацыі грамадзянскага стану да кантролю за настроймі насельніцтва [22]. Пры гэтым, калі ў выніку шэрагу рэарганізацый у Расійскай імперыі змяняліся межы епархій і благачынняў, то прыходы заставаліся, і іх архівы, выяўленыя і інфармацыйна аб'яднаныя, можна выкарыстоўваць у шэрагу напрамкаў навуковых даследаванняў і папулярызацыі гістарычных ведаў, як гэта ажыццяўляюць прадстаўнікі іншых веравызнанняў [23]. Мэты даследчыка могуць факусіравацца на аднаўленні гісторыі прыхода, рэканструкцыі яго архіва або пэўнай тэматыцы, але агульныя падыходы да правядзення даследавання па прыходах хрысціянскіх канфесій і крыніцы выкарыстоўваюцца аналагічныя. Найбольш шырокім па колькасці прыцягваемых дакументальных матэрыялаў і метадаў будзе першы з названых напрамкаў.

У першую чаргу неабходна ўстанавіць месца захоўвання асноўнага комплексу матэрыялаў дзейнасці ўстановы і азнаёміцца з даступнай інфармацыяй пра іх дакументальны склад. Нягледзячы на значнасць, прыходскія архівы захаваліся фрагментарна. Па гэтай прыкмеце (захаванасці) іх можна падзяліць на тры групы: асобныя архіўныя фонды, комплексы дакументаў, захаваныя непасрэдна ў цэрквах або ў прыватных асоб, і матэрыялы ў складзе кансісторскіх архіваў. Першая група налічвае каля 490 фондаў у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (НГАБ), з якіх 53% па Мінскай, 34% па Магілёўскай, 16% па Віцебскай губернях і 127 фондаў у НГАБ у Гродна па адпа-

веднай губерні [25]. Іх склад абумоўлены ўмовамі захоўвання ў дзейнасці ўстаноў і апрацоўкі падчас архіўнага захоўвання, пачынаючы з працэсу фандзіравання, падчас якога маглі быць памылкі ў аднясенні дакументаў да архіўных фондаў, і наступнай экспертызы каштоўнасці дакументаў з вылучэннем іх да знішчэння. Неабходна ўлічваць, што да канца XVIII ст. значная частка прыходаў стала ўніяцкімі, а пасля 1839 г. — зноў праваслаўнымі, таму неабходна дэталева вывучаць гісторыю прыходаў, вылучаць няпрофільныя справы і звяртацца таксама да дакументальнай спадчыны адпаведных устаноў. У шэрагу выпадкаў у цэрквах не ствараліся адпаведныя ўмовы вядзення і захоўвання дакументаў. Адбіваўся і чалавечы фактар, калі асоба, адказная за архіў, ім не клапацілася і магла выкарыстоўваць дакументы на ўтылітарныя патрэбы (ацяпленне і г. д.), як Міхаіл Маленюк [17]. Акрамя таго, уплывалі фактары аб'ектыўнага характару (умовы захоўвання, ваенныя дзеянні і г. д.). Таму іх склад абмежаваны пераважна метрычнымі кнігамі аб народжаных, шлюбаваных і памерлых, што абумовіла цікавасць да іх з боку пераважна даследчыкаў генеалогіі, гістарычнай дэмаграфіі і шэрагу іншых дысцыплін гістарычнага і сацыялагічнага цыклаў.

Частка дакументаў прыходаў магла застацца ў прыватных асоб, што звязана з цэнтралізацыяй захоўвання гістарычных крыніц у 1920—1930-я гг. Разам з каштоўнасцямі з зачыненых храмаў рэквізіраваліся дакументы, якія перадаваліся ў дзяржаўныя архіўасховішчы. З апошніх былі ўтвораны архіўныя фонды, якія згаданы вышэй. Асобныя святары хавалі найбольш каштоўную, з іх пункту гледжання, дакументацыю на прыхрамавай тэрыторыі або раздавалі на захоўванне надзейным прыхаджанам (другая група комплексаў дакументаў па захаванасці). Калі ў складзе архіўных фондаў у працэсе выяўлення няпрофільных спраў могуць быць змены, то закансерваваныя дакументы або захоўваемыя прыватнымі асобамі трапляюць у навуковы ўжытак толькі са зменамі пад уплывам аб'ектыўных фактараў. Напрыклад, частка архіва Ракаўскай царквы за XVIII—XIX стст. была схавана і знойдзена толькі падчас яе рамонту [24]. Прыватнымі асобамі ў навуковы ўжытак вернуты споведныя ведамасці Усялюбскай царквы Навагрудскага павета за 1843—1910 гг. (В. Кенць), матэрыялы дзейнасці Цвецінскай і Парэцкай цэркваў сярэдзіны XIX ст. (В. Швед і А. Сідарук) [24]. Шэраг знаходак перададзены з прыходаў у Царкоўна-гістарычны музей Беларускай праваслаўнай царквы [9]. Асобныя дакументы і зборы маглі трапіць на захоўванне ў бібліятэчныя і музейныя ўстановы.

Да апошняй групы захаваных крыніц па гісторыі прыходаў адносяцца дакументальныя комплексы кансісторый, якія дзейнічалі на беларускіх землях — Магілёўскай, Полацкай і Мінскай. Архіўны фонд апошняй сярод іх з'яўляецца найлепш захаваным (звыш 46 338 спраў) [10], нягледзячы на тое што падчас архіўнага захоўвання ён адносіўся да фондаў трэцяй катэгорыі, якія лічыліся ў савецкі час тэматычна абмежаванымі, што цягнула за сабой

экспертызу каштоўнасці дакументаў з наступным іх знішчэннем. Акрамя таго, згаданы фонд дагэтуль камплектуецца метрычнымі кнігамі аб народжаных, шлюбаваных і памерлых, якія перадаюцца па 75-гадовым тэрміне захоўвання ў аддзелах рэгістрацыі грамадзянскага стану і фактычна належалі цэрквам [21]. Крыніцамі ж камплектавання ўласнага архіва Мінскай кансісторыі выступалі матэрыялы ўласнай дзейнасці, а таксама дзейнасці ліквідаваных да 1918 г. прадстаўніцтваў царквы. Таму гісторыю прыходаў можна ўзнавіць з захаваных сістэм агульнай і спецыяльнай (канфесіянальнай) справаводнай дакументацыі кансісторыі. Да гэтага фонду мэтазгодна звяртацца пасля вывучэння гісторыі прыхода і матэрыялаў дзейнасці самога прыхода, калі яны захаваліся ў асобным фондзе.

Для выяўлення крыніц па гісторыі прыходаў з архіўнага фонду Мінскай кансісторыі неабходна ўяўляць дакументаабарот кансісторыі і цэркваў. Адказнымі асобамі за дакументаванне дзейнасці прыхода былі святар і члены прычту. Па падліках на прыкладзе архіва Лепельскага сабора аб'ём дакументаабароту ў сярэдзіне XIX ст. складаў каля 400 дакументаў у год. Уваходная дакументацыя складала каля 70% архіва і ўключала ўказы (інструкцыі, правілы) кіраўніцтва епархіі і духоўнага праўлення або благачыння, адносіны, паведамленні дзяржаўных органаў і ўстаноў [1]. Пры даследаванні архіваў прыходаў неабходна ўлічваць, што прыватныя асобы звярталіся да приходскага кліру ў вуснай форме для задавальнення душпастырскіх патрэб, рэлігійных абрадаў, а пісьмовыя звароты былі рэдкімі і тычыліся выдачы выпісаў з метрычных кніг і іншых пытанняў. Скаргі і прашэнні пераважна накіроўваліся вышэйстаячым органам і службовым асобам без капіравання ва ўласны архіў. Нават прашэнне дазволіць уступіць у шлюб накіроўвалася ад імя супружнікаў святаром, як у выпадку селяніна с. Аздалічы Мазырскага пав. Стаха Кадоліча [15, арк. 11].

Значная частка выходнай дакументацыі, што займала каля 20—25% агульнага аб'ёму дакументаабароту, тычылася ўзаемадзеяння з органамі канфесіянальнай і мясцовай грамадзянскай улады, што забяспечвалася рапартамі аб выкананні атрыманых распараджэнняў [1]. Напрыклад, з сярэдзіны XIX ст. месцам знаходжання прыватных асоб падчас епітым'і былі прыходы, а святары паведамлялі ў кансісторыі пра іх паводзіны ў гэты час [5]. Калі асоба змяняла месца жыхарства, то яна перадавалася пад нагляд іншага святара, як Мікіфар Стаўглаз, сляпы валацуга, які быў затрыманы ў Мінску і накіраваны ў прытулак пры Кацярынінскай царкве ў 1835 г., затым перададзены пад апеку старавера Фамы Іванова ў в. Барсукі Барысаўскага пав., а нагляд за выкананнем епітым'і быў даручаны мясцоваму святару [16, арк. 4—5].

Унутраная дакументацыя складалася пераважна з метрычных кніг аб народжаных, шлюбаваных і памерлых. Асобна вяліся кнігі перадшлюбных вобыскаў і кнігі далучаных да праваслаўя. У другой палове XIX ст. у прыходах вяліся і «сшыткі царквы па розных справах» аб дастаўленні дакументаў,

напрыклад, па справах аб епітым'і, калі яе адбывалі ў царкве, або выдачы выпісаў з метрычных кніг. Асобнымі крыніцамі з'яўляюцца парафіяльныя хронікі або прыходскія летапісы, якія інтэнсіўна складаліся святарамі з другой паловы 1860-х гг., але мала захаваліся. Да ўнутранай дакументацыі таксама адносяцца прыхода-расходныя кнігі, рэестры ўваходнай, выходнай і іншай дакументацыі, вопісы спраў архіва [1].

У фондах кансісторый згаданыя вышэй дакументы маглі адкласціся ў выглядзе асобных спраў або нарадаў дакументаў, якія выяўляюцца падчас працы з вопісамі. Справы ў іх сістэматызаваны ў вопісе 1 архіўнага фонду 136 «Мінская праваслаўная кансісторыя», у якім захоўваецца пераважная частка архіва самой установы, у храналагічным парадку пры адначасовай адсутнасці прадметных паказальнікаў, што ўскладняе працу з ім. Іншыя вопісы фарміраваліся ў працэсе захоўвання фонду ў дзяржаўных сховішчах і сістэматызаваны па паступленнях, пераважна з выкарыстаннем геаграфічнай, намінальнай і храналагічнай прыкмет [8; 10]. На падставе вопісаў могуць быць выяўлены крыніцы па гісторыі прыходаў з канфесіянальнай дакументацыі кансісторый (адміністрацыйныя справы, уліковая, дагаварная, судовая дакументацыя, матэрыялы па змене веравызнальнай прыналежнасці і рэгістрацыі грамадзянскага стану прыватных асоб). Пры гэтым неабходна ўлічваць, што асобныя дакументы могуць з'яўляцца часткай архіва прыхода, а іншыя належаць справаводству кансісторый і толькі адлюстроўваюць гісторыю гэтага прыхода. Да апошніх прыкладаў належыць справа аб выдзяленні сродкаў на рамонт Мінскай Кацярынінскай царквы і дома, цэрквам Барысаўскага пав., лошніцкаму благачыннаму (па 1000 руб.), якая ў 1816 г. разглядалася Мінскай кансісторыяй. Грошы былі выдзелены яшчэ ў верасні 1814 г., але не было прыхода-расходных кніг, што выклікала неабходнасць правядзення следства для высвятлення аб'ёму выкарыстаных сум і афармлялася ўказами кансісторый [13, арк. 5—6адв.].

Каштоўнымі крыніцамі сярод канфесіянальнай дакументацыі з'яўляюцца адміністрацыйныя справы аб пабудове або рамонце цэркваў, адміністрацыйных спрэчках, а таксама ўліковая дакументацыя. Напрыклад, асвячэнне капліцы ў с. Міскавічы Пінскага пав. на месцы згарэўшай Троіцкай царквы [11]. Дагаварнай дакументацыі ў архіўным фондзе 136 захавалася няшмат, у тым ліку па прычыне яе невялікага аб'ёму ў справаводстве кансісторый. Напрыклад, у 1816 г. памешчык Казлоўскі арандаваў два млыны ў с. Мухаеды Рэчыцкага пав., якія належалі Пінскаму Богаяўленскаму мужчынскаму манастыру і Слуцкаму Спаса-Іллінскаму дзівочаму манастыру [12]. Пошук па вопісах архіўных фондаў расійскіх сховішчаў арганізаваны на сайце Расархіва. Сярод найбольш цікавых у кантэксце даследаванняў прыходаў будуць фонды Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва: ф. 796 «Канцылярыя Сінода», ф. 797 «Канцылярыя обер-пракурора Сінода», ф. 804 «Прысутнасць па справах праваслаўнага духавенства пры Сінодзе» [27]. Дакументы гэтай

сістэмы таксама захоўваюцца ў сховішчах Польшчы, дзе іх і фотаматэрыялы можна вылучыць з дапамогай інфармацыйна-пошукавай сістэмы, у тым ліку з лічбавымі копіямі. Напрыклад, у Архіве сучасных актаў захоўваецца праект на пабудову царквы ў м. Нобель Пінскага пав. [32]. Пасля паўстанняў 1830-х і 1860-х гг. шэраг рымска-каталіцкіх кляшараў і прыходаў былі перададзены праваслаўнай царкве, таму карысным будзе зварот да польскай інфармацыйна-пошукавай сістэмы па месцах захоўвання звестак па скасаваных кляштаррах. Сярод іх маецца інфармацыя пра захоўванне матэрыялаў па гісторыі пінскіх бернардынаў (з 1830-х гг. — Свята-Варварынская царква) у бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта [30]. Асобныя дакументы захоўваюцца ў Літве і змешчаны на Архіўным партале Еўропы, іх апісанні і лічбавыя копіі даступны анлайн [29; 32].

Безумоўна, цікавай масавай крыніцай выступаюць матэрыялы па рэгістрацыі грамадзянскага стану, пошукавыя сістэмы па якіх маюцца ў Беларусі і замежжы. Працу з апошнімі мэтазгодна пачынаць з сістэмы «Дапаможнік», якая дазваляе па назве населенага пункта ўдакладніць яго аднясенне да пэўнага прыхода і колькасць прыходаў у ім у XVIII — пачатку XX ст. [4]. На сайце «Архівы Беларусі» змешчаны міжфондавы паказальнік па метрычных кнігах аб народжаных, шлюбаваных і памерлых, якія захоўваюцца ў НГАБ [3]. Спасылка на названы сайт маецца і на неафіцыйным генеалагічным інфармацыйным рэсурсе «Исследование родословной: от одной записи до родословной книги» [7]. Лічбавыя копіі асобных метрычных кніг беларускіх цэркваў змешчаны на інфармацыйных рэсурсах краін Балтыі [6; 31; 32]. Крыніцы па эмігрантах у ЗША маюцца ў інфармацыйна-пошукавай сістэме Нацыянальных архіваў і кіравання дакументамі [28].

Пры гэтым частка судовай дакументацыі, а таксама справы аб змене веравызнаўчай прыналежнасці патрабуюць падакументнай распрацоўкі для выкарыстання ў якасці крыніц па гісторыі прыхода, таму што яго назва не ўваходзіць у загаловак справы. Напрыклад, у справе па скасаванні шлюбу Мартына і Ганны Канапляннікавых згаданы не толькі прыход, у якім адбылося вянчанне, але і месца служэння святаром першага мужа Ганны [18, арк. 1—2]. У адрозненне ад гэтых судовых спраў, загалуюкі аб прызначэнні епітым'яў пераважна ўтрымліваюць назву мясцовасці, адкуль паходзяць абвінавачаныя [19, арк. 1—2]. Аднак у шэрагу выпадкаў прыход, да якога планаваў далучыцца прадстаўнік іншага веравызнання пры яго змене, мог не пазначацца, як у выпадку Янкеля Шмойлавіча, які пражываў у дзядзькі на Ляхаўцы (г. Мінск) у 1818 г. [14, арк. 2—2адв.].

Калі выяўленне матэрыялаў па гісторыі прыходаў з канфесіянальнай дакументацыі кансісторый засяроджана пераважна на азнямленні з загалуюкамі спраў, то з'яўшчыная праца даследчыка па агульнай дакументацыі кансісторый патрабуе выяўлення асобных дакументаў па гісторыі прыходаў шляхам падакументнага прагляду спраў. Зыходзячы з накіраванасці дакументапа-

токаў, уваходная і выходная дакументацыя прыходаў можа быць вылучана з сістэмы агульнай справаводнай дакументацыі кансісторый: распарадчай (указы (інструкцыі, правілы) кіраўніцтва епархіі), пратакольнай дакументацыі, матэрыялаў па асабовым складзе духавенства і перапіскі.

Працэсам пратэстацыі (журналы і пратаколы пасяджэнняў) фіксіраваўся працэс прыняцця рашэння па пытаннях, якія ўваходзілі ў сферу кампетэнцыі кансісторый, а распарадчай — гэтыя рашэнні афармляліся і накіроўваліся на выкананне. Гэтыя крыніцы перапляталіся па пэўных перыядах, але да іх не складаліся асабовыя і геаграфічныя паказальнікі, таму выяўленне асобных дакументаў патрабуе пааркушнага перагляду. У справаводстве кансісторый адлюстроўваліся нават такія дробныя пытанні, як арганізацыя выбараў царкоўнага старасты ў с. Ачыж замест цырульніка Міхаіла Назарэвіча [13, арк. 9—9адв.].

Каштоўнымі з’яўляюцца таксама матэрыялы па асабовым складзе духавенства, якія адносяцца да сістэмы агульнай дакументацыі. Сярод іх найбольш карыснымі для даследавання гісторыі прыходаў прадстаўляюцца кліравыя ведамасці, якія захаваліся фактычна за ўвесь перыяд функцыянавання Мінскай кансісторый. Агульнай інфармацыяй азначаных крыніц у працэсе іх развіцця з’яўляецца характарыстыка царкоўных пабудоў, прыпісных цэркваў і капліц, рэчаў для правядзення набажэнстваў, колькасці святароў, усебаковая адзнака святароў і царкоўных служачых (у т. л. узрост, паходжанне, узровень адукацыі, сямейны стан, падсуднасць, кар’ерны рост). У канцы адзначалася колькасць прыхаджан і двароў, у якіх яны пражывалі, наяўнасць іншаверцаў у прыходах. З пачатку XIX ст. у першым раздзеле кліравых ведамасцей адзначалася захаванасць метрычных кніг аб народжаных, шлюбаваных і памерлых, споведных спісаў, якія з’яўляліся часткай архіва ўстаноў [2]. У асобных выпадках паводле інфармацыі кліравых ведамасцей можна прасачыць парушэнні ў арганізацыі архіва ўстановы падчас яе функцыянавання. Напрыклад, 25 рублёў са святара Шацкай царквы Нікіфара Капачынскага і 15 рублёў з псаломшчыка Аляксандра Малевіча былі спагнаны за неадпаведнае вядзенне дакументацыі ў 1904 г. [20, арк. 387адв.—389].

Такім чынам, прыходскія цэрквы з’яўляліся ніжэйшымі адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі адзінкамі праваслаўнай царквы, архівы якіх камплектаваліся разнастайнымі матэрыяламі і ўтрымліваюць каштоўныя крыніцы для шматаспектнага вывучэння рэгіянальнай гісторыі. Цалкам дакументальныя комплексы не захаваліся ў выніку фактараў аб’ектыўнага і суб’ектыўнага характару, таму выяўленне іх матэрыялаў і іх інфармацыйнае аб’яднанне з’яўляецца ключавым момантам паспяховага даследавання. Дэталізацыя і працягласць праведзенай працы залежыць ад пастаўленай мэты: гісторыя прыхода вымагае акумуляцыі максімальнай колькасці крыніц, а рэканструкцыя архіва — толькі матэрыялаў справаводства прыхода. У любым з выпадкаў неабходна на падставе гістарыяграфіі высветліць звесткі па гісторыі прыхода,

акцэнтуючы змены ў тэрытарыяльных межах і зменах у сферы кампетэнцый. Гэта дазволіць у тым ліку вызначыць месцы захоўвання матэрыялаў, звязаных з дзейнасцю прыходаў.

Першапачатковай крыніцай па гісторыі прыхода з'яўляецца яго архіўны фонд, пры наяўнасці. На практыцы, крыніцазнаўчая вартасць гэтага фонду ў пераважнай большасці выпадкаў абмежавана генеалагічнымі звесткамі. Аднак азнаямленне з імі дазваляе ацаніць рэпрэзентатыўнасць архіўнага фонду даследуемага прыхода. Зварот да матэрыялаў Мінскай кансісторыі дазваляе рэканструяваць відавую структуру складу архіваў і гісторыю прыходаў. Да такіх крыніц адносяцца з падсістэм агульнай справаводнай дакументацыі кансісторыі распарадчая і пратакольная дакументацыя, перапіска, матэрыялы па асабовым складзе духавенства. Найбольш каштоўнымі са спецыяльнай (канфесіянальнай) дакументацыі кансісторыі з'яўляюцца адміністрацыйныя справы, уліковая і дагаварная дакументацыя. Пры гэтым эўрыстычная праца з агульнай дакументацыяй і часткай канфесіянальнай патрабуе падакументнага азнаямлення са справамі. У іншых выпадках можна абмежавацца выяўленнем спраў па вопісах спраў фондаў. Адначасова неабходна звяртацца да інфармацыйна-пошукавых сістэм, якія змешчаны ў адкрытым доступе айчыннымі і замежнымі дакументальнымі сховішчамі. Аднак пазначанымі матэрыяламі не ўзнаўляецца ўнутраны дакументапатак прыходаў. Менавіта гэтыя дакументы з'яўляюцца ўнікальнымі, але захаваліся фрагментарна.

У залежнасці ад аб'ёму выяўленых крыніц даследчыкам прымаецца рашэнне аб мэтазгоднасці іх капіравання для ўзнаўлення архіва ўстанова, а архівістам — абгрунтаванасці выдзялення на падставе прынцыпу правеніенцыі з архіўных фондаў іншых устаноў як няпрофільных пры іх удасканаленні і перапрацоўцы. Адначасова з выяўленнем дакументацыі прыходаў мэтазгодна ствараць аўтаматызаваны пералік дакументаў і спраў, удакладняючы іх загалюкі і адзначаючы наяўнасць лічбавых копіяў дакументаў у адкрытым доступе. Эўрыстычная праца прадстаўляе сабой пастаянны працэс выяўлення і ўвядзення ў навуковы ўжытак дакументаў прыхода з актуалізацыяй пераліку. Пры гэтым неабходна ажыццяўляць папулярызацыю выяўленых крыніц сярод шырокіх сацыяльных груп праз інфармацыйныя рэсурсы і сацыяльныя сеткі. Гэта абумоўлена тым, што веданне складу архіваў прыходаў будзе садзейнічаць удасканаленню і перапрацоўцы фондаў згаданых устаноў, а раскрыццё інфармацыйнага патэнцыялу — дыверсіфікацыі навуковых даследаванняў у галіне краязнаўства, генеалогіі, сацыялогіі, гісторыі культуры і г. д., што можа быць запатрабаваным шырокімі коламі насельніцтва ад зацікаўленых у гісторыі малой радзімы да вучняў навучальных устаноў.

#### Крыніцы і літаратура

1. Антановіч, З. В. Склад архіва Лепельскага Спаса-Праабражэнскага сабора ў 1862—1864 гг. // Актуальныя праблемы істочніковедення: материалы IV Междунар. научно-практической конф. к 420-летию дарования Витебску магдебургского права.



- Витебск, 20—21 апр. 2017 г. / редкол.: А. Н. Дулов и М. Ф. Румянцева. — Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. — С. 95—98.
2. Антановіч, З. В. Кліравыя ведамасці Мінскай епархіі як гістарычная крыніца (па матэрыялах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДДАС, 2018. — Вып. 19. — С. 51—60.
  3. Архівы Беларусі [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://archives.gov.by>. — Дата доступу: 20.05.2020.
  4. Дапаможнік: пошукавая сістэма [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://helper.archonline.by>. — Дата доступу: 20.05.2020.
  5. Матвеева, Е. С. Особенности развития пенитенциарной практики монастырей во второй половине XIX — начале XX века (на материалах Орловской епархии) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-penitentsiamoy-praktiki-monastyrey-vo-2-y-polovine-xix-nachale-xx-veka-na-materialah-orlovskoy-eparhii>.
  6. Межгосударственный э-архив [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://earchive-estlatrus.eu>. — Дата доступа: 20.05.2020.
  7. Исследование родословной: от одной записи до родословной книги [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://metrics.tilda.ws/belarus>. — Дата доступа: 20.05.2020.
  8. Навукова-даведачны апарат // НГАБ [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://niab.by/newsite/by/navukova-davedachny-apatat>. — Дата доступу: 05.08.2020.
  9. Национальный исторический архив Беларуси и Церковно-исторический музей Белорусской православной церкви сотрудничают в хранении архивных материалов // Минская епархия Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravminsk.by/news/nacionalnyj-istoricheskij-arhiv-belarusi-i-cerkovno-istoricheskij-muzej-belorusskoj-pravoslavnoj-cerkvi-sotrudnichajut-v-hranenii-arhivnyh-materialov>. — Дата доступа: 20.05.2020.
  10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Ф. 136.
  11. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 922.
  12. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 4165.
  13. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 4176.
  14. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 4705.
  15. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 11045.
  16. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 11351.
  17. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 16510.
  18. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 18043.
  19. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 22583.
  20. НГАБ. — Ф. 136. — Воп. 1. — Спр. 41142.
  21. Новыя паступленні // НГАБ [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://niab.by/newsite/by/new-postupl>. — Дата доступу: 05.06.2020.
  22. Прыход // Рэлігія і царква на Беларусі: энцыклапедычны даведнік / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 2001. — С. 269.
  23. Рыма-каталіцкая парафія Маці Божай Бялыніцкай [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.kasciol.by/index.php/ru/parafiya/gistoryya-parafii>. — Дата доступу: 05.06.2020.
  24. Степура, Н. Листая пожелтевшие страницы: репортаж из Национального исторического архива Беларуси [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/listaya-pozheltevshie-stranitsy.html>. — Дата доступа: 20.05.2020.

25. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Сайт «Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь». — Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/>. — Дата доступа: 07.05.2020.
26. Шэйкін, Г. М., Матрунчык, М. А., Грыгор'ева, В. В., Ганчарук, І. А., Казуля, С. В. Епархія // Рэлігія і царква на Беларусі: энцыклапедычны даведнік / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БелЭн, 2001. — С. 104—107.
27. Электронные описи федеральных архивов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusarchives.ru/elektronnye-opisi-federalnyh-arhivov>. — Дата доступа: 15.05.2020.
28. Access to Archival Databases [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://aad.archives.gov>. — Дата доступу: 20.05.2020.
29. Archives Portal Europe [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://www.archivesportaleurope.net>. — Дата доступу: 12.05.2020.
30. Dziedzictwo kulturowe po klasztorach skasowanych na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej oraz na Śląsku w XVIII i XIX w.: losy, znaczenie, inwentaryzacja [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.kasaty.uni.wroc.pl>. — Дата доступу: 20.05.2020.
31. Raduraksti [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.lvva-raduraksti.lv>. — Дата доступу: 18.05.2020.
32. Szukaj w archiwach [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.szukajwarchiwach.pl>. — Дата доступу: 18.05.2020.
33. Virtuali elektroninio paveldo sistema [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://www.epaveldas.lt>. — Дата доступу: 18.05.2020.

*Артыкул наступіў у рэдакцыю 15.09.2020*

*Е. П. Дернович,*  
*старший научный сотрудник отдела документоведения*  
*Белорусского научно-исследовательского института*  
*документоведения и архивного дела,*  
*магистр исторических наук;*  
e-mail: katry@tut.by

## **ОСНОВНЫЕ ВИДЫ УПРАВЛЕНЧЕСКО-РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В ДОКУМЕНТАЦИОННОМ ОБСЛУЖИВАНИИ ОБЩЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XVIII в.**

Деятельность органов каждой из ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной)\* находит отражение в соответствующих комплексах документов. Деятельность органов исполнительной власти Великого Княжества Литовского получила отражение в документах, которые можно обозначить как «распорядительные». Видовой состав документов распорядительного характера, исходивших от великого князя и иных органов исполнительной власти Великого Княжества Литовского, характеризовался значительным разнообразием.

В документоведении нет единого подхода к пониманию термина «вид документа». А. Н. Сокова предлагала видом документа называть систему документов, объединенных единством номинала и функции, которую они обслуживают. По ее мнению, название вида документа должно быть бинарным для того, чтобы оно относилось к определенной группе и обозначало его информационное наполнение. К. Г. Митяев номинал документа считал названием его разновидности [11, с. 17]. Вместе с тем, на практике получила распространение номиналистическая концепция вида документа, которая исходит из критерия его названия. В соответствии с ней видами документов являются конституция, привилей, консенс и т. д. Как отмечала А. Н. Соко-

---

\* С одной стороны, считается, что уже принятие Статута 1588 г. заложило основы разделения власти на самостоятельные ветви: законодательную, судебную и исполнительную. В нем говорилось, что законодательная власть принадлежит сейму, исполнительная — великому князю, судебная — судебным органам. С другой стороны, глубина реализации этого принципа была недостаточной, характерной переходному периоду от средневековья к новому времени в развитии права. В рамках деятельности задворного ассессорского суда судебная и исполнительная власти были тесно переплетены, так как возглавляли этот суд канцлер и подканцлер — главы канцелярий. Аналогично и Скарбовая комиссия осуществляла как управление финансовыми делами, так и судебные функции, разрешая споры по финансовым вопросам. Соответственно, в канцеляриях делопроизводственные и судебные ее функции, а в Скарбовой комиссии — финансовые и судебные были связаны и сосредоточены в руках одних должностных лиц, что нашло непосредственное отражение в составе документов, образующихся в их деятельности.

ва, при таком подходе название документа дает представление о характере запечатляемой информации в документе, однако не отражает его содержания [13, с. 50].

При рассмотрении документов распорядительного характера, обслуживающих потребности общества\* в Великом Княжестве Литовском XVIII в., мы придерживаемся номиналистической концепции вида документа исходя из того, что названием документа является его вид.

Большую группу документов в Великом Княжестве Литовском в этот период составляли **привилеи**, получившие распространение на его территории еще с XV в., однако к XVIII в. утратившие роль законодательных актов. Привилей (пол. *przywilej*) — документ, наделяющий адресата определенным в нем правом (на имущество, должность, шляхетство и др.). В период обострения политической обстановки в Речи Посполитой на варшавском сейме 1768 г., который утвердил Кардинальные права, было уделено внимание вопросам работы с привилеями. Так, в Кардинальных правах закреплялось, что на канцлерах лежит обязанность под присягой контролировать, чтобы никаких документов, противоречащих правам жителей провинций, из канцелярии не выходило (пол. *pilna baczość należeć powinna*). Для сохранности привилеев в случае утери подлинников (пол. *oryginały*) все привилеи должны были быть внесены в книги Метрики Литовской (пол. *wszystkie przywileje do akt Metryk Litewskiej w Wielkim Xięstwie Litewskim*) [18, с. 279]. Это установление распространялось и на ранее выданные привилеи: если они не были внесены в актовые книги (лат. *in actis Officiosis*), то должны были быть поданы в течение года после опубликования Кардинальных прав для внесения в книги. Если же в течение года они не были представлены для внесения в книги, то считались «не важными». Для их подтверждения необходимо было заново обращаться к королю, который имел право по своему желанию подтвердить или не подтвердить заявленные права. В случае утери оригинала привилея в канцелярии беспрепятственно должны были выдать новый [18, с. 279].

При получении королевского привилея необходимо было внести плату в соответствии с установленными тарифами. Все собранные деньги шли на содержание войска Великого Княжества Литовского. Тарификация сборов за привилеи отражает их разновидности [20, с. 69]:

привилеи на бискупство;

привилеи на воеводство и каштелянство Виленское, Троцкое, старство Жмудское;

привилеи на дигнитарство и должности Литовские духовные и светские, военные и гражданские (секретаря Великого, референдаря, подкомория, писаря, хорунжего, мечника и конюшего, кухмистра, стольника, подча-

---

\* Документы использовались в первую очередь доминирующими высшими сословиями общества ВКЛ — шляхтой и духовенством, и в меньшей степени другими сословиями — мещанством и крестьянством.

шего, писаря польного, инстигатора, регента, скарбного, писаря скарбового, писаря декретового, метриканта и др.);

привилеи на орден Белого Орла и орден Святого Станислава;

привилеи на прелатов;

привилеи на земские должности;

привилеи на скартабеллат;

привилеи на ротмистерство в кавалерии.

Примерами могут служить: привилей на канцлерство Михаилу Чарторыйскому, выданный на вальном сейме 6 октября 1752 г. в г. Гродно [22, л. 3], привилей на писарство ВКЛ Михаилу Скарбку [9, л. 84], привилей на Минское воеводство Иосифу Радзивиллу [10, л. 7об], привилей на войтовство Кобринское [21, л. 27] и др.

Пожалование войсковой должности оформлялось патентом (пол. *patent*) [22, л. 235; 10, л. 9об и др.]. Отдельную группу составляли привилеи на владение и распоряжение имуществом, предоставление льгот и других прав частным лицам, группам лиц одной профессии, жителям административно-территориальных единиц. Например, привилей шляхтичу Шейбе на основание аптеки в Минске [3, с. 302], привилей на основание нового цеха различных ремесел [3, с. 291], привилей Андрею Руднэму на освобождение каменниц по Большой улице около дворца Радзивиллов в Вильно от всех налогов [22, л. 582], привилей на засевание пуши [21, л. 198] и др.

Подтверждение ранее выданных привилеев оформлялось таким видом документа, как **конфирмация** (пол. *konfirmacya*) [21, л. 450; 22, л. 579; 3, с. 293, 300, 304 и др.].

В отношении XIV—XVI вв. А. Груша [6, с. 136—137] считает, что великий князь подтверждал частные сделки: дарения, купли, обмены, разделы имущества, выдачи вена, иные подобные акты, а также акты между князьями-полусуверенами и церковью с одной стороны, и частными лицами — с другой. Король таким образом санкционировал указанные акты, придавал им юридическую силу. По его сведениям, подтверждение являлось второй самостоятельной и окончательной процедурой акта пожалования. Однако применительно к XVIII в. привилей имел самостоятельное значение. Представляется, что наличие обширной группы документов-подтверждений связано с наличием личного права у короля распоряжаться государственными владениями и наделять правами подданных. Поэтому смена короля в определенных случаях требовала подтверждения ранее полученных лицом прав. Принятая на конвокационном сейме 1764 г. конституция предписывала привилеи и распоряжения умершего короля [имеется в виду Август III] считать имеющими силу и ценность (лат. *in suo robote et valore zostowaly*) [18, с. 37].

Также потребность в подтверждении прав могла возникнуть в случае их нарушения. Были случаи, когда подтверждение содержало в себе множество ранее выданных документов. Например, Август III в 1736 г. выдал конфир-

мацию [3, с. 278—284], которая подтверждала конфирмационный привилей Августа II, выданный 4 декабря 1703 г., который подтверждал конфирмационный привилей Яна III от 15 марта 1679 г. В свою очередь, конфирмационный привилей Яна III подтверждал конфирмацию Михаила от 30 ноября 1669 г., Михаил подтверждал пергаменный привилей Яна Казимира от 8 февраля 1659 г. Привилей Яна Казимира подтверждал привилей Жигимонта Августа, выданный 28 октября 1552 г., подтверждающий Магдебургское право городу и предоставляющий дополнительные льготы. Подтверждение выполнялось на основании представленных документов — «положили перед нами» (пол. *u pokładali przed nami*). В конфирмации особое внимание обращалось на автора представленного документа, наличие печати, подписей, даты и места издания. Например, мещане предоставили в канцелярию рескрипт Великого Князя Яна III от 10 апреля 1681 г. с просьбой его подтвердить. В конфирмации отмечается, что «рескрипт Его королевской милости Яна III дан с его собственноручной подписью и малой печатью Великого Княжества Литовского, также с собственноручной подписью Михаила Друцкого-Соколинского, писаря В. К. Лит. 10 апреля 1681 года» [3, с. 300]. Затем в конфирмацию вносился дословно текст документа (лат. *de verbo ad verbum*). В конце еще раз обращалось внимание на наличие подписи и печати на документе и указывалось на его подтверждение (пол. *konfirmuiemy*).

Конфирмации могли выдаваться с дополнениями круга прав и обязанностей [3, с. 274, 284 и др.]. Например, в конфирмации от 2 декабря 1724 г. привилеев Минску подтверждались два привилея: Жигимонта Августа от 28 декабря 1552 г., данного в Вильно, и Яна Казимира от 26 июля 1662 г. Затем конфирмация содержит установление нового сбора на строительство ратуши и ремонт города [3, с. 274—275].

Подтверждались не только оригиналы документов, но и выписки из них, выданные из канцелярии (пол. *ekstrakt z kancelaryi*). Оформлялась такая конфирмация аналогично конфирмации оригинала документа, однако значительное внимание уделялось тому, что выписка представлена из книг Метрики канцелярии. Например, в конфирмации выписки из меньшей канцелярии Великого Княжества Литовского артикулов Короля Жигимонта III на определенные свободы месту Минску указывалось: «представили нам экстракт ... из книг метрики канцелярии меньшей ВКЛ с подписью Михаила Чарторыйского подканцлера ВКЛ, с печатью меньшей ВКЛ, а также подписью Григория Ройкевича секретаря...» [3, с. 293].

Распространенным видом документов являются **консенсы** (пол. *consens, konsens*) [21, л. 30, 611, 614, 615, 616; 3, с. 265, 266, 303, 326 и др.], которые можно считать разновидностью привилеев (привилеи, дающие право уйти в отставку). Консенсы представляли собой документ с разрешением короля отказаться от определенных прав и (или) обязанностей в чью-то пользу (от должности, от имущества и др.). В тексте самого консенса, как правило,

его название указывалось сразу с пояснением — «консенс передачи права» (лат. *consens ad cedendum*). Например, консенс от 26 октября 1752 г. на отставку референдария Великого Княжества Литовского Антония Пшездецкого от войтовства Минского [3, с. 303] и др.

Отдельную группу документов составляют **рескрипты** (пол. *reskrypt, reskript*), которые представляют собой повеления от имени короля и по своей сути являются распорядительными документами [21, л. 10, 11, 29, 450, 618; 22, л. 391, 395, 552 и др.]. Например, рескрипт от 22 ноября 1744 г. предписывал, чтобы судьи Главного Трибунала заседали не в Минской ратуше, а в замке, чтобы сеймиков в ней не проводили и чтобы судьи не обременяли дома мещан [3, с. 296]. Таким документом Король Август III брал под свою охрану минских мещан (пол. *ty, król, przy łasce naszej zachowujemy u pod naszą berze- my protekcya*). Особенностью рескриптов как вида документов являлось то, что они чаще адресовались конкретным должностным лицам. Например, рескриптом от 29 июля 1730 г., данным в Дрездене, Август II приказал Яну Буковскому, администратору Могилевской экономии, удалить за пределы государства прибывшего из России монаха с вооруженными людьми, который называл себя епископом могилевским [5, л. 40об., 41].

Очень близки по содержанию к рескриптам **универсалы** (пол. *uniwersał*) короля, которые также налагали определенные обязанности на подданных, однако в то же время могли и закреплять определенные права. Например, универсалом от 17 марта 1760 г. Август III обязал жителей, которые проживают на пограничной с Российской империей территории, не давать убежище и не оказывать никакой помощи беглецам или перебежчикам оттуда [3, с. 306]. Универсалом от 6 августа 1760 г. Август III обязывал раввинов Минской синагоги собирать установленные налоги и в то же время закреплял на это права Минской синагоги [3, с. 307]. Существовали также универсалы, которые, в отличие от рескриптов, имели характер воззвания. Текст в них излагался в более свободной форме с использованием средств художественной выразительности. Например, в универсале о столовых имениях Литовских экономий [1, с. 160] король Август II так обращается к земским администраторам: «с болью в сердце смотрим, что общественное беспокойство вызывает худшее состояние по сравнению с частными владениями столовых имений, находящихся в руинах, в то же время с невыразимым удовольствием слышим, что на соседских полях щедро и пышно возвращаются колосья, благодаря стараниям и заботам их хозяев». Универсалами король созывал сеймы, определял место заседания задворного ассессорского суда. Особенностью универсалов являлось наличие в них указаний о способе их распространения, то есть доведения до адресата. Например, «универсал по всем экономиям публиковать» [1, с. 161], «универсал напечатать по копиям» [2, с. 186], «для того, чтобы наш универсал всем был известен, приказываю его публиковать» [1, с. 145] и т. д.

Самостоятельную группу документов составляли **охранные документы**, к которым относились глейты, листы заручные и упоминальные. Глейты (пол. *gleyt*), или листы железные, представляли собой охранный документ гражданских прав их получателей [22, л. 627, 894; 1, с. 168—169 и др.]. Им соответствует русский перевод «охранный лист». Н. Горбачевский считал, что король выдавал его лицам, лишенным гражданских прав, и такие документы являлись своего рода паспортом [4, с. 142]. В соответствии со Статутом 1588 г. глейты и листы железные представляли собой разные виды документов. Глейт связан с таким видом наказания, как выволание, то есть изгнание из княжества или его определенной части, которое могло быть применено только к шляхтичам. Дословно выволание (пол. *wywolanie*) — это объявление, оглашение. Такое наказание объявлялось публично и в соответствии с ним представители шляхты лишались чести, шляхетства, имущественных прав, то есть переставали существовать для закона. Глейт выдавался для защиты от такого наказания.

Лист железный по статье 27 Статута выдавался лицам, которые стали должниками в результате несчастного случая (пожара, затопления, разбоя и др.). А. Е. Рыбаков [12, с. 201] считает, что он устанавливал отсрочку выплаты долга или привлечения к ответственности по решению суда за долги тем, кто потерпел от войны или стихийного бедствия. К XVIII в. наблюдается изменение содержания глейта и листа железного. В первую очередь это было связано с тем, что такой вид наказания, как выволание, перестал применяться. К этому времени глейт мог выдаваться не только лицам, лишенным гражданских прав, но и любым другим, нуждающимся в защите. Например, Август III в октябре 1752 г. выдал глейт базилианам Волковысского повета на пользование земель и обеспечение их здоровья и чести [1, с. 168—169]. То есть глейт и лист железный стали представлять собой охранные документы, гарантирующие неприкосновенность до рассмотрения дела в суде.

Листы заручные (пол. *list zaręczny*) — охранные документы, обеспечивающие здоровье и жизнь обывателей. Они выдавались лицам любого сословия по их просьбе. Особенностью такого документа являлась содержащаяся в них «зарука», которая представляла собой своего рода санкцию за нарушение гарантированного правопорядка: «под страхом наказания» [1, с. 175], «под страхом взыскания 10 000 коп грошей» [1, с. 154; 5, с. 173], «под страхом подвергнуться участи возмутителей общественного порядка» [1, с. 170] и др. В тексте листа заручного могло быть сразу определено, в чью пользу будут переданы деньги. Например, в заручном листе Августа III войскому и писарю Речицкого повета Михаилу Кельчевскому о защите жителей от его «обид» указано, что за нарушение запрета необходимо будет заплатить 100 000 коп грошей, половина из которых пойдет в скарб, а половина — потерпевшим [1, с. 163].



Лист упоминальный (пол. *list upominalny*) также можно считать охран-ным документом, так как таким документом король поручал должностному лицу обеспечить здоровье и жизнь определенного лица или сословия, то есть их защитить, однако делал это не от своего имени. В связи с тем что местная власть существует в целях наведения и поддержания порядка на своей территории, таким листом король «напоминал» об этом в отношении притесняе-мых жителей. Например, Август III листом упоминальным от 30 июня 1724 г. [3, с. 272], адресованным минскому старосте и войту Игнату на Бак-штах Завишу, сообщает, что он нарушает ранее выданные привилеи в том, что пользуется домами и площадями мещан. Этим же листом король обяза-вает его защитить мещан от всякой несправедливости и обеспечить исполне-ние привилеев.

Лист заручный и лист упоминальный могли составлять один доку-мент, что было довольно частым явлением [1, с. 153—154, 162—163, 169—170, 172—175; 3, с. 298—299 и др.]. Например, листом заручным и упоми-нальным Август II [1, с. 153—154] напоминает гродненскому старосте о необ-ходимости не нарушать привилеи под заручкой 10 000 коп грошей. На Сандо-мирской конфедерации была принята конституция, в которой содержался пункт, касающийся глейтов, листов заручных и упоминальных [17, с. 104]. Согласно ему печатари имели право от имени короля и под печатью Велико-го Княжества Литовского выдать вышеперечисленные документы, но со сво-ей подписью.

Канцелярия выдавала **дипломы** (пол. *diploma*). Н. Горбачевский трак-товал такой вид документа очень широко, относя к ним грамоты, привилегии, патенты, правительственное распоряжение [4, с. 97]. Видимо, Н. Горбачев-ский отталкивался от латинского термина «diplom», где он являлся синони-мом документа. В древности диплом писался в двух экземплярах на одном листе, а затем лист разрывался и один экземпляр оставался в книге, а второй выдавался заинтересованному лицу. С. М. Каштанов указывал, что в новое время название «диплом» получили официальные документы, закрепляющие в торжественной форме предоставление частному лицу определенного звания или титула [7, с. 7]. Такое содержание присуще и дипломам Великого Кня-жества Литовского, однако они могли выдаваться не только частным лицам, но и городам. В одной из книг Метрики Коронной содержится подтвержде-ние диплома месту Кальвария [23, л. 673—682], выданное Станиславом Августом. Дипломом также подтверждался индигинат (пол. *indyginat*) — при-знание иностранца обывателем Речи Посполитой. Например, четырехлетний сейм предоставил индигинат Каролю Главе (Karoliu Glave) и барону Виль-гельму Мингероде (baronu de Minigerode) и предписал канцелярии выдать диплом [20, с. 195].

Немногочисленную группу документов составляют **листы приповед-ные** (пол. *listy przypowiednie*), которыми король мог собрать войско. В. Крав-

чук отмечает, что путем издания таких документов король имел влияние на войско без контроля министров [16, s. 51]. Чаще всего они выходили от имени короля через его личную канцелярию.

В канцелярии наряду с вышеперечисленными видами документов создавались эмфитевзисы, релаксации, респонсы, доверенности и др.

Документирование деятельности Постоянной Рады как самостоятельного исполнительного органа имело свои особенности. В связи с полномочиями Постоянной Рады толковать право появился новый вид документа — **резолуция** (пол. *rezolucja*), в которой письменно закреплялось это толкование. Такое полномочие подтверждает отсутствие строгого разграничения ветвей власти и органов власти. Давая интерпретацию нормам права, Постоянная Рада выполняла функции законодательной власти. Подробно порядок принятия резолюций был закреплен в Установлении Постоянной Рады [19, с. 66], а также рассмотрен М. Глушаком [14; 15]. Резолюция выдавалась на **мемориал** (пол. *memorial*) — письменную просьбу о разъяснении нормы права, которая направлялась любому советнику. Должностное лицо, принявшее мемориал, должно было поставить на нем свое имя и отправить его секретарю Рады. Секретарь из всех мемориалов составлял перечень с их кратким содержанием, который должен был быть представлен на сессии Рады. Если вопрос, изложенный в мемориале, был очень важный и срочный, секретарь делал надпись «не терпит отлагательства» (пол. *ten memoryał zwłoki nie cierpi*) [19, с. 71]. Мемориалы поступали в департамент справедливости. Прием мемориалов и выдача экстрактов осуществлялись без взимания платы [19, с. 69].

Таким образом, в общественной жизни Великого Княжества Литовского прослеживается закрепление за различными видами документов определенного функционального назначения, то есть единообразие в оформлении схожих действий по управлению государством одинаковыми видами документов: привилегиями, консенсами, универсалами, рескриптами, конфирмациями и др. В самоназвании документов прослеживается определенность, позволяющая получить общее представление об их содержании, что свидетельствует о повышении уровня развития делопроизводства в Великом Княжестве Литовском. Например, различные данины, купчие стали оформляться привилегиями, распоряжения короля — рескриптами, обращения к определенной группе лиц — универсалами и т. д. Появление новых общественных отношений привело к появлению новых видов документов, например, мемориалов и резолюций.

#### Источники и литература

1. Акты Виленской археографической комиссии. Т. 7: Акты Гродненского гродского суда [1496—1784 гг. / предисловие: Н. Горбачевский]. — Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1874. — 704 с.

2. Акты, издаваемые Комиссией, высочайше учрежденной для разбора древних актов в Вильне (1517—1917). Т. 2: Акты Брестского земского суда, [1431—1794 гг.]. — Вильно: Тип. губернского правления, 1867. — X, 361 с.
3. Беларускі архіў / Інстытут беларускай культуры, Гістарычна-археалагічная камісія. Т. 3 (XV—XVIII) / Беларуская акадэмія навук. — Выданне Беларускай акадэміі навук, 1930. — XXV, 413 с.
4. Горбачевский, Н. Словарь древняго актоваго языка Северо-Западного края и Царства Польскаго / Н. Горбачевский. — Вильна: Тип. А. И. Зака, 1874. — XIX, 397 с.
5. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. — Ф. 6. — Оп. 1 — Д. 15. Грамоты, универсалы, привилегии, рескрипты, реляции польских королей, архиепископов за 1504—1732 гг.
6. Груша, А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV — первая треть XVI в.) / А. И. Груша. — Минск: Беларуская навука, 2015. — 464 с.
7. Каштанов, С. М. Русская дипломатика / С. М. Каштанов. — М.: Высшая школа, 1988. — 230 с.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 186. Книга большей канцелярии. Содержит королевские подтверждения частных имущественных сделок.
9. НИАБ. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 175. Книга меньшей канцелярии вице-канцлера М. Чарторыского.
10. НИАБ. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 540. Королевские грамоты на духовные и светские должности.
11. Митяев, К. Г. Делопроизводство / под ред. К. Г. Митяева. — М.: Просвещение, 1964. — 234 с.
12. Рыбакоў, А. Е. Ліст / А. Е. Рыбакоў // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. — Мінск, 2005. — Т. 2. — С. 200—201.
13. Сокова, А. Н. Документоведение: теория и практика: избр. тр. / предисл. проф. М. В. Ларина. — М., 2009. — 333 с.
14. Gluszak, M. Rezolucje interpretacyjne Rady Nieustającej / M. Gluszak // Czasopismo prawne-gioryczne. — 2013. — Tom XLV. — S. 73—101.
15. Gluszak, M. Zbiór rezolucji interpretacyjnych Rady Nieustającej z lat 1786—1788 / M. Gluszak. — Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2014. — 354 s.
16. Krawczuk, W. Kancelaria pokojowa za Wazów / W. Krawczuk // Polska kancelaria królewska czasów nowożytnych. Między władzą a społeczeństwem., red. W. Chorążyczewski, W. Krawczuk. — Warszawa, 2008. — Cz. 3. — S. 47—56.
17. Volumina legum. T. 6. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 330 s.
18. Volumina legum. T. 7. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 415 s.
19. Volumina legum. T. 8. — Petersburg: Ohryzko Jozafat, 1860. — 624 s.
20. Volumina legum. T. 9. — Kraków: Akademia Umiejętności, 1889. — 503 s.
21. НИАБ. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 173. Xiega actorum metryki kancellaryi mniejszey WXLitt za panowania najjasniejszego Krola Jemi Augusta III za podkanclerstwa J. O. Xiążęcia Jm. Michała na Klewaniu Zukowie y Wołczynie Czartoryskiego Podkanclerego WXLitt.
22. НИАБ. — Ф. КМФ-18. — Оп. 1. — Д. 179. Xiega Actow Metryki Kancellaryi W. W. X. L. zawierająca rozne Przywileja, Konsensa Jara Communicativa Patenta Konfirma-

- cye Reskrypta z pod Pieczeci W WXL wyszle za Panowania Nayiasniejszego Krola Jego MСi Augusta III. . .
23. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). — Zespół nr 4. Dz. 1. — Sygn. MK 410. Wypisy z aktów Metryki Litewskiej i Koronnej. . .

*Артыкул наступіў у рэдакцыю 15.09.2020*

**Ю. В. Нестерович,**  
старший научный сотрудник  
Центра исследований белорусской культуры,  
языка и литературы НАН Беларуси,  
кандидат исторических наук;  
e-mail: nesterca.com@yandex.by

## НОВАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПАРАДИГМА ДОКУМЕНТАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ НАУК

Возможность и необходимость новой научно-исследовательской парадигмы (далее — НИП)\* для документально-информационных наук (далее — ДИН) (архивоведения, документоведения и других областей знаний, относимых в Номенклатуре специальностей научных работников Республики Беларусь к группе специальностей с шифром 05.25.02), формируемой для оптимизации их построений, возникает в связи с развитием документологии — научного направления, продуцирующего общетеоретические знания о документационной и информационно-обеспечивающей деятельности (далее — ДИОД), сопровождаемое разработкой метатеоретических знаний. В работах В. П. Козлова, Н. Н. Кушнаренко, Г. Н. Швецово-Водки и др. знания документологии охватывают подчиненное «широкой» трактовке документа объединение теоретических основ документоведения, архивоведения, книговедения и иных смежных областей знаний. Поскольку в них преобладает междисциплинарный анализ, а не синтез, то формирования *общей интэртеории* не происходит. Между тем, без междисциплинарного синтеза образование продуктивного общетеоретического знания недостижимо. Это демонстрирует разрабатываемая В. П. Козловым, С. Г. Кулешовым, О. М. Медушевской и др. теория трансформации документа в исторический источник, охватывающая синтез знаний ДИН и смежных с ними источниковедения и археографии. В варианте документологии, разрабатываемой Ю. Н. Столяровым в многочисленных научных работах и в пособии [1], предложена генерализованная модель документа, а акцент делается на установление общих законо-

---

\* Предлагаемая парадигма (совокупность теоретических схем, трактовок, методологических установок и т. п.), позволяющая выявлять и устранять противоречия и несоразмерности при формировании теорий, понятий, их терминологии, в рамках логики развития науки И. Лакатоса (Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967) соответствует ядру научно-исследовательской программы — совокупности теоретических идей и методологических принципов. А в рамках логики развития науки Т. Куна (Кун Т. Структура научных революций. М., 1975) — «объективно лучшей» парадигме, предшествующей формированию общепринятой парадигмы. В методологии науки логическая непротиворечивость — одно из основных требований к научной рациональности теоретического уровня (С. А. Лебедев).

мерностей. Разработка им «*всеобщей* теории документа» с «гиперширокой» трактовкой документа выходит за пределы *общей теории документа в документософию*. Мы считаем необходимым разрабатывать документологию на основе полного междисциплинарного синтеза в качестве системы общетеоретических (общая интертеория ДИОД, объединяющая знания теорий документа и иных касающихся ДИОД теорий) и метатеоретических (эпистемология и терминоведение документально-информационных и смежных с ними) знаний [2]. Мы неоднократно представляли основные черты новой *информолого-документологической* НИП [3; 4]. Отделяя информологический слой парадигмы от документологического (первый излагается отдельно, напр. в [5]) и излагая основные черты второго слоя, приемлемо представить НИП для ДИН. При этом неадекватные инфологические основания (противоречивые инфологические построения) *деформируют* продуцируемые в ДИН знания. В частности, игнорирование аксиомы информологии: информация — представляемое данными семантическое содержание, извлекаемое реципиентом из массива данных, интерпретируемое и усваиваемое им.

Основные методологические черты новой НИП ДИН: 1. Конвенциональность охватывает выбор аксиом при построении теорий, принятие теорий и вырабатываемых в документологии рекомендаций по оптимизации понятийного аппарата и терминосистем дисциплин, с ней связанных, но не формирования понятий. Мы исходим из необходимости при построении общей интертеории ДИОД корреляции базисных понятий, касающихся единиц ДИОД, с координацией теоретических схем дисциплин (в которых эти понятия образуются и используются) и выработкой концептов, позволяющих устранять противоречия, возникающие при координации.

2. Одним из требований к социально-гуманитарной рациональности выделяется *культурологическая обоснованность* [6]. Выполнение данного требования в документоведении, архивоведении и ряде смежных с ними дисциплин принимает форму координирования их теоретических знаний со знаниями культурологии. Документология же координирует с культурологией свои мета- и общетеоретические знания. При формировании ее моделей и схем это ведет к полаганию: документ не исключительно *продукт материального либо интеллектуального производства*. Предметная характеристика и на ее основе описание документа изделием, материальным объектом, информацией на носителе имеет практическую значимость, но не общетеоретическую истинность. Изделие в виде бланка выступает паттерном документа. Бланк диплома может включать изрядную долю данных об отображаемом событии и некоторые метаданные.

3. Многообразие инфоподхода (заключается в применении атрибутивной, функциональной, антропоцентристской концепций, понятийного аппарата теории информации, кибернетики и т. д.) при описании и объяснении явлений ДИОД содействует методологической триангуляции (комбинированию

методов), но создает сложности для теоретической триангуляции (обобщения на основе ряда концепций, теорий). Несмотря на его высокую методологическую эффективность в целом. Это очевидно проявляется уже при выборе и обобщении трактовок информации. Выбор в пользу понятия информации из кибернетики и иных наук, не учитывающих специфику функционирования явлений в социальной среде, ведет к неустранимому смешению понятий информации и данных. Инфоподход самодостаточен для формирования модельных объектов, но использование его приводит к утрированным объяснениям явлений и единиц ДИОД. В частности, без триангуляции с охватом схем психолингвистики, в которых текст — результат речемыслительной деятельности, «речевое произведение», невозможно объяснить, что произведение и иной документаризованный интеллектуальный продукт (далее — ДИП), и текст — результаты восприятия данных, усвоения представляемой ими информации, рассматриваемые в разных аспектах: полного семантического и синтаксического охвата. Без нее возникают утрирования, выходящие за пределы допустимой идеализации в рамках общей интертеории: текст предстает компонентом документа, произведение — компонентом издания и т. п. Понятийный аппарат, формируемый на основе инфоподхода, не может обобщить в теоретических схемах протокольные высказывания, связанные с тем, что документы и иные продукты деятельности с закреплённой информацией (далее — ПДЗИ) являются не просто информацией на носителях данных и записи, а встроенным в социокультурное пространство (область продуцирования, распространения и использования культурных ценностей) *продуктом и материального, и интеллектуального производства*. Научное произведение в социокультурном пространстве не только источник знаний и сведений, но и продукт интеллектуального производства, значимый для развития общества, и пр. В соответствии с ГОСТ 13699-91 носитель записи — лишь слой, поверхность вещества и т. д. на материале изделия. Документ и иной ПДЗИ позволяет моделировать реализацию интеллектуального продукта в изделии (продукте материального производства) и генерализованно (в предельно обобщенном виде) определять структуру его комбинацией инфопродукта и части, поверхности изделия, выступающего носителем данных, носителем записи. Компонентом документа выступает только часть изделия. Наличие филиграней не «требует» включения изделия в состав документа. Оно лишь показывает предел различения оригинала и копии документа.

4. Противоречия методологического подхода преодолеваются выборочным сочетанием подходов. Е. А. Плешкевич полагает их свойственными любому подходу и в сложившейся ситуации считает востребованным применение «комбинационного» подхода к описанию документа: «целостная картина объекта складывается из двух и более в чем-то исключających друг друга описаний». Данный тезис преподносится «интерпретацией принципа дополнительности Н. Бора» (ссылка на работу Т. Ф. Лиховид) [7, с. 74,81]. Данный

принцип эффективен по отношению к явлениям предметной области квантовой физики, но не процессов ДИОД. Описание генезиса, свойств, механизма продуцирования традиционного и электронного документа (далее — ЭД) в техническом аспекте не частично, а в подавляющей степени исключают друг друга. Это показано в теории электронного обмена информацией (далее — ТЭОИ) [8]. В этих условиях на первый план выходит не дополнительность описания (моделей традиционного и ЭД), а *совмещение* их при выработке генерализованной модели документа. Представляется, что частичная альтернативность, комплементарность описания, имевшая место *до построения* общих интертеорий, при их построении элиминируется. Комбинаторность подходов для описания сложных явлений высокопродуктивна, но подчиняется задачам исследования предмета на каждом этапе. Исключительную методологическую значимость приобретает выбор и допустимое совмещение теоретических схем, разработанных при применении подходов. Поскольку даже диалектическое объединение их может вести к противоречиям, такое совмещение эффективно лишь через выработку корректируемой базисной схемы общей интертеории, способствующей приращению либо преобразованию общетеоретических знаний. Совмещение моделей общих и частных теорий в рамках общей интертеории методологически минимум не позволяет строить теорию непротиворечиво, максимум — непродуктивно. Взамен него необходимо формирование фундирующих базисные схемы общей интертеории конструкторов, обобщающих (систематизирующих)/релевантных модельным объектам общих и частных теорий. В рамках обратной связи схемы общей интертеории не только входят в научно-исследовательскую парадигму, но и имеют корректирующий характер по отношению к общим и частным теориям.

5. Преодоление документоцентризма — научной идеологии, возникающей на базе деформированного применения сочетания разных подходов. Первый признак его — придерживание «гиперширокой» и «широкой» трактовки документа. Вторым признаком его — редукция к понятию документа других базисных понятий. Так, в ГОСТ Р 7.0.95.-2015 к понятию ЭД редуцируются понятия электронного издания и электронной публикации.

Основные теоретические черты новой НИП ДИН: 1. Использование дефиниций, соответствующих узкой трактовке документа. Такой курс однозначно взят БелНИИДАД после выхода СТБ 2059-2013 и СТБ ISO 15489-1-2016. *Широкая трактовка документа* ведет к «непреодолимым» противоречиям и немотивированному терминованию. Принятие ее в источниковедении ведет к нивелированию различия между родами, видами и надвидами исторических источников, подмене термина «исторический источник» термином «документ» (С. М. Каштанов). Своеобразие использования в нем «узкой» трактовки документа заключается в том, что среди четырех основных разрядов документальных источников, принятых выделять в постсоветской тради-



ции при классификации письменных источников, терминологический элемент «документ» в названиях этих разрядов не обязателен: «актовые источники, материалы делопроизводства, статистические материалы» и др. Внедрение в нем «широкой» трактовки его означает «вытеснение» термина «исторический источник» термином «исторический документ», поскольку их синонимия неадекватна. Последовательное проведение ее, зиждущееся на применяемом инфоподходе, ведет к утрированному описанию и абсурдному пониманию, в частности, не только «культурных», но и природных ландшафтов, ставших объектом исторического изучения, историческими документами. Своеобразие внедрения «широкой» трактовки документа в правоведении заключается в том, что в нем она соответствует распространению термина «юридический документ», при параллельном использовании термина «документ» в «узком» значении подмножества юридических документов. При этом имеет место ряд определений его [9], существенно разнящихся и по объему понятия, и позволяющих в разной степени выделять разряд документов из всей совокупности юридических документов, в различной мере различать документы и нормативные правовые акты, в т. ч. вплоть до конституирования их в качестве непересекающихся по объему разрядов. Взятие в нем к терминам «документ» и «нормативный правовой акт», соответствующим выделению различных разрядов ПДЗИ, функционирующих в сфере права, в качестве гиперонима термина «юридический документ», является допускающим параллельное придерживание и «узкой», и «широкой» трактовки документа. Такая «конфронтация трактовок» не предполагает редуцирования понятия правового акта к понятию документа. В историческом источниковедении «конфронтация трактовок» приобретает форму негласного использования «широкого» понятия документа в целом по отношению к источникам, и параллельно этому, общепринятому конституированию письменных документов родом письменных источников. В актовом источниковедении принят тезис о правовом характере «источников документального рода» [10, с. 10], что равносильно отождествлению их с юридическими документами.

2. Формирование *при междисциплинарной проекции* в ДИН понятия, выступающего логическим родом к понятию документа и гиперонима (общего термина) к термину «документ». А. Е. Рыбаков придерживается традиционного для отечественной школы документоведения строгого отношения к терминологии [11]. Тем не менее, его позиция ограничена рамками документоведения и не распространяется на терминосистему документологии, надстраиваемую над терминосистемами ДИН в целях устранения противоречий междисциплинарного синтеза, термин «информационный объект» употребляется учеными ВНИИДАД в качестве гиперонима лишь по отношению к термину «ЭД» [12]. Г. А. Двоеносова употребляет термин его для обозначения понятия, обосновываемого ею логическим родом минимум к понятиям документа, произведения, книги, издания (в наличии *междисциплинарная*

*проекция* формирования единицы ДИОД), определяя его расплывчато объектом, служащим для передачи информации во времени и пространстве. Е. А. Плешкевич считает необходимым вести терминируемое «инфообъект» понятие, обобщающее понятия данных и документа. Инфообъект он трактует семантически модулирующимся физическим процессом вещественной или вещественно-волновой природы, предназначенным для многократного использования в рамках социальной инфосистемы, обеспечивающим его использование в социальном пространстве [13, с. 156]. Изъян в таком формировании логического рода для понятия документа усматриваем в данной им предметной характеристике (неадекватно идентифицировать в качестве физического процесса, в частности, дорожку — полосу на ленте, намагниченную в процессе магнитной записи). Во взятии признака многократного использования, исключая выступление понятия инфообъекта логическим родом к понятию документа, учитывая различие в ТЭОИ документов однократного и (много)кратного действия [8, с. 115]. А также в полагании им понятий данных и документа перекрещивающимися понятиями. Между тем, при формировании общей теории ДИОД понятия данных и документа являются несравнимыми, но понятия продуцируемых при документировании и документообороте основных данных («содержательной части» документа), регистрационных данных, удостоверительных метаданных выступают *логически подчиненными* понятию документа. Это целиком релевантно тому, что в сфере ДОУ и в документационной деятельности «данные, метаданные» употребляются *в качестве меронимов* к термину «документ». Мы обосновываем необходимость в документологии *описательного* гиперонима «ПДЗИ», позволяющего непротиворечиво описывать единицы ДИОД на разных структурных уровнях, аспектах функционирования, обобщать отграничиваемые по функциям и статусу единицы [14]. Его использование не отменяет выделения при генерализованной модели документа компонентов, которые мы терминируем как «документированный объект» (эквивалент в терминологии ИСО — «запись») и «деловой, управленческий инфопродукт» (по адаптированной в СТБ ISO 15489-1 терминологии ИСО — «документированная информация»).

3. Постулирование оптимальности двухслойной тринарной сущности для единицы ДИОД (издания, делового, научного документа, единицы хранения архивного документа и пр.): бинарной продуктивной деятельностной и функционально-статусной сущности [15]. Единица ДИОД является продуктом и интеллектуального, и материального производства. Она характеризуется выполнением специфического комплекса функций в социальной деятельности и наличием определенного статуса (например, архивный документ в архивном деле). Тринарному определению сущности ее соответствует выделение трех объясняющих конструкторов базисно-теоретической схемы теории: формы представления, реализации, социализации инфопродукта. В качестве продукта интеллектуального производства единицы ДИОД рассматриваются

вне связи с изделием, они медийный, издательский, документированный и иной инфопродукт, обеспечивающий журналистское, издательское дело, управление организацией и т. д. В ракурсе социальной коммуникации они являются сообщениями. В качестве продукта материального производства они рассматриваются, прежде всего, в связи с изделием, в качестве записи и объекта хранения, передачи данных и т. п. Дифференцированное моделирование предметов ДИОД в техническом, когнитивном, технологическом, социокоммуникационном, социоинтеллектуальном, физическом аспектах. В техническом аспекте документ — форматированный результат закрепления данных (знакоконтиуума, постсигналов, последовательности цифровых колебаний импульсов), представляющих информацию, на изготовленном носителе. ЭД — файл (набор записей, разделяемых на поля), часть его, набор файлов. Принятие во внимание при моделировании технологического аспекта добавляет описание способов применения механических, автоматизированных, аппаратных, программно-аппаратных средств (далее — ПТС) и др. «Физическая форма» — проявление и внешних, и внутренних «свойств содержания» [16]. Такое моделирование *не является идеализацией одного объекта познания*. Идеализацией является объединение моделей ПДЗИ («документа»), производимых в техническом и социоинтеллектуальном аспекте и выделение соответственно этому компонентом ПДЗИ и знакоконтиуума (постсигналов, файла), и произведения (инфопродукта). При схеме, лишенной идеализации, данные в виде знакоконтиуума, следов сигналов, файла (части его, наборов их) предоставляют субъекту ДИОД семантическое содержание, выступающее основным компонентом произведения (инфопродукта).

При рассмотрении единицы ДИОД в качестве продукта интеллектуального производства на первый план выходит семантическое содержание его, используемое в действиях, в регулировании отношений и др. В качестве продукта применения технологий на первый план выходит его функционирование: физическая форма, материальная конструкция, формат представления данных и пр. Такое моделирование гомологично моделированию человека в качестве биологического существа «организмом». А в качестве социального существа «личностью» — особым интегральным качеством, формируемым у человека как члена общества, позволяющим относиться к нему как индивиду, отдельному субъекту общественной жизни. Отказ от формирования содержания понятия документа с учетом *лишь* технического аспекта ДИОД. Принимая во внимание подчеркивание в ТЭОИ документа объектом взаимодействия в *социальной* среде.

4. Единицу ДИОД в зависимости от аспекта функционирования и комплекса выполняемых функций следует описывать на разных уровнях организации элементов, имеющих различный состав и структуру. Печатное издание, описываемое в качестве изделия, имеет структурными элементами материальную основу, материальную конструкцию, композиционное оформ-

ление, параметры тиражированного макета. Описываемое в качестве ДИП, оно охватывает произведение (ряд их), комментарий, издательский аппарат, выходные сведения. Служебный традиционный документ, описываемый в качестве объекта хранения на синтаксическом уровне, имеет структурными элементами запись данных и метаданных, носитель данных; описываемый на уровне использования содержания и функционирования в социальной деятельности компонентами имеет созданный в процессе документирования ДИП — комплекс текста и его семантического содержания, отражающего управленческие действия, и пр. Причем объединение моделей, соответствующих таким описаниям, как моделирование издания, документа единством изделия и ДИП, будет неточным: не применением метода идеализации, а искусственным симбиозом. Характерное для *старой* документологической парадигмы смешение либо неотчетливое различение структурных уровней ПДЗИ в научном дискурсе повсеместно принимает форму «прямолинейного» описания трансформации произведения в документ, издательского документа — в издание, происходит идентификация одинакового инфообъекта и «текстом произведения», и «текстом документа» и др. Оно нуждается в первоочередном преодолении. Рассматривая логически, оно не обладает качеством правильного мышления, а методологически не реализует принципа непротиворечивости, относимого к нормам научной познавательной деятельности. Его реализация повышает точность и продуктивность применяемой методологии.

Выделение состава и структуры единиц ДИОД на технологическом, синтаксическом, семантическом и ином уровнях организации элементов в физической и интеллектуальной коммуникации. В физической коммуникации передаются представляющие информацию данные, а в интеллектуальной коммуникации — семантическое содержание, в том числе, составляющее информацию документов. В техническом аспекте функционирования документ предстает форматированным результатом (континуумом знаков, кодов, следов потока сигналов) закрепления данных на изготовленном (специально подготовленном) носителе данных, носителе записи. Файл (набор записей, разделяемых на поля), часть его, набор файлов — форма представления в электронной среде предназначенного для выполнения социально значимых функций инфопродукта. При принятии во внимание при моделировании технологического аспекта добавляется описание способов применения механических, автоматизированных, аппаратных, программных средств и др. На уровне семантико-синтаксической организации в ракурсе интеллектуальной коммуникации в составе документа выделяем инфоэлементы, рассматриваемые в социальном аспекте (обеспечения управления, правоприменения и пр.). На уровне семантической организации элементов документа в его составе продуктивно выделять основное (касающееся объекта документирования) и

дополнительное семантическое содержание (поясняющее, касающееся жизненного цикла его).

5. Выделение *компонентом ЭД*, наряду с цифровой записью данных, файлом (набором их, частью его), *изображения на экране* взамен использования конструкта «формы внешнего представления ЭД». ТЭОИ исключает конституирование в качестве «экземпляров ЭД» видеограмм и машинограмм ЭД. В ней обосновывается некорректность концептуализации о наличии на экране компьютера воспроизведения записанного на диске ЭД. Вместе с этим подчеркивается: ЭД выполняет функцию регулирования информационных, «уже» — правовых отношений [8]. Изложение о формах представления ЭД противоречиво. В п. 3.1.11 ГОСТ 2.051-2014 форма внешнего представления ЭД — воспроизведение ЭД (т. е., вслед за ГОСТ 2.001-93, *структурированного набора данных*, выполненного ПТС) на экране либо неэлектронном носителе. И вместе с этим в п. 4.2 внутреннее (подлинное) представление ЭД имеет вид данных ЭД или «записи информации, составляющей ЭД» на электронном носителе, воспринимаемой только ПТС. В п. 4.2 ЭД предстает уже композицией внутреннего и внешнего представления ЭД, т. е. *структурированного набора данных в виде воспринимаемой ПТС записи, и его же в декодированном виде*, отображенном на экране либо на носителе данных в качестве машинограммы. Использование в социальной деятельности и интеллектуальной коммуникации лишь записи данных в цифровом коде без отображения их в декодированном виде на экране бессмысленно. Описывая и концептуализируя без утрирования (контаминации понятий), в отличие от традиционных документов, и хранение, и функционирование которых имеет в техническо-когнитивном аспекте форму записи данных, доступных для восприятия индивида (различие может заключаться в необходимости извлечения записи из конверта, обложки и пр.), форма функционирования ЭД кардинально отличается от формы хранения их. ЭД хранятся в форме записи данных в цифровом коде в запоминающем устройстве (в виде файла данных, совокупности файлов, части файла). Функционируют ЭД в социальной деятельности в техническо-когнитивном аспекте в форме отображения данных на экране либо печатного эквивалента.

6. При построении генерализованной модели и базисных схем, касающихся структуры документов и иных ПДЗИ, необходима непротиворечивая корреляция понятий ряда дисциплин. В частности, терминируемых как «текст» понятий лингвистики и теории текста с понятиями документоведения; терминируемых как «информационный элемент, реквизит, атрибут» понятий документоведения и информатики, с понятиями, терминированными «содержание документа, метаданные», и с пересекающимися с ними понятиями. Следует элиминировать контаминацию элементов составления и оформления документа. Отличая элементы его, выделяемые в рамках технологии документирования, и элементы, выделяемые при инфоанализе его и структу-

рированном представлении данных. В документоведении не разрешена коллизия отнесения «текста документа» к реквизитам документа в ракурсе корреляции с понятиями составления и оформления его. Она возникает в управленческом документоведении вследствие противоречий, возникающих при комментировании требований к оформлению документов и одновременном принятии дефиниций терминостандартов. Будучи включаемым в перечень реквизитов (в ГОСТ Р 6.38-72, ГОСТ Р 6.38-90, ГОСТ Р 6.30-2003, ГОСТ Р 7.0.97-2016), текст выступает не знаковконтинуумом письма, отображающим событие и иной *основной объект документирования*, а «проставляемым необходимым элементом оформления документа» (М. В. Ларин, А. Н. Сокова). В ГОСТ Р 51141-98 и ГОСТ Р 7.0.8-2013 терминологический элемент «текст» в термине «текстовый документ» и термин «текст документа» обозначают несравнимые понятия. Исходя из их давно ставших стандартными, но «устаревших» в эпоху информатизации определений: «содержащий речевую информацию, зафиксированную любым типом письма или любой системой звукозаписи», и «основная содержательная часть документа». В первом случае текст — знаки, постсигналы, охватывающие *и объектные, и метаобъектные данные*. Во втором — именно объектные данные, причем представляемые отдельным реквизитом. Когнитивный аспект описания для первой дефиниции незначим, но для второй неясен. Доводим до сведения составителей, что второй дефиниенс неточен: «основной содержательной частью документа» при придерживании *«широкой» трактовки* документа (а она в ГОСТ Р имеет место) может выступать аромат масла, парфюма, летучего вещества. В документной лингвистике лексема «текст документа» приобретает вариативную форму «документный текст», характеризуется как «основной лингвистический компонент документа, завершённое речевое единство» и пр. (С. П. Кушнерук).

В документоведении и информатике реквизит и инфоэлемент различно трактуются, что весьма затрудняет сопряжение/обобщение понятий при построении общей интертеории на участке схем, связанных со структурой документа и иных ПДЗИ. Развернутый аналитический концепт реквизита документа, схемы и модель его на основе инфоподхода представлены Е. А. Плешкевичем [17]. Противоречивость употребления и отсутствие логического («четкого») определения термина «реквизит документа» в документоведении отмечена Г. Г. Воробьевым, Ю. Н. Столяровым, Е. А. Плешкевичем. В информатике (интегрировавшей документалистику) «реквизит» трактуется элементарной единицей информации (далее — ЭЕИ), определяется «логически неделимым элементом, соотносимым» со свойством объекта [18, с. 10]. «Инфоэлемент» трактуется в ней всякой «структурной единицей информации» (не только ЭЕИ, но и составной единицей информации (далее — СЕИ)), подлежащей обработке, хранению и передаче пользователям автоматизированной инфосистемы или «предназначенной для обеспечения ее работы». Он «является обобщающим наименованием структурной единицы информации,

не зависящей от ее назначения, состава данных» и т. д. [19, с. 24]. При междисциплинарном синтезе во избежание интерференции понятий точным представляется характеризовать «инфоэлемент» структурной единицей *данных*, представляющих определенное семантическое содержание. В документоведении термином и термоэлементом «реквизит» обозначают более «крупные» единицы информации, нежели в информатике, — сугубо *СЕИ*. Причем реквизит конституируется не только элементом построения формуляра, но и результатом интерпретации данных и усвоения семантического содержания — «минимальной семантической единицей информации документа» (А. Е. Спивак). Начиная с ГОСТ 6.39-72 термин «реквизит документа» стал использоваться в делопроизводстве для обозначения *всяких* элементов документа (т. е. *СЕИ*) — результатов оформления его, а не только легализующих — придающих ему юридическую силу. Используя для описания язык информатики, в документоведении реквизит предстает (обязательной для определенного вида официального документа) *СЕИ* документа, не выходящей пространственно за пределы носителя данных, на котором она представлена, документологически: документированным данным либо документированным метаданным. В документалистике выделяются логические единицы структурирования информации, *инфосовокупности* подразделяются по «структурному составу» на *реквизиты* — «единицы информации, не разбивающиеся на другие инфосовокупности и характеризующие отдельные свойства сущностей», *сообщения* — «инфосовокупности, составленные только из реквизитов» [20, с. 101] и *показатели* — «минимальные по составу инфосовокупности», выражающие количественные и качественные характеристики объекта документирования [18, с. 14]. В ГОСТ Р 52292 предметное значение термина «реквизит документа», выступающего гипонимом к термину «атрибут документа», минимизировано.

Попытка установления смыслового значения термина «реквизит» в документоведении на основе понятийного аппарата документалистики в рамках корреляции его с термином «показатель», была предпринята в [21]. Денотат второго термина не был четко выделен, а смысл его сформулирован (по характеристике Е. А. Плешкевича [17, с. 20]) «туманно»: инфоэлемент «о состоянии управляемой системы и ее составных частей». Первый термин был определен с использованием расплывчатого и метафизического оборота: «инфоэлемент документа, характеризующий сам документ, его целевое назначение или место, занимаемое в пространстве и во времени». Взятию при этом для понятия реквизита документа в качестве логического рода понятия инфоэлемента противоречит трактовке инфоэлемента в информатике. Исходя из трактовки реквизита в документалистике, взамен оборота «элемент документа, характеризующий сам документ» следовало излагать о качественно и количественно характеризующих свойства объекта документирования. Признак отражения «места, занимаемого в пространстве и времени», сформули-

рован на основе понятий философии. Между тем, в истории науки выделяют три концепции времени и пространства: субстанциональную, атрибутивную и реляционную; выделяют различные роды уже *только* физических пространств. Тем самым, и смысл первого термина в рассматриваемой попытке также приемлемо характеризовать «туманным». Денотатами его конституированы элементы результата оформления документа. Полный отказ от попытки установить смысловое значение термина «реквизит документа» демонстрирует ГОСТ Р 7.0.8, принимая во внимание, что дефиниенс «элемент оформления документа» определяет лишь предметное значение его. В сравнении с ГОСТ Р 51141 элиминирован признак обязательности элемента оформления. Во всех терминостандартах по делопроизводству и архивному делу в наличии «вопиющая» логическая и семасиологическая невыверенность. Это, впрочем, не мешает на практике субъектам ДИОД понимать денотат термина «оформление документа», смысл которого, исходя из п. 7,36, 52 ГОСТ Р 7.0.8 предстает «проставлением на документе информации с реквизитами, т. е. элементами его оформления, их — этих элементов».

7. Моделирование компонентом документа в техническом аспекте носителя данных, носителя записи, запоминающего устройства, компонентом ЭД — программной, электронной, аппаратной, физической среды функционирования данных. При этом термин «ЭД» — обозначение ПДЗИ, семантическое содержание которого представлено упорядоченными в файлах данными, а также и иными реализациями данных, включая в видеоустройстве, отображающем их на экране. Такое терминование *необходимо для преодоления* семантически несогласованной концептуализации в ТЭОИ (и в ГОСТ Р 52292-2004), когда сущность документа определяется «социальным явлением», объектом, функционирующим в «обществе мыслящих субъектов», а ЭД — «формой представления документа», реализуемой в электронной среде [8]. В итоге «ЭД» предстает не «социальным явлением». Хотя объекты электронной среды приемлемо обозначать иначе: «цифровой инфопродукт», при его трансформации и отображении данных на экране — «электронный инфопродукт». Исключение в схемах документологии редукции понятий носителя к понятиям изделия, материального объекта, понятия устройства к понятию среды. Такая редукция превалировала в кибернетике. Она исключена, в частности, в концепции группировки документов в информатике. В ней сет «один документ, оформленный на нескольких носителях» — иная форма представления документа (содержательного и структурного единства) в физической среде («совокупности физических форм документа, средств, соединений и каналов передачи данных»), нежели конволют и аллигат (несколько документов, объединенных на одном носителе данных, а также каждый из них) [16, с. 102—107].

8. Модели ДИОД, в которых единицы ее идентифицируются документом при включении в социальную инфосистему, необходимо согласовы-



вать с понятиями единичного и стадийного документа. Образующие стадийный документ элементы (например, проекты, подлинники, копии и т. д. конституции государства) могут входить в разные такие системы, причем образующие «плоскость и оперативной, и ретроспективной информации» (термины Е. А. Плешкевича [22]). Значимость разработки понятийного аппарата стадийности ДИОД подчеркнул М. В. Ларин при обсуждении актуальных теоретических проблем документоведения на Международной конференции по документоведению и архивоведению, проведенной БелНИИДАД 2—3.12.2015. Формулируем предварительно для включения в аппарат документологии дефиниции: *единичный документ (служебный, деловой и др.)* — проект, подлинник, дубликат, копия документа — документ, представленный в технологическом аспекте отдельным комплексом документированных данных и метаданных на носителе данных, записи, устройстве либо инициализированным файлом, базой данных, *стадийный документ (служебный, деловой и др.)* — документ, элементы которого выступают стадийными представителями его продуцирования/функционирования. Они конституируются единым целым на семантическом, семантико-синтаксическом и прагматическом уровне.

#### Л и т е р а т у р а

1. Столяров, Ю. Н. Документология: пос. для студ. — Орел: Горизонт, 2013. — 369 с.
2. Нестерович, Ю. В. Документология: на пути к трансдисциплинарному знанию / Ю. В. Нестерович // Научные и технические библиотеки. — 2014. — № 6. — С. 81—97.
3. Нестерович, Ю. В. Новая инфолого-документологическая парадигма (методологический аспект) / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2011. — № 5. — С. 1—9.
4. Нестерович, Ю. В. Концепты информации и интеллектуального продукта в рамках новой инфолого-документологической парадигмы / Ю. В. Нестерович // Научно-техническая информация. — Сер. 1. — 2015. — № 12. — С. 1—11.
5. Партико, З. В. Современная парадигма науки об информации — информология // Научно-техническая информация. — Сер. 2. — 2009. — № 11. — С. 1—9.
6. Лебедев, С. А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. — 2017. — № 5. — С. 66—79.
7. Плешкевич, Е. А. Эволюция теоретических представлений о документе. — М.: «Пашков дом», 2011. — 96 с.
8. Гадасин, В. А. Основы понимания феномена электронного обмена информацией / В. А. Гадасин, В. А. Конявский. — Минск: Беллитфонд, 2004. — 281 с.
9. Каргин, К. В. Юридические документы. — М.: Юристъ, 2008. — 191 с.
10. Каштанов, С. М. Актовая археография. — М.: Наука, 1998. — 318 с.
11. Назаренко, А. М. Документоведение: уч. пос. / А. М. Назаренко, А. Е. Рыбаков. — Минск: БГУ, 2013.
12. Документоведение: учебник / под ред. М. В. Ларина, Е. А. Плешкевича, В. Ф. Янковой. — М.: «Академия», 2016. — 320 с.

13. Плешкевич, Е. А. Документальный подход в библиотековедении и библиографоведении: этапы формирования и направления развития. — М., 2012.
14. Нестерович, Ю. В. Труды по экспликации базисных понятий научных теорий. Т. 1: Экспликация базисных понятий документоведения и инфософии / Ю. В. Нестерович. — Минск: ГНУ «Институт истории НАН Беларуси», 2010. — 312 с.
15. Нестерович, Ю. О трансдисциплинарном взаимодействии понятий документа и информационного продукта в ракурсе описания структуры издания и публикации при построении общей интертеории // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань: зб. наук. праць. — Київ: Четверта хвиля, 2017. — Вып. 10. — С. 48—60.
16. Информатика как наука об информации: Информационный, документальный, технологический, экономический, социальный и организационный аспект / под ред. Р. С. Гиляревского; авт.-сост. В. А. Цветкова. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 592 с.
17. Плешкевич, Е. А. Понятие «реквизит документа»: к постановке вопроса // Делопродводство. — 2005. — № 1. — С. 15—24.
18. Шемакин, Ю. И. Введение в информатику. — М.: Финансы и статистика, 1985. — 190 с.
18. Воройский, Ф. С. Информатика. Энцикл. словарь-справочник: введение в информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах. — М.: «Физмалит», 2006. — 788 с.
20. Королев, М. А. Обработка экономической информации на электронных машинах (теоретические вопросы). — М.: «Экономика», 1964.
21. Быкова, Н. И., Васильев, М. А. О разграничении терминов «реквизит» и «показатель» // Стандартизация документов управления (опыт разработки стандартов на организационно-распорядительные документы). — М.: Изд-во стандартов, 1974. — С. 26—31.
22. Плешкевич, Е. А. Основы общей теории документа: монография. — Саратов: Науч. книга, 2005. — 242 с.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 20.05.2020*

**ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ****А. В. Петухов,**

*архивист 1 квалификационной категории  
отдела научного использования документов и информации  
учреждения «Государственный архив Могилевской области»,  
магистр исторических наук;  
e-mail: gamog@tut.by*

**ДОКУМЕНТЫ ОБ ИЗБРАНИИ БЕЛОРУССКОГО ПОЛИТИКА  
И ВЕТЕРИНАРА И. Н. СЕРЕДЫ ДОЦЕНТОМ ГОРЕЦКОГО  
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА В 1925 г.**

Представленная подборка из пяти архивных документов, хранящихся в учреждении «Государственный архив Могилевской области» (далее — ГАМогО), посвящена избранию председателя Президиума Всебелорусского Съезда (1917) и Рады БНР (1918), создателя Минского ветеринарно-зоотехнического техникума, первого заведующего библиотекой Инбелкульта, ветеринара и педагога Ивана Никитовича Середы (1879 — после 1943 г.) на должность доцента кафедры физиологии животных Горецкого сельскохозяйственного института (с 21.08.1925 — Белорусская государственная академия сельского хозяйства им. Октябрьской революции)<sup>1</sup>.

Кроме того что публикуемые ниже документы представляют интерес как источники к биографии И. Н. Середы, они также хорошо иллюстрируют процедуру избрания на должность профессора (как, впрочем, и доцента, ассистента, научного сотрудника) института. Отклонение от стандартной процедуры вынудило декана агрономического факультета, профессора П. Ф. Соловьева вести борьбу на всех трех этапах избрания (на заседаниях предметной зоотехнической комиссии, агрономического факультета и Правления института) с отсылкой на нормативно-правовые акты. При этом следует обратить внимание на то, что, несмотря на попытки использовать административный ресурс и затянуть с принятием решения, И. Н. Середа все же был избран, но на должность доцента уже Белорусской государственной академии сельского хозяйства им. Октябрьской революции<sup>2</sup>.

Для рассмотрения процедуры и результатов выборов не менее важным является контекст политики коренизации. Так, например, тем же протоколом заседания агрономического факультета от 19.07.1925 № 1 рекомендовался на должность профессора на кафедру частного земледелия белорусский ученый-агроном, публицист, краевед С. В. Скондраков (1876—1953)<sup>3</sup>.

Документы адаптированы к современной орфографии без оговорок, стилистика оригинала максимально сохранена. Общепринятые сокращения не расшифровывались (например, проф., студ., тов. и др.), иные приведены в примечаниях после текста публикации. Все публикуемые документы приводятся по оригиналам документов, авторские заголовки документов сохранены. Документы № 1, 2 приведены в сокращении ввиду того, что круг вопро-

сов, рассматриваемых на заседаниях предметной комиссии и Совета агрономического факультета, был более обширным и не относится к рассматриваемому вопросу.

Авторы документов свои подписи не расшифровывали, они установлены по другим документам дела, в том числе по образцам подписей всех членов Совета; в тексте документа они приведены в квадратных скобках.

Составителем протокола № 4 заседания зоотехнической (предметной) комиссии от 14.07.1925 (документ № 1) был ее председатель проф. Н. В. Найденов, ему же принадлежат правки в машинописи протокола, которые в публикации выделены курсивом. Протокол № 1 заседания Совета агрономического факультета от 19.07.1925 (документ № 2) оформлен секретарем Совета — студентом И. Бойковым. Отзыв о кандидатах на кафедру физиологии животных Горещкого института от 19.07.1925 и представление в Правление Горещкого института от 20.07.1925 (документы № 3—4) написаны деканом агрономического факультета, проф. П. Ф. Соловьевым. Особое мнение от 22.07.1925 принадлежит ректору института А. И. Кайгородову (документ № 5). Его авторские подчеркивания в тексте сохранены.

Резолюции и иная информация делопроизводственного характера на документах приведены в примечаниях.

## № 1

### **14 июля 1925 г. — Из протокола № 4 заседания зоотехнической предметной комиссии Горещкого сельскохозяйственного института.**

Присутствовали под председательством Н. В. Найденова<sup>4</sup>: проф. П. Ф. Соловьев<sup>5</sup>, С. А. Глушановский, Г. Л. Сонин, С. И. Журик<sup>6</sup>, Г. Е. Евдокимов<sup>7</sup>, Н. П. Шимкевич<sup>8</sup>, В. М. Свирцевский<sup>9</sup>, Н. К. Новицкая<sup>10</sup>.

#### ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О выборе кандидатов на кафедры физиологии животных и частной зоотехнии.

[...]

1. Заслушивается вопрос о выборе кандидата на кафедру физиологии животных.

Н. В. Найденов предлагает, ввиду произведенного предварительного ознакомления всех членов зоотехнической комиссии с поданными заявлениями на кафедру, не зачитывать заявлений, а прямо выставлять кандидатов, предлагал с своей стороны кандидатом И. Н. Середу. Предложение не зачитывать всех заявлений принимается. Студенческие представители поддерживают кандидатуру И. Н. Середы. Профессор П. Ф. Соловьев со своей стороны выдвигает кандидатуру Тюмянцева.

Открываются прения.

Проф. П. Ф. Соловьев, выступая за кандидатуру Тюмянцева, отмечает ряд его ученых трудов, характеризуя их как ценные научные труды, указывая

также на преподавательскую деятельность Тюмянцева, и считает, что из всех подавших заявления на кафедру физиологии животных единственным достойным кандидатом является Тюмянцев.

С. А. Глушановский выступает за кандидатуру И. Н. Середы и против кандидатуры Тюмянцева, указывая на теоретическую и практическую подготовку тов. Середы в области животноводства вообще и анатомии и физиологии животных в частности, а также на общественную деятельность тов. Середы и знание его условий БССР. Сравнивая тов. Середу с тов. Тюмянцевым, С. А. Глушановский не видит таких достоинств у тов. Тюмянцева, как у тов. Середы.

Ввиду развернувшихся прений Г. Л. Сонин вносит предложение зачитывать материалы кандидатов, чтобы вторично членам Комиссии детально разобраться в этих материалах.

Предложение принимается, и Н. В. Найденев читает заявления и жизнеописания тт. Середы и Тюмянцева. После прочтения материалов Г. Л. Сонин берет слово и, анализируя работы обоих кандидатов, доказывает, что тов. Тюмянцев, если работал в области физиологии животных, то не в с/х вузе. Что же касается тов. Середы, то последнего тов. Сонин считает большим специалистом как работника крупных учреждений по ветеринарии и как преподававшего в вузе.

Н. В. Найденев указывает, что с/х вуз имеет свои особенности, отличающие его от других вузов, и что тов. Середка более близок к с/х вузу, чем тов. Тюмянцев. Не отрицая научных трудов тов. Тюмянцева, Н. В. Найденев отмечает, что научные труды Тюмянцева носят узкий специальный характер, имеющий больше отношение к медицине, чем к области животноводства, и, кроме того, указывает также, что с практической точки зрения кандидатура тов. Середы как члена Инбелкульта должна явиться более желательной, чем другие.

Перед голосованием П. В. Соловьев вносит предложение производить выборы закрытой баллотировкой. В противоположность этому предложению С. А. Глушановский предлагает голосование открытое, указывая, что закрытая баллотировка нецелесообразна. В ответ на это проф. П. Ф. Соловьев отвечает отказом принимать участие в голосовании и в знак протеста покидает заседание Комиссии.

Н. П. Шимкович вносит предложение прервать заседание. Представители студенчества, наоборот, настаивают на продолжении заседания, отмечая отсутствие каких-либо достаточных оснований прекращать заседание.

Вопрос о продолжении заседания голосуется, и заседание продолжается.

Производится открытое голосование, которое дает следующие результаты:

	За	Против	Воздерж.
За кандидатуру тов. Середы голосуют	7	—	1
За кандидатуру тов. Тюмянцева голосуют	1	6	—
За кандидатуру тов. Мусатова голосуют	—	4	3
За кандидатуру тов. Павловского <sup>11</sup> голосуют	—	6	1
За кандидатуру тов. Попова голосуют	—	6	1
За кандидатуру тов. Светлова <sup>12</sup> голосуют	—	6	1
За кандидатуру тов. Якимова голосуют	—	6	1

В голосовании не принимала участия Н. К. Новицкая. *Отсутствовавший т. Фирсов прислал письмо, в котором указывал кандидатов со своей стороны*<sup>13</sup>.

Избранным считается тов. Середя.

Председатель предм. ком. *подпись*

[Н. В. Найденев]

*ГАМогО. Ф. 536. Оп. 7. Д. 409. Л. 25, 25об., 26, 26об. Машинопись с авторской правкой*<sup>14</sup>.

## № 2

**19 июля 1925 г. — Из протокола № 1 заседания Совета агрономического факультета Горещкого сельскохозяйственного института.**

Присутствуют: проф. П. Ф. Соловьев, А. И. Кайгородов<sup>15</sup>, Ю. А. Вейс<sup>16</sup>, Н. В. Найденев, Ф. В. Лунгерсгаузен<sup>17</sup>, И. Г. Васильков<sup>18</sup>, Б. А. Мещерский<sup>19</sup>, препод. С. И. Журик, студент И. Байков, представит. Горещк. РИК'а т. Сафронков, предст. Райпрофбюро т. Титовец. Председательствует проф. П. Ф. Соловьев. Секретарь И. Байков.

### СЛУШАЛИ

6. Постановление зоотехнической предм. к-ссии кандидата на замещение кафедры физиологии животных (протокол предм. к-ссии от 14 июля за № 4)

### ПОСТАНОВИЛИ

6. Проф. А. И. Кайгородов считает протокол заседания предм. к-ссии незаконным, поскольку при избрании кандидата проведено открытое голосование при наличии одного протеста. Заседание находит, что постановление предм. к-ссии является правомочным, и переходит к обсуждению по существу.

Проф. П. Ф. Соловьев, не соглашаясь с постановлением предм. к-ссии и рекомендацией Середы на замещение означенной выше кафедры, со своей стороны дает отзыв о кандидатах, в котором высказывается за кандидатуру Тюмян-

цева (отзыв в письменной форме при сем прилагается).

Проф. Н. В. Найденов, не возражая против кандидатуры Тюмянцева как специалиста своей отрасли, находит, что более приемлемым кандидатом является Середа как специалист (ветврач), ближе стоящий к «физиологии животных».

Проф. Ю. А. Вейс считает более сильной кандидатурой Павловского.

Закрытое голосование дало следующие результаты:

За Тюмянцева 3 гол., против 4, возд. 1.

За Середу 5 гол., против 3, — .

За Павловского 2 гол., против 5, возд. 1.

Председатель Совета, декан  
агрофака, проф. *подпись отсутствует*<sup>20</sup>  
Секретарь *подпись*

[П. Ф. Соловьев]

[И. Байков]

ГАМогО. Ф. 536. Оп. 7. Д. 409. Л. 20, 20об., 21, 21об. Рукопись.

### № 3

#### [19 июля 1925 г.] — Отзыв декана агрономического факультета проф. П. Ф. Соловьева о кандидатах на кафедру физиологии животных Горьковского сельскохозяйственного института.

На основании объявленного всесоюзного конкурса подано семь заявлений. Заявления получены от ветеринарных врачей — Якимова, Попова, Мусатова, Павловского и Середы, от магистра ветеринарных наук Светлова и от доктора медицины Тюмянцева.

Среди ветеринарных врачей обращают на себя внимание два лица — Павловский и Середа.

Павловский отличается тем, что занимает профессорскую должность в Воронежском институте, но не по кафедре физиологии, а по ветеринарии и зоогигиене, так что не может претендовать на кафедру физиологии животных или хотя бы на анатомию и физиологию домашних животных.

Середа отличается от всех остальных кандидатов особым признаком, а именно — знанием белорусского языка, на коем написано им заявление. Он же состоит членом Инбелкульта. Зато в других отношениях специального характера он стоит в группе слабых кандидатов на кафедру физиологии. Окончив Минскую семинарию и Варшавский ветеринарный институт, Середа провел почти всю свою службу ветеринарным врачом в Минске. Педагогический стаж также связан с ветеринарией в техникумах и на краткосрочных курсах. С высшей школой его деятельность не соприкасается. Ученых ориги-

нальных трудов не имеет. Статьи Середы относятся к ветеринарии, например, печатаемые в «Плуге» — «Мор на сьвіньні» (№ 3)<sup>21</sup>, «Як трэба захоўваць гаспадарку і жывёлу ад заразылівых хвароб» (№ 4)<sup>22</sup>, «Як ратаваць уздутую жывёлу» (№ 5)<sup>23</sup>, «Крывавая мача» (№ 6)<sup>24</sup>. Самих даже слов «анатомия» или «физиология» совершенно не употребляется в единственном документе (*sigillum vitae*), из коего не видно, чтобы с этими дисциплинами ему приходилось иметь дело.

Единственным из семи сильным кандидатом является доктор медицины Тюмянцев.

Прежде всего, в противовес другим, он — квалифицированный ученый, так как экспертной комиссией ЦЕКУБУ<sup>25</sup> отнесен ко 2-й категории научных работников.

Окончил Казанский университет с золотой медалью и, между прочим, является учеником проф. И. Догеля<sup>26</sup>, создавшего школу ученых по прикладной физиологии; работал вместе с недавно скончавшимся заслуженным ордин. проф. Вл. Ив. Никольским<sup>27</sup> (*Archiv f. d. gesammte Physiologie. Bd. 47* «Влияние кураре на амёб и белые кровяные шарики»). Имеет ученую степень доктора; его диссертация представляет собой анатомофизиологическое исследование на тему: «Материалы для изучения влияния симпатического нерва на зрачок с другой стороны» (Казань, 1897). С 1920 года работает при кафедре физиологии Иркутского государственного университета, где читает курсы по отдельным специальным главам и по общему курсу физиологии, экзаменует студентов, ведет практику по физиологии и в должности самостоятельного преподавателя утвержден Московским центром. Уроженец Западной области (Смолен. губ.), некоторое время служил в Витебске. Имеет 35 печатных работ, из коих треть приходится на физиологию. Некоторые его работы помещены в немецких специальных физиологических журналах, как-то: *Zur Lehre über das Nervensystem des Herzens* (*Arch. f. mikrosk. Anatomie. Bd. XXXVI*); *Einfluss des Sympaticus auf contralut Pupille* (*Archiv f. d. Physiologie. Bd. 69*). Его работа «Материалы для изучения ритмической деятельности сердца» напечатана в приложении к LXVI тому Записок Академии наук (1891). Профессор физиологии Иркутского университета Спасский<sup>28</sup> так характеризует д-ра Тюмянцева Н. Ф.: «Знаю (его), как добросовестного научного работника, производящего самостоятельные исследования в моей лаборатории в течении нескольких лет». Заслуженный профессор доктор зоологии и физиологии Ленинградского университета Владимир Тимофеевич Шевяков<sup>29</sup>, заслушав доклад д-ра Тюмянцева на заседании Научно-Медицинского Общества, сделал такой отзыв: «Доклад этот произвел на меня весьма благоприятное впечатление, так как показал мне не только умение Н. Ф. Тюмянцева просто и ясно излагать аудитории свою мысль, но и его способность вдумчиво разбираться в научных вопросах, а также оригинальность подхода к разрешению их. Ознакомившись с напечатанной работой, я еще больше убедился в спра-



ведливости вынесенного мною на докладе впечатления; не могу не отметить еще хорошую технику Н. Ф. Тюмянцева и основательность работы с литературой. . . Я могу еще засвидетельствовать о прошлой научно-педагогической деятельности Н. Ф. Тюмянцева с 1920/1 года и считаю его достойным к занятию самостоятельной кафедры, как лектора и экспериментатора, так и ученого».

Также благоприятный отзыв о Тюмянцеве в предметной зоотехнической комиссии 14 июля дал профессор Горецкого института П. Ф. Соловьев, врач и натуралист по образованию, который в течение ряда лет читал курсы анатомии и физиологии на агрофаках университета и с/х института, в довоенное время работал по прикладной физиологии и три года тому назад был приглашен на кафедру физиологии Белорусского государственного университета.

Тюмянцевым приложены к *curriculum vitae* три печатных работы и одна, подготовленная к печати и переписанная на машинке.

В своей работе «О субъективных радужных кругах, видимых иногда людьми» (1923) д-р Тюмянцев не только показал основательное знакомство с литературой предмета, но и заявил себя изобретателем, предложив свой метод для отделения места разложения световых лучей в глазу нормальном и патологическом.

В другой своей работе «О функции Кортиева органа» (1923) д-р Тюмянцев на основании открытого им нового факта, а именно — наличности нервных фибрилл на поверхности *m. basilaris* у мышей и молодых щенков, нашел возможным судить о правильности гипотезы Эвальда (1899) по сравнению с уступающей ей гипотезой Гельмгольца (1862) и склониться к мысли, что Кортиев орган служит заглушателем звуков.

Поводом для работы «Несколько точек опоры для суждения о вестибулярном нистагме» (1924) автору послужил опыт, показанный так, как он описывается в учебниках. Замеченные экспериментатором в опыте отклонения дали повод для научного расследования. Умелая постановка вопросов дает автору возможность углубить их, внести живой научный интерес и свидетельствует о материалистическом мировоззрении автора-биолога.

В своей подготовленной к печати работе «Каким способом происходит торможение рефлексов» д-р Тюмянцев показал довольно основательное и полное знакомство с новейшей отечественной и иностранной литературой, приведя 40 цитат. Путем собственных опытов автор пытается внести оригинальное освещение механизма торможения рефлексов.

На основании приведенных объективных данных д-р Тюмянцев стоит вне конкуренции на первом месте среди семи кандидатов как квалифицированный ученый 2-й категории, как выявивший себя объективными данными специалист-физиолог, как опытный экспериментатор, особенно в области физиологии органов зрения, слуха, нервной системы и кровообращения,

наконец, как преподаватель, читавший лекции, по мнению проф. Шевякова, удачно, ставивший вдумчивые учебные опыты и контролировавший знания студентов. Мнения студентов Горецкого института Глушановского и Сонины, зафиксированные в протоколе № 4 зоотехнической предметной комиссии, приходится считать очень легковесными.

Поэтому д-р Тюмянцев вполне достоин занять кафедру физиологии животных в Горецком институте и преподавать также анатомию и физиологию домашних животных.

Декан агрономического

факультета, проф. *подпись*

[П. Ф. Соловьев]

ГАМогО. Ф. 536. Оп. 7. Д. 409. Л. 22, 22об., 23, 23об. Рукотпись.

#### № 4

**[20 июля 1925 г.] — Представление декана агрономического факультета проф. П. Ф. Соловьева в Правление Института.**

Представляя протокол № 4 от 14 июля 1925 г. зоотехнической предметной комиссии, считаю необходимым по нему сделать ряд замечаний:

1) Протокол представлен декану за одной подписью председателя комиссии Н. Найденова без подписи секретаря. Заседание имело место 14-го июля, а этот протокол представлен 18-го июля. Было достаточно времени для того, чтобы протокол был оформлен. По Положению о вузах п. 15 «все постановления предметной комиссии сообщаются немедленно президиуму факультета и входят в силу, если не будут опротестованы им в недельный срок»<sup>30</sup>.

2) Протокол, несмотря на чрезвычайную важность вопросов, рассмотренных заседанием, не получил надлежащего утверждения, так как не был зачитан не только в предметной комиссии, но даже и в бюро комиссии.

3) Президиум факультета представлен в настоящее время лишь одним деканом, так как по случаю каникулярного времени член президиума, равно как и секретарь, отсутствуют в Горках. Поэтому заключения по работе предметной комиссии даются одним деканом.

4) По п. 1 протокола предметной комиссии декан заявляет, что председателем допущена ошибка, заключающаяся в том, что он заставлял всех принять открытое голосование, несмотря на требование члена бюро комиссии, заместителя председателя комиссии провести закрытое голосование вследствие выявившихся резких расхождений в принципиальных мнениях членов собрания, принимавших участие в обсуждении кандидатур.

5) Записка отсутствовавшего на заседании студента Фирсова, не оглашенная председателем до момента голосования во время обсуждения кандидатов, не приложенная также к протоколу и по содержанию известная декану, между тем как студ. Фирсов мог изменить свое мнение, если бы присутство-

вал на самом заседании при обсуждении кандидатур. Этот факт декан считает процессуальной неправильностью, допущенной председателем комиссии.

б) Как член предметной комиссии декан возражает по поводу двух мест протокола, а именно:

а) Студент Глушановский, рекомендуя Середу на должность профессора физиологии животных, ссылается на подготовку по анатомии и физиологии животных. Между тем, в curriculum vitae Середы нет даже упоминания об этих дисциплинах, отсутствуют слова «анатомия» и «физиология». Если Глушановский имел в виду то, что Середа когда-то учился анатомии и физиологии в ветеринарном институте, то этого факта недостаточно для занятия профессорской кафедры в вузе, ибо иначе любой студент, сдавший аналогичный зачет, мог бы выступить кандидатом на подобном конкурсе.

б) Студент Сонин «считает большим специалистом» Середу, «анализируя работы обоих кандидатов». Между тем, фактически он не мог анализировать работы, так как, по его предложению, еще перед заседанием комиссии печатные работы всех кандидатов были переданы мне для ознакомления и отзыва, так как, по словам Сонины, студенты не сумеют разобраться в этих материалах.

Необоснованно утверждение Сонины о том, что Середа преподавал в вузе. В curriculum vitae таких указаний нет.

Мой отзыв о кандидатах по п. 1 Комиссии представлен в письменном виде, зачитан и заслушан на заседании Совета факультета.

Приложение: выписка из протокола.

Декан и Председатель Президиума

агрономического факультета, проф. *подпись*

[П. Ф. Соловьев]

ГАМозО. Ф. 536. Оп. 7. Д. 409. Л. 29, 29об., 30, 30об. Рукопись<sup>31</sup>.

## № 5

**22 июля 1925 г. — Особое мнение ректора института проф.**

**А. И. Кайгородова по поводу избрания ветеринарного врача Середы на кафедру физиологии животных (см. протокол № 1 заседания совета агрономического факультета п. б).**

В предметной комиссии вопрос относительно кандидатур на каф. физиологии животных решался в совершенно не нормальной обстановке, а именно кандидаты баллотировались открыто<sup>32</sup>, несмотря на протест декана ф-та проф. Соловьева, покинувшего собрание. Голосование при подобных условиях совершенно недопустимо и в корне нарушает принцип свободного волеизъявления. Все отзывы членов комиссии никаких веских доводов относительно научной оценки конкурентов содержать в себе не могли, т. к. никто из них, кроме проф. Соловьева, с трудами этими не знакомился, потому, при оценке по существу, т. е. по научному удельному весу кандидата, всецело присоединяюсь к отзыву проф. Соловьева. Из того, что избран из трех канди-

датов самый слабый по научно-ученому цензу, усматриваю в мотивах избрания нездоровую и явную тенденцию, весьма чреватую последствиями, если рассматривать ее как прецедент. Квалифицированный работник высшей школы должен быть прежде всего ученым: все прочие соображения, а в особенности националистические, являются моментами вторичными при сравнит. оценке кандидатов равного удельного веса.

Решение факультета в составе 8-ми лиц (!) нисколько в моих глазах не меняет дела, с начала и до конца вопрос об избрании ветврача Середы профессором Горецкого ин-та считаю протекавшим в ненормальных условиях и, по результатам, возможных для интересов высшей школы.

Ректор Ин-та, профессор *подпись*

[А. И. Кайгородов]

ГАМогО. Ф. 536. Оп. 7. Д. 409. Л. 36—36об. Рукопись.

#### Примечания

1. Подробнее о жизненном пути И. Н. Середы до 1925 г. см.: Петухоў А. В. Асабістая справа Івана Серады як гістарычная крыніца / А. В. Петухоў // Архивы и делопроизводство. — 2019. — № 2. — С. 99—106; Васілеўскі Ю. Серада Янка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 т. Т. 6. Кн. 1. — Мінск, 2001. — С. 291.
2. ГАМогО. — Ф. 536. — Оп. 7. — Д. 405. Протоколы заседаний правления института за 1925 год. — Л. 127; ГАМогО. — Ф. 536. — Оп. 2. — Д. 355. Личное дело доцента Ивана Никитовича Середы.
3. ГАМогО. — Ф. 536. — Оп. 7. — Д. 409. Протоколы объединенных заседаний Советов агрономического и землеустроительного факультетов. — Л. 20.
4. Найденов Н. В. (1886—1945) — белорусский советский зоолог. С 1922 г. профессор Горецкого сельскохозяйственного института (далее — ГСХИ), доктор сельскохозяйственных наук (1938), член-корреспондент АН БССР (1940).
5. Соловьев П. Ф. (1876—?) — российский и белорусский советский физиолог, энтомолог, зоолог. В 1925 г. — профессор и декан агрономического факультета ГСХИ.
6. Журик С. И. (1898—1938) — белорусский агроном, экономист. Выпускник ГСХИ (1924), далее преподаватель, ассистент ГСХИ. С 1931—1933 гг. — профессор и директор Белорусского государственного института свиноводства.
7. Евдокимов Г. Е. — научный сотрудник (лаборант) по кафедре анатомии и физиологии животных ГСХИ.
8. Шимкевич Н. П. — преподаватель по кафедре ветеринарии и зоогигиены ГСХИ.
9. Свирщевский В. М. — научный сотрудник по кафедре частной зоотехнии ГСХИ.
10. Новицкая Н. К. — научный сотрудник по кафедре зоологии ГСХИ.
11. Скорее всего, речь идет о Павловском Е. Н. (1884—1965) — русском и советском зоологе, энтомологе, создателе советской школы паразитологии; академике АН СССР (1939); президенте Всесоюзного энтомологического общества (1931—1965); президенте Географического общества СССР (1952—1964).
12. Светлов Г. И. — магистр ветеринарных наук. Отец советского эмбриолога, член-корреспондента АМН СССР П. Г. Светлова.
13. Внесено в протокол рукописным способом председателем предметной комиссии проф. Н. В. Найденовым.
14. После текста документа имеется приписка рукой неизвестного автора «*Декану агрономического факультета № 967. 18 июля 1925 г.*». А также присутствует

- отметка о получении: *«Протокол получен 18<sup>го</sup> июля 1925 г. и доложен 19<sup>го</sup> в Совете агрономического факультета. Декан факультета П. Соловьев».*
15. Кайгородов А. И. (1881—1951) — белорусский советский климатолог, в 1925 г. профессор кафедры метеорологии и климатологии и ректор ГСХИ. Академик АН БССР (1947).
  16. Вейс Ю. А. (1879—1950) — российский и белорусский советский ученый в области машиностроения, в 1925 г. — профессор кафедры механизации сельского хозяйства и проректор ГСХИ. Академик АН БССР (1940). Академик-секретарь Отделения естественных и сельскохозяйственных наук АН БССР (1946—1947).
  17. Лунгерсгаузен Ф. В. (1884—1960) — белорусский геолог немецкого происхождения. Уроженец г. Чаусы. Магистр геологии (1911). Профессор кафедры геологии и минералогии ГСХИ. Действительный член Инбелкульта. Председатель научного общества по изучению Беларуси при ГСХИ.
  18. Васильков И. Г. (1879—1942) — белорусский советский ученый, профессор кафедры ботаники ГСХИ.
  19. Мещерский Б. А. — преподаватель физики и термодинамики ГСХИ.
  20. Подпись не поставлена. Ниже на документе приписка: *«Подписываю протокол при непрременном условии включения в него тех изменений и исправлений, которые сделаны мною ниже (на обороте). Декан факультета, проф. подпись».* Замечания опущены, т. к. не относятся к рассматриваемому нами вопросу.
  21. «Плуг» — месячная наукова-папулярная сельска-гаспадарчая часопісь / Народны камісарыят земляробства БССР. — 1925. — № 3. — С. 33—35.
  22. «Плуг». — 1925. — № 4. — С. 26—28
  23. «Плуг». — 1925. — № 5. — С. 21—24
  24. «Плуг». — 1925. — № 6. — С. 21—23
  25. Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК СССР.
  26. Догель И. М. (1830—1916) — русский ученый-фармаколог, заслуженный ординарный профессор Казанского университета.
  27. Никольский В. И. (1850 — ?) — русский ученый-фармаколог, заслуженный ординарный профессор Варшавского университета.
  28. Спасский Н. С. (1870—1951) — русский и советский ученый-физиолог, бальнеолог, профессор кафедры нормальной физиологии Иркутского государственного университета.
  29. Шевяков В. Т. (1859—1930) — русский и советский ученый-зоолог. В 1919—1930 — профессор Иркутского государственного университета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1908).
  30. См.: Декрет СНК РСФСР от 03.07.1922 «Положение о Высших учебных заведениях».
  31. На документе в левом верхнем углу имеются штампы: «Получено 20 июля 1925 г. № 165» и «Доктор Павел Федорович Соловьев. Июля 20 дня 1925 г. № 94». В правом верхнем углу документа приписка рукой автора «Ректору проф. А. И. Кайгородову».
  32. Подчеркнуто автором.

*Артыкул наступіў у рэдакцыю 30.08.2020*

**Л. Д. Бондарь,**  
ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала  
Архива Российской академии наук,  
кандидат исторических наук;  
e-mail: L007@list.ru

**ОТ ГИМНАЗИЧЕСКОГО УЧИТЕЛЯ  
К УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ПРОФЕССОРУ:  
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КАРЬЕРА Е. Ф. КАРСКОГО  
В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ ВАРШАВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА  
(к 160-летию со дня рождения)**

Главным архивным собранием, на материалах которого долгие годы писалась научная биография основателя белорусоведения, академика Евфимия Федоровича Карского (1860—1931), является личный фонд ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Между тем, одна сторона деятельности ученого освещена в документах СПбФ АРАН весьма ограниченно, и именно — его педагогическая деятельность, которой будущий академик посвятил существенную часть своей жизни. Новые сведения предоставил фонд, к которому прежде не обращались при изучении биографии академика. Речь идет о фонде Императорского Варшавского университета (ИВУ) в Варшавском государственном архиве (*Archiwum Państwowe w Warszawie — APW*).

Среди прочих, в Варшавском архиве хранится личное дело Е. Ф. Карского, позволяющее проследить его педагогический путь от окончания Нежинского историко-филологического института до ректорства в ИВУ [18]. Прежде всего, в деле имеется формулярный список [18, к. 12—26] — непреходящая учетная форма кадрового делопроизводства, принятая к использованию в Российской империи с середины XVIII в. Этот формулярный список, составленный в ИВУ, ранее не был введен в научный оборот, однако содержащиеся в нем записи были хорошо известны: в СПбФ АРАН хранится документ — «Служебный аттестат»\* (от 12 января 1911 г.) [6, л. 24—27об.], составленный в Варшаве, с очевидностью на основе варшавского формулярного списка — аттестат фактически дословно повторяет формулировки формулярного списка; еще один формулярный список хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА) [4], данные его широко использовал правнук и исследователь научной биографии академика Е. Ф. Карского Александр Александрович Карский [2].

Так, формулярный список дает нам сведения о начале педагогической деятельности будущего академика: «По окончании полного курса наук в

---

\* Служебные аттестаты (аттестационные листы) являлись документами, содержащими сведения о возрасте, вероисповедании, семейном положении, сословии, имуществе, служебной карьере, чинах и наградах.

Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко, с[о] званием учителя гимназии, дающим все права кандидата университета, назначен учителем русского языка и словесности в Виленскую вторую гимназию», с 1 июля 1885 г. [18, к. 13]. Далее находим сведения относительно первых лет педагогической службы Е. Ф. Карского в гимназии. При принятии в гимназию молодому учителю сразу было назначено классное наставничество и уже в первый учебный год вменены дополнительные обязанности административного характера — с 7 января 1886 г. он приступил к исполнению обязанностей секретаря Педагогического совета гимназии и исполнял эту должность в течение полных трех лет, до 9 января 1889 г. Через год Е. Ф. Карский был избран в Хозяйственный комитет гимназии и состоял в нем следующие три года, фактически до окончания времени работы в этом учреждении — до 22 декабря 1892 г. [18, к. 14].

Факт избрания в административные органы гимназии свидетельствует о рано обозначившихся организаторских способностях Е. Ф. Карского, что вполне согласуется с будущими многочисленными назначениями на административные должности самого разного характера. О собственно педагогической его работе сведения немногочисленны, но достаточны для того, чтобы утверждать, что будущий академик с первых лет служебной деятельности отличался добросовестностью в исполнении своих обязанностей. В СПбФ АРАН хранится письмо от 14 октября 1889 г., подписанное директором Второй Виленской гимназии Михаилом Алексеевичем Бржезинским (ум. 1914), с объявлением благодарности за «усердную и плодотворную службу», вынесенной по итогам «переводного испытания по русской словесности в III[-м] классе Виленской 2-й гимназии в конце 1888/9 учебного года и на основании предложения господина попечителя округа» [13, л. 1—2]. Это все, что сообщают о работе в Вильне официальные документы.

Однако в фонде академика в СПбФ АРАН хранится еще один приятно-эмоциональный документ, добавляющий живые штрихи в картину жизни в Вильне молодого учителя. Речь идет о воспоминаниях супруги Е. Ф. Карского, венчание с которой состоялось в 1887 г., — Софии Николаевны Карской (в девичестве Сцепуржинской; 1867—1946), которые были составлены, очевидно, после 1941 г.; впервые они были опубликованы в минском издании в 2016 г. [1]. Сразу после свадьбы (накануне нового учебного года) молодая семья прибыла в Вильну и поселилась на набережной реки Вилейки, в съемной квартире Е. Ф. Карского, состоявшей «из 3[-х] комнат, передней и кухни и чердака, т[ак] к[ак] дом был небольшой, двухэтажный, мы занимали весь второй этаж, внизу жил сам хозяин, у нас были своя лестница и стеклянная галерея, где стояло много цветов. Галерея выходила окнами на бурную Вилейку». Судя по этим воспоминаниям, дополняемым перепиской с учителем Е. Ф. Карского по Нежинскому институту Р. Ф. Брандтом [см. об этом: 3; 17], работа в виленской гимназии, сопряженная с подготовкой к магистерско-

му экзамену в ИВУ, требовала от молодого учителя напряжения сил и оставляла немного свободного времени. «Е[фим]\* Ф[едорович], — продолжает вспоминать С. Н. Карская, — готовился к магистерскому экзамену. То и другое было трудно совместить, т[ак] к[ак] гимназические занятия отнимали много времени: каждый день отроков письменные работы, классное наставничество. Временами Е[фим] Ф[едорович] падал духом, т[ак] к[ак] мало оставалось времени для его научных трудов». И, наконец, упоминание об оценке работы Е. Ф. Карского в гимназии: «Е[фим] Ф[едорович] считался выдающимся среди преподавателей, даже директор к нему относился иначе, чем к другим. Мы оба пользовались общими симпатиями» [12].

Как сообщает запись в формулярном списке, магистерский экзамен на степень магистра русской словесности Е. Ф. Карский благополучно выдержал на историко-филологическом факультете ИВУ, получив соответствующее удостоверение за № 65 от 17 сентября 1891 г. [18, к. 15]. И уже в следующем учебном году у молодого ученого появилась возможность начать движение к желаемой цели — университетской профессуре. В 1892 г. с переводом Антона Семеновича Будиловича (1846—1908) в Дерптский университет в ИВУ открылась вакансия по кафедре церковно-славянского и русского языков. Е. Ф. Карский решил участвовать в конкурсе. Документы личного дела Е. Ф. Карского в ИВУ сообщают подробности этого конкурса.

Прошение Е. Ф. Карского, «преподавателя Виленской 2-ой гимназии, магистранта русского языка и словесности», о предоставлении ему вакантного места было направлено ректору ИВУ 29 июня 1892 г. [18, к. 37]. 12 сентября того же года последовало письменное обращение ректора к декану историко-филологического факультета с просьбой (именно так это обращение квалифицировано самим адресантом) о создании особой комиссии из профессоров факультета [18, к. 8—9]. Исполняющий обязанности декана Генрих Юрьевич (Егорович) Струве (1840—1912) получил это письмо в тот же день (о чем имеется на письме соответствующая отметка) и моментально назначил комиссию в составе профессоров: Александр Иванович Смирнов (1842—1905), Константин Яковлевич Грот (1853—1934), Платон Андреевич Кулаковский (1848—1913). Буквально через несколько дней Е. Ф. Карским было направлено второе прошение [18, к. 44—44об.]. Сам документ не датирован, но на письме имеется отметка «16 сентябрь 1892 г.», сделанная, очевидно, почтовыми служащими, она стоит на наклеенных на письмо почтовых марках. Второе письмо отличается от первого только тем, что содержит перечень шести основных опубликованных работ заявителя (более подробный список «ученых трудов», как сообщает этот документ, был направлен профессору А. И. Смирнову); первое письмо перечисления работ не содержало, а А. И. Смирнову, тогда редактору «Русского филологического вестника», был

---

\* Именно так — «Ефим» — называет С. Н. Карская своего супруга в воспоминаниях.



выслан полный список отдельным письмом. Второе отличие — это формулировка вакантной должности: в июне Е. Ф. Карский именовал ее как «свободная вакансия при Варшавском университете по кафедре славяно-русской филологии и литературы», такова же была и формулировка отношения, направленного 12 сентября ректором на историко-филологический факультет, — «Евфимий Карский заявил желание занять имеющуюся открыться в Варшавском университете кафедру славяно-русской филологии и литературы». Кандидат, не имевший на тот момент магистерской степени, не мог претендовать на занятие кафедры, но в ИВУ с 1893 г. открывалась лектура русского языка\*, и во втором письме была изменена формулировка. В сентябрьском прошении речь идет об «открывающейся <...> лектуре русского языка». Ту же формулировку («вакантная лектура русского языка») с отсылкой на вторичное прошение Е. Ф. Карского находим во втором отношении ректора ИВУ к декану историко-филологического факультета от 18 сентября 1892 г. [18, к. 5]. В тот же день, судя по отметке на этом документе, письмо было получено Г. Ю. Струве и переадресовано председателю выборной комиссии А. И. Смирнову.

В тот год на указанную должность рассматривались два заявления. Вторым кандидатом был магистрант Императорского Московского университета (ИМУ), тогда преподаватель Скопинского реального училища — Евгений Федорович Будде (1859—1931). Его прошение, направленное в ИВУ летом 1892 г.\*\* , также подшили впоследствии в личное дело Е. Ф. Карского. Прошение содержит формулировку «на освободившуюся кафедру русского языка», документа с измененной формулировкой нет [18, к. 35].

Отзыв о научных трудах претендентов был составлен А. И. Смирновым (подписан 19 октября 1892 г.\*\*\*). В этом документе перечислены девять работ Е. Ф. Будде, а в качестве итогового заключения читаем: «Из этого видно, что автор сосредоточился в своих ученых работах на русском языке и, в особенности, на русской диалектологии». Этим анализ научной деятельности Е. Ф. Будде и ограничивается. Характеристика научных результатов

---

\* То, что собой представляет лектура русского языка, узнаем из более позднего (11 сентября 1895 г.) письма Е. Ф. Карского Александру Васильевичу Михайлову (1859—1927), который претендовал в тот год на должность лектора после освобождения ее Е. Ф. Карским: «Лектура русс[кого] языка существует только в Варш[авском] университете, но не существует никаких определенных программ преподавания; учреждена эта лектура тогда, когда в университет поступали лица, учившиеся в польских заведениях и поэтому плохо знавшие русский язык» [15, л. 1].

\*\* Документ автором не датирован, но на нем имеется указание на два адреса для отправки ответа; один адрес — «до 1-го августа», второй — «с 1-го августа». Также на письме сделаны отметки «2 июля» и «16 июля»; отметки сделаны, очевидно, уже в канцелярии университета: отметки тем же почерком многократно видим на университетской корреспонденции.

\*\*\* На документе указан год «1882», что, конечно, является авторской опiskeй.

Е. Ф. Карского более пространна. Из всех его опубликованных трудов А. И. Смирнов выделил как имеющие «особенное значение» две работы: «Обзор звуков и форм белорусской речи» и «К истории звуков и форм белорусской речи»\*. «Первый труд, — пишет А. И. Смирнов, — представляет довольно полный обзор белорусского наречия, составленный на основании известного до 1885 г. в печати материала. Этою книгою как хорошим пособием пользовались проф[ессор] [А. И.] Соболевский в лекциях по истории русского языка и проф[ессор] [П. В.] Владимиров в своем сочинении «Доктор Франциск Скорина». «Гораздо ценнее второй труд г[осподина] [Е. Ф.] Карского <...>, — продолжает рецензент. — В этом труде отмечены особенности звуков и форм 12[-ти] памятников (иногда очень крупных) старого западно-русского наречия, начиная с XVI в.; кроме того, рассмотрен язык старых западно-русских грамот и актов с древнейших времен и до конца XV в., а также актов XVI в. По этому разработанному материалу можно составить теперь довольно рельефный облик старого западно-русского наречия. Старинные особенности языка автор сопоставил с данными новейших белорусских говоров не только по прежнему своему труду («Обзор...»), но и по новым материалам, извлеченным из сборников [П. В.] Шейна, [Е. Р.] Романова, [В. Н.] Добровольского и других сборников, явившихся в свет после 1885 г.». Далее следует оценка: «Метод исследования правильный, научный. Научных результатов больше, чем у г[осподина] [Е. Ф.] Будде, по тому же предмету и книга г[осподина] [Е. Ф.] Карского может быть принята в качестве магистерской диссертации». И заключение: «<...> Я нахожу, что и тот, и другой достаточно подготовлены к ученым исследованиям по русской диалектологии, и тот, и другой внесли довольно видные вклады в науку, и потому оба имеют полное право на занятие лектуры русского языка в Варшавском университете» [18, к. 40—41, 102].

Комиссия по вопросу о кандидатах на лектуру русского языка свое заключение, зафиксированное в протоколе, вынесла 30 октября 1892 г.: «Обсуждая характер главных трудов обоих кандидатов, члены комиссии обратили внимание на то обстоятельство, что г[осподин] [Е. Ф.] Карский больше знаком с западным краем и что здесь он может найти материал для дальнейших ученых работ по изучению старого западно-русского языка и современных западно-русских говоров» [18, к. 39]. Отзыв, протокол и личные бумаги кандидатов (от обоих кандидатов были представлены прошения, от Е. Ф. Будде — также формулярный список и свидетельство о сдаче магистерского экзамена) были отправлены попечителю Варшавского учебного округа (ВУО), и 28 января 1893 г. он направил в ИВУ уведомление (полученное в университете, судя по отметкам на письме, 29 января) о своем решении назначить на должность лектора русского языка Е. Ф. Карского; «такое назначе-

\* Именно эти две работы будут предъявлены Е. Ф. Карским впоследствии для получения степени магистра.

ние состоится, как только получится уведомление Департамента народного просвещения о неимении препятствий к его переводу» [18, к. 34]. 1 февраля 1893 г. для Е. Ф. Будде от имени ректора было отправлено уведомление о назначении на эту должность Е. Ф. Карского [18, к. 32—33]. В должность лектора русского языка (магистра русского языка), по свидетельству формулярного списка, Е. Ф. Карский вступил с того же 1 февраля 1893 г. [18, к. 14—16].

Вместе с тем, формулярный список фиксирует в качестве даты увольнения со службы во Второй Виленской гимназии «согласно прошению» — 1 января 1893 г. [18, к. 15]. В ожидании места в ИВУ Е. Ф. Карский был вынужден «приписаться» к Министерству народного просвещения. Для этого он прибыл в Петербург\*, откуда 2 января 1893 г. послал в ИВУ (в университете получено 5 января) письмо следующего содержания: «Честь имею уведомить, что уже последовало распоряжение г[осподина] министра народного просвещения о причислении меня к министерству; дело будет подписано 5[-го] или 6[-го] сего января; тогда же я извещу Ваше превосходительство телеграммой, а сам уеду в Вильну\*\*, где и буду ждать известия о назначении меня в Варшавский университет» [18, к. 46]. 8 января Е. Ф. Карский направил ректору ИВУ телеграмму: «Докладная записка седьмого января я причислен к министерству» [18, к. 48]. Об этом же — причислении к Министерству народного просвещения 7 января 1893 г. — сообщает формулярный список [18, к. 15], и уже 19 февраля 1893 г., после принятия на должность лектора в ИВУ, он был «отчислен» от министерства (письмо попечителя Варшавского учебного округа от 11 марта 1893 г.) [18, к. 49]. Для этого Е. Ф. Карский вновь должен был приехать в Петербург и покинул его 13 февраля, о чем свидетельствует удостоверение, выданное петербургской полицией (2-й участок Спасской части) 13 февраля 1893 г.: «<...> он [Е. Ф. Карский], получив в Петербурге сего числа извещение ректора Императорского варшавского университета от 10 сего февраля за № 871, сего же числа выбыл к месту его нового назначения <...>» [18, к. 52].

В соответствии с положениями ИВУ, Е. Ф. Карский должен был начать свои лекторские обязанности с чтения публичной «вступительной» лекции, которая состоялась 27 февраля 1893 г.; тема лекции была «Главнейшие течения в русском литературном языке». О лекции был официально уведомлен ректор (письмо декана Н. Н. Любовича от 24 февраля 1893 г.) [18, к. 51], а текст ее впоследствии опубликован в «Варшавских университетских известиях» за 1893 г.

---

\* Известен адрес временного проживания Е. Ф. Карского в Петербурге в это время; в электронном справочнике, где помещены все известные адреса Е. Ф. Карского относительно января 1893 г. [5], имеется только указание на факт его пребывания в Петербурге в это время; цитируемый далее документ дает сведения об адресе: «Екатерининский канал, против Казанского собора, меблированные комнаты Страхальской».

\*\* В Вильну Е. Ф. Карский планировал прибыть 7 января 1893 г.; его виленский адрес был указан с пометкой: «С 7-го января».

(№ 4). Лекции Е. Ф. Карского для студентов начались позднее: только 13 апреля Совет университета принял решение о назначении двух часов (астрономических) лекций в неделю (по понедельникам и пятницам) [2, с. 280]. Как сообщает упомянутое письмо А. В. Михайлову, курс русского языка был «общеобразовательным, в некоторых отделах даже элементарным», но в то же время «выше гимназического, служа более научным уяснением его». Читался этот курс на всех специальностях: для филологов, юристов, математиков, медиков, фармацевтов [15, л. 1—3].

В следующем учебном году чтение Е. Ф. Карским лекций по русскому языку было продолжено. О курсе этого года сохранились более обширные сведения. Как упоминалось в письме А. В. Михайлову, учебных пособий по этому курсу, существовавшему только в ИВУ, не было, однако в то время была распространена практика литографирования лекций профессоров и тиражирование их таким образом среди студентов. Судя по всему, к началу нового учебного года Е. Ф. Карский подготовил курс своих лекций и 12 сентября 1893 г. обратился к ректору ИВУ с просьбой «разрешить студентам II[-го] курса историко-филологического факультета литографировать мои лекции по грамматике русского языка» [18, к. 87]. Разрешение было получено; отметка на письме говорит о том, что соответствующее удостоверение было выдано студенту Константину Богдановскому. В СПбФ АРАН хранятся «Лекции по грамматике русского языка (общий курс)», но эта рукопись датирована 10 марта 1894 г.; в том же деле находится «Программа по русскому языку для испытания фармацевтов Императорского Варшавского университета в 1893/4 г.»\* [9].

Между тем, в новом учебном году свершились очередные перемены. К октябрю решился вопрос о магистерской диссертации, для защиты которой Е. Ф. Карский в своем заявлении на имя ректора от 19 октября 1893 г. просится в увольнение в Киев, в Императорский университет св. Владимира (ИУСвВ), на период с 20 по 30 октября 1893 г. [18, к. 88]. В тот же день отпускной билет был выписан [18, к. 91], и Е. Ф. Карский, судя по расписке на своем прошении, его сразу же получил\*\*. Как известно, защита благополучно состоялась, и 29 октября 1893 г. ИУСвВ утвердил его в степени магистра русского языка и словесности после защиты диссертации по двум упомянутым выше, в отзыве А. И. Смирнова, работам: «Обзор звуков и форм белорусской

\* Программа для фармацевтов требовала своей корректировки из-за более низкого уровня студентов. В упомянутом письме А. В. Михайлову Е. Ф. Карский пишет: «Что касается фармацевтов, то это лица, выгнанные из IV класса гимназий: для них читается элементарный курс, как для учеников гимназий III—IV классов: их можно переспрашивать, давать диктанты. Вообще, как в гимназии» [15, л. 2].

\*\* Отметка на билете, сделанная в Старокиевском полицейском участке, сообщает адрес регистрации в Киеве, также не упоминавшийся в электронном издании: Большая Владимирская (сегодня — Владимирская), д. 44.

речи» и «К истории звуков и форм белорусской речи». 15 ноября 1893 г. Е. Ф. Карскому был выписан магистерский диплом (№ 2068) и отправлен в ИВУ с сопроводительным письмом за подписью ректора Киевского университета Федора Яковлевича Фортинского (1846—1902)\* [18, к. 89].

Однако уже в сентябре был поднят еще один вопрос, касавшийся преподавательской деятельности Е. Ф. Карского. Поскольку кафедра церковно-славянского и русского языков оставалась вакантной, то для обеспечения лекций по кафедре Совет университета составил обращение к попечителю Варшавского учебного округа о разрешении чтения лекций по этой кафедре профессору Григорию Константиновичу Ульянову (1859—1912) и лектору Е. Ф. Карскому [2, с. 292—293]. Еще до возвращения Е. Ф. Карского из Киева было принято решение о его новом назначении. 28 октября 1893 г. попечитель Варшавского учебного округа вынес решение о поручении Е. Ф. Карскому «преподавания по вакантной кафедре церковно-славянского и русского языков, а именно по истории русского языка, студентам III и IV курсов славяно-русского отделения историко-филологического факультета, по 2 часа в неделю»\*\* [18, к. 16, 96]. Курс истории русского языка Е. Ф. Карский продолжал читать и в последующие годы. В СПбФ АРАН хранятся литографии: «История русской словесности. Народная словесность. Курс лекций» с программами лекций для студентов III и IV курсов в 1899—1902 г. И тот же спецкурс — «Лекции по истории русского языка в 1912/13 акад[емическом] году» [10; 11]. В личном деле Е. Ф. Карского имеется также прошение от 23 октября 1895 г. на имя ректора ИВУ, сообщающее о литографировании курса его лекций в 1895/96 уч. г.: «Поручая издание моих лекций по истории русского языка студентам III курса историко-филологического факультета А. Громаковскому и М. Курдюмову, честь имею просить Ваше превосходительство разрешить их литографирование. Печатать предполагаю в литографии Шиллера по ул. Новый Свет, д. № 21». 25 октября прошение было отписано в Варшавский цензурный комитет; разрешение, очевидно, было получено, поскольку на документе стоит отметка «Удостоверение получил студент А. Громаковский» [18, к. 138]; однако литографированный текст пока не обнаружен\*\*\*.

---

\* Письмо получено 21 ноября, на нем имеется отметка Е. Ф. Карского о получении диплома и об уведомлении об этом, отправленном в Киевский университет. Там же — отметка о передаче информации в Совет университета, где она действительно была рассмотрена [2, с. 296].

\*\* Письмо попечителя Варшавского учебного округа в личном деле Е. Ф. Карского отсутствует; оно было подшито в дело Г. К. Ульянова. Г. К. Ульянову было поручено чтение лекций по грамматике церковно-славянского языка.

\*\*\* Историю русского языка Е. Ф. Карский читал и во время позднейшей работы в Петроградском университете; в СПбФ АРАН хранятся его программы этого курса за 1923/24 уч. г. [11].

Из письма П. В. Шейну от 25 ноября 1893 г. становится известен объем лекционной нагрузки Е. Ф. Карского: в неделю 6 часов лектуры русского языка на первом курсе (всего около 500 человек) и 2 часа лекций по истории русского языка на третьем-четвертом курсах (в тот год у него было всего три слушателя на двух курсах) [7, л. 8—9]. Из чего складывались шесть часов лектуры на первом курсе, поясняет упомянутое выше письмо А. В. Михайлову: «Что касается студентов, то я читал им всем одно и то же (по 2 часа в неделю, целый год), но тут было некоторое неудобство, так как то же, что было читано филологам и юристам, еще раз приходилось читать математикам и медикам. <...> Читать сводно всему I курсу университета невозможно потому, что в аудитории было бы 500 человек, а такой аудитории нет, да и расписание лекций трудно устроить таким образом для всех факультетов. Оба курса фармацевтов слушают вместе (2 часа)» [15, л. 1—3].

Факт защиты магистерской диссертации и вакансии по кафедре русского и церковно-славянского языков\* позволили Е. Ф. Карскому делать следующие шаги. 22 января 1894 г. он обратился с прошением к ректору ИВУ: «<...> С начала нынешнего 1893/4 академического года сделалась вакантной кафедра русского и церковно-славянского языков и истории литературы. Хотя в текущем году она временно и замещена\*\*, но все же для занятия ее пока не предвидится лица соответствующей специальности. Так [как] полученная мною ученая степень, а равно и предметы моих научных занятий имеют непосредственное отношение к указанной кафедре, то я считаю себя вправе покорнейше просить <...> ходатайствовать о предоставлении мне с 1-го июля сего 1894 года означенной кафедры»\*\*\* [18, к. 101]. 24 января 1894 г. ректор обратился к декану историко-филологического факультета с поручением рассмотреть этот вопрос «в комиссии из представителей наук наиболее близких к означенной кафедре, а именно, проф[ессора] [А. И.] Смирнов, [К. Я.] Грот и [Г. К.] Ульянов и многие пр.» и представить заключение для обращения к попечителю ВУО [18, к. 97].

Немного позднее, 9 февраля 1894 г., прошение на занятие вакантной кафедры подал еще один претендент — тогда приват-доцент, а позднее профессор Новороссийского университета, доктор русской словесности и русского языка Василий Николаевич Мочульский (1856—1920). Прошение содержит автобиографию с перечислением основных работ и формулировкой

\* В 1892 г. экстраординарным профессором на кафедру был принят получивший степень магистра в ИМУ Петр Алексеевич Лавров (1856—1929), однако он находился в длительной командировке, к чтению лекций в ИВУ не приступил, от жалования отказался и в итоге в 1893 г. подал в отставку [2, с. 282].

\*\* Временно кафедру занимал Г. К. Ульянов.

\*\*\* Уже 8 февраля 1894 г. П. В. Владимиров, с которым Е. Ф. Карский состоял в переписке, поддерживал своего адресата: «Желаю от души Вам получить кафедру русского яз[ыка] в Варшавском университете» [16, л. 6].

«имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство принять и меня в число кандидатов на означенную кафедру»\*. Обе кандидатуры были выдвинуты на комиссию (документы упоминают второе по этому вопросу обращение ректора ИВУ к декану историко-филологического факультета от 22 февраля 1894 г. [18, к. 108]) в составе: А. И. Смирнов, К. Я. Грот и Г. К. Ульянов, под председательством декана Н. Н. Любовича, — и рассмотрены 24 мая 1894 г. Авторами отзывов о научных трудах претендентов выступили А. И. Смирнов и Г. К. Ульянов (текст отзыва не обнаружен). «Профессор К. Я. Грот, хотя отсутствовал, — уточняет письмо Н. Н. Любовича ректору от 29 мая 1894 г. с информацией о решении комиссии, — но сделал письменное заявление на отзыв проф. [А. И.] Смирнова, что вполне согласен с его мнением». В итоге, единогласным мнением комиссии было то, «что наиболее права по своим ученым трудам на занятие кафедры истории русского языка и церковно-славянского имеет г[осподин] [Е. Ф.] Карский»\*\* [18, к. 108, 109]. Ходатайство ректора ИВУ о назначении Е. Ф. Карского экстраординарным профессором по искомой кафедре было отправлено попечителю ВУО 8 июня 1894 г.; в письме подробно излагалось решение комиссии [18, к. 106, 107, 128].

Е. Ф. Карский был утвержден министром народного просвещения в должности экстраординарного профессора ИВУ по кафедре русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы с 26 июня 1894 г., о чем попечитель ВУО сообщил ректору ИВУ в письме от 7 июля, и этот вопрос был представлен на Совете университета 20 сентября 1894 г.\*\*\* [18, к. 110]. 15 июля и. о. ректора ИВУ М. И. Шалфеев отправил соответствующие письма на факультет и лично Е. Ф. Карскому. Отпуски писем находятся в личном деле Е. Ф. Карского, оригинал письма и. о. ректора — в фонде академика в СПбФ АРАН: «Вследствие предложения господина попечителя Варшавского учебного округа от 7 июля сего года за № 10666, имею честь уведомить Ваше высочорodie, что господин министр народного просвещения предложением от 26 июня сего года за № 12548, изволил утвердить Вас в звании экстраординарного профессора Императорского варшавского университета по кафедре русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы с 26 июня сего года» [14, л. 1—1об.; 18, к. 111]. Запись об избрании с 26 июня 1894 г. была, соответственно, сделана и в формулярном списке [18, к. 17].

---

\* За неимением в университете личного дела В. Н. Мочульского его прошение (как в свое время и прошение Е. Ф. Будде) было подшито в личное дело Е. Ф. Карского [18, к. 124—126].

\*\* Сам Е. Ф. Карский очень серьезно относился к кандидатуре своего конкурента, назвав его в письме А. И. Соболевскому 17 марта 1894 г. «главным претендентом» на замещение вакантной должности [8, л. 4].

\*\*\* Об этом имеется отметка на письме попечителя ВУО.

В новом 1894/95 уч. г. Е. Ф. Карский читал следующие курсы: «Грамматика церковно-славянского языка» для второго курса (два часа в неделю), «Русская диалектология (обзор народных говоров великорусских, малорусских и белорусских)» для третьего и четвертого курсов совместно (два часа в неделю) [2, с. 304]. Во втором полугодии лекционная нагрузка включала также курс русского языка. Пока лектура русского языка не была занятой (позднее ее займет А. В. Михайлов), Н. Н. Любавич обратился 15 января 1895 г. в Совет университета с ходатайством «о поручении чтения лекций по русскому языку во втором полугодии 1894/5 акад[емического] года профессору И. П. Созонову для фармацевтов, по 2 часа в неделю, и профессору Е. Ф. Карскому для филологов, математиков, юристов и медиков (4 часа в неделю) <...> в продолжение текущего полугодия» [18, к. 120]. Совет рассмотрел это ходатайство 19 января и 21 января направил соответствующее обращение попечителю ВУО [18, к. 121]. 30 января 1895 г. попечитель дал свое разрешение, о чем письменно уведомил Совет ИВУ [18, к. 122], и в формулярном списке была сделана соответствующая запись [18, к. 17—18].

Два академических года в статусе экстраординарного профессора были сопряжены с активной научной работой, в том числе — подготовкой докторской диссертации. Защита работы проходила на историко-филологическом факультете ИМУ. 30 октября 1896 г. Е. Ф. Карский подал прошение ректору ИВУ об увольнении его в отпуск в Москву «для докторского диспута» с 4 по 19 ноября [18, к. 149], на следующий день получил отпускной билет\* [18, к. 150]. Уже в ноябре 1896 г.\*\* Е. Ф. Карский посылал ректору ИВУ рапорт [18, к. 147] с приложением свидетельства Московского университета. Оригинальное свидетельство за подписью декана историко-филологического факультета ИМУ, с печатью ИМУ, выданное 16 ноября 1896 г., хранится в личном деле Е. Ф. Карского и сообщает, что «он 9-го ноября 1896 года публично защищал диссертацию под заглавием «Западнорусские переводы псалтири в XV—XVII веках», представленную им для получения степени доктора русской словесности, и что факультет, признав защиту удовлетворительною, провозгласил его доктором русской словесности и определил <...> его в означенной степени» [18, к. 148]. 31 декабря 1896 г. канцелярия ИМУ направила в канцелярию ИВУ диплом на степень доктора русской словесности (получен, судя по отметке на письме, 7 января 1897 г.) [18, к. 152]. Оригинал диплома, выписанного 20 декабря 1896 г., также находится в личном деле Е. Ф. Карского, свидетельствуя, что «магистр Евфимий Карский, по представлении и после публичного защищения написанной им диссертации, <...> определением университетского Совета,

\* Судя по отметке на билете, в Москве он был зарегистрирован по ул. Мясницкой (номер дома неразборчив: видна цифра «8», но имеется ли за ней вторая цифра — не видно, так как часть документа ушла в корешок).

\*\* На документе дата отсутствует, но стоит отметка о получении письма — 27 ноября.



14 декабря 1896 года состоявшимся, утвержден в степени доктора русской словесности» [18, к. 153]. Об этом была сделана соответствующая запись в формулярном списке [18, к. 19].

Руководством университета незамедлительно был предпринят следующий шаг. 18 января 1897 г. ректор ИВУ обратился с представлением к попечителю ВУО (в деле Е. Ф. Карского хранится черновик-отпуск письма). После сообщения об утверждении Е. Ф. Карского в степени доктора русской словесности в письме следует обращение: «Эта высшая ученая степень и заслуги г[осподина] [Е. Ф.] Карского как ученого и опытного преподавателя дают ему полное право на получение звания ординарного профессора, что в настоящее время, за выходом из преподавательского состава Варшавского у[ниверсите]та нескольких ординарных профессоров, является возможным. <...> Имею честь покорнейше просить ходатайства В[ашего] п[ревосходительст]ва об утверждении г[осподина] [Е. Ф.] Карского в звании ординарного профессора по занимаемой им кафедре русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы <...>» [18, к. 154—155]. 28 февраля 1897 г. попечитель письмом оповестил университет: «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству, последовавшем 14 февраля с. г. за № 13, экстраординарный профессор Варшавского университета, доктор русской словесности, коллежский советник [Е. Ф.] Карский назначен ординарным профессором названного университета по кафедре русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы» [18, к. 156]. Письмо, судя по имеющимся на нем отметкам, было получено в ИВУ 3 марта, а 4 марта ректор отправил эту информацию на факультет и лично Е. Ф. Карскому; подлинное письмо ректора, излагающее содержание извещения попечителя ВУО, хранится в личном фонде Е. Ф. Карского [14, л. 2—2об.]. Запись об этом, соответственно, была сделана в формулярном списке [18, к. 19].

Этим была достигнута высшая ступень преподавательской карьеры. Дальнейшая биография ученого будет связана с восхождением по научной и административной лестнице. Основные документы, освещающие этот путь, также хранятся в рассмотренных архивных собраниях.

#### Литература и источники

1. Карская, С. Н. Мои воспоминания об Ефиме Федоровиче Карском / публ. Л. Д. Бондарь // Гістарычна-археалагічны зборнік. — Минск, 2016. — Вып. 31. — С. 25—28.
2. Карский, А. А. Академик Е. Ф. Карский. Биография: В 2 т. — Минск: Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, 2019. — Т. 1. — 603 с.
3. Карский, А. А. Переписка профессора Р. Ф. Брандта со студентом Евфимием Карским // Літэратура та культура Полісся. — Вып. 39. — Ніжін, 2007. — С. 132—141.
4. РГИА. — Ф. 14. — Оп. 3. — Д. 48469.
5. Спадчына акадэміка Яўхіма Карскага. Да 150-годдзя з дня нараджэння [Электронны рэсурс. CD-ROM]. — Мінск, 2010.
6. СПбФ АРАН. — Ф. 4. — Оп. 4. — Д. 1503.
7. СПбФ АРАН. — Ф. 104. — Оп. 2. — Д. 81.

8. СПбФ АРАН. — Ф. 176. — Оп. 2. — Д. 183.
9. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 1. — Д. 11.
10. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 1. — Д. 12.
11. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 1. — Д. 13.
12. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 1. — Д. 58.
13. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 1. — Д. 100.
14. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 1. — Д. 101.
15. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 2. — Д. 40.
16. СПбФ АРАН. — Ф. 292. — Оп. 2. — Д. 131.
17. Шишкина, К. Г., Бондарь, Л. Д. Учитель и ученик: профессор Р. Ф. Брандт и академик Е. Ф. Карский (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Роль образования в формировании экономической, социальной и мировой культуры: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. — СПб., 2014. — С. 165—169.
18. APW. — Sp. Cesarski Uniwersytet Warszawski. — Sygn. 645.

*Артикул наступіу у редакцію 07.04.2020*

**И. И. Баринов,**

*старший научный сотрудник Отдела восточного славянства  
Института славяноведения Российской академии наук,  
кандидат исторических наук;  
e-mail: barinovnoble@gmail.com*

**А. С. Горный,**

*доцент кафедры истории Беларуси,  
археологии и специальных исторических дисциплин  
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,  
кандидат исторических наук, доцент;  
e-mail: litvin\_horny@tut.by*

**ЭДМУНД ЗУЗЕМИЛЬ  
И БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ  
В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД:  
НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ**

Личность Эдмунда Зуземилья (1881—?) не раз привлекала внимание исследователей белорусского национального движения [1; 2]. В числе белорусских активистов встречались лица немецкого происхождения, однако Зуземилья занимает среди них особое место. До войны обычный школьный учитель в Пинске [3, с. 205], после прихода немцев осенью 1915 г. он стал фактическим соиздателем газеты «Гоман», главного белорусского печатного органа на оккупированной территории. Занимавший формальную должность цензора, Зуземилья, в силу своего происхождения, имел определенное влияние на общее настроение германского командования на Востоке. Проникшись идеями национального возрождения, он активно продвигал на страницах издания идею развития белорусской нации. Позже, поселившись в Кенигсберге, он продолжил поддерживать контакты с представителями национального движения и стремился участвовать в белорусской жизни.

Выходец из старинной померанской семьи, Зуземилья был представителем второго ее поколения, жившего за пределами Германии. Его отец, Кристиан Генрих, в молодости был прусским чиновником, а затем, вслед за своим старшим братом Карлом Иоганном, отправился в Россию на поиски лучшей доли. В итоге братья Зуземилья осели в Харьковской губернии и дали начало разветвленному роду. Можно предполагать, что все носители этой редкой даже по немецким меркам фамилии, связанные с бывшей Российской империей, имеют одного общего предка. Сам Эдмунд Александр (или, как его называли в России, Эдмунд Генрихович) появился на свет в Харькове 16 мая 1881 г. вторым из шестерых детей [4]. Через некоторое время семья перебралась в разорившееся имение Гай под Пинском, очевидно, приобретенное за бесценок [5, с. 73—74].

В ту пору немецкие поселенцы в этих краях были редким явлением, хотя в начале XX в. их община в Полесье расширилась за счет притока коло-

нистов с Волыни [6, с. 106]. Зуземили попали в Россию вместе с одной из последних волн переселенцев из Германии, что во многом стало определяющим для дальнейшей жизненной стратегии семьи. Одна ее часть, оказавшись на новой родине, быстро инкорпорировалась в русскую культуру. Так, Александр Карлович окончил Московское инженерное училище и работал инженером-путейцем на Южном Урале [7, с. 36]. Его потомки, носящие ту же фамилию, до сих пор живут в Челябинске. Владимир Карлович Зуземиль получил образование агронома в Харьковском университете [8, с. 98]. Сын последнего, Игорь Владимирович, под именем Ириной стал епископом Русской Православной церкви. Другая ветвь семьи, из которой происходил Эдмунд, по-прежнему тяготела к немецко-лютеранской идентичности с характерными для нее особенностями. Они включали, помимо прочего, активное познание окружающего мира, где немецкий культурный стержень становился медиатором для его упорядочения.

С другой стороны, активные годы Эдмунда пришлись как раз на период кризиса имперской идентичности в России, когда целые сообщества начинали искать новые способы самопозиционирования. Подобная трансформация еще более усиливалась в экстремальных условиях войны и революции, причудливым образом преломляясь в отдельных личностях. В этом смысле показателен случай Ойгена фон Энгельгардта, автора первой немецкоязычной монографии по Беларуси. Балтийско-немецкий аристократ по происхождению, Энгельгардт, на фоне крушения старой России, обратился к воспоминаниям о спокойных детских годах в родительском имении, проведенных в окружении «верных белорусов» [9, с. 9]. Впоследствии эти впечатления укрепили искренний интерес Энгельгардта ко всему белорусскому. Примерно то же, скорее всего, произошло и в случае Зуземили. Вне всякого сомнения, он тоже проникся атмосферой своей «малой родины». Любопытно, что это касалось и других членов семьи. Двоюродный племянник Эдмунда, Владимир Федорович, до того как получить немецкое гражданство, имел паспорт БНР. При этом Зуземиль выделял для себя не только культурную, но и общественную сторону белорусского движения, впоследствии став корреспондентом «Нашей Нивы».

Наряду с этим, Зуземиль рос в мультиязычной и поликультурной среде. Помимо родных немецкого и русского языков, он усвоил польский от матери, уроженки Западной Пруссии, а французскому выучился у гувернантки. Очевидно, это многообразие вкупе с гуманитарным складом ума способствовало тому, что после окончания в 1899 г. Пинского реального училища юноша не стал изучать точные науки. Возможно, на это также повлияла семейная традиция: известный немецкий классический филолог Франц Зуземиль, многолетний профессор в Университете Грайфсвальда, происходил из этого же рода (он был четвероюродным братом отца Эдмунда).

В литературе упоминается об учебе Зуземилья в Мюнхене, Эдинбурге и Берлине [10, с. 133]. В первых двух случаях, однако, этому нет никакого подтверждения. Что касается Берлинского университета, то известно, что в течение трех семестров в 1906—1907 гг. Зуземиль изучал там историю [11, s. 202; 12, s. 173]. Вместе с тем, уже летом 1907 г. он был вынужден прервать учебу. Вернувшись домой, вчерашний студент пошел работать обычным учителем — сперва в частную гимназию Чайковского, где вел французский язык [10, с. 142], а затем в свою родную школу. Виной тому могла стать нестабильная финансовая ситуация семьи. Известно, что в 1913 г. в Германию вернулся отец семейства, Генрих Зуземиль, а сам Эдмунд хотел продать имение [2, с. 150—151]. Как раз в это время разразилась Первая мировая война.

В течение года с августа 1914 г. по сентябрь 1915 г. германские войска оккупировали значительную часть западных губерний Российской империи. В ходе наступления солдаты кайзера впервые сталкивались с самыми разными сообществами, проживавшими на этой территории. Если некоторые из них (поляки, литовцы) еще были им хоть как-то знакомы, то о других (в частности, белорусах) у них не было ни малейшего представления. Традиционный немецкий подход, когда определенная этническая группа соотносилась с конкретной территорией, в условиях этнокультурной чересполосицы не работал. Помимо этого, в условиях подчинения оккупационной политики стратегическим военным интересам, «узнавание» занятых областей фактически отдавалось на откуп отдельным специалистам, разбиравшимся в особенностях местных взаимоотношений. Именно они во многом формировали восприятие того или иного сообщества германскими властями и вопросы взаимодействия с ним.

Одним из таких «проводимых» стал Зуземиль. Обстоятельства того, как он был зачислен в кайзеровскую армию, неясны. Если он сохранил немецкий паспорт, то уже в начале войны его должны были депортировать из прифронтовой полосы. В случае русского подданства Зуземилья то же самое должны были сделать немцы. Поскольку он появился на фронте в ранге ополченца-резервиста, это говорит о том, что, скорее всего, Зуземиль все-таки успел выехать в Германию вслед за отцом. Как бы то ни было, осенью 1915 г. Зуземиль появился в Вильне, где вскоре стал одним из участников издания белорусскоязычной газеты «Гоман». Как вспоминал начальник отдела прессы Главнокомандования на Востоке Фридрих Берткау, Зуземиль занялся этим делом, поскольку владел белорусским языком [13, s. 50]. В то же время относительно его реальных языковых познаний в этой сфере существуют различные мнения — от «выдающегося уровня» до банального «знакомства» [2, с. 149—150].

С самого начала своего пребывания в Вильне Зуземиль установил тесный контакт с белорусскими деятелями, оставшимися в городе. Он был зна-

ком как с братьями Луцкевичами, так и с Вацлавом Ластовским, и по мере нарастания противоречий между ними занял сторону последнего. Сторонники Луцкевичей крайне негативно оценивали Зуземиля, считая его немецким соглядатаем, приставленным к виленским белорусам. У того, в свою очередь, был свой взгляд на происходящее. Насколько можно видеть из публикаций Зуземиля в «Гомане», он отводил главную роль в белорусском национальном возрождении не политикам, а «будителям», способным нести его идеи в народ. Подобного «работника на народной ниве» Зуземиль, несомненно, видел в Ластовском. Себя же бывший учитель в ту пору как раз воспринимал как большого политика. Так, есть сведения, что весной 1918 г. он участвовал в работе Рады БНР в Минске и, в частности, имел отношение к приветственной телеграмме, направленной Радой на имя кайзера Вильгельма [2, с. 152—154].

Подобное амплуа Зуземиль стремился поддерживать и в дальнейшем. Поселившись после войны в Кенигсберге, он возобновил контакты с Ластовским. Как следует из их переписки, уже в 1922—1923 гг. Зуземиль планировал развернуть широкую деятельность по выпуску белорусских книг, а также помещал материалы по белорусской тематике в местной прессе. При этом на первый взгляд может показаться, что Зуземиль и Ластовский были друзьями. Тем не менее, некоторые нюансы указывают на скорее покровительственное отношение Зуземиля к своему белорусскому confidentу. В частности, он стремился использовать журнал «Крывіч», выпускаемый Ластовским, по своему усмотрению и вызывал издателя в Кенигсберг, когда ему это требовалось. Сюда же вписывается и показное гостеприимство Зуземиля, предлагавшего ему воспользоваться жильем, в котором он сам был лишь квартирантом. Помимо этого, известно, что Ластовский был далеко не единственным информатором Зуземиля из числа белорусских активистов [2, с. 155—157].

Дальнейшая деятельность Зуземиля и его личные контакты представляются весьма запутанными. Существуют в той или иной степени достоверные данные о его контактах с польской и советской сторонами, а также непроверенные сведения о его работе на германские спецслужбы. Как представляется, эти сюжеты следует рассматривать через более широкую призму большой дипломатии. Начиная с середины 1920-х гг. белорусы оказались зажаты между четырьмя участниками процесса — Польшей, Литвой, Германией и Советским Союзом, причем каждая из сторон стремилась осуществить свою стратегию за счет другой. Так, в указанное время происходило тесное сотрудничество советских и германских дипломатов в балтийских государствах. В частности, Литва рассматривалась ими как таран против общего врага — Польши. При этом, как следует из внутриведомственных дискуссий в советском Наркомате иностранных дел, Москва в принципе рассматривала возможность договора с Польшей и обмена Литвы на Галицию [14, с. 131—133].

Литовское правительство, как и прежде, занимало весьма двойственную позицию. С одной стороны, оно поддерживало различные белорусские инициативы, в том числе материально. Известно, что в 1923—1924 гг. литовцы ежемесячно выплачивали «Крывічу» 500—750 литов. В это же время в Каунасе был организован Союз угнетенных Польшей народов, куда включались и белорусы. Вместе с тем Литва, осознавая свою слабость, периодически искала компромисса с поляками [15, s. 346—347]. Польша, в свою очередь, внимательно отслеживала все, что касалось ее восточной границы и национальных меньшинств, поддерживая хрупкий нейтралитет со всеми сторонами. Сложность ситуации способствовала тому, что никто из участников процесса старался не делать резких шагов для ее разрешения.

Вступив в 1924 г. в контакт с польскими властями, Зуземиль уверял их, что среди белорусских деятелей есть те, кто «смотрит на белорусскую акцию как на средства получения денег», но есть и по-настоящему идейные, которым можно для обоюдной пользы придать полонофильскую ориентацию [2, с. 159]. В то же время в конце 1926 г. Зуземиль вышел в Кенигсберге на литовского консула, предлагая ему поддержку местного отделения ветеранской организации «Стальной шлем» в действиях против Польши. Это чуть не спровоцировало скандала и даже вызвало против Зуземиля обвинения в государственной измене [16, s. 491—492]. Примерно тогда же он обратил на себя внимание советских дипломатов в Каунасе, с которыми, по собственным словам, даже встречался. Тем не менее, доверия Зуземиль не вызвал, и с ним решили не связываться [17, с. 113]. Любопытно, что в ходе своего предстоящего визита в Варшаву в марте 1927 г. Зуземиль обещал привезти своим конфидентам из МВД и контрразведки некие документы, подтверждавшие, что белорусским движением в Польше руководят большевики [2, с. 161].

Стоит отметить, что логика поведения, равно как и степень влияния Зуземиля, так и остаются не до конца понятными. В принципе его действия напоминают зондирование Польши, которое предпринималось Германией в стратегически важном для нее пограничном регионе. Был ли Зуземиль кадровым сотрудником германских спецслужб или одним из множества «восточных экспертов», неясно. Примечательно, однако, что именно из Кенигсбергского университета вышли те специалисты, которые уже в 1930-е гг. занимались интеллектуальной разведкой на «кресах восточных», в том числе Вернер Конце и Петер Шайберт.

В этой связи следует оценить и значение фигуры Зуземиля для самих белорусов. Для «новых» белорусских активистов он, очевидно, выступал проводником новых смыслов. Судя по некоторым идеологическим особенностям (разочарование в Польше, идея об управляемости белорусского движения из большевистской Москвы, акцентирование расовой теории), Зуземиль мог иметь отношение к появлению белорусских национал-социалистов (группы Акинчица) и даже стать для них связным с местными нацистскими организа-

циями Восточной Пруссии. Что касается «старых» белорусских лидеров, то для них контакты с Зуземилем сыграли скорее роковую роль. В частности, по мнению Луцкевича, именно из-за него Ластовский вернулся в советскую Беларусь с представлением о скорой военной интервенции Польши. Его идея создать «национальный центр» в качестве будущего правительства стала, таким образом, поводом для разгрома белорусского национального движения со стороны властей [2, с. 161].

Вопрос о том, насколько это соответствовало действительности, является весьма спорным. Тем не менее, нельзя отрицать, что, оставаясь убежденным сторонником белорусов в душе, в политическом отношении Зуземиль раз за разом действовал все более инструментально, не всегда имея возможность осознать последствия. Из-за фрагментарности сведений о личности Зуземиля (неизвестны даже время и место его смерти) тем более важным представляется проследить его деятельность по доступным первичным источникам.

Ниже публикуются яркие свидетельства активных контактов Эдмунда Зуземиля с белорусским движением, а именно три его письма, адресованных Вацлаву Ластовскому и датированных 1926 г. Данные источники выявлены в Центральном государственном архиве Литвы (Lietuvos centrinis valstybės archyvas, LCVA), в коллекции материалов редакции журнала «Крывіч», которые хранятся в общем фонде документов редакций белорусских изданий межвоенного времени (фонд 368). Некоторые архивные дела из данной коллекции являются частью личного архива Ластовского, где отображено, в том числе, его эпистолярное наследие. Эти документы были введены в архивное делопроизводство в относительно недавнем времени (в 2012 г.) и поэтому ранее не были доступны для исследователей.

Письма Зуземиля представляют собой рукописный текст на русском языке, написанный в дореформенной орфографии. При подготовке к печати орфография была адаптирована к нормам современного русского языка, остальные особенности авторского правописания сохранены. Документы впервые вводятся в научный оборот и представляют значительный интерес для исследователей истории белорусского национального движения и белорусско-германских политических связей.

#### № 1

#### Письмо Эдмунда Зуземиля Вацлаву Ластовскому. Кенигсберг, 17 января 1926 г.

Милостивый Государь!

Я немного простудился и лежу сегодня в постели, поэтому пишу лежа.

В своем архиве я отыскал интересующие Вас документы, между прочим и Вашу Листовку № 1 о требовании нераздельности и полной независимости Белоруси. Этот документ у меня лишь в одном экземпляре и поэтому я



его не могу Вам дать\*. Если хотите, то я дам его сфотографовать\*\* и вышлю Вам фотографию — одну и несколько, смотря по желанию. Боюсь, что фотография обойдется не дешево и жду Вашего ответа.

В личном архиве нашел и другой интересный документ: «Возвание Rady Konfederacji Wielkiego Ksenstwa Litewskiego»\*\*\*. Этот печатный документ (по польски) дело литовцев и братьев Луцкевичей. В этом возвание (аппун) они под 9 Dez[ember] 15\*\*\*\* требуют Литву, опирающуюся на Германию. В состав этой Литвы входит кроме литовских местностей Wilna, Гродно, Bjalastok\*\*\*\*, Лида, Новогрудок и другие части Западной Белоруси\*\*\*\*\*.

Этот документ могу по желанию тоже сфотографовать\*\*\*\*\*. Это будет стоить еще дороже потому документ этот очень большой (много фразеологии).

Когда я вчера разбирал мой архив, то был поражен его богатством. Имеется много и много документов наивысшего интереса для литовцев, белорусов и поляков. Некоторые документы наверно купили бы литовцы и дали бы хорошую цену. Но я их не отдам ни за какие деньги.

С одной стороны, интересующейся Восточной Европой, у меня запрошено, нельзя ли достать 20—25 отбитков Вашей статьи «Смаленская легенда аб св. Мэкурыси»\*\*\*\*\* (Кривич\*\*\*\*\* , 1924 год, № 1 (7)). Если нет особых отбитков, но может быть можно достать 20—25 целых номеров № 1(7) Кривича. Сообщите как обстоит дело с этим предметом. Я хотел бы оказать услугу лицу, которое интересуется Вашей статьей и не знает как быть. У меня

\* Имеется в виду первая из четырех листовок «Сувязі незалежнасці і непадзельнасці Беларусі» — организации, которая существовала в 1917—1918 гг. в Вильно под руководством В. Ластовского и выступала за объединение белорусских земель и их независимость.

\*\* Так в тексте.

\*\*\* Имеется в виду «Универсал Конфедерации Великого Княжества Литовского», изданный 19 декабря 1915 г. на четырех языках: белорусском, польском, литовском и идиш. Универсал был разработан братьями Луцкевичами с целью создать независимую государственную единицу из бывших земель Великого Княжества Литовского.

\*\*\*\* Документ был опубликован 19 декабря 1915 г.

\*\*\*\*\* Так в тексте.

\*\*\*\*\* Здесь и далее подчеркнуто в оригинале.

\*\*\*\*\* Так в тексте.

\*\*\*\*\* Правильное название статьи — «Смаленская легенда аб св. Мэркурым». Была опубликована в: Кривич. 1924. № 1(7) под авторством Ю. Верашчака (псевдоним В. Ластовского).

\*\*\*\*\* «Кривич» — белорусский литературно-научный и общественно-политический журнал, издавался в 1923—1927 гг. в Ковно (Литва) под редакцией В. Ластовского и К. Дуж-Душевского. Вышло 12 номеров.

имеется на руках только один экземпляр № 1 (7), который Вы были любезны выслать мне ~~год назад~~\* два года назад.

Что касается дела с господином Луцкевичем, то я надеюсь уладить его мирным способом, не прибегая к крутым мерам. Мой принцип был всегда «suaviter in modo»\*\*. В свое время сообщу Вам о результатах.

Сообщите как быть с документами «Листовка 1» и «Obywatele! Rada Konferencji\*\*\* Wielkiego Księstwa Litewskiego».

Поклон всем от г-жи Рейман и меня

Ваш покорный слуга

Э. Г. Зуземиль

17 Jan[uar] 26\*\*\*\*

LCVA. F. 368. Ap. 1. B. 32. L. 8—8atv. Рукопись. Оригинал.

## № 2

### Письмо Эдмунда Зуземиля Вацлаву Ластовскому. Кенигсберг, 3 февраля 1926 г.

Ida Reimann

vereidigte Bücherrevisorin

Fernsprechanschluß 9870

Postscheckkonto: Nr. 4953

Sprechzeit:

7½—8½ und 3½—4½ Uhr.

Königsberg in Preussen, den 3. Februar 1926

Prinzenstrasse, 15\*\*\*\*\*

Многоуважаемый г-н Ластовский!

Ваше письмо я сегодня получил. Благодарю за присланные «Кривичи». К сожалению вы прислали только 6 (шесть) № с легендой о Меркурии, а я просил 20—25, т. е. почти вчетверо более. Это по просьбе для научных славянских изысканий — этнографического и филологического характера. Теперь в Германии колоссально интересуются славянами и разумеется и кривичами! Ну, а без германской науки кривичи не обойдутся. Так было с чехами, поляками, русскими. Так будет и с кривичами.

\* Зачеркнуто автором письма в оригинале.

\*\* Мягко в обращении (лат.).

\*\*\* Так в тексте.

\*\*\*\* Описка в оригинале («25») исправлена другими чернилами, вероятно, автором письма.

\*\*\*\*\* Письмо написано на именном бланке Иды Райман, «аудитора бухгалтерского учета с правом нотариального заверения». У нее по адресу Принценштрассе, 15 (сейчас это улица Лазаретная в центре Калининграда, дом не сохранился) снимал комнату Зуземиль.

На ваш «Кривич» я уже неоднократно указывал в германской печати. Укажу еще раз на днях. Рекомендую Вам в «Кривич» приносить больше материала нерусских источников. Давайте польские переводы, немецкую, французскую, чешскую и другую беллетристику. Этим Вы способствуете тому, что кривичи будут поставлены на международную базу.

Некоторые вещи посылаю Вам для использования. Обращаю внимание на статью «Будущая польско-советская война». Это очень серьезная работа, которая может быть принята в любом мировом газетном органе или журнале. Я предоставляю ее Вам, чтобы дать ценный вклад в следующую книжку «Кривича»\*.

Вашу просьбу об известной квитанции я не могу исполнить по юридическим соображениям. Я состоял тогда на германской службе и был доверенным лицом Обер-Ост'а. Мой адвокат, с которым я советовался того же мнения.

О № 10 «Кривича» повторяю то, что сказал о № 9: «in hoc signo vinces» или «тоут □ віко»\*\*. Ведите эту линию дальше. Этим Вы поставите себе — говоря с Горацием — monumentum aere perennius\*\*\*.

С совершенным почтением

Ваш Э. Г. Зуземиль.

P. S. Поклон Всем от всех!

LCVA. F. 368. Ap. I. B. 32. L. 4—4atv. Рукопись. Оригинал.

### № 3

#### Письмо Эдмунда Зуземиля Вацлаву Ластовскому. Кенигсберг, 5 апреля 1926 г.

Königsberg in Preussen, den 5. April [19]26

Милостивый Государь!

По получении Вашего письма с двумя открытками я тотчас же принялся за розыски. После двухдневных неудавшихся поисков и возни я наконец разыскал подходящего человека. Ординарный доцент археологии и музееведения профессор Dr. Hippocrène\*\*\*\* с большим интересом выслушал меня и рассмотрев внимательно ваши две фотографии, сделал заявления, которые очень Вас обрадуют. Окончательно произнести свой компетентный приговор в данном вопросе, и закрепив его своим мнением ученого, увлечен-

\* Данная статья в журнале «Кривіч» опубликована не была.

\*\* Крылатое выражение «Сим победиши» на латыни и греческом, в последнем случае воспроизведено не совсем точно.

\*\*\* «Памятник прочнее меди» (лат.), неточная цитата из известной оды Горация. Вместе с предыдущими сентенциями демонстрирует стремление Зуземиля к ненавязчивому интеллектуальному доминированию над Ластовским, хотя речь идет о вещах из школьной программы, которую Зуземиль как бывший учитель хорошо знал.

\*\*\*\* Неустановленное лицо.

ного Европой, профессор может однако лишь, познакомившись с оригиналом, так как одной фотографии для окончательного приговора недостаточно. Когда случаем будете у меня, то я сообщу вам устно подробности.

Что Вы не можете дать мне еще 15—18 экземпляров «Кривича» № 7 очень жаль в Ваших же интересах. Присланные мне 6 экземпляров «Кривича» № 7 совершенно недостаточно, чтобы произвести в Ваших же интересах акцию, которая одним ударом сделала бы Ваше имя известным в ученом мире. Какая польза в том, что экземпляры «Кривича» пухнут без всякого толку в Ковне. Ну, делайте как хотите.

Скажите господину Душевскому\*, чтобы он больше не делал белорусских переводов русских книг. Какая польза в переводах книг Мальшева\*\*, Зеленского\*\*\*, Виппера\*\*\*\*? Ни для науки вообще, ни для белорусского движения в частности переводы русских учебников пользы принести не могут. Если белорусы пока что своих собственных учебников и научных книг составлять не могут, могут по крайней мере переводить не с русского языка, а с немецкого, французского и английского языка. А то, право, совестно за белоруссов!

Вообще Вы, белоруссы! На предстоящих выборах в литовский сейм белоруссы опять останутся не при чем! Конечно, если у Вас нет своей ежедневной газеты в Ковне, то шансы белоруссов должны быть ниже нуля. Вместо этих глупых переводов Виппера господин Душевский мог бы лучше заняться этим делом.

По сделанным мне сообщениям из парламентских кругов Варшавы, там считают, что теперешний сейм Польши до Нового Года не доживет\*\*\*\*\*. В сентябре месяце ждут нас крупные события, которые отзовутся сильно и на белорусах.

\* Клавдий Дуж-Душевский (1891—1959) — белорусский общественно-политический деятель, архитектор. В 1919 г. руководитель Дипломатической миссии БНР в странах Балтии. В межвоенный период жил в Литве, один из руководителей Белорусского центра в Ковно.

\*\* Имеется в виду школьный учебник Н. Мальшева «Физиология и анатомия человека», переведенный на белорусский язык И. Цвикевичем и изданный в Каунасе в 1923 г.

\*\*\* Имеется в виду школьный учебник В. Зеленского «Ботаника», переведенный на белорусский язык К. Дуж-Душевским и изданный в Каунасе в 1924 г.

\*\*\*\* Имеется в виду школьный учебник Р. Виппера «Учебник новейшей истории», переведенный на белорусский язык К. Дуж-Душевским и изданный в Каунасе в 1925 г.

\*\*\*\*\* Польский сейм 1-го созыва завершил свою работу в 1927 г.

Ваши открытки я Вам отдам при случае, так как предполагаю, что Вы в них сейчас не нуждаетесь.

Поклон от всех для всех

С совер[шенным] почтением

Э. Г. Зуземиль

P. S. Госпожа Райман выезжает 15 Апреля на две-три недели в Западную Германию. Я остаюсь один в большой квартире.

Если комунибудь из Ваших нужно лечится или [что-нибудь] в Кенигсберге, то квартира за время отсутствия г-жи Райман к Вашим услугам. S[usemihl].

LCVA. F. 368. Ap. 1. B. 32. L. 5—5atv. Рукопись. Оригинал.

#### Источники и литература

1. Ильин, А. Л. Роль пинчанина Эдмунда Зуземиля в белорусском национальном движении / А. Л. Ильин // Пинск в современной Беларуси: тезисы докладов научно-практической конференции молодых ученых Пинщины (Пинск, 21 мая 2004 г.). — Пинск, 2004. — С. 52—54.
2. Пашкевіч, А. «Стары нямецкі агент» ці «Бацька радзіміцкага народу»? / А. Пашкевіч, А. Чарнякевіч // Arche. — 2005. — № 4. — С. 147—165.
3. Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1914 год. — Минск: Минский губернский статистический комитет, 1913. — 429 с.
4. Режим доступа: <https://gw.geneanet.org/pmlhennings?n=susemihl&oc=&p=edmund+alexander>. — Дата доступа: 24.04.2020.
5. Дрозд, Д. Землевладельцы Минской губернии 1861—1900 / Д. Дрозд. — Минск: Медисонт, 2012. — 709 с.
6. Пичуков, В. П. Государственная политика в отношении немецкого населения БССР в межвоенный период / В. П. Пичуков // Российское государство, общество и этнические немцы. — Саратов: Издательство Поволжского института управления им. П. А. Столыпина, 2011. — С. 106—116.
7. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1916 год. — Уфа: Уфимский губернский статистический комитет, 1916. — 267 с.
8. Список студентов Императорского Харьковского университета на 1910—1911 академический год. — Харьков: Типография «Печатное дело», 1911. — 319 с.
9. Engelhardt, E. v. Weissruthenien: Volk und Land / E. v. Engelhardt. — Berlin: Volk und Reich, 1943. — 358 S.
10. Ильин, А. Л. Очерки истории культуры Пинщины (IX — нач. XX вв.) / А. Л. Ильин, Е. А. Игнатюк. — Пинск: ПолессГУ, 2013. — 220 с.
11. Amtliches Verzeichnis des Personals und der Studierenden der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin auf das Winterhalbjahr vom 16. Oktober 1906 bis 15. März 1907. — Berlin: Universitätsbuchdruckerei von Gustav Schade, 1906. — 204 S.
12. Dasselbe auf das Sommerhalbjahr vom 16. April bis 15. August 1907. — Berlin: Universitätsbuchdruckerei von Gustav Schade, 1907. — 204 S.
13. Bertkau, F. Das amtliche Zeitungswesen im Verwaltungsgebiet Ober-Ost / F. Bertkau. — Leipzig: Reinicke, 1928. — 165 S.

14. Каспаравичюс, А. Советская дипломатия и литовско-польский конфликт, 1925—1935 / А. Каспаравичюс // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. — Москва: Наука, 2004. — С. 129—138.
15. Kasparavičius, A. «Karta białoruska» w grze dyplomatycznej Kowna i Moskwy w latach 1920—1926 / A. Kasparavičius // Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki / pod redakcją Doroty Michaluk. — Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007. — S. 339—354.
16. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik, 1918—1945. Serie B: 1925—1933. Band II, 2. — Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1967. — 555 S.
17. Академик В. М. Игнатовский: документы и материалы. — Минск: Беларуская навука, 2010. — 275 с.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 07.05.2020*

**В. С. Пазднякоў,**  
загадчык аддзела археаграфіі  
Беларускага навукова-даследчага інстытута  
дакументазнаўства і архіўнай справы,  
кандыдат гістарычных навук;  
e-mail: vpmiensk@gmail.com

## БЕЛАРУСКІЯ СЯЛЯНЕ Ў БАРАЦЬБЕ З ЭПІДЭМІЯЙ ХАЛЕРЫ (КАЗУС 1855 г.)

Эпідэміі хвароб — пошасці, моры — былі такім бедствам для даўняй Беларусі, ад якога не было ратунку. Людзі спадзяваліся хіба што на міласць Божую, якая, у рэшце рэшт, ішла на змену Божаю гневу.

Эпідэміі самых розных хвароб хвалімі накрывалі Беларусь. Па падліках В. Грыцкевіча, эпідэмічныя гады адзначаліся ў Беларусі ў XI—XV стст. не менш за 20 разоў, а ў XVI—XVIII стст. — не менш за 81 раз [1, с. 42].

Часам здараліся асабліва маштабныя эпідэміі. У гісторыю ўвайшла знаная эпідэмія 1709—1710 гг., якая ахапіла большую частку Беларусі і суседнія краі. Наш выбітны гісторык і архівіст базыліянін Ян Аляшэўскі ў сваім творы «Абрыс айчыннага няшчасця» так апісваў тагачасныя жудасныя падзеі: «Мы, якія прысвяцілі сябе служыць Богу і ратаванню людзей, бачачы надыходзячую ад гэтых людзей да нас небяспеку пошасці, як маглі, у справе ратавання людскога працаваць не спыняліся. Але з часам, калі і да нас злую пошасць прынеслі, і людзі часта ўміраць пачалі, царкву кратамі, або, дакладней, дзверы да царквы загарадзіць мусілі, а самі, замкнуўшыся ў кляштары, штодзённае набажэнства і святыя мшы правілі, дазваляючы ў бабінцы святую мшу слухаць. Тады ў Жамойці невымерная колькасць людзей памерла, так што то, што страшэнны голад не дакончыў, то рэшту злое паветра давяршыла, так што збожжа па палях убіраць не было каму, быдла, ходзячы без пастухоў і гаспадароў, здзічэла, фанты па дарогах валяліся, а браць іх, як заразных, ніхто не мог, трупы па гасцінцах і па розных месцах ляжалі, і не было каму хаваць іх...» [2, с. 82].

Надзейных сродкаў супраць заразных пошасцей не было. Імкнуліся ізаляваць хворых, паменшыць кантакты паміж людзьмі, што пры тагачасных слабых камунікацыях было не дужа цяжка, але пошасці ўсё роўна шырыліся на многія краіны.

Чарговая пошасць наведала Еўропу і Беларусь у першай палове 1850-х гг. Самай вядомай яе ахвярай стаў Адам Міцкевіч (памёр у Стамбуле 26 лістапада 1855 г.).

Перыядычныя эпідэміі і адсутнасць дзейсных сродкаў супраць заразных хвароб прыводзілі да росквіту лячэбнай магіі. Праўда, у шматлікіх лячэбніках рэцэптаў супраць пошасцей няма, толькі сродкі індывідуальнай абароны. Аднак існавалі народныя сродкі калектыўнай абароны ад пошасцей. «Не толькі эпідэмія, но и ни одно несчастье не постигнет деревни, если крестья-

нин, родившийся близнецом, опашеть оную волами близнецами» — занатаваў народнае ўяўленне П. Баброўскі [3, с. 826]. Ахоўнае абворванне вёскі ўвогуле было папулярным сялянскім сродкам абароны ад нядолі.

Вяршыняй беларускай лячэбнай магіі стаў пошук злых ведзьмакоў і ведзьмаў і іх фізічнае знішчэнне — закопванне ў зямлю. У беларускім фальклоры можна знайсці звесткі такога роду (напрыклад, у А. К. Сержпутоўскага), аднак іх гістарычная верагоднасць невысокая.

Дакументальных сведчанняў пра гэта захавалася няшмат. Яшчэ ў канцы XIX ст. вядомы расійскі юрыст А. А. Левенстым зрабіў спробу сабраць факты такога роду. Яго праца «Суеверие в его отношении к уголовному праву» спачатку была надрукавана ў часопісе «Журнал Министерства Юстиции» [4], а пасля выйшла асобным выданнем [5]. Увага гэтага аўтара перш за ўсё была засяроджана на цвёрдых юрыдычных фактах, а пасля — на вусным матэрыяле. Аказалася, што ў юрыдычных адносінах тут вылучаецца Навагрудскі павет. Аўтар знайшоў сваё тлумачэнне гэтаму: «Новогрудский уезд Минской губернии, входивший прежде в состав губернии Гродненской, представляет собою, как известно, один из самых глухих углов Российской Империи. Неудивительно поэтому, что среди местных крестьян разные суеверия держатся с особым упорством» [5, с. 7].

Гэтаму можна лёгка запярэчыць: Навагрудчына — адзін са старажытных земляробчых раёнаў Беларусі, здаўна акультураны, урбанізаваны, са старажытнымі гарадамі, адным з якіх быў сам Навагрудак, дарэчы — цэнтр праваслаўнай, а пасля ўніяцкай мітраполіі.

Цвёрда ўстаноўленых, юрыдычна засведчаных фактаў чалавечага ахвярапрынашэння Левенстым устанавіў два: выпадак 1855 г. у сяле «Окоповичи» і казус 1831 г., які, аднак, не дайшоў да трагічнай развязкі: «В 1831 году крестьяне во время такой эпидемии хотели похоронить заживо священника, но тот спасся тем, что упросил своих прихожан дать ему отсрочку для приготовления к смерти» [5, с. 8]. Аднак апошні выпадак, хутчэй, адносіцца да чутак, чым да юрыдычных фактаў, да таго ж, адсутнічае яго лакалізацыя. Далей падобныя выпадкі мелі месца ў 1871 г.: «В августе месяце 1871 года в том же Новогрудском уезде, в деревне Торкачах, крестьяне для избавления от холеры хотели похоронить заживо больную крестьянку Марцеллю Моисейчикову в жертву за мир. Марцелля, однако, осталась в живых, благодаря тому, что ее муж и зять выгнали из хаты мужиков, которые пришли, чтобы нести несчастную бабу на кладбище. Но, по слухам, те же крестьяне похоронили живую Софью Мойсейчикову, которая была больна и кончалась. Софья была женщина одинокая, этим обстоятельством и воспользовались соседи, чтобы совершить свое преступление» [5, с. 8—9]. Як бачым, і тут мы маем справу, хутчэй, з чуткамі.

Знакаміты мор 1831 г. з яго ахвярапрынашэннямі знайшоў адбітак і ў дакументах. Спасылаючыся на рукапісную працу Парчэўскага «Сельско-



хозяйственная статистика» (1848), якая засталася неапублікаванай, П. Баброўскі пісаў: «Во время холеры 1831 года в деревне Любищицах, Слонимского уезда, по словам г. Парчевского, крестьяне, в надежде избавиться отъ эпидемии, положили в яму и зарыли живую женщину, с петухомъ и вороною. Такой варварский поступок не остался безъ наказания» [3, с. 826].

Пра аўтара гэтага паведамлення, Парчэўскага, можна сказаць наступнае. Рыгор Іосіфавіч Парчэўскі нарадзіўся 10 студзеня 1817 г. у сям’і ўніяцкага святара, у 1827 г. паступіў у Брэсцкае дваранскае вучылішча, у 1831 г. — ва ўніяцкую тады яшчэ Літоўскую духоўную семінарыю ў Жыровічах, якую скончыў у 1838 г. Да 1841 г. працаваў хатнім настаўнікам. Першы святарскі сан, дыяканскі, атрымаў 24 чэрвеня 1841 г., з 13 ліпеня 1841 г. быў святаром у Малой Бераставіцы, з 1846 г. — скідальскі віцэ-благачынны. З 22 сакавіка 1850 г. — святар у Ваўкавыску, з 26 красавіка 1859 г. — ваўкавыскі віцэ-благачынны, з 14 снежня 1850 г. працаваў законанастаўнікам у Ваўкавыскім вучылішчы, з 8 лютага 1852 г. — ваўкавыскі благачынны. З 26 чэрвеня 1857 г. быў святаром царквы ў Лашы, выкладаў у Лашанскім народным вучылішчы. Памёр 20 снежня 1890 г. Усё жыццё Р. І. Парчэўскі адчуваў прагу да інтэлектуальнай працы, пісаў працы па статыстыцы, этналогіі, метэаралогіі і інш., перапісваўся з Рускім Геаграфічным Таварыствам, якое ў 1851 г. абрала яго сваім членам. За статыстычны агляд Гродзенскай губерні Р. І. Парчэўскі ў 1851 г. быў узнагароджаны Вучоным камітэтам Міністэрства дзяржаўных маёмасцей вялікім сярэбраным медалём. Пры напісанні гэтай працы Парчэўскі карыстаўся афіцыйнымі матэрыяламі ўрадавых устаноў губерні, так што яго звесткі пра казус 1831 г. можна лічыць цалкам верагоднымі. Магчыма, матэрыялы гэтай справы яшчэ захаваліся ў адпаведных архіўных фондах.

Сучасны гісторык С. Токць прыводзіць сведчанне з крымінальнай справы адносна аналагічнага выпадку ў тым жа 1831 г. у вёсцы Кавалевічы Слонімскага павета. Гродзенская крымінальная палата тады паведамляла ў Сенат: «Из дела видно, что крестьяне деревни Ковалевичи к зарытию в землю женщины Прасковии Шведовой решились по суеверию, происходившему от древних мирян, и по человеколюбию в надежде спасения от смерти во время существования тогда болезни холеры. Но как сего делать им не следовало, должны были положиться на милосердие всевышнего, к кому обращаться с молитвою, то уголовная палата, признав их умышленными убийцами сказанной женщины на основании положения... крестьян Уласа Савчука и Максима Цесельского, яко предводителей общества, в страх и пример другим и в прекращение суеверия, наказав каждого по пяти ударов кнутом, сослать на каторжную работу с поставлением на лицо указных знаков» [6, с. 103].

С. Токць мяркуе, што ў гэтых абодвух выпадках, якія датуюцца 1831 г., маецца на ўвазе адна і тая ж падзея, хоць яна прывязана дакументамі да розных вёсак Слонімскага павета — Кавалевічы і Любішчыцы. Любішчы-

цы — цяпер вёска ў Івацэвіцкім раёне Брэсцкай вобласці. Кавалевічы лакалізацыі не паддаюцца ні на той час, ні на цяперашні.

Аналагічны выпадак меў месца ў 1855 г. у Навагрудскім павеце, у вёсцы Аканавічы (цяпер вёска ў Карэліцкім раёне Гродзенскай вобласці). Пра гэтае здарэнне своечасова даведлася мясцовае начальства. Была распачата судовая справа, якая скончылася пакараннем некаторых дзеючых асоб.

Галоўным завадатарам быў прызнаны фельчар (або цырульнік па-мясцоваму) Андрэй Казакевіч, які зацягнуў на мясцовыя могілкі 70-гадовую Лукію Манькаву, кінуў яе ў магільную яму падчас пахавання памерлых ад хваробы дзяцей і разам з прысутнымі сялянамі засыпаў яе. Крымінальная справа пачалася ў чэрвені 1855 г. і праз некалькі месяцаў скончылася для яго прысудам: «Лишить всех прав состояния, наказать публично в городе Ново-грудке чрез палача плетьюми семидесятью ударами с наложением клейм и потом сослать в каторжную работу в рудниках на двенадцать лет» (гл. адпаведны дакумент ніжэй).

Адзначым, што ахвярапрынашэнне ў Аканавічах прыцягнула ўвагу сталічнай публікі. Выклад судавага працэсу быў змешчаны ў 1864 г. у афіцыйным перыёдыку — «Журнале Министерства Юстиции» [7], а пасля перадрукаваны ў адмысловым зборніку матэрыялаў судовых працэсаў «Русские уголовные процессы» А. Любаўскага («Дело о крестьянах Андрее Козакевиче и других, судимых за похоронение живой крестьянки Маньковой» [8, с. 430—434] (адзначым, што геаграфічныя назвы ў гэтых публікацыях дадзены ў скажоным выглядзе: «Цюрина» замест «Цырына» і «Окопович» замест «Оконович», што, у рэшце рэшт, трапіла і ў працу А. А. Левенстыма ў 1897 г.).

Аканавіцкі эксцэс 1855 г. уяўляе цікавасць з некалькіх пунктаў погляду. Па-першае, гэта пакуль адзіная судовая справа, якая засведчыла абрад чалавечага ахвярапрынашэння ў XIX ст. у дэталях. Судовыя дакументы дазваляюць меркаваць пра матывы паводзін фігурантаў і самі іх дзеянні. Як і ў іншых падобных выпадках, фігуранты не змаглі ясна выкласці свае меркаванні па сутнасці справы. Прысутнічала адсылка на традыцыю, даўніну, што павінна было прыдаць абраду грамадскую правамоцнасць.

Суд заняўся і асобай галоўнага фігуранта — Андрэя Казакевіча. Афіцыйна ён лічыўся дзяржаўным селянінам, але фактычна быў, як падаецца, местачкоўцам з Цырына. Там ён быў хрышчаны ва ўніяцкай царкве 22 жніўня 1818 г. (гл. метрычную выпіску пра яго хрышчэнне).

Крымінальная справа разглядалася ў Навагрудскім земскім судзе, які адмыслова з гэтай нагоды стварыў Часовае аддзяленне. Пасля следства суд 1 кастрычніка 1855 г. пастанавіў абвінавачанага А. Казакевіча заключыць у турму. Прысуд вынес Навагрудскі павятовы суд 31 кастрычніка 1855 г. Было пастаноўлена: Казакевіча, «как совершенно неумиленного и одобренного въ поведении, оставить в сильном подозрении, под надзором полиции, отдав на поручительство одобрившим его обыскным людям», а «казенных крестьян,

бывших на кладбище во время означенных похорон и не принявших никаких мер для спасения Маньковой, предать церковному покаянию по распоряжению православного духовного начальства». Мінская палата крымінальнага суда, якая разгледзела гэтую справу «ў рэвізійным парадку», 24 студзеня 1857 г. прыгаварыла А. Казакевіча «лишить всех прав состояния, наказать публично в городе Новогрудке чрез палача плетьюми семидесятью ударами с наложением клейм и потом сослать в каторжную работу в рудниках на двенадцать лет», а таксама накіраваць справу, з-за яе незвычайнасці, на разгляд Урадавага Сената. Сенат 7 верасня 1857 г. зацвердзіў рашэнне Мінскай палаты крымінальнага суда ў адносінах да Казакевіча.

Пра асобу Андрэя Казакевіча можна сказаць наступнае. Нарадзіўся ён у мястэчку Цырын у сям’і Данілы і Усціны Казакевічаў, там быў хрышчаны ва ўніяцкай царкве 22 жніўня 1818 г. У 1855 г., калі адбываліся разглядаемыя падзеі, яму было прыкладна 37 гадоў — сярэдзіна жыцця. У 1834 г. цырынская грамада абрала Казакевіча на пасаду фельчара і накіравала яго па навуку ў Навагрудскую гарадавую бальніцу. Там на працягу некалькіх гадоў (!) ён вывучаў лекарскае рамяство пад кіраўніцтвам доктара Гнаінскага. Нарэшце, у 1847 г. ён быў накіраваны назад, у Цырын, з абавязкам займацца прышчэпваннем воспы, прычым не толькі ў Цырынскім старастве (гэта значыць, у мястэчку Цырын і вакольных вёсках), Цырынскай уніяцкай царкве (прыходзе) і мясцовым яўрэйскім кагале, але і на суседніх землях. Адпаведнае пасведчанне Гнаінскі падпісаў 1 ліпеня 1847 г. (гл. адпаведны дакумент).

Доктар Пётр Францавіч Гнаінскі быў мясцовай славукасцю і вялікім аўтарытэтам. Паходзіў з навагрудскай шляхты. Нарадзіўся ў 1799 г. Медыцыну вывучаў у Віленскім універсітэце, які скончыў у 1819 г., там жа ў 1823 г. здабыў доктарскую ступень. Асталяваўшыся ў 1831 г. у Навагрудку, стаў вядомым практыкам, слава якога распаўсюдзілася далёка. Пагалоска прыпісвае яму ўратаванне ад смяротнай хваробы вядомага М. М. Мураўёва, на той час губернатара ў Гродне. Памёр Гнаінскі ў 1873 г. ці хутка пасля [9, s. 32—33; 10, s. 145; 11, s. 95; 1, s. 148].

Такім чынам, Андрэй Казакевіч быў «дыпламаваным» медыкам, амаль што інтэлігентам, прынамсі, у сваім местачковым маштабе. Гэты чалавек відавочна выбіваўся з асяроддзя сваім становішчам, адукацыяй і пасадай. Да таго ў яго быў афіцыйны «дыплом», які ставіў яго высока: там было напісана, каб яму давалі падводы, яго дзеянні не падлягалі абмеркаванню з боку атачэння («в действия его имеет право только начальство вникать»), нарэшце, яму давалі такія-сякія казённыя грошы. З такімі правамі «цырульнік» уявіў, што ён можа распараджацца не толькі здароўем, але і жыццём сваіх падапечных. Вось на такой падставе і нарадзілася ў А. Казакевіча жаданне ашчаслівіць вяскоўцаў цаной жыцця аднаго (усяго толькі аднаго!) чалавека.

Але не адзін такі Казакевіч быў у тагачасным грамадстве. На арэну жыцця выходзіў цэлы пласт такіх злёгка адукаваных людзей, ужо не сялян і

не мяшчан, якія мелі такія-сякія веды, правы і жаданне змяніць жыццё ўсіх і адразу да лепшага. Навуковыя веды давалі ім, быццам, права распараджацца лёсамі іншых, бо навука — яна вышэй за шэрую будзённасць. Падобныя паўінтэлігенты адыгралі вялікую ролю ў пазнейшых сацыяльных катаклізмах, якія дашчэнт зруйнавалі старое грамадства.

Ніжэй змешчаны найбольш цікавыя дакументы пра эксцэс 1855 г., які здарыўся падчас сялянскай барацьбы з эпідэміяй у вёсцы Аканавічы Навагрудскага павета. Яны ўзяты з судовай справы, якой тагачасныя архівісты далі назву «Дело из Новогрудского уездного суда поступившее о похоронении живой крестьянки Лукии Маньковой». Раней гэтая справа знаходзілася ў архіве Мінскай палаты крымінальнага суда, а цяпер захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (фонд 145, вопіс 2, справа 458). Усе дакументы друкуюцца ўпершыню, па эдыцыйных правілах 2016 г. [12].

## ДАКУМЕНТЫ

### № 1.

1855 г. чэрвеня 6.

**Рапарт старшыны Гарадзішчанскага сельскага праўлення І. Аліферкі Навагрудскаму земскаму суду пра закапанне ў в. Аканавічы жывой жанчыны для спынення халеры.**

О происшествии.

В Новогрудский земский суд.

Городышцкого сельского управления.

Дошло до сведения сельского управления, что будто бы казенного имени Цырина деревни Оканович на сих днях крестьянка, по имени и прозванию неизвестно, с суеверия для прекращения там существующей эпидемической болезни холеры живою кем-то предана земле.

О чем сельское управление, почтительнейше донося Новогрудскому земскому суду, покорно просит распоряжения, дабы произведено было о том формальное следствие. Докладывая, что вместе с сим донесено г-осподину приставу 2 стана за № 356 и окружному управлению за № 357.

Старшина *И. Олиферко*

*Писарь\**

№ 355

6 августа 1855 года

М-местечко-Городышц

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 1а—1а адв. На рапарце пазнака пра атрыманне дакумента: 2456 Полу-чэно-15 августа 1855 года.

\* *Подпіс неразборлівы.*

## № 2.

1855 г. чэрвеня 17.

**Рапарт варанчанскага тысяцкага І. Чачота прыставу 2-га стана Навагрудскага павета Мурзічу пра закапанне сялянамі в. Аканавічы жывой жанчыны для спынення халеры.**

Его Благородию господину приставу 2-го стана Новоградского уезда.  
Ворончанского тысяцкого.

Рапорт.

В исполнения Вашего Благородия от 10 августа за № 2321 доставить ведомость о заболевших холерою и сколько померло при сем честь имею донести Вашему Благородию, что в деревни Окановичах умерло обоюго пола душ 41, и бившие на онум кладбищи крестьяне той деревни и Андрей Казакевич, находилася зо ними крестьянка той же деревни Луция Мартина Манки жана, то Казакевич взял на плечи свое и уброеил живую между трупами оную. О чем честь покорнейши имею донести Вашему Благородию до вашего распоружения.

*Тысяцкий Иван Чечот*

№ 36

1855 года августа 17 числа

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 6—бадв. На рапарце пазнака пра атрымманне дакумента: Полушено 18 августа 1855.

## № 3.

1855 г. чэрвеня 18.

**Рапарт прыстава 2-га стана Навагрудскага павета Мурзіча Навагрудскаму земскаму суду пра закапанне сялянамі в. Аканавічы жывой жанчыны для спынення халеры (вытрымка).**

Управляющего 2 станом пристава стана. № 3289. 18 августа 1855.

В Новоградский земский суд.

Рапорт.

Получив в 1 стане 15 августа донесение от Городыщского сельского управления за № 356 о том, что во 2 стане, в казенной деревни Окановичах, где существует эпидемическая болезнь холера, зарита живою в землю какая-то женщина, я для удостоверения о истине до получения еще о сем же предписания суда за № 5161 отправился во 2 стан и из распросов обнаружил, что, действительно, первых числ сего августа крестьяне деревни Оканович Лаврин Чечот, Василь Савосций, полицейский сотский Антон Дубко (которые все уже ныне от холеры состоят в неживых) при содействии местного фелшера казенного крестьянина Андрея Козакевича, сопровождаая два шествия от холеры шли на кладбище, встретив на дороге [...]\*

\* Одно або два словы напісаны неразборліва.

ни Лукию Манькову, забрали ее насильно и по предразсудку, что тем усмирится смертность от холеры, зарили ее вместе с двумя холерными мертвецами в одну приготовленную на кладбищах яму; она, Манькова, была вероисповедания православного.

[...]

*Пристав Мурзич*

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 4—5. На рапарце пазнака пра атрыманне дакумента: 2495 Полу□чено□19 августа 1855 года.

#### № 4.

1855 г. чэрвеня 31.

**Адказ Мінскай урачэбнай управы на прапанову Новагародскага земскага суда зрабіць эксгумацыю цела Л. Манькавай.**

Минская врачебная управа. 31 августа 1855 г. № 1879.

Во временное отделение Новогрудского земского суда.

Врачебная управа, рассмотрев отношение Новогрудского уездного врача во временное отделение Новогрудского земского суда от 20 сего августа за № 185 посланное и оным отделением 23 того же августа полученное, находит, что врач отказался от анатомирования трупа женщины Лукии Маньковой, крестьянки казенной деревни Оконович, которую первых числ сего ж августа крестьяне той же деревни живою закопали в землю вместе с двумя крестьянами, умершими от холеры, единственно из суеверия, полагая тем прекратить существование холеры. В этом отношении не видно, чтобы крестьянка Лукия Манькова прежде была изгязываема либо бита, а только живою зарыта в землю. По сему полагает, что анатомирование в этом случае не только безнужно, но даже народному здравию было бы вредно. Не нужно, потому что, какого бы покойная ни была возраста и здоровья, закопанная живою в землю умереть должна, а причина ее смерти и без анатомирования очевидна, ибо, без сомнения, состоит в задушении от прекращения дыхания. Вредно, потому что открытые трупы, из которых два холерные, по трехнедельному в теплое время изглению заразительною вонью на отрывающих людей зловредно подействовать бы могли, причиняя им холеру либо и другие болезни.

О чем врачебная управа имеет честь уведомить с возвратом подлинного отношения Новогрудского уездного врача за № 185.

Инспектор доктор Д. Спасович

Оператор *Иван Моцинский*

Акушер *Вильгельм Гинденбург*

Письмоводитель *Робуш*

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 12—13. На рапарце пазнака пра атрыманне дакумента: № 457 Полу□чено□ 5 сентября 1855 года.

## № 5.

1855 г. верасня 29 — кастрычніка 2.

**Прагаколы допытгу сялян в. Аканавічы пра закапанне Л. Манькавай  
жывой для спынення халеры.**

1855 года сентября 29 дня.

Призванные в присутствии временного отделения Новогрудского земского суда нижеписанные крестьяне спрашиваны были и показали.

1) Зовут его Андрей Яковлев Лукиянович, от роду 33 года, веры православной, у исповеди и св[ятого] причастия бывает, под судом и в штрафах не был, женат, детей имеет, крестьянин казенной деревни Оконович, состоит десятским в той деревне. Показал: что первых числ августа месяца, но в который именно день не помнит, около полудня, допрашиваемый с крестьянином Фадеем Гомзою везли своих детей на кладбище, умерших от холеры, для похоронения, и на половине дороги догнал их Андрей Козакевич фельдшер, Гришка Алексеевич и сотский Антон Дубко, которые вели с собою крестьянку деревни Оканович Луцию Маньковую, лежавшую прежде сего на выгоне возле деревни, из них фельдшер Казакевич уговаривал помянутую Манькову, дабы она сопутствовала похоронам, а потом, сговоривши молитвы, возвратится домой, но за прибытием на кладбище, где уже была вырыта яма, Казакевич приказал Семену Гомзе, несшему хоронгвю, и Николая Алексеевичу поширить яму, и когда уставлены были два привезенные гробика, то Казакевич, взяв означенную крестьянку на плечи, вбросил ее в яму, и сам в оную упал, но тотчас выскочивши, стал засыпать яму вместе с крестьянами Лаврином Чечотом, Базылем Савосцеєм, Марцином Гамзою и Андреем Чечотом, умершими потом тоже от холеры. Но с какого повода вбросили они живую женщину, хотя и больную, и потом зарыли, допрашиваемый не знает, и откуда они привели ее на кладбище, не видел, а только потом уже фельдшер Казакевич хвастался, что как зарыл живую женщину, то и холера перестанет. Но по чьему именно совету довершено ими это, показатель не известен, воспретить же сию не мог, потому что он сам один был, а тех, которые засыпали яму, было несколько человек, в числе коих и сотник Дубко, умерший от холеры. Сверх того, при похоронах сверх означенных лиц были Иван Чечот, несший крест, и его жена Маргарита, несшая свечку.

Что показал справедливо, подвергая себя за ложь ответственности по закону, в том, как неграмотный, упросил за себя расписаться, по личной просьбе коего расписался *священник Игнатий Слаута*.

Показания отбирали

Земский исправник\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

---

\* *Подпис неразборливы.*

Пристав *Мурзич*

Помощник окружного начальника *В. Неранский*

2) Зовут его Фадей Иванов Гомза, от роду 40 лет, веры православной, у исповеди и свѣятого причастия бывает, под судом и в штрафах не был, вдов, детей имеет, крестьянин деревни Оканович. Показал: что около шести недель тому назад у допрашиваемого умерла от холеры дочь, которую он вез на кладбище для похоронения, а за ним тут же ехал крестьянин Андрей Лукьянович, везший тоже свое дитя хоронить. Вместе же с ними находились еще крестьяне Гришко Алексеевич, Николай Алексеевич, Семен Гомза, Иван Чечот и жена Ивана Чечота Маргарита, и когда пришли на кладбище и начали укладывать гробики в яму, то вдруг привезли фельдшер Казакевич и сотский Дубко больную, но живую крестьянку Лукию Манькову, которую, как сказывали, нашли на выгоне, и в то время фельдшер при помощи Дубка вбросил означенную крестьянку в яму, в которую сам, оступившись, упал, но тотчас выскочил и в то время засыпал ее при помощи крестьян Лаврина Чечота, Базыля Савоцея, Марцина Гомзы и Андрея Чечота, умерших уже от холеры. Но по какому случаю и по чьему совету зарыта живую означенная крестьянка, допрашиваемый не знает, но на обратном пути Казакевич хвалился, что он сделал это для того, дабы унялась холера.

Что показал справедливо, за ложь подвергая себя за ответственности, в том, как неграмотный, упросил за себя расписаться, по просьбе коего расписался *священник Игнатий Слаута*.

Показания отбирали

Земский исправник\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

3) Зовут его Семен Захарьев Гомза, от роду 40 лет, веры православной, у исповеди и свѣятого причастия бывает, под судом и в штрафах не был, женат, детей имеет. Показал: что по приказанию сотского он на своем возе привозил на кладбище для похоронения умершую от холеры девку крестьянина Фадея Гомзы (показание 2), а за ним тоже с умершим ребенком следовал Андрей Лукиянович, вместе же с ними шли Иван Чечот, его жена Маргарита, Гришко Алексеевич и Николай Алексеевич и еще несколько лиц, каких не упомнит, за прибытием на кладбище, когда опустили в яму гроб, привезенный показателем, а потом и другой, привезенный Андреем Лукияновичем, то фельдшер Казакевич с сотским Дубком привезли на возе крестьянку Лукию Маньковую, больную, но еще живую, и потом Казакевич вбросил ее в яму, засыпал при помощи других крестьян, но сам ли он один вбросил ее в яму или же при помощи сотского, того допрашиваемый не видел, и каким обра-

---

\* *Подпис неразборливы.*



зом она туда была брошена, не знает, при чем добавил, что сотник Дубко и крестьяне, копавшие яму и потом засыпавшие, Лаврин Чечот, Василий Савосей, Марцин Гомза и Андрей Чечот вскоре после сего умерли от холеры.

Что справедливо показал, в том упросил расписаться и расписался *священник Игнатий Слаута*.

Показания отбирали

Земский исправник\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

4) Зовут его Иван Базылев Чечот, от роду 55 лет, веры православной, у исповеди и св□ятого□ причастия бывает, под судом и в штрафах не был, женат, детей имеет, неграмотен. Показал: что при перевезени мертвых тел умерших девки Фадея Гомзы и ребенка крестьянина Лукияновича допрашиваемый нес крест, и когда уже вложили в яму оба гроба, то фельдшер Казакевич и ныне покойный сотский Дубко привезли на возе крестьянку Лукию Маньковую, весьма больную, но еще живую, и Казакевич, взяв ее сам один, бросил в яму, но и сам, оступившись, упал в оную, однако ж тотчас оттуда выскочил, и яма была сию минуту засыпана крестьянами, ныне уже покойными Лавруком Чечотом, Базылем Саващеем, Мартином Гомзою и Андреем Чечотом. Но по общему совету это сделано и на какой предмет, допрашиваемый не знает.

Что показал справедливо, в том упросил расписаться и расписался *священник Игнатий Слаута*.

Показания отбирали

Земский исправник\*\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

5) Зовут его Григорий Фадеев Алексеевич, от роду 30 лет, веры православной, у исповеди и св□ятого□ причастия бывает, под судом и в штрафах не был, неграмотен, женат, детей имеет. Показал, что около двух месяцев тому назад показатель с прочими следовал со свечою в руке на кладбище для бытности при похоронении умерших от холеры девки Фадея Гомзы и ребенка крестьянина Лукияновича, и когда опустили гробы в яму, то привезена сзади на возе крестьянка Лукия Манькова фельдшером Казакевичем и сотским Дубком, из коих Казакевич, схватив означенную крестьянку пополам, бросил ее в яму живую, но уже сильно больную, но наверно был утащен туда ж тою крестьянкою, ибо когда вылез оттуда, то у него была оборвана пола от сюртука, и тогда же яму засыпали назначенные

\* Подпис неразборливы.

\*\* Подпис неразборливы.

для копания и засыпывания ям с холерными трупами, ныне уже покойные, помершие тоже от холеры крестьяне Лаврин Чечот, Базыль Савощей, Марцин Гомза и Андрей Чечот. Но по чему совету и с какого повода это сделано, допрашиваемый не знает, но слышал от Казакевича, что это сделано для того, чтобы прекратилась холера. Помянутая крестьянка в доме показателя на подсоседях, около шести недель, и в тот день, когда ее зарыли в землю, она была в Цырине у исповеди, но была больна, ибо на обратном пути несколько раз клалась для отдыха, и когда показатель возвратился от обедни домой, то видел, что она лежала на выгоне. Привезена же на кладбище и зарытая живою, ибо даже при засыпании ямы слышен был ея голос. Но сам показатель никакого участия в этом не имел, а напротив, с испуга отскочил от ямы и отправился домой.

Что показал справедливо, за ложь подвергая себя ответственности, в том как неграмотный упросил за себя расписаться, по просьбе коего расписался священник *Игнатий Слаута*.

Показания отбирали

Земский исправник\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

б) Зовут его Николай Васильев Алексеевич, от роду 45 лет, веры православной, у исповеди и св.ятого причастия бывает, под судом и в штрафах не был, женат, детей имеет, неграмотен, крестьянин деревни Оканович. Показал, что он при похоронении мертвых тел девки крестьянина Гомзы и ребенка Лукьяновича находился и нес знамя, но когда опустили гробы в яму, то он, со знаменем отходя от могилы, встретил фельдшера Казакевича и сотского Дубку, везших крестьянку Лукию Манькову, больную, но еще живую. При сброшении ее и заритии в яму не был, ибо отправился домой для отнесения знамени в церковь. По чьему совету это сделано и с какого повода, показателю не известно и о том не слышал, равномерно сам в этом деле никакого участия не имел.

Что показал справедливо, за ложь подвергая себя ответственности, в том как неграмотный упросил за себя расписаться, по просьбе коего расписался священник *Игнатий Слаута*.

Показания отбирали

Земский исправник\*\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

---

\* Подпис неразборливы.

\*\* Подпис неразборливы.

1855 года октября 2 дня. Призванные в присутствие временного отделения Новоградского земского суда нижеписанный фельдшер казенного имения Цырина спрашиван был и показал:

Зовут его Андрей Данилов Казакевич, от роду 38 лет, веры православной, у исповеди и св[ятого] причастия бывает, под судом и в штрафах не был, женат на крестьянке имения Полонечки Мариянне, детей: сыновей Нарцыз 12 лет, Карп 6 и Онуфрий 3 года, принадлежит Городыщскому сельскому обществу, родился в м. Цырыне и крещен в Цыринской православной церкви. Показал: что в начале прошлого августа месяца допрашиваемый находился в деревне Окановичах для пользования больных холерою. В то время крестьяне той же деревни Антон Дубко сотский, Николай Алексеевич, Фадей Гомза, Гришко Алексеевич, Иван Чечот, Семен Гомза, Степан Пигаль, Осип Онуферчик и Андрей по прозванию ему не известный везли два холерных трупа на одном возе для похоронения на кладбищах, и когда допрашиваемый вышел из хаты крестьянина Гришки Алексеевича, то заметил, что вместе с трупами везли и крестьянку Лукию Манькову, которая сидела сзади воза. В то время сотский Антон Дубко позвал показателя и подговаривал его, дабы итти на кладбище, на что, когда показатель согласился, то сказанный сотский, идя поодаль от воза, говорил показателю, что нужно ее непременно похоронить живою, потом присоединился к ним Осип Онуферчик десятский, то Дубко опять сказал, что похороним живую Манькову, на что допрашиваемый отозвался: «Эй, будет беда, эй, будет беда», но на это Осип Онуферчик, ответил: «Да столько той и беды». За прибытием на место, когда воз с трупами остановился возле вырытой уже могилы, то сказанная Манькова, упав с воза, начала на четвереньках уходить, трупы с воза опрокинули в могилу, а потом Антон Дубко, показатель, а также Осип и Андрей Онуфрейчики, схватив ушедшую уже, может быть, за четыре шага крестьянку Манькову, ибо она по случаю болезни не могла далеко уйти, сбросили ее вместе с трупами в яму, куда и допрашиваемый упал, быв толкнут крестьянами, которые начали кричать: «Засыпать и цырульника», но кто именно толкнул и кто именно кричал, чтобы засыпать, того не помнит, тем более, что уже несколько раз сыпонули на него песку, и даже не мог заметить, кто именно подал допрашиваемому руку и вытащил из ямы. Могилу засыпывали Николай Алексеевич, а также Лаврин Чечот и Базыль Савашей, умершие уже от холеры, ибо эти два и сотский Дубко, ныне покойный, назначены были для засыпки холерных могил. По чьему совету Антон Дубко настаивал, дабы вбросить живую Маньковую в яму, не знает, но сам такового совета не подавал, а только Антон Дубко говорил, что в каком-то месте тоже зарили живую бабу, и от этого холера прекратилась.

Что показал по сущей справедливости, за ложь подвергая себя ответственности, в том собственноручно расписался *Andrzej Kozakiewicz*

Показания отбирали  
Земский исправник\*  
Уездный стряпчий *Высоцкий*  
Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

Того ж года, месяца и числа спрашиваны были по показанию Казакевича нижеписанные крестьяне деревни Оканович и показали:

1) Зовут его Степан Иванов Пигаль, от роду 45 лет, веры православной, у исповеди и св□ятого□ причастия бывает, под судом и в штрафах не был, неграмотен. Показал, что он при похоронении холерных трупов в начале минувшего августа, вместе с коими зарыта и крестьянка Манькова, не был, ибо был крепко болен и лежал в постеле, а уже после того по выздоровлении слышал, что вместе с трупами зарыта живою и сказанная Манькова.

Что показал справедливо, в том упросил расписаться, по просьбе коего расписался *священник Игнатий Слаута*.

Показания отбирали  
Земский исправник†  
Уездный стряпчий *Высоцкий*  
Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

2) Зовут его Осип Яковлев не Онуферчик, а Лукиянович, от роду 35 лет, веры православной, у исповеди и св□ятого□ причастия бывает, под судом и в штрафах не был, вдов, неграмотен, десятский деревни Оконович, а не его брат Андрей (показчик 1), как он себя назвал по ошибке. Показал, что он при похоронении крестьянки Маньковой не был, ибо в то ж время жена его была крепко больною, и он по той причине находился дома.

Что показал справедливо, в том упросил расписаться, по просьбе коего росписался *священник Игнатий Слаута*.

Показания отбирали  
Земский исправник\*\*  
Уездный стряпчий *Высоцкий*  
Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

3) Зовут его Иван Степанов Мазовко, от роду 46 лет, веры православной, у исповеди и св□ятого□ причастия бывает, под судом и в штрафах не был, неграмотен. Показал, что при похоронении крестьянки Маньковой не находился, ибо был болен, и тот же самый фельдшер, пустивши ему кровь, вышел на похороны.

---

\* Подпис неразборливы.

† Подпис неразборливы.

\*\* Подпис неразборливы.

Что показал справедливо, в том упросил расписаться и расписался *священник Игнатий Слаута*.

Показания отбирали

Земский исправник\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

Очные ставки.

1855 года октября 2 дня. По случаю разноречивых показаний фельдшера Андрея Казакевича против показания Антона Лукияновича дана им была очная ставка, на коей происходило:

Крестьянин Андрей Лукьянович с отменой показания своего, что Казакевич не вел Манькову, а держал ее под руку, когда она сидела на возе, уличил, что трупы были в гробах и везены на особых повозках, а на третьей ехала сказанная Манькова, которая догнала их на половине дороги, что Казакевич говорил Маньковой, дабы она при могиле помолилась, а потом возвратится, что Казакевич приказал Семену Гомзе и Николаю Алексеевичу поширить яму, и когда поставлены были оба гробика в яму, то Казакевич, схватив Маньковую на плечи за руки при помощи Дубка, державшего за ноги, вбросил в яму и сам упал в яму, выскочивши оттуда, он три раза сыпнул песком и сказал, что «я сгину, я отвечаю за нее», засыпывали же яму Лаврин Чечот, Базыль Савощей, Мартин Гомза и Андрей Чечот, а более никто засыпывать не помогал.

Что показал справедливо, в том как неграмотный упросил расписаться, по просьбе коего расписался.

При чем присовокупил, что хотя и видел, как Казакевич упал в

Противу сего фельдшер Казакевич отвечал, что на одном ли возе и в гробах ли или без оных везли мертвецов и Манькову, не помнит, ибо был совершенно пьян, что держа под руки Манькову, действительно говорил ей: «Молись за упокой усопших душ», что он расширять ямы никому не приказывал, что действительно он, Казакевич, вместе с Дубком вдвоем только вбросили в яму, но впрочем, помогал ли кто более или нет, не помнит, но того, что «я сгину и отвечаю за нею», не говорил. При чем присовокупил, что он в показании своем Андрея Лукияновича по ошибке назвал Андреем Онуферчиком, ибо так их прозывают в простонародии и есть тот сам, с которым дана очная ставка.

В чем собственноручно расписался *Andrzej Kozakiewicz*

---

\* *Подпис неразборливы.*

яму, но дабы крестьяне кричали, чтобы его там засыпали, этого не слышал,

и что он никогда Казакевичу вбрасывать Маньковой в яму не помогал.

В чем упрощен расписаться по просьбе коего расписался *священник Игнатий Слаута*

Очные ставки давали:

Земский исправник\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

Того же года, месяца и числа дана была очная ставка, на коей происходило:

Андрей Лукиянович уличал Фадея Гомзу, что Казакевич с сотником Дубком на половине дороги, не доезжая до кладбища, догнали Фадея Гомзу и что Григорий Алексеевич сперва шел с ними, а потом, отстав, шел далее с Казакевичем и Дубком.

В чем упрощен расписаться расписался *священник Игнатий Слаута*

Очные ставки давали:

Земский исправник\*\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

Того же года, месяца и числа по случаю разноречивых показаний Андрея Лукияновича, Семена Гомзы и Николая Алексеевича дана им была очная ставка, на коей происходило:

Семен Гомза и Николай Алексеевич уличали Андрея Лукияновича, что оба они по просьбе сего последнего, что оба два гроба не могли помес-

Противу сего Фадей Гомза отвечал, что Казакевич с Дубком догнал, не доезжая до кладбища, но на половине ли дороги или нет, того не заметил, равно не заметил, остался ли Гришко после того назади или нет, при чем присовокупил, что он не слышал того, дабы Казакевич говорил, что «я сгину, я отвечаю за нея».

В чем упрощен расписаться по просьбе коего расписался *священник Игнатий Слаута*

Противу сего Андрей Лукиянович объяснял, что действительно, по его просьбе раскапывали яму для поставления в яме его сына, но впро-

\* *Подпис неразборливы.*

\*\* *Подпис неразборливы.*

тяться, раскапали яму так, чтобы мог стать гроб его сына, но Казакевич им сего не приказывал, а напротив, едва только Семен Гомза вылез из ямы, а Алексеевич еще не успел, то в ту же минуту упали в яму крестьянка Манькова и фельдшер Казакевич, и тогда едва успели вытащить из ямы Алексеевича. Но за выходом из ямы, когда уже могилу засыпали, Гомза и Алексеевич не слышали, дабы Казакевич говорил, что «я сгину, я отвечаю за нее». Причем Николай Алексеевич добавил, что он означенной могилы не засыпал, ибо он по вытащении ямы совершенно обессилел.

В чем упрощен росписаться, по просьбе коего росписался *священник Игнатий Слаута*

Очные ставки давали:

Земский исправник\*

Уездный стряпчий *Высоцкий*

Пристав *Мурзич*

Окружного начальника помощник *В. Неранский*

По разноречивости показаний Андрея Лукияновича и крестьян Ивана Чечота и Григория Алексеевича дана им очная ставка, на коей происходило:

Андрей Лукиянович уличал Ивана Чечота и Григория Алексеевича, что крестьянку Лукию Манькову вбросил фельдшер Казакевич при помощи сотского Дубка.

В чем упрощен росписаться. *Священник Игнатий Слаута*

чем утверждал, что и Казакевич говорил, что яма неглубока и приказывал раскапывать.

В чем упрощен росписаться, по просьбе коего расписал *священник Игнатий Слаута*

Противу сего объясняли Иван Чечот, что действительно вбросили крестьянку Манькову Казакевич с Дубком, а Григорий Алексеевич объявил, что он видел только Казакевича, но Дубка не заметил, ибо далеко стоял, причем присовокупил, что помянутый Казакевич действительно пред сим случаем был в доме его, Алексеевича, у которого были больны мать и дочь и допрашиваемый, возвратясь из церкви, застал его дома, после чего сотский Дубко вызвал Казакевича, и оба они отправились на село, а уже

\* Подпис неразборливы.

после сего повезли мертвые тела на кладбище.

В чем упрощен расписаться,  
расписался *священник Игнатий  
Слаута*

Очные ставки давали:  
Земский исправник\*  
Уездный стряпчий *Высоцкий*  
Пристав *Мурзич*  
Окружного начальника помощник *В. Неранский*

По случаю разноречивых показаний фельдшера Казакевича противу показаний крестьян Степана Пигалья, Осипа Лукияновича и Ивана Манька дана им очная ставка, на коей происходило:

Фельдшер Казакевич доказывал Степану Пигалью, Осипу Лукияновичу и Ивану Маньку, что они во время похоронения крестьянки Лукии Маньковой находились, и из них десятский Осип Лукиянович, когда Дубко шел с Казакевичем, подошел к ним, и Дубко говорил, что нужно похоронить Манькову живою, то он, Казакевич, сказал: «Эй, будет беда», а Осип Лукиянович ответил: «Да столько той и беды».

В чем собственноручно расписался *Andrzu Kozakiewicz*

Очные ставки давали:  
Земский исправник\*\*  
Уездный стряпчий *Высоцкий*  
Пристав *Мурзич*  
Окружного начальника помощник *В. Неранский*

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 17—33.

Противу сего Степан Пигаль, Осип Лукиянович утвердительно отвечали, что они решительно на кладбище не были, и из них десятский Осип Лукиянович добавил, что он решительно с Казакевичем на кладбище не шол и разговоров не имел и его не видел, а Иван Манько объявил, что хотя он выходил за гумно, расположенное очень далеко от кладбища, но ничего не видел, ибо уже похороны окончили.

В чем упрощен расписаться,  
по просьбе коего расписался *священник Игнатий Слаута*

\* *Подпис неразборливы.*

\*\* *Подпис неразборливы.*



## № 6.

1855 г. кастрычніка 1.

**Постанова часовага аддзялення Навагрудскага земскага суда пра арышт А. Казакевіча (вытрымка).**

Акт.

1855 года октября 1 дня. Временное отделение [...]

Постановили: фельдшера Андрея Козакевича заключить в тюрьму, а прописанных крестьян как менее виновных отдать на поручительство старшине Городыщского сельского управления [...]

НГАБ. Ф. 145. Вон. 2. Спр. 458. Арк. 41—42.

## № 7.

1855 г. кастрычніка 21.

**Дадатковыя паказанні А. Казакевіча ў Навагрудскім павятовым судзе пра закапанне жывой Л. Манькавай.**

1855 года октября 21 дня. В присутствии Новоградского уездного суда на основании 1151 ст. аты XV тома Законов Уголовных издания 1842 года арестанту крестьянину Андрею Данилову Козакевичу прочитаны были отобранные от него при следствии о похоронении живую крестьянки казенной деревни Оконович Лукии Маньковой показания и очные ставки, по выслушании коих таковые вовсе опровергнул, поясняя, что на первоначальном допросе и очных ставках показал с испуга и что доказывание прочих крестьян о вброшении в могилу мною означенной крестьянки взведено наверно по злобе, ибо вовсе при погребении ее не был.

*Andrzej Kozakiwicz*

Судья\*

Заседатель\*\*

Заседатель\*\*\*

НГАБ. Ф. 145. Вон. 2. Спр. 458. Арк. 66.

## № 8.

1855 г. кастрычніка 21.

**Постанова Навагрудскага павятовага суда пра ўзяцце дадатковых паказанняў з сялян в. Аканавічы пра закапанне жывой Л. Манькавай.**

В журнале 21 октября 1855 года.

Исполнено 21 октября № 2826 и 2827.

Доклад: Вызванный из острога арестант крестьянин Андрей Данилов Козакевич для передопроса по прочтении ему в присутствии сего суда отобранных при следствии о похоронении живую крестьянки казенной деревни

\* Подпис неразборливы.

\*\* Подпис неразборливы.

\*\*\* Подпис неразборливы.

Оконович Лукии Маньковой показания и очные ставки, на коих он повинился соучастником в этом преступлении, по выслушании чего совершенно так-овые опровергнул, поясняя, что при следствии прочтенное ему ныне показание учинил с испуга, так как за прибытием в дом тотчас был взят под стражу, и ныне не упомнит, говорил ли то, что следователями зачтено в его показании, и что доказывание прочих крестьян о вброшении им в могилу означенной живой крестьянки взведено наверно по злобе, ибо он при погребении ея, Маньковой, вовсе не был, при производстве же о сем Временным отделением следствия пяти крестьян казенной деревни Оконович Андрей Яковлева Лукьянович, Фадей Иванова Гомза, Семен Захарьева Гомза, Иван Базыльева Чечот и Григорий Фадеева Алексеевич на допросе объявили, что во время похорона умерших от холеры детей Лукьяновича и Фадея Гомзы на половине дороги догнали их фельдшер Андрей Козакевич, сотский Андрей Дубко и крестьянин Гришко Алексеевич, которые вели с собою крестьянку деревни Оконович Луцию Манькову, лежавшую прежде на выгоне около деревни Оконович, и из них Козакевич уговаривал Манькову, дабы она сопутствовала похоронам, а там, сговоривши молитвы, возвратится домой, но за прибытием на кладбище, где уже была вырыта яма, которая была поширена по приказанию Козакевича, и по установлении гробов Козакевич, взяв означенную крестьянку на плечи, вбросил ея в яму, куда и сам упал, но, тотчас выскочивши, стал засыпать яму с прочими крестьянами, Лаврином Чечотом, Базылем Совеццем, Мартином Гомзою и Андреем Чечотом, умершими после того от холеры, и по исполнении сего Козакевич хвастался, что по зарытии им живой женщины холера прекратилась, то уездный суд, имея в виду, что обвиняемый в преступлении Козакевич совершенно отказывается от взведенного на него преступления, то хотя показания государственных крестьян и засвидетельствованы помощником окружного начальника, но для разрешения сего дела и улики Козакевича лучшими доводами нужно их вызвать в сей суд, и как по силе 1151 ст. аты т. ома XV Зак. онов. примечания 1 число означенных крестьян не превышает девяти человек, а потому согласно 1155 и 1156 ст. аты XV т. ома Зак. онов. Уголовных приказали: Новогрудскому земскому суду предписать выслать в самоскорейшем времени непременно в сем дней со дня получения указа означенных крестьян казенной деревни Оконович Андрея Яковлева Лукьяновича, Фадея Иванова Гомзу, Ивана Базыльева Чечота и Григория Фадеева Алексеевича под присмотром для отобрания от них нужного по сему делу показания, о чем уездного стряпчего уведомить.

Верно: секретарь Новицкий

НГАБ. Ф. 145. Вон. 2. Спр. 458. Арк. 68—69.

## № 9.

1855 г. кастрычніка 29.

**Дадатковыя паказанні сялян в. Аканавічы пра закапанне жывой  
Л. Манькавай.**

1855 года октября 29 дня. В присутствии Новогрудского уездного суда крестьяне казенного имения Цырина деревни Оконович Андрей Яковлев Лукьянович, Фадей Иванов Гомза, Семен Захарьев Гомза, Иван Васильев Чечот и Григорий Фадеев Алексеевич вызваны в сей суд для улики подсудимого цырульника Андрея Козакевича в сообществе с сотским Дубком в вброшении в гроб вместе с мертвыми жывой, но больной уже холерою крестьянки Лукии Маньковой, утвердили свои показания, данные при следствии с присокуплением, что «цырульник Козакевич был крепко пьян, потому, быть может, и не помнит, что происходило во время похорон», но что действительно был на кладбище и по приказанию сотского Дубки (уже умершего) пособлял ему, Дубке, вбросить в яму крестьянку Лукию Манькову и по вброшении кинул три горсти земли, уличали в глаза подсудимого Козакевича, каждый порознь и все вместе, и что по вброшении в яму зарыли ея, Манькову, назначенные для погребения умерших от холеры крестьяне Лаврин Чечот, Василий Савосей, Мартин Гомза и Андрей Чечот, вскоре за сим умершие от холеры, он же, Козакевич, противу таковых улик отозвался, что «не помнит, дабы был на кладбище».

К сему показанию руку приложил *Andrzej Kozakiewicz*.

За неграмотных Андрея Яковлева Лукьяновича, Фадея Иванова Гомзы, Семена Захарова Гомзы, Ивана Васильева Чечота, Григория Фадеева Алексеевича по личной их просьбе дворянин Иван Каетанов Фурович руку приложил.

Допрашивал секретарь *Новицкий*.

При сем присутствовали:

Судья\*

Заседатель\*\*

Заседатель\*\*\*

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 70—70адв.

## № 10.

1856 г. лютага 9.

**Дадатковыя паказанні сялян в. Аканавічы пра закапанне жывой  
Л. Манькавай.**

1856 года февраля 9 дня. Пристав 1-го стана обще с депутатом со стороны палаты государственных имуществ, призвав крестьян деревни казенной

\* *Подпис неразборливы.*

\*\* *Подпис неразборливы.*

\*\*\* *Подпис неразборливы.*

Оконович Андрея Яковлева Лукияновича, Фадея Иванова Гомзы, Семена Захарова Гомзы, Ивана Васильева Чечота и Григория Фадеева Алексеевича, спрашивал их по замечаниям Минской уголовной палаты, почему они, будучи очевидцами всего происходившего при похоронении фельдшером Козакевичем живой женщины Маньковой, не предпринимали средств для спасения погибающей. Противу чего пояснили: Андрей Лукиянович и Фадей Гомза, что они заняты были похороном своих детей, измученные то лихими бедствиями, горестью и всеобщим страхом от эпидемии, не обращали на ничто внимания, Семен Захарьев Гомза, Иван Васильев Чечот и Григорий Фадеев Алексеевич сознали, что холера, истребляющая почти всю деревню Оконовичи и окрестные места, довела их до таково заблуждения и суеверия, что готовы были усертвовать себя на все, лишьбы спасти свое семейство и при похоронении фельдшером Козакевичем крестьянки Маньковой малейшего не обращали внимания, находясь почти без памяти.

В том по неумению грамоты [...] упрошенного росписались. *За поименованных крестьян как неграмотных по их личной просьбе росписался священник Лев [...]*

Допрашивали:

*Пристав Мурзич*

*Помощник окружного начальника В. Неранский*

НГАБ. Ф. 145. Вол. 2. Спр. 458. Арк. 80—80адв.

## № 11.

1857 г. студенья 24.

### Прыгавор Мінскай палаты крымінальнага суда па справе пра закапанне жывой Л. Манькавай (вытрымкі).

Копия.

1857 года января 24 дня. По указу Его Императорского Величества Минская палата уголовного суда слушали дело, из Новогрудского уездного суда поступившее, о похоронении живой крестьянки казенной деревни Оконович Лукии Маньковой. Приказали: Рассмотрев настоящее дело, уголовная палата нашла, что фельдшер казенного имения Цырина крестьянин Андрей Козакевич в содействии другим крестьянам к похоронению 70-летней больной, но еще живой крестьянки Лукии Маньковой, на первом допросе учинил временному отделению добровольное сознание, подтвердив оное и на данной ему тем отделением с крестьянином Андреем Лукьяновичем очной ставке, с присовокуплением, что при совершении означенного преступления находился в пьяном виде [...]

Палата определяет: 1-е). Фельдшера имения Цырина казенного крестьянина Андрея Данилова Козакевича, 37 лет, виновного в сообществе с другими лицами в убийстве с обдуманном заранее намерением крестьянки Лукии Маньковой зарытием ее живою в землю от предразсудка, что чрез то прекратиться смертность от холеры, на основании ст<sup>а</sup>тьей<sup>я</sup> Улож<sup>е</sup>ния<sup>я</sup> 21

степени 3, 125 и 1925 лишить всех прав состояния, наказать публично в городе Новогрудке чрез палача плетьюми семидесятью ударами с наложением клейм и потом сослать в каторжную работу в рудниках на двенадцать лет. 2-е). Обвиняемых по сему делу сотском Антоне Дубко в помощи Козакевичу бросить Манькову в могилу и крестьянах Лавруке и Андрее Чечотах, Василие Савастее и Мартине Гомзе в зарытии Маньковой в землю, а также и об оговорившем Козакевичем Иване Маньке в бытности его при похоронении Маньковой, за смертью их по 160 статьи Уложения приговора не налагать. 3-е). Крестьян деревни Оконович Андрея Яковлева Лукьяновича, Фадея Иванова Гамзу, Семена Захарева Гамзу, Ивана Васильева Чечота и Григория Фадеева Алексеевича за непринятие никаких мер для спасения Маньковой на основании 1996 статьи Уложения предать церковному покаянию, назначение коего предоставить распоряжению православного духовного начальства. 4-е). Крестьянина Николая Васильева Алексеевича за ложные при следствии показания, хотя бы следовало по 1169 статье Уложения подвергнуть аресту на три недели, но от оногo по вышепрописанной XIX статье Манифеста оставить свободным. 5-е). Крестьян Степана Иванова Пигеля и Осипа Яковлева Лукьяновича, оговоренных Козакевичем в бытности при зарытии Маньковой в землю, как в том ничем не доказанных, по 1169 статье XV тома ни к какой ответственности по сему предмету не привлекать. И 6-е). Как фельдшер Антон\* Козакевич обвиняется по сему делу в смертоубийстве, то на основании 1009 статьи XV тома на 14 прид. предписать Новогрудскому земскому суду отослать его, Козакевича, в тамошний городовой острог для содержания в оном впредь до окончания настоящего дела. [...]

НГАБ. Ф. 145. Вол. 2. Спр. 458. Арк. 110—113адв.

## № 12.

1857 г. верасня 24.

### Рахэненне Кіруючага Сената па прыгавору Мінскай палаты крмінальнага суда па справе пра закапанне жывой Л. Манькавай (вытрымкі).

Копия. 24 сентября 1857 года. № 2222. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Правительствующего Сената Минской уголовной палате. [...]

Правительствующий Сенат находит, что хотя Козакевич и обвиняется показанием некоторых из крестьян деревни Оконович, что он вместе с сотским Дубко, который уже умер, заманил Манькову на кладбище с тем, чтобы предать ее живою земле для прекращения холеры, но так как Козакевич в этом не сознался и по делу в том юридически не изобличается, то и не представляется основания применять к преступлению 1924 статью

---

\* Так у рукапісе.

Уложения, а потому, признавая положенное Козакевичу уголовною палатою наказание согласным с обстоятельствами дела и точным смыслом закона, Сенат определяет утвердить оное во всей силе, остальные же статьи решения, не касающиеся Козакевича и утвержденные начальником губернии, оставить без рассмотрения. [...]

Сентября 7 дня 1857 года. [...]

НГАБ. Ф. 145. Вол. 2. Спр. 458. Арк. 114—118.

### № 13.

1858 г. мая 15.

**Паведамленне Мінскай духоўнай кансісторыі Мінскай палаце крывінальнага суда, што накласці царкоўную епітым'ю на сялян в. Аканавічы даручана святару Цырынскай царквы Славуце.**

Ведомство православного исповедания.

Минская духовная консистория.

Минск.

Мая 15 дня 1858 года.

№ 3341.

В Минскую палату уголовного суда.

На отношение сей палаты от 25 февраля сего года за № 614 духовная консистория честь имеет уведомить, что наложение церковной епитимии крестьянам Новогрудского уезда деревни Оконович Андрею Лукьяновичу, Фаддею Гомзе, Семену Гомзе, Ивану Чечоту и Григорию Алексеевичу за непринятие ими мер к спасению заритой живо в яму крестьянки Лукии Маньковой предоставлено на усмотрение приходского их Цыринской церкви священника Слауты, коему вместе с сим посредством ствловицкого благочинного учинено надлежащее предписание.

Член консистории протоиерей\*

Секретарь *Шаболовский*

Столоначальник\*\*

НГАБ. Ф. 145. Вол. 2. Спр. 458. Арк. 179—179адв.

### Дадатак

### № 14.

**Метрычная выписка пра хрышчэнне А. Козакевіча 22 жніўня 1818 г. у Цырынскай царкве (вытрымка).**

Выпись метрики крещения Андрея Даниилового Козакевича из подлинных книг Цыринской церкви.

Roku tysiącznego ósmsetnego ósmnastego miesiąca augusta dwudziestego drugiego dnia. Z Cyryna. Ja xiądz Jan Horbacewicz, paroch cyryński, ochrzciłem i

\* *Подпіс неразборлівы.*

\*\* *Подпіс неразборлівы.*

bierzmowałem urodzonego Andrzeja z rodziców szlubnych Daniela i Justyny Kozakiewiczów. Kumami byli Andrzej Sesinowicz, burmistrz cyryński i Anna Czeczotowna. 2. Konstanty Matusiewicz i j. p. Miradora Czerniawska. 3. Jerzy Kondratowicz i Nastazia Homzina. [...]

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 43адв. Чорны адбітак пячаткі Цырынскай царквы.

## № 15.

1847 г. ліпеня 1.

### Пасведчанне воспарышчэпшчыка А. Казакевіча.

Свидетельство.

Выдается таковое в том, что Андрей Козакевич по распоряжению управления государственных имуществ и врачебной управы в 1834 году был Цыринским обществом избран и отдан в Новогрудскую городовую больницу для обучения оспопрививания, где чрез несколько лет хорошо изучился в сем деле, отправлен на место в имение Цырин и утвержден в должность оспопрививателя в Цыринском старостве, Цыринской грекоунитской церкви и еврейском кагале с получением от казны на канцелярские расходы жалованья. За тем поставляется ему, Козакевичу, в непрременную обязанность распоряжаться прививанием детям оспы не токмо в своем участке, но даже дозволяется заниматься и в прочих, где оспопрививателей не имеется, с тем, чтобы дворовые и сельские управления давали ему под проезд подводы. В действия его имеет право только начальство вникать, а в противном случае он может жаловаться, не менее сего, должен он два раза в год, а именно к первому маю и 1-му ноябрю доставлять ведомости о привитой им детям оспе в 2-х экземплярах по установленной форме. На сей предмет дается ему печатное наставление о прививании оспы, три оспопрививательные ланцеты, присланные губернским коммитетом.

Июля 1 дня 1847 года

Новогрудский уездный врач, надворный советник доктор *Гноинский*

НГАБ. Ф. 145. Воп. 2. Спр. 458. Арк. 34—34адв. Рэльефны адбітак пячаткі.

### Літаратура і крыніцы

1. Грицкевич, В. П. С факелом Гиппократ: Из истории белорусской медицины / В. П. Грицкевич. — Минск: Наука и техника, 1987. — 271 с.
2. *Abrys domowej nieszczęśliwości y Wewnętrznej Niesnaski, Wojny, Korony Polskiej y Wielkiego Xięstwa Litewskiego Pro Informatione Potomnym następującym czasom Przez iedną Zakonną Osobę swiatu pokazany y z Załością wyrażony Anno 1721 / Wydał z rękopisu Franciszek Ksawery Kluczycki.* — Kraków: Nakładem Stanisława Kluczyckiego, 1899. — XXIII, 105 s.
3. Бобровский, П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Гродненская губерния / П. Бобровский. — Ч. 1. — СПб., 1863. — XXII, 866 с.

4. Левенстим, А. А. Суеверие в его отношении к уголовному праву / А. А. Левенстим. — Журнал Министерства Юстиции. — 1897. — № 1. — С. 157—219; № 2. — С. 62—127.
5. Левенстим, А. А. Суеверие в его отношении к уголовному праву / А. А. Левенстим. — СПб., 1897. — 131 с.
6. Токць, С. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў: Другая палова XIX — першая траціна XX ст. / С. Токць. — Менск: Тэхналёгія, 2007. — 308 с.
7. Дело о крестьянах Андрее Козакевиче и других, судимых за похоронение живой крестьянки Маньковой // Журнал Министерства Юстиции. — 1864. — № 6. — Июнь. — Часть неофициальная. — С. 707—712.
8. Русские уголовные процессы / Издание А. Любавского. — СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1866. — IV, 690 с.
9. Bieliński, J. Doktorowie medycyny promowani w Wilnie / J. Bieliński. — Warszawa, 1886. — 106 s.
10. Koźmiński, S. Słownik lekarzów polskich obejmujący oprócz krótkich życiorysów lekarzy polaków oraz cudzoziemców w Polsce osiadłych, dokładną bibliografią lekarską polską od czasów najdawniejszych aż do 1885 r. / S. Koźmiński. — Warszawa, 1888. — XVII, 665 s.
11. Крючок, Г. Р. Очерки истории медицины Белоруссии / Г. Р. Крючок. — Минск: Беларусь, 1976. — 264 с.
12. Метадычныя рэкамендацыі па публікацыі кірылічных дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі канца XVIII — пачатку XX ст. / Склад.: В. С. Пазднякоў, М. Ф. Шумейка. — Мінск: БелНДЦДАС, 2016. — 88 с.

*Артыкул наступіў у рэдакцыю 19.06.2020*



**РЭЦЭНЗІІ**

**М. Ф. Шумейко,**  
*ведущий научный сотрудник  
Белорусского научно-исследовательского института  
документоведения и архивного дела,  
кандидат исторических наук;  
e-mail: jesti@inbox.ru*

**СПРАВОЧНИК, ПОМОГАЮЩИЙ ФОРМИРОВАНИЮ  
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВНОГО ФОНДА  
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Рецензия на издания:* Органы государственной власти Республики Беларусь (25 августа 1991 г. — 31 декабря 2008 г.): Справочник: В 3 т. Т. 1 / авт.-разраб.: Э. М. Савицкий [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2019. — 370 с.; Органы государственной власти Республики Беларусь (25 августа 1991 г. — 31 декабря 2008 г.): Справочник: В 3 т. Т. 2 / авт.-разраб.: Э. М. Савицкий [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2019. — 384 с.; Органы государственной власти Республики Беларусь (25 августа 1991 г. — 31 декабря 2008 г.): Справочник: В 3 т. Т. 3 / авт.-разраб.: Э. М. Савицкий [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2019. — 414 с.; Органы местного управления и самоуправления в Республике Беларусь (1991—2010 гг.): Справочник / авт.-разраб. Э. М. Савицкий [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2019. — 166 с.

Историки, архивисты, политологи, а также лица, работающие в органах государственной власти и государственного управления Республики Беларусь, получили в свое распоряжение очень нужный и полезный справочник, который вне всякого сомнения будет использован как в практической деятельности, связанной с функционированием механизма государственной власти и управления, так и при его изучении на различных этапах. Но особо отметим его роль в деле комплектования государственных архивов Беларуси всех уровней документами и материалами и формирования таким образом Национального архивного фонда Республики Беларусь, а также подготовки историков-архивистов по специальности «историко-архивоведение», ведущейся на историческом факультете Белорусского государственного университета.

Те, кто учился в Московском историко-архивном институте, не могут не помнить, что читавшийся здесь на факультете архивного дела Н. П. Ерошкиным, А. Д. Степанским, Т. П. Коржихиной и другими курс по истории государственных учреждений был сродни курсу пресловутого «сопромата» у студентов технических вузов. И только сдав «госы», как именовали студенты этот курс, они могли быть твердо уверены в успешном завершении обучения. Рецензируемый справочник, таким образом, имеет и дидактическое значение, облекая «документальной плотью» скелет 6-го раздела «Арганізацыя дзяржаўных устаноў Рэспублікі Беларусь» изданного в 2013 г. пособия «Гісторыя і сучасная арганізацыя дзяржаўных устаноў Беларусі» и продолжения увидевшего свет в 2019 г. пособия «Органы местного управления и самоуправления

на территории Беларуси (IX век — 30-е годы XX века)». Сразу же отметим, что к обоим учебным пособиям прямое отношение имеет автор-разработчик рецензируемого справочника Э. М. Савицкий (он выступает в качестве рецензента первого пособия и автора введения — второго).

Рецензируемый справочник посвящен одному из аспектов белорусской государственности — истории государственного аппарата, механизма, при помощи которого осуществляется управление страной. Архивистам лучше других известно, что любая административная реформа, а тем более — смена политического строя в стране — вызывает массу проблем, связанных как с судьбой документальных собраний ликвидированных фондообразователей, включая органы государственной власти и государственного управления, так и с последующим установлением преемственности последних с вновь созданными, формированием новых списков — источников комплектования государственных архивов. Именно благодаря архивистам сохранились по сути брошенные на произвол судьбы после Октябрьского переворота 1917 г. архивные документы, а также материалы текущего делопроизводства ликвидированных учреждений прежних властей. Как говорил 14 мая 1924 г. при закрытии Первой Всебелорусской конференции архивных работников секретарь Центрархива республики, 19-летний И. М. Барашка «Мы працавалі за нікчэмныя 20 фунт. мукі і 5 фунт. сялёдак у падвалах, залітых вадой і пакрытых плесеньню, дзе мы у страшнай пылі капаліся і адтуль даставалі цэлыя архіўныя фонды па 1000 пудоў нават. Мы працавалі, не шкадуючы сваіх сіл і здароўя... Мы працавалі заўсёды носячыся ў сваіх думках і ідэях — захавачь ад зьнішчэньня архівы, маючыя навуковую вартасць пра дасьледаваньні Беларусі... І наша праца не прайшла дарэмна, мы выратавалі ад зьнішчэньня дзесяткі тысяч пуд. архіўных матэр'ялаў...».

Трехтомник, в отличие от справочника об органах местного управления и самоуправления (о нем мы скажем ниже), имеет четко очерченные хронологические рамки: 25 августа 1991 г. (принятие V внеочередной сессией Верховного Совета БССР Закона БССР «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете БССР») — 31 декабря 2008 г. Если верхние хронологические рамки издания вполне обоснованы — именно с принятия данного закона начался процесс реорганизации и реформирования системы государственной власти и управления, осуществлявшихся на принципах суверенитета, то нижние носят достаточно условный характер.

Охватывающий 17 лет и 4 месяца справочник продолжает аналогичные издания, подготовленные, начиная с 1968 г., с участием архивных учреждений республики («Органы государственного управления Белорусской ССР (1919—1967 гг.)»). Минск: Наука и техника, 1968. 328 с.) или самостоятельно последними («Высшие органы государственной власти и центрального управления Белорусской ССР (1965—1991): В 3 ч. Ч. 1. Минск:

БелНИИДАД, 2000. 214 с.; Ч. 2. Минск: БелНИИДАД, 2000. 258 с.; Ч. 3. Минск: БелНИИДАД, 2000. 204 с.; «Высшие органы государственной власти и центрального управления в Белорусской ССР (1944—1964): в 2 ч. Ч. 1. Минск: БелНИИДАД, 2003. 266 с.; Ч. 2. Минск: БелНИИДАД, 2003. 228 с.). «Вместе с тем, — как отмечается во введении к нему, — он является вполне самостоятельным изданием, так как посвящен особому периоду в истории белорусской государственности — истории государственных учреждений нового, суверенного, самостоятельного государства Республики Беларусь». В скобках заметим, что, действуя в духе научной этики и упоминая о предыдущих аналогичных изданиях, авторы-составители рецензируемого справочника почему-то обошли своим вниманием подготовленный их же коллегами и вышедший двумя годами ранее справочник «Органы государственной власти и управления Советской Беларуси (1917—1920 гг.)» (Минск: БелНИИДАД, 2017. 466 с.), обобщающий сведения о высших и центральных органах власти и управления Западной области РСФСР, Социалистической Советской Республики Белоруссии и Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии, а также некоторых губернских субъектах управления в период от Октябрьского переворота 1917 г. до окончания на территории Беларуси гражданской войны и иностранной военной интервенции (декабрь 1920 г.). В справочник вошло 125 авторских статей, подготовленных, в отличие от рецензируемого трехтомника, не только на основании официальных изданий, но с привлечением широкого круга дополнительных источников, как изданных, так и неопубликованных, а также научно-исследовательской и справочной литературы и др. На мой взгляд, этот справочник, подготовленный под общей научной редакцией С. С. Рудовича (он же является и автором обстоятельного предисловия и большинства статей), заслуживает не этих «внутренних замечаний», а обстоятельной рецензии. Кстати, сравнительный анализ объема упомянутых изданий с рецензируемым дает пищу для размышлений как о методике подготовки последнего, так и о значительном разрастании государственного аппарата. Дело в том, что если справочник 1968 г., охватывающий почти полувековой период, насчитывает 328 страниц, издания 2000 г. (за четверть века) — 676 стр., 2003 г. (за 20 лет) — 494 стр., то рецензируемый справочник (за 17 лет и 4 месяца) — 1168 стр. И это при том, что авторы-составители, по их словам, вынуждены были пойти на некоторые сокращения, не приводя, например, «подведомственную сеть» и ограничиваясь анализом только самостоятельных структурных подразделений (департаментов, комитетов, главных управлений, управлений), опустив неосновные функции, являющиеся однотипными для различных государственных органов (внутриорганизационные, внутрихозяйственные, планово-хозяйственные, бухгалтерские, кадровые и др.). Не вошла в справочник и носящая общий характер информация, характерная для всех государственных органов власти и управления унитарного государства, и др.

Рецензируемый справочник состоит из 7 разделов, сгруппированных в соответствии с конституционным принципом разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. В первый раздел включены материалы, относящиеся к Президенту Республики Беларусь, не включенному ни в одну из ветвей власти и действующему независимо от них.

Второй раздел «Органы законодательной власти» включает сведения об организации, деятельности, месте и роли в системе органов государственной власти Верховного Совета Республики Беларусь и Парламента — Национального собрания Республики Беларусь, их полномочий, взаимоотношений с другими ветвями власти.

В третьем, самом объемном разделе «Органы исполнительной власти», занимающем половину первого, полностью второй и начало третьего томов справочника, представлены материалы о Правительстве Республики Беларусь и подчиненных ему органах. В основу систематизации материалов о республиканских исполнительных и распорядительных органах положен принцип уровней власти, а внутри разделов — по алфавиту наименований: министерства; государственные комитеты; комитеты при Правительстве Республики Беларусь; государственные организации, объединения (учреждения), подчиненные Правительству Республики Беларусь; иные организации, объединения (учреждения).

При систематизации органов, действовавших в разные периоды под одним наименованием, применен хронологический принцип.

В четвертом разделе изложены материалы, относящиеся к департаментам с правами юридического лица в центральных аппаратах государственных органов.

В пятом разделе «Судебная власть» приводятся материалы о Белорусском военном суде, Верховном Суде Республики Беларусь, Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь, Конституционном Суде Республики Беларусь.

Органы специальной компетенции, которые выполняют определенные функции государства, но не входят ни в одну из ветвей власти, а также организации, наделенные отдельными функциями республиканских органов государственного управления, выделены в шестой и седьмой разделы.

Научно-справочный аппарат издания, помимо «Предисловия» и краткого пояснения «От составителей», представлен списком сокращений, алфавитным указателем всех государственных органов, помещенных в справочнике, оглавлением.

Авторы предисловия, помещенного в первом томе справочника, благодарят руководителей и сотрудников министерств, комитетов и иных органов государственного управления за помощь при его подготовке, отмечают, что ими были разработаны «оригинальные исторические очерки своих организаций, например, Министерства обороны, Министерства сельского

хозяйства и продовольствия, Министерства образования» и др. Добавим, что многие из этих очерков (сборников документов) изданы, поэтому было бы небесполезным, на наш взгляд, упомянуть о них в справках. Точно также оказался бы излишним и именной указатель, отсутствующий в справочнике.

Несмотря на эти замечания, носящие рекомендательный характер, отметим, что составителями во главе с Э. М. Савицким проделана очень важная и крайне нужная работа, к результатам которой будут обращаться не только сотрудники отдела делопроизводства и формирования НАФ НАРБ, разумеется, больше других заинтересованные в этом издании, но и историки, студенты, и иные категории пользователей.

Справочник об органах местного управления и самоуправления, как отмечает в предисловии к нему автор-составитель Э. М. Савицкий, «адресуется прежде всего работникам областных и зональных государственных, территориальных (городских или районных) архивов, в которых сосредоточено около двух третей общего объема Национального архивного фонда республики». Справедливо указывая на отсутствие работ монографического характера по истории местных государственных органов, научно-методической литературы архивоведческого плана, что усложняет решение архивными учреждениями задач по комплектованию, классификации документов на всех уровнях, он полагает, что «в соответствии со своим практическим назначением издание содержит материал, позволяющий получить представление об эволюции органов местной власти в Республике Беларусь за период с конца 80-х гг. XX в. по первое десятилетие XXI в.».

Красной нитью предисловия, равно как и справочника в целом, проходит призыв автора-составителя к пересмотру продолжающих действовать явно устаревших, по его мнению, нормативно-методических документов в части комплектования местных государственных архивов, когда основными фондообразователями выступают лишь Советы и их исполнительные комитеты, а материалы их структур, организационно обособленных от исполкомов, имеющих собственную компетенцию, являющихся юридическими лицами, игнорируются архивами. Вследствие этого, «как показывает анализ путеводителей по местным архивам, по состоянию на конец 90-х гг. XX в. на постоянное государственное хранение не поступили от одной трети до половины фондов этих структур от их общего количества, прописанного в правовых актах».

Полагаем, что эти, равно как и другие, поднимаемые автором-составителем вопросы, носят принципиальный характер и могли бы стать предметом дискуссии среди архивного сообщества страны. В частности, заслуживает внимания и его замечание об организации документов местных органов управления и самоуправления в пределах всего НАФ, отдельного архива и отдельного фонда. Э. М. Савицкий отмечает несоблюдение рекомендаций Правил работы государственных архивов Республики Беларусь, согласно

которым документы государственной части НАФ современного периода должны быть выделены в самостоятельный, постсоветский период (с 19 декабря 1991 г.), сохранение практики советского архивоведения путем создания на базе документов Советов и исполнительных, и распорядительных органов объединенных архивных фондов. В подтверждение этого он ссылается на изданные в 2007—2013 гг. путеводители по ряду областных и зональных государственных архивов (Витебской, Гомельской, Гродненской, Могилевской областей; ЗГА в Жлобине, Мозыре, Орше, Пинске, Полоцке, Речице).

Хронологически справочник охватывает период с 1978 г. (принятие Конституции Белорусской ССР) по 4 января 2010 г. (принятие Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»), и в этом смысле обозначенные в его названии хронологические рамки (1991—2010) несколько уже реального его содержания. Укажем еще на одну неточность в предисловии: в нем говорится, что «издание имеет три раздела, каждый из которых строится по общему плану: правовой статус государственного органа, функции и полномочия; порядок формирования; организационная (внутренняя) структура; порядок прекращения полномочий». Между тем, в справочнике присутствуют четыре раздела: 1. Административно-территориальное устройство. 2. Советы народных депутатов Белорусской ССР. 1978—1990 гг. 3. Система органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь. 1990—1994 гг. 4. Органы местного управления и самоуправления во второй половине 90-х гг. XX в. — начале XXI в. Можно лишь предположить, что первый раздел появился в последний момент, когда уже были подготовлены три основные; по этой же причине в предисловии отсутствует и ссылка на его предшествующий аналог — «Административно-территориальное устройство БССР. Справочник в 2-х томах» (Минск: Беларусь, 1986—1987).

В отличие от трехтомного справочника, этот более фундирован: в помещенном после основного текста списке источников и литературы (103 позиции) наряду с официальными изданиями присутствуют и ссылки на областные и зональные архивы, справочники, исследовательскую литературу.

Научно-справочный аппарат издания представлен предисловием, списком сокращений, списком председателей областных (Минского городского) Советов депутатов и областных (Минского городского) исполнительных комитетов с указанием фамилии, имени, отчества, времени пребывания в должности, выполняющим в определенной степени функции именного указателя. Существенным дополнением являются оформленные в виде приложений перечни (примерные перечни, структуры) отделов и управлений местных исполкомов и администраций всех уровней.

В заключение нам остается лишь поздравить коллектив составителей и прежде всего его руководителя (в случае с трехтомником), а также автора-

составителя справочника об органах местного управления и самоуправления с успешным завершением работы, потребовавшей привлечения и анализа огромного количества источников, и от лица пользователей поблагодарить их за этот крайне важный и полезный труд.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 03.09.2020*

**М. Ф. Шумейко,**  
ведущий научный сотрудник  
Белорусского научно-исследовательского института  
документоведения и архивного дела,  
кандидат исторических наук;  
e-mail: jesti@inbox.ru

## **О ВЫБОРЕ ОБЪЕКТА ПУБЛИКАЦИИ В АРХЕОГРАФИИ**

*(Размышления о книге «Улада і грамадства БССР у 1929—1939  
у дакументах Сакрэтнага аддзела / Асобага сектара ЦК КП(б)Б»)*

Пишущий эти строки вынужден отказаться от традиционной формы рецензии, предполагающей обозначение в рецензируемом издании места, года, названия издательства, его объема, поскольку в последнем отсутствует полное библиографическое описание, в котором, как известно, приводятся такие сведения. Книга издана в твердом переплете, форматом А-4, на 1120 страницах. Отсутствует в ней и указание на тип издания: научное, популярное, справочное или какое-либо иное. Остается предположить, что перед нами — самиздат, однако это предположение ставится под сомнение наличием в книге рецензентов, один из которых представляет БГУ, являющийся государственным учреждением образования Республики Беларусь, а также тем, что она реализуется в государственных книжных магазинах республики (к слову заметим, по достаточно высокой цене!). Но оставим наши сомнения для книготорговых и иных служб республики и перейдем к содержанию и структуре книги, приняв в качестве исходного *модус*, что имеем дело с изданием, выполненным в форме *отдельного сборника документов популярного типа, тематического вида*.

Вначале несколько общих слов о сборнике. Он подготовлен кандидатом исторических наук И. Романовой, работающей, судя по ее странице в соцсетях, в Европейском гуманитарном университете (Вильнюс), и издан на средства Шведского агентства по международному сотрудничеству (The Swedish International Development Cooperation Agency — SIDA)<sup>1</sup>. Сборник включает 803 распределенных по 6-ти разделам документа, выявленные в фонде ЦК КП(б)Б Национального архива Республики Беларусь за довоенный период. До переработки архивистами НАРБ этой части фонда аппарата высшего партийного органа Беларуси и составления на нее общей описи, насчитывающей 18 483 дела документов общего делопроизводства (всего в фонде ЦК КП(б)Б по состоянию на октябрь 1995 г. числилось 102 198 дел), вошедшие в сборник документы составляли отдельную опись под № 21, включавшую

<sup>1</sup> Имеющиеся на обороте титульного листа логотипы SIDA и EHU, а также знаки копирайта — составителя, Европейского гуманитарного университета (EHU) и, вероятно, издательства — Logvino Literaturos namai указывают на причастность к изданию сборника, кроме шведского агентства, и ЕГУ. Обозначение на титульном листе слова «Логвінаў» идентифицируется с «Logvino Literaturos namai».



документы секретного отдела, реорганизованного 1 марта 1934 г. в особый сектор ЦК КП(б)Б. Она насчитывала 2618 дел за 1918—1941 гг.<sup>2</sup>, в том числе, по данным составителя, 1754 дела за 1929—1939 гг.<sup>3</sup>, носившие секретный характер и, разумеется, не выступавшие ранее ни в качестве объекта изучения, ни тем более — публикации. Ситуация изменилась после интеграции комплекса документов бывшего Архивного фонда КПСС/КПБ в Национальный архивный фонд Республики Беларусь, когда были сняты грифы секретности с большинства документов КПБ, в том числе и с тех, которые формировались в довоенный период в составе секретного отдела / особого сектора ЦК КП(б)Б. Этим «информационным магнетизмом»<sup>4</sup> не преминула воспользоваться составитель рецензируемого сборника, предоставив в итоге в распоряжение пользователей значительный по объему корпус исторических источников, охватывающий десятилетний период, получивший в современной российской историографии наименование «сталинской революции».

Те, кто занимался в прошлом или ныне занимается подготовкой документальных сборников *тематического вида*, хорошо знают, что самым уязвимым местом в них является выбор объекта публикации. На это обстоятельство указывает и И. Романова в археографической части предисловия к сборнику, отмечая, что «Выбарачнай з’яўляецца любая публікацыя дакументаў (акрамя *фондавай*<sup>5</sup>, але апошняя магчыма ў вельмі рэдкіх выпадках). Не выключэнне і дадзены зборнік, з больш чым паўтары тысячы спраў і некалькіх дзесяткаў тысяч дакументаў было адабрана толькі 803 дакументы, з іх 321 па вёсцы, 68 па горадзе, 40 па нацыянальных меншасцях, 36 па рэлігіі, 143 па культуры, 195 па тэроры» (с. 12). Оставляя в стороне стилистику авторского изложения («па вёсцы. . . , па горадзе. . . , па культуры. . . , па тэроры»), заметим, что в отличие от коллег-публикаторов, порой пребывающих в еще более сложных условиях ввиду необходимости проведения поисковой работы по выявлению документов, находящихся в многочисленных фондах и коллекциях не одного, а иногда десятков архивов, причем не только отечественных, но и зарубежных, составитель рецензируемого издания находилась все-таки в

<sup>2</sup> Опись № 21 на 350 листах включена в переработанную опись № 1 под № 18479; см.: [7, с. 690].

<sup>3</sup> По нашим данным — 1718 дел; возможно, составитель приплюсовал к этой цифре 22 дела военного отдела, появившегося в апреле 1939 г., однако и тогда получается всего лишь 1740, а не 1754 дела.

<sup>4</sup> Под ним в теории когнитивной истории понимается присущее социуму стремление к освоению новых информационных ресурсов (подр. об этом см.: [3, с. 126]).

<sup>5</sup> В нормативно-методической литературе по археографии она фигурирует под названием *пофондовой*.

лучшем положении, ограничив объект своей публикации всего-навсего частью фонда (пусть и довольно значительной!), но лишь одного архива<sup>6</sup>.

Как составитель определяет свою задачу (в части отбора документов для включения в сборник и в целом) и насколько справилась она с ней? Ответ на первую часть вопроса находим все в том же археографическом предисловии, в котором составитель пишет: «Пры адборы дакументаў для дадзенага зборніка вырашалася *галоўная задача — паказаць жьшцё 1930-х гадоў максімальна іматбакова* [выделено мною. — М. Ш.]: жьшцё горада, вёскі, дзейнасць мясцовых органаў; як шараговыя і не вельмі ўдзельнікі гістарычнага дзеяння ацэньвалі тое, што вакол іх адбываецца, як спрабавалі адаптавацца да перамен ці супрацьстаяць ім, імкнучыся захаваць ранейшы лад жьшця, ранейшыя каштоўнасці; прыстасавацца да новых умоў, не «пераўтвараючы» сябе, альбо як яны імкнуліся жьць і гаварыць па-бальшавіцку» (с. 12). Сформулированная здесь задача, на наш взгляд, явно не для документальных изданий («паказаць жьшцё»); она есть прерогатива историографа, который, опираясь на источники, в том числе и опубликованные И. Романовой, будет ее решать. Нам же всегда казалось, более того, мы в этом твердо убеждены, что задачей археографа является обеспечение доступности отобранных с помощью выработанных приемов и методов источников через их опубликование. И не более того. Все же, что касается последующего анализа содержания введенных в научный оборот археографом источников, входит в сферу деятельности его коллег-историографов/источниковедов. Это — прописные истины науковедения, но мы вынуждены о них напомнить, ибо, к сожалению, они нередко игнорируются историографами, продолжающими создавать «исследования в документах и материалах».

С учетом вышеизложенного, пишущий эти строки затрудняется дать положительный ответ на вопрос о том, решена ли составителем сборника поставленная задача и делает он это вовсе не потому, что не является приверженцем свободы документальной исторической памяти, которую вне всяких сомнений разделяет составитель. Напротив, если выбирать между свободой и несвободой документальной исторической памяти, он сделал бы свой выбор в пользу первой, исходя из твердого убеждения в том, что все тайное рано или поздно должно стать явным, что свобода документальной памяти является одним из условий очищения общества и государства от негативного наследия прошлого, важным средством воспитания у людей понимания ошибок и преступлений, случившихся в нем, недопущения их повторения в современ-

<sup>6</sup> Составитель сборника документов «...Міласці Вашай просім», альбо Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, адлюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян» (Мінск [б. и.], 2006. — 280 с.) А. А. Гужаловский, которого упоминает И. Романова, еще более, нежели она, сузил объект публикации, ограничив его, как следует из названия сборника, лишь одним (1951-м) годом и фактически одним видом — жалобами граждан во власть («лісты, заявы, скаргі»).

ной жизни. Он вслед за составителем разделяет позицию тех, кто считает, что несвобода документальной памяти есть ни что иное, как консервация или даже способ реставрации негативного наследия прошлого<sup>7</sup>.

Речь здесь идет о другом. Определяя объект публикации и сделав свой выбор в пользу комплекса документов, по определению содержащих только негативную информацию о взаимоотношениях между властью и обществом, составитель заведомо лишила себя (и таким образом пользователей сборником) возможности познакомиться и с другой стороной. Будет ли это способствовать объективному изучению истории? Вряд ли. Это особенно важно отметить, учитывая учебную составляющую сборника. На ее присутствие указывает составитель, отмечая, что сборник еще на этапе его подготовки проходил апробацию в студенческих аудиториях, включая и исторический факультет БГУ, во время которой студенты «падчас дыскусій на семінарскіх занятках, калоквіумах і вольных абмеркаваннях у рамках абранай праблематыкі выказвалі свае цікавыя думкі і заўвагі пры азнаямленні з асобнымі падборкамі дакументаў рыхтуемага дакументальнага выдання і стымулявалі мае далейшыя даследаванні» (с. 14).

У части современных исследователей, занимающихся изучением новой и новейшей истории (особенно!), бытует стереотип, что, дескать, любая публикация документов — уже есть благо, поскольку она «открывает» комплекс исторических источников. Однако им стоило бы задуматься, что публикация может ведь не только «открывать», но и «закрывать» источниковую базу. Неслучайно замечено, что при наличии документальных изданий по определенной теме исследователи, работающие в рамках этой темы, предпочитают обращаться к ним, доверяя публикаторам и игнорируя при этом важную составляющую любого исследования — контекст, в котором образовались введенные в научный оборот источники. Не может не настораживать также наметившийся «упрощенный подход» со стороны тех же историографов к результатам деятельности их коллег-археографов. Такой вывод возник буквально, что называется, по горячим следам, после презентации подготовленного НАРБ сборника документов «НКВД в Западной Беларуси: сентябрь—декабрь 1939 г.» (Минск—Москва, 2019. — 384 с.), состоявшейся в Национальном архиве 17 сентября 2019 г. В ответ на замечание автора этих строк в адрес составителей сборника — о необходимости прокомментировать содержание некоторых, особенно «острых» документов (речь, в частности, шла о направленной 20 декабря 1939 г. в адрес ЦК КП(б)Б записке НКВД БССР, в которой приводились очень резкие высказывания бывшего первого ректора БГУ В. И. Пичеты, квалифицировавшего автором записки как «контрреволюционные», типа «Советский Союз — это фашистский застенки, а не социализм» и т. п.) — присутствовавший на презентации историк

---

<sup>7</sup> Подр. об этом см.: [2].

А. В. Шарков отреагировал на это таким образом, что комментирование, дескать — не дело археографов; пусть в этом разбираются историки. Но позвольте, в чем же тогда состоит задача публикатора? В том, чтобы аккуратно, без ошибок перепечатать выявленный документальный материал, как это делали наши предшественники на заре археографии и с чем до сих пор приходится сталкиваться не весьма благодарным им за такой метод пользователям? Или все-таки обогатить этот самый материал дополнительной информацией, сведенной в форму примечаний по содержанию, и тем самым облегчить труд будущего пользователя публикацией, того же историка? Разумеется, мы полностью разделяем последнюю точку зрения.

Данный пассаж необходим для того, чтобы перейти к следующему разделу рецензируемого сборника — анализу его научно-справочного аппарата. Приведем высказывания трех лиц, живших в разное время, но имевших отношение к археографической деятельности. Начнем с известного русского просветителя, археографа-самоучки, издателя «Древней Российской вивлиофики» Н. И. Новикова, который еще два с половиной века тому назад следующим образом формулировал задачи, стоявшие перед публикаторами документов в части необходимости сопровождения их примечаниями. Он, в частности, писал, что надо «...чтобы при издании подобных сим записок, каковые составляют Древнюю Российскую вивлиофику, наблюдаемо было следующее... чтобы сколько возможно *делаемы были примечания на темные и невразумительные места и слова* [здесь и далее выделено нами. — М. Ш.]» [5].

А вот мнение выдающегося русского археографа П. М. Строева относительно того, что есть археография и какими познаниями должен обладать археограф, которым он делился в июне 1823 г. с коллегами, выступая в Московском обществе истории и древностей российских: «Книгописание [читай археография. — М. Ш.] не есть дело известное всякому; оно есть наука, имеет свои правила и требует познаний разнообразных и многочисленных» [6]<sup>8</sup>.

И, наконец, точка зрения белорусского историографа, источниковеда, архивиста и археографа М. В. Довнар-Запольского на то, что должна включать в себя публикация документов, претендующая на то, чтобы именоваться археографической. Она, на наш взгляд, особенно важна, поскольку не только синтезирует, но и развивает, и обогащает взгляды Н. И. Новикова и П. М. Строева в части задач археографической публикации. В рецензии на опубликованный в 1896 г. в Варшаве 1-й том сборника документов «Акты Литовской метрики» ученый следующим образом определял цель документальной публикации вообще и археографической в частности: «Всякое издание источника в *археографическом отношении* должно, по нашему мнению,

---

<sup>8</sup> Цит. по кн.: [7, с. 136].

преследовать тройкую цель. Прежде всего, издание должно точно передавать подлинник. Во-вторых, издание должно дать в руки читателя все средства к тому, чтобы он мог самостоятельно отнестись к первоисточнику... Наконец, третья сторона издания — это та, чтобы она дала читателю возможность быстро ориентироваться в сыром материале. Тут все имеет значение, начиная с таких мелочей, как правильная пунктуация, вразумительность заглавий отдельных документов, и кончая такими *важными сторонами археографического издания, как указатели, предисловие, группирующее материал, и примечания*» [1]<sup>9</sup>.

Не касаясь «мелочей», по терминологии Довнар-Запольского (разумеется, таковыми сам он их не считал!), посмотрим, насколько удалось составителю рецензируемого сборника решить вопросы, отнесенные ученым к «важным сторонам археографического издания». Заметим, что И. Романова весьма «искусно», на наш взгляд, оправдывает отсутствие примечаний по содержанию большим объемом сборника: «Таксама з-за абмежавання аб'ёму выдання прыйшлося адмовіцца ад друку некаторых дадаткаў да дакументаў... і галоўнае — ад грунтоўнага каменціравання дакументаў» (с. 13). Если можно принять ее объяснение в части, касающейся введения купюр из-за большого объема текста некоторых документов (заметим при этом, что в ряде случаев в сборнике публикуются более чем пространные тексты, которые могли бы безо всякого ущерба быть сокращены!) и изъятия приложений (хотя как раз таки именно последние порой более интересны и важны, нежели основные документы!), то отсутствие примечаний по содержанию по этой же причине не выдерживает никакой критики. Более того, составитель весьма «туманно» говорит об этих самых примечаниях; можно лишь предположить, что их она имеет в виду под «грунтоўным каменціраваннем дакументаў». Однако, что тогда означает следующий пассаж в археографической части предисловия: «У наяўных каментарыях да дакумента пазначаны толькі выхадныя дадзеныя і яго асаблівасці (капійнасць, падкрэсліванні і інш.)» (с. 13). Хотел бы напомнить, что современные археографы (как белорусские, так и российские, украинские) давно уже отказались от употребления терминосистемы «реальный комментарий» («наяўны каментарый»), заменив ее на «комментарий (примечание) по содержанию». Какие «выхадныя дадзеныя» к документам имела в виду составитель? Если контрольно-справочные сведения (т. е. указания на места хранения документов), то они ведь помещаются не в примечаниях, а после текстов документов, в так наз. легендах (там же, кстати, а не в примечаниях сообщаются и сведения об оригинальности последних, способе их воспроизведения, наличии предыдущих публикаций и т. д.)<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> Цит. по кн.: [7, с. 155—156].

<sup>10</sup> Подр. об этом см.: Методические рекомендации по публикации документов и материалов по истории Беларуси 1917—1991 гг. / сост.: В. С. Поздняков [и др.]. — Минск: БелНИИДАД, 2014. — 90 с. (Заметим, кстати, что в числе рецензентов реко-

Попытавшись добросовестно познакомиться с текстологическими и археографическими аспектами сборника, рецензент вскоре понял, что это — бесперспективное дело. Текстологические и археографические казусы в нем начинаются с самого первого документа. Приведем его заголовок, судя по всему, редакционный, т. е. составленный И. Романовой: «Вытрымка з даклада аб эканамічным і палітычным становішчы Беларускай вайсковай акругі» (с. 15). Сразу же возникают вопросы, относящиеся как к определению видовой принадлежности данного документа (имелся ли в виду доклад как публичное выступление на каком-либо совещании, или мы все-таки имеем дело с докладом как донесением, информацией?). Если принять первое предположение, тогда следовало указать, где был сделан доклад; если допустить второе, то должен быть обозначен адресат (кому представлен доклад). Однако в любом случае налицо отсутствие указания на автора документа (подпись докладчика также отсутствует).

Теперь обратимся к «мелочам». В тексте неоднократно упоминаются Советы как органы власти, и везде они почему-то приводятся со строчной, а не с прописной буквы. А вот пример неверной пунктуации, который приводит к обесмысливанию текста: «Взаимоотношения погранохраны с местным населением... остаются удовлетворительными, если не считать очень редких и незначительных недовольств.

а) Семей арестованных по последней операции лиц польской национальности...» (с. 16). Здесь явно вместо точки после слова «недовольств» следовало поставить двоеточие и тогда все стало бы на свои места.

Док. № 2 (с. 17). Здесь обращает на себя внимание наличие грамматических ошибок в тексте, не исправленных составителем: *доказательством* (вместо правильного *доказательством*). В данном случае не требуется, как то предлагают вышеупоминавшиеся методические рекомендации, сохранять эту ошибку, а следовало привести написание слова в соответствии с современными нормами русского правописания. Требуется, на наш взгляд, дополнения текст следующей фразы: «Бюро ЦК поручило фракции ЦИК Белорусской ССР...». Он должен выглядеть следующим образом: «Бюро ЦК [КП(б)Б] поручило фракции [КП(б)Б] в ЦИК БССР...». Без этих дополнений читатель будет в недоумении, о какой такой фракции высшего органа власти Белорусской ССР идет речь? И хорошо было бы прокомментировать это примерно таким образом, что партийные фракции создавались во всех внепартийных учреждениях, а также органах законодательной и исполнительной власти.

---

мендаций, утвержденных приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь 2 мая 2014 г., фигурируют не только архивисты, представляющие НАРБ и Госархив Брестской обл., но и работающие в Институте истории НАН Беларуси сотрудники, разделяющие и принимающие, таким образом, основные их положения).

Док. № 3 (с. 17). В публикуемом под этим номером письме И. Шамука в газету «Крестьянская правда» и журнал «Красная деревня» о жизни деревни следовало бы дать примечания о газете и журнале, однако не это здесь главное. Из изучения содержания документа следует, что он был направлен автором только в журнал. Откуда же в заголовке взялась еще и газета? Здесь же составитель воспроизводит помету: «Секретарю ЦК КП(б)Б», но не указывает, кем она сделана.

Неожиданный прием комментирования текста применяет составитель в док. № 6 (с. 19), под которым публикуется циркулярное письмо ЦК КП(б)Б всем окружкам и райкомам КП(б)Б — о проведении раскулачивания. К 1-му его пункту делается следующее примечание: «Частка тэксту гэтага пункта (1-га) выкраслена чырвоным алоўкам і чарніламі». Читатель остается в неведении, о какой «частць» идет речь. Согласно логике и текстологической традиции вычеркнутое не включается в основной текст, но воспроизводится в текстуальном примечании: «далее зачеркнуто...». Если бы так поступила составитель, читателю не пришлось бы гадать, что за текст «выкраслены ў 1-м пункце».

Мы привели примеры казусов, взятые лишь из первых шести документов. Однако они присутствуют и в других. Так, вместо фамилии поэта Валерия Морякова, автора книги стихов «Жыццё ў свеце...», появляется некий Валерий Макаров, автор стихотворения «Жыццё ў цвеце...»<sup>11</sup> (с. 747); явная нелепица, связанная с социальным происхождением и национальностью вышеупоминавшегося В. И. Пичеты, никак не прокомментированная составителем, содержится в сообщении наркома внутренних дел Л. Цанавы секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко от 6 декабря 1939 г.: «Пичета, выходец из дворянской семьи, отец выходец из герцогов [sic! — М. Ш.]» (с. 824). Между тем, доподлинно известно, что отец первого ректора БГУ был православным священником, герцеговинцем по национальности. Составитель механически воспроизвела в 2019 г. нелепицу полуграмотного сексота 1939 г., которую в свою очередь тогда же повторил «университетов не заканчивавший» Цанава<sup>12</sup>. И тщетно будет исследователь творчества В. Морякова

<sup>11</sup> Для комментирования этой ошибки документа достаточно было обратиться к книге Л. Морякова: Валеры Маракоў. Лёс. Хроніка. Кантэкст. Мінск: Беларускі кнігазбор, 1999. — С. 111.

<sup>12</sup> В конце 1970-х или начале 1980-х гг. пишущий эти строки имел как-то разговор с полковником КГБ в отставке, который приводил пример, как занимавший накануне войны должность начальника УНКВД по одной из областей Беларуси, заполняя анкету, в графе «образование», с гордостью писал «ЦПШ [т. е. церковно-приходская школа. — М. Ш.] и курсы десятников». Работая в свое время в ЦА КГБ Республики Беларусь с протоколами допросов лиц, проходивших по «делу о СВБ», приходилось сталкиваться с трансформациями «нацдемюв» в «нацменюв»; М. В. Довнар-Заполь-

искать в сборнике сведения о нем, в именном указателе ведь фигурирует В. Макаров; а у биографа В. И. Пичеты лишь саркастическую усмешку вызовет нелепость НКВДиста прошлого века и недоработка археографа века нынешнего. Вот для чего нужны комментарии по содержанию!

Готовя эти заметки и заинтересовавшись указанием в опубликованном в сборнике доносе НКВД на В. И. Пичету от 20 декабря 1939 г. (с. 825) на предыдущий аналогичный донос от 9 декабря этого же года (он не включен в сборник), автор обратился к делу, в котором последний мог находиться. Оно фигурирует под названием «Переписка с Белорусским военным округом и воинскими частями по вопросам оборонной работы, обслуживанию воинских частей, по партучету коммунистов и др.», хронологически охватывает период с января по декабрь 1939 г., на 251 листе. Искомое документа в нем не было, кстати говоря, свидетельствует о проводившейся в особом секторе ЦК КП(б)Б селекции поступавших сюда документов. Но сейчас речь не об этом. В деле находится, по крайней мере, три группы документов, могущих претендовать на включение в сборник. Это — три документа, представлявшие собой расследование о восхвалениях неким музыкантом Госфилармонии А. М.-Х. Шапиро Адольфа Гитлера; также три документа — о выселении расквартированной в Пружанах авиабригадой местного детского дома и занятия ею же здания, где размещался архив бывшего уездного старостата; и, наконец, два документа о действиях командования 4-й армии в отношении Временного управления г. Бреста (командующий В. И. Чуйков своим решением снял с должности начальника управления Горелика ввиду отказа того сдать отобранные немцами по занятии ими Бреста у жителей 1100 радиоприемников). Все эти документы сопровождаются резолюциями руководства ЦК КП(б)Б, указывающими на оперативность реагирования в связи с данными негативного характера событиями: по первому случаю дается указание разобраться и доложить (выясняется, что информация лишь частично соответствовала действительности); по второму — П. Пономаренко дает указание срочно вернуть воспитанникам детского дома забранное у них летчиками здание и навести порядок с архивом (в противном случае он будет информировать об этих фактах К. Ворошилова); и, наконец, по третьему случаю — направляет письмо командующему фронтом М. Ковалеву, в котором просит отменить решение Чуйкова и разъяснить тому, что хотя временные управления и являются органами военной власти, но в основе их назначения лежит решение ЦК КП(б)Б. Потенциальная публикация *такого* рода документов с *таким* сопровождением, на наш взгляд, существенным образом меняет восприятие их содержания у пользователей.

---

ского — в Давида Запольского и прочими глупостями малограмотных следователей (подр. об этом см.: [9, с. 154]).



И тем не менее, закончить настоящие заметки все же хочется на мажорной ноте. Нельзя не признать, что И. Романовой проделана колоссальная механическая работа по просмотру, отбору, копированию и перепечатке текстов документов (приходится лишь удивляться, как удалось ей это сделать одной, без помощников)<sup>13</sup>. Несмотря на неплохое знакомство с данным корпусом источников, многие из них, опубликованные в сборнике, ранее не были известны пишущему эти строки, и уже только за это он должен быть благодарен составителю рецензируемого издания. Однако это вовсе не снимает тех вопросов и соображений, которые у него возникли по отношению к составителю, и хотелось бы надеяться, что настоящие заметки будут содействовать совершенствованию практической археографии, опирающейся не только на культуру традиции, иногда не заслуживающей того, чтобы ее учитывать, но и на «культуру правил». И, наконец, самое последнее — об этических аспектах подготовки сборника. К сожалению, завершая работу и подводя итоги в форме публикации, некоторые составители «забывают» упомянуть и назвать фамилии тех, кто помогал им готовить издание. К чести И. Романовой следует отнести то, что она не страдает такой «забывчивостью». И это приятно отметить, несмотря на высказанные в ее адрес многие критические замечания.

#### Источники и литература

1. Журнал МНП. — 1896. — № 9/10. — С. 341—351.
2. Козлов, В. П. О свободе и несвободе документальной исторической памяти // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сб. статей. — М., 2017. — С. 42—43.
3. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории. — М.: РГГУ, 2008.
4. Несравненный Степан Борисович // Александр Александрович Зимин. — М.: РГГУ, 2005.
5. Санкт-Петербургские ученые ведомости. — 1777. — № 4. — С. 27—28.
6. Северный архив. — 1823. — Ч. 8. — № 19. — С. 1—27.
7. Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, 1918—1941 гг.: Опись 1 / Нац. архив Респ. Беларусь; сост.: Ю. И. Анейчик, Ж. А. Лиходиевская, Г. И. Плавская; редкол.: В. Д. Селеменев (гл. ред.) [и др.]. — Минск: НАРБ, 2007.
8. Шумейко, М. Ф. Архивист и археограф Дмитрий Иванович Довгялло. — Минск: БелНИИДАД, 2002.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 03.03.2020*

<sup>13</sup> Автор этих строк, готовя в разы меньший по объему сборник документов, исписал десятки тетрадей и блокнотов (они находятся в его личном архиве), копируя отобранные документы, ибо в отличие от выдающегося русского историка, составителя многотомных «Актов писцового дела» (М., 1913—1917), будущего академика АН СССР С. Б. Веселовского, тратившего доставшийся ему капитал на оплату труда нанятых им писцов, копировавших хранившиеся в Московском архиве Министерства юстиции документы XVII в., он не обладал такой возможностью (подр. об этом см.: [4, с. 59]).

**З. В. Антановіч,**

*дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта  
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,  
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;  
e-mail: zinantonowicz@gmail.com*

## ЛЁСЫ САСЛАНЫХ У БІАГРАФІЧНЫМ ВЫДАННІ ПРАФЕСАРА Я. НЯБЕЛЬСКАГА «ZESŁAŃCY POKOLENIA 1863: SIEDEM HISTORII»

*Рэцэнзія на выданне:* Niebelski, E. Zesłańcy pokolenia 1863: siedem historii. — Lublin: Polihymnia, 2019. — 274 s.

Сучасныя гісторыкі Беларусі і замежжа шмат увагі прысвячаюць тэматыцы паўстання 1863—1864 гг. [1; 3—12; 15; 20]. Нягледзячы на гэта, у гістарыяграфіі застаецца шмат маладаследаваных аспектаў, да ліку якіх у працах айчынных даследчыкаў адносяцца лёсы ўдзельнікаў паўстання ў перыяд адміністрацыйнай ссылак і аддалення рэгіёны Расійскай імперыі, а таксама асоб, жыццё якіх фрагментарна было звязана з беларускімі губернямі. На першай з гэтых тэматык у дачыненні да паўстанцаў польскага паходжання засяроджваецца прафесар кафедры гісторыі XIX ст. аддзела гуманітарных навук Каталіцкага ўніверсітэта ў Любліне Яна Паўла II Яўген Нябельскі ў сваім апошнім выданні. Гэтай тэматыкай ён займаецца паслядоўна на працягу апошніх дзесяцігоддзяў, пашыраючы крыніцавую базу матэрыяламі архівасховішчаў Расіі, Францыі, іншых краін. Улічваючы апошняе, перыядычна патрабуецца перагляд папярэдніх вынікаў і ажыццяўленне перавыдання пэўных прац, што было зроблена Я. Нябельскім. У сваёй новай кнізе «Zesłańcy pokolenia 1863: siedem historii» ён звярнуўся непасрэдна да лёсаў сямі асоб, якія апынуліся ва ўсходніх рэгіёнах Расійскай імперыі, і іх блізкіх. Пяць з гэтых гісторый публікуюцца з дапаўненнямі да папярэдніх публікацый [17—20] на падставе матэрыялаў са сховішчаў Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі (ДАРФ), Дзяржаўнага архіва Іркуцкай вобласці, Галоўнага архіва старажытных актаў (Варшава), Дзяржаўнага архіва ў Любліне, Польскай бібліятэкі ў Парыжы, а таксама перыядычнага друку. Адметнай рысай дадзенага біяграфічнага даследавання з'яўляецца факусіраванне на кантэкстуальных аспектах, якія заключаюцца ў сувязі паміж асобай і сацыяльнымі, палітычнымі, эканамічнымі фактарамі, што ўплываюць на яго/яе жыццё, з элементамі праспаграфічнага падыходу.

Сем гісторый падзелены Я. Нябельскім на дзве часткі пад тытуламі «Syberia» і «Sybir». Першую аўтар звязвае з геаграфічным палажэннем, а другую — з ужываннем русіфікаванай назвы рэгіёна ва ўспамінах сасланых і гістарыяграфіі. Такім чынам, ён разводзіць месца жыхарства сасланых і іх успрыманне рэчаіснасці [16, s. 8—9]. У першай частцы змешчаны звесткі пра мастака Станіслава Вронскага, святара-этнографа Яна Хілічкоўскага і лекара Юзафа Лагоўскага, для якіх пражыванне ў Байкальскім рэгіёне стала фраг-

ментам біяграфіі. У другой частцы прадстаўлены лёсы забітага злачынцамі напярэдадні звароту дадому Яна Шумскага, аднаго з арганізатараў паўстання 1866 г. у Забайкаллі Густава Шарамовіча, актыўнага ўдзельніка паўстання 1863—1864 гг. і эмігранта, які з Францыі вярнуўся на радзіму, але быў арыштаваны і сасланы, Кароля Крысінскага, братаў Яна і Юзафа Сівінскіх, якія спрабавалі арганізаваць гандаль польскімі таварамі ў ссыльцы. Жыццё гэтых людзей скончылася ў Сібіры. Кожная гісторыя складаецца з двух асноўных раздзелаў: біяграфічных звестак і дакументаў. У першым раздзеле прадстаўлены звесткі пра сям'ю і атрыманне адукацыі, характарыстыка ўдзелу ў паўстанні, асуджэння і вынясення прысуду, накіраванне на пасяленне. Пры гэтым асноўная ўвага належыць дзейнасці і арганізацыі побыту ў Сібіры, а таксама далейшым лёсам асоб. Сярод іх увазе беларускіх даследчыкаў прадстаўлены С. Вронскі, вядомы сваімі пейзажамі Байкальскага рэгіёна, які таксама напісаў некалькі малюнкаў беларускіх краявідаў [16, s. 33—34]. Густаў Шарамовіч прыбыў у Краснаярск разам з ваенным лекарам з Гродна Марцэліем Высоцкім [16, s. 148]. К. Крысінскі разам са сваімі людзьмі перамог расійскія войскі 11 ліпеня 1863 г. пад Дамачава [16, s. 170].

У другім умоўным раздзеле змешчаны дакументальныя матэрыялы, якія садзейнічаюць раскрыццю светаадчування сасланых асоб. Я. Нябельскім актыўна выкарыстаны фрагменты ўспамінаў Бенядыкта Дыбоўскага. У прыватнасці, мемуарыст згадвае, што ў № 44 варшаўскага жаночага штогодніка «Bluszcz» за 1894 г. змешчаны звесткі, што С. Вронскі ў сваёй майстэрні змясціў некалькі краявідаў з беларускіх губерняў [16, s. 40]. Фрагменты яго ж успамінаў былі выкарыстаны ў дакументальнай частцы для характарыстыкі Ю. Лагоўскага [14, s. 84—116; 16, s. 98—106]. Але ён вядомы не толькі паводле гэтай крыніцы. Вайсковы лекар украінскага паходжання, які ў чыне падпалкоўніка быў звольнены з войска, пакінуў апісанне раслін Байкальскага рэгіёна, якое было набыта Батанічным музеем Львоўскага ўніверсітэта і пакуль не апрацавана [20].

Дзяржаўны архіў Іркуцкай вобласці прадставіў крыніцы для дапаўнення біяграфіі па ўзаемаадносінах Яна Хілічкоўскага з мясцовым насельніцтвам [17]. У Нікольску ён арганізаваў уласную гаспадарку, пабудаваў млын [16, s. 65—66], а ў 1898 г. выдаў этнаграфічную працу на падставе свайго попыту пражывання ў Сібіры, вытрымкі з якой прыводзяцца Я. Нябельскім у арыгінале [13]. Гэтая высокая ацэнена сучаснікамі праца сёння этнографамі адносіцца да папулярных, аднак яна дапамагла ўзняць цікавасць польскага насельніцтва да гэтага рэгіёна. Нягледзячы на імкненне перадаць арыгінал у нязменным выглядзе, Я. Нябельскаму было б лепш пракаменціраваць значэнне прыказак, якія прыводзяцца ў адным з фрагментаў [16, s. 78—80].

У другім раздзеле «Лёсы з плямай Сібіры» апублікаваны шэсць лістоў Я. Шумскага, якія знаходзяцца ў зборы матэрыялаў Г. Вярценьскага, куды яны трапілі ад Марыі Янкоўскай з суправаджальным лістом у 1916 г. Зараз

месцам іх захоўвання з'яўляецца ваяводская бібліятэка імя Гераніма Лапацінскага ў Любліне. Лісты апублікаваны Я. Нябельскім з захаваннем уласціваасцей арыгінала і каментарыямі. Каменціраваны таксама асабовыя і геаграфічныя найменні [16, s. 116—141]. Іншыя сасланы, Густаў Шарамовіч, які разам з вядомым украінскім гісторыкам У. Антановічам удзельнічаў у руху «хлопаманаў» [16, s. 145], з'яўляўся адным з кіраўнікоў Байкальскага паўстання ссыльных палякаў 1866 г., пакінуў чатыры развітальныя з роднымі лісты. Яны былі выяўлены Я. Нябельскім у сховішчах ДАРФ, апублікаваны аналагічным чынам [16, s. 158—166]. Яны не былі дастаўлены адрасатам па рашэнні цэнзуры ў III аддзяленні імператарскай канцылярыі, куды траплялі лісты ссыльных на польскай мове [7, с. 105—106]. Апраўдальны ліст К. Крысінскага, які захоўваецца ў Бібліятэцы польскай у Парыжы, упершыню апублікаваны Я. Нябельскім. Аўтара ліста Камітэт Задзіночання польскай эміграцыі (грамадская арганізацыя польскіх эмігрантаў) падазраваў у здрадзе падчас паўстання і схільнасці да расійскіх улад, у т. л. за намер вярнуцца на радзіму [16, s. 197—202]. У дачыненні лістоў Ю. Сівінскага да сваякоў нават была выяўлена гісторыя захоўвання: яны былі перададзены патомкам і ў 1922 г. у Дзяржаўны архіў у Любліне, дзе з іх створана адмысловая калекцыя. Гэтыя лісты выдзяляюцца падрабязнасцю апісанняў побыту ў ссылцы [16, s. 246—265].

Такім чынам, Я. Нябельскім праведзена значная работа па ўвядзенні ў навуковы ўжытак шырокіх звестак пра побыт ссыльных у Байкальскім рэгіёне. У дадзеным выданні прадстаўлены лёсы асоб польскага і галіцыйскага паходжання, шэраг з якіх (С. Вронскі, К. Крысінскі, Г. Шарамовіч) былі звязаны з беларускімі землямі або выхадцамі з іх, што не можа не прыцягнуць увагі айчынных навукоўцаў. Цікава таксама выклікае аўтарскі падыход да структуравання біяграфічных звестак і іх суправаджэнне археаграфічна апрацаваным дакументальным матэрыялам, а таксама ілюстрацыямі (фотаздымкамі і рэпрадукцыямі малюнкаў). У каментарыях пададзены асабовыя і геаграфічныя найменні. Выданне суправаджаецца асабовым паказальнікам. Нягледзячы на шэраг поспехаў [7], эпістальныя крыніцы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі яшчэ патрабуюць выяўлення і ўвядзення ў навуковы ўжытак, таму падобны ўзор біяграфічнага выдання можа быць карысным на сучасным этапе развіцця беларускай гістарычнай навукі.

#### Крыніцы і літаратура

1. Антановіч, З. В. Змены ў асабовым складзе парафіяльнага духавенства Магілёўскай архідыяцэзіі пасля паўстання 1863—1864 гг. (паводле фармулярных спісаў рымска-каталіцкага духавенства) // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 10 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2015. — С. 168—191.
2. Дьяков, В. А. Деятель русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов: биобиблиографический словарь. — Москва: Наука, 1967. — 255 с.

3. Иванов, А. А. Правовые особенности пребывания поляков — участников январского восстания — в иркутской ссылке в 1863—1883 гг. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-prebyvaniya-polyakov-uchastnikov-yanvarского-восстания-v-irkutskoy-ssylke-v-1863-1883-gg>. — Дата доступа: 20.05.2020.
4. Кривошея, І. Польське національне повстання 1863—1864 рр. на Правобережній Україні: від міфів до фактів / І. Кривошея, Н. Моравець. — Київ: Видавництво ПП Жовтий, 2014. — 184 с.
5. Латыпова, В. В. Поляки на Южном Урале (вторая половина XIX — XX век): Добровольная миграция. — Уфа: БашГУ, 2011. — 84 с.
6. Матвейчык, Д. Ч. Удзельнікі паўстання 1863—1864 гадоў: біяграфічны слоўнік: (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / Д. Ч. Матвейчык. — Мінск: Беларусь, 2016. — 735 с.
7. Матвейчык, Д. Ч. Лісты ссыльных удзельнікаў паўстання 1863—1864 гг. у зборах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі // *Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. Вып. 16 / рэдкал.: В. Ф. Голубеў [і інш.]*. — Мінск: НГАБ, 2018. — С. 101—121.
8. Мозговий, І. Січневе повстання в Польщі та Україна // *Світогляд — Філософія — Релігія: збірник наукових праць*. — 2014. — Вип. 7. — С. 105—119.
9. Мулина, С. А. Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: дисс. канд. ист. наук 07.00.02 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/uchastniki-polskiego-восстания-1863-goda-v-zapadnosibirskoi-ssylke/read>. — Дата доступа: 20.05.2020.
10. Серак, Е. В. Историография проблемы адаптации ссыльных участников восстания 1863—1864 гг. в Сибири / Е. В. Серак // *Вестн. Академии МВД Республики Беларусь*. — 2013. — № 2 (26). — С. 151—154.
11. Серак, Е. В. Ссылка в Сибирь уроженцев Беларуси после восстания 1863—1864 гг.: автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. — Минск: БГУ, 2016. — 25 с.
12. Швед, В. Рэкіем паўстанцам 1863—1864 гг. (Гродзенская губерня). — Гродна: Альфа-кніга, 2017. — 213 с.
13. Chyliczkowski, J. Syberya pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemysłowo-handlowym. — Włocławek: S. Włodowski, 1898. — 318 s.
14. Dybowski, B. O Syberji i Kamczatce. — Lwów, 1899 [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступа: <https://polona.pl/item/o-syberji-i-kamczatce,ODk3NjIwMDg/59/#item>. — Дата доступа: 20.05.2020.
15. Kasperek, N. Z dziejów syberyjskiego zesłania. Listy do Onufrego Pietraszkiwicza // «Przypominać zapomniane, odkrywać nieznanne. Polskie losy — Kościół — Syberia — Rosja (XIX—XX w.): studia ofiarowane Profesorowi Eugeniuszowi Niebelskiemu w 70. rocznicę urodzin» / red. nauk. Anna Barańska. — Lublin, Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego KUL, 2019. — S. 301—313.
16. Niebelski, E. Zesłańcy pokolenia 1863: siedem historii. — Lublin: Polihymnia, 2019. — 274 s.
17. Niebelski, E. Jana Chyliczkowskiego losy i dokonania // *Syberya pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemyślowo-handlowym* / E. Niebelski. — Lublin, 2016. — S. 11—23.
18. Niebelski, E. «1863. Złamane życie». Losy powstańca Jana Szumskiego i jego syberyjskie listy // *Studia z dziejów Europy Środkowo-Wschodziej* / W. Bondyra, D. Kupisz. — Lublin, 2018. — S. 753—777.

19. Niebelski, E. Karol Krysińsk — powstaniec z Międzyrzeca // Rocznik Międzyrzecki. — № 14—15. — 1982—1983. — S. 5—44.
20. Siwinski, J. «Wracać do Was i klepać biedę nie myślę...» Listy z Syberii 1873—1879 / oprac. E. Niebelski. — Lublin, 2014.
21. Wrzosek, M, Spalik, K. Józef Łagowski // Zielnik Wydziału Biologii Uniwersytetu Warszawskiego: Zbieracze — biogramy [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: [http://www.zielnik.biol.uw.edu.pl/?page\\_id=534#lagowski](http://www.zielnik.biol.uw.edu.pl/?page_id=534#lagowski). — Дата доступу: 20.05.2020.

*Артыкул паступіў у рэдакцыю 15.09.2020*

## ПОСТАЦІ

*Нашы юбіляры**Е. С. Савченко, О. В. Пашкевич***СИМАКОВА (ВАСИЛЬЕВА) ЕВГЕНИЯ БОРИСОВНА**

Иногда обстоятельства лишают нас чего-то, на первый взгляд, очень важного, но лишь для того, чтобы предоставить что-то еще более значимое. Так можно описать жизненный путь женщины, которая на протяжении почти трех десятилетий посвящала себя профессии, о выборе которой она не жалеет и по сей день.

А начиналось все в небольшом поселке Красноармейский Пушкинского района Московской области, где 7 марта 1930 г. в семье инженера Васильева Бориса Васильевича и его жены Лидии Федоровны родилась девочка, которую назвали Евгения. В 1937 г. Женя пошла в школу и, несмотря на все трудности, с которыми пришлось столкнуться в это нелегкое для страны время, в 1945 г. она все же оканчивает 7 классов и поступает в Московский нефтяной техникум. Однако закончить его не удалось. В октябре 1945 г. ее отца отправляют в Восточную Германию, куда следует за ним и маленькая Женя. В ГДР она заканчивает восьмой и девятый классы средней русской школы. В 1948 г. возвращается в уже ставший городом Красноармейск, где завершает школьное обучение, и в 1949 г. поступает в Московский государственный историко-архивный институт, который успешно оканчивает в 1954 г.

В студенческие годы Евгения Борисовна знакомится с Вилем Сергеевичем, кадровым военным, и, несмотря на все предложения остаться в Москве, принимает для себя единственно правильное решение: поехать в Пинск, вслед за будущим мужем. По приезду она получает назначение на должность начальника отдела научно-справочной литературы Филиала государственного архива Брестской области в г. Пинск, где работает до рождения в феврале 1955 г. дочери. По окончании декретного отпуска, в связи с переводом мужа на службу в Минское минометно-артиллерийское училище, Евгения Борисовна пробует себя в качестве старшего научного сотрудника отдела использования документальных материалов Архивного управления МВД БССР.

В 1959 г. мужа переводят в Гродно, а Евгения Борисовна начинает новый этап своей трудовой биографии в должности начальника отдела Государственного архива Гродненской области. Но поработать там ей пришлось недолго. Уже в 1961 г. Виль Сергеевич поступает в Ленинградскую военную академию, а для Евгении Борисовны начинается яркий период работы в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области. Но не только работа занимала ее. Каждый выходной посвящался посещению достопримечательностей Ленинграда и его окрестностей. Она старалась впитать как можно больше атмосферы этого города, поскольку знала, что жизнь там — это лишь очередной этап.

В 1965 г. на смену музеям Ленинграда пришла Долина нарциссов, расположенная вблизи г. Хуст Закарпатской области. Переезд в этот небольшой городок ознаменовался важным событием в жизни Евгении Борисовны — рождением сына. Но наслаждаться спокойной жизнью маленького города довелось недолго — уже в 1966 г. состоялся очередной переезд. На этот раз временным пристанищем для семьи Симаковых стал г. Нестеров (сегодня — Жолква) Львовской области, где Евгения Борисовна до 1968 г. возглавляла Нестеровский районный государственный архив. Затем, после небольшого перерыва, Евгения Борисовна на протяжении трех лет была заведующей библиотекой

воинской части, располагавшейся на территории Польской Народной Республики, и еще полгода — библиотекарем в воинской части на территории Лепельского района Витебской области. В мае 1975 г. Евгению Борисовну утверждают в должности директора Лепельского районного краеведческого музея. Именно там ей, наконец, удалось проявить свою деятельную натуру. Получив одобрение института истории на проведение археологических раскопок в регионе, Евгения Борисовна набирает команду добровольцев, состоящую в основном из молодежи и подростков старше 14 лет, и под руководством археолога А. Г. Митрофанова проводит раскопки курганов. Артефакты, обнаруженные в ходе раскопок, хранятся в музее и сегодня.

В 1977 г. семья Симаковых переезжает в Витебск, который на четыре десятилетия становится для них домом. Евгению Борисовну принимают на должность инспектора архивного отдела Витебского областного исполнительного комитета, затем переводят на работу старшим научным сотрудником хозрасчетного отдела Государственного архива Витебской области, а с 1 ноября 1979 г. и вплоть до выхода на пенсию в 1985 г. она зарекомендовала себя высококлассным специалистом в должности заведующей отделом ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов.

По словам самой Евгении Борисовны, каждое место работы приносило в ее жизнь что-то новое, но и она взамен оставляла там частичку себя. Именно поэтому и сегодня она остается почетным гостем в стенах учреждений, где ей довелось нести свою службу.



1 октября 1984 г. я в должности архивиста 1 категории приступила к работе в отделе ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документов Госархива Витебской области, заведующей которого была Симакова Евгения Борисовна. С той поры для меня она мой Учитель и Друг. Это очень ответственный человек, требовательный к себе и другим. И абсолютно надежный.

Как руководитель структурного подразделения она внимательно, тонко и чутко относится к молодому специалисту. О любом новом виде работы, который мне предстоит выполнить, заведующий предварительно рассказывает теорию и обязательно следует несколько практических советов из опыта работы. А он велик и разнообразен, поскольку она трудилась и в архивах, и в органах управления архивным делом.

В достижении намеченных целей Евгения Борисовна последовательна и настойчива. Именно благодаря этим качествам увеличивалась не только штатная численность отдела госархива, но и создавались, как сказали бы сейчас, новые рабочие места в ведомственных архивах организаций — источников комплектования. В 80-е гг. XX в. среди источников комплектования облгосархива было много организаций, в которых научно-техническая обработка документов не проводилась за 20 и более лет. Со стороны заведующего отделом предпринималось немало усилий для изменения сложившейся ситуации.

Совместная работа с Евгенией Борисовной сформировала мое глубокое уважение к профессии архивиста. А прежде всего потому, что она сама считала и по-прежнему считает ее интересной, приносящей пользу и государству, и человеку.



*Е. А. Макаренко***ЛИХТЕНШТЕЙН ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА**

Очень многие работники Национального архива Республики Беларусь с теплотой и благодарностью вспоминают Галину Николаевну Лихтенштейн, которой в этом году исполнилось 80 лет.

Галина Николаевна — высококлассный специалист, внесший значительный вклад в развитие архивного дела республики. Однажды выбрав профессию архивиста, она посвятила ей более 40 лет. Сейчас Галина Николаевна на заслуженном отдыхе.

Лихтенштейн Галина Николаевна родилась 1 января 1940 г. в д. Курганы Смолевичского района Минской области. В 1957 г. она окончила Кленикскую среднюю школу с серебряной медалью и поступила на исторический факультет Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Активная жизненная позиция и желание помогать людям привели к тому, что 19-летняя девушка отправилась осваивать целину.

История как наука всегда привлекала Галину Николаевну, а желание получить образование на соответствующем факультете привело к тому, что в 1962 г. она получила диплом историка, учителя истории средней школы.

Трудовую деятельность в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР) БССР Галина Николаевна Лихтенштейн начала с 1969 г., где прошла путь от младшего научного сотрудника отдела ведомственных архивов, комплектования и экспертизы ценности документальных материалов до главного хранителя фондов Национального архива Республики Беларусь. С февраля 2000 г. Галина Николаевна являлась ведущим научным сотрудником отдела информационно-поисковых систем архива, а с июня 2011 г. — отдела научно-технической обработки документов, в котором и завершила свою трудовую деятельность.

Галина Николаевна активно занималась вопросами комплектования, научно-технической обработки, учета и обеспечения сохранности документов. Много сил и времени она посвятила вопросам интеграции партийного комплекса и создания единого централизованного учета Национального архива Республики Беларусь.

Галина Николаевна является автором и соавтором более 15 методических документов по упорядочению учета документов, в том числе и по созданию объединенных архивных фондов из малообъемных фондов подпольных партийных и комсомольских организаций и партизанских формирований, действовавших на территории БССР в годы Великой Отечественной войны.

Сегодня идея Галины Николаевны о создании единого централизованного учета Национального архива Республики Беларусь воплощена в жизнь: налажен традиционный и автоматизированный учет документов как на уровне каждого фонда, так и на уровне архивохранилища и архива в целом.

Являясь членом Экспертно-методической комиссии архива, Галина Николаевна многократно оказывала значительную практическую помощь организациям — источникам комплектования архива в составлении номенклатур дел и проведении научно-технической обработки документов.

За вклад в развитие белорусского архивного дела и сохранение историко-культурного наследия Галина Николаевна награждена почетными грамотами Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Центрального Комитета профсоюза работников государственных учреждений. За высокие показатели в работе более 8 раз

была отмечена благодарностями и премиями. В 2006 г. Галина Николаевна награждена нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

Г. Н. Лихтенштейн — незаурядный и очень талантливый человек с неиссякаемой энергией, трудолюбием, умением работать с людьми.

Коллектив Национального архива от души поздравляет Галину Николаевну со столь знаменательной датой и желает ей крепкого здоровья, оптимизма, бодрости и долголетия.

#### Источники и литература

1. НАРБ. — Ф. 250. — Оп. 4лс. — Д. 781.
2. Архивисты Беларуси: библиографический справочник. — Минск: БелНИИДАД, 2006. — С. 152.
3. Макаренко, Е. А. Биографический очерк о Лихтенштейн Галине Николаевне // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 11. — Минск: БелНИИДАД, 2010. — С. 297—298.

—◇—

Л. В. Салкевіч

#### КАРАСЬК НИНА ВИТАЛЬЕВНА

В 2020 г. Нине Витальевне Караськ исполняется 80 лет. Более 45 лет она отдала архивному делу.

Родилась Нина Витальевна 1 августа 1940 г. в селе Савино Карагайского района Пермской области в семье военнослужащего. После войны, в 1946 г., вся ее семья переехала в г. Гродно.

В выборе профессии и дальнейшей судьбе большую роль сыграла деятельность ее отца — Варычева Виталия Иосифовича, почти 30 лет возглавлявшего архивный отдел управления МВД по Гродненской области, а затем архивный отдел исполкома Гродненского областного Совета народных депутатов.

С 1959 г. Нина Витальевна начала и свою трудовую деятельность на архивном поприще в Центральном государственном историческом архиве в г. Гродно (ныне — Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно), где трудилась 20 лет и прошла путь от архивариуса до старшего хранителя фондов. Нина Витальевна совмещала работу с учебой в Московском историко-архивном институте, который окончила в 1966 г. по специальности историк-архивист. С 1979 г. перешла на работу в Государственный архив Гродненской области на должность старшего научного сотрудника отдела фондов, учета и научно-справочного аппарата.

С 1980 по 1984 г. трудилась в должности архивиста 1 квалификационной категории группы информации, публикации и научного использования документов и археографа 1 квалификационной категории группы информации, публикации и научного использования документов. С 1984 г. она возглавила отдел информации, публикации и научного использования документов, которым руководила до 2005 г.

За годы работы в архиве Нина Витальевна Караськ внесла значительный вклад в популяризацию и использование документов Национального архивного фонда Республики Беларусь. Проводила работу по выявлению документов для сборника «Народное образование в БССР (1941—1965)», «Издательское дело и печать в БССР (1941—1980)», «Справочника немецко-фашистских лагерей, гетто и других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941—1944 годов». Осущест-

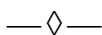
вляла работу по подготовке историко-документальных хроник «Память» Берестовицкого, Зельвенского, Слонимского, Сморгонского районов, 13-го тома серии «Документы и материалы по истории советско-польских отношений (1966—1970)», справочников по истории организации и реорганизации колхозов и совхозов Гродненской области. Участвовала в научно-практических и историко-краеведческих конференциях, посвященных истории и развитию архивного дела, истории регионов области. В периодической печати опубликовано более 40 статей и подборок документов, подготовленных Ниной Витальевной. С ее участием проведено более 20 теле- и радиопередач.

Караськ Нина Витальевна осуществляла работу с запросами граждан и организаций, поступившими из-за рубежа. На протяжении 20 лет являлась членом экспертно-проверочной комиссии отдела по архивам и делопроизводству Гродненского облисполкома.

Нина Витальевна пользовалась заслуженным уважением среди коллег и пользователей архива. Она была примером и наставником для молодых специалистов. Более 15 лет принимала участие в проведении архивной практики студентов-историков Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Научила работать с архивными документами более 600 будущих историков.

За многолетнюю плодотворную работу и преданность архивному делу Нина Витальевна Караськ награждена медалью «Ветеран труда» и нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі», дважды — Почетной грамотой Главного архивного управления при Совете Министров БССР и Белорусского республиканского комитета профсоюза работников госучреждений, Почетной грамотой Гродненского обкома профсоюза работников госучреждений и архивного отдела Гродненского облисполкома, Почетной грамотой Центрального государственного исторического архива в г. Гродно.

С юбилеем Вас, Нина Витальевна! Крепкого здоровья, оптимизма, бодрости духа и неиссякаемой энергии!



### СУРКОВА ГАННА УЛАДЗІМІРАЎНА

Не будзе перабольшаннем сказаць, што імя і голас Ганны Уладзіміраўны Сурковай добра ведаюць ва ўсіх архіўных установах Беларусі. Штодня да яе звяртаюцца па кансультацыю і дапамогу супрацоўнікі, якія адказваюць за працу аўтаматызаванай інфармацыйнай сістэмы архіва. Усе пытанні гэтая жанчына вырашае аператыўна. Нельга прыгадаць ніводнага выпадку, каб яна адклала выкананне даручэння на некалькі дзён. Ганна Уладзіміраўна вылучаецца сваёй шчырасцю, адказнасцю, ураўнаважанасцю і добразычлівасцю. Гэта разумны, высокакваліфікаваны спецыяліст.

Але шлях у архіўную галіну ў Ганны Уладзіміраўны быў доўгім. Пасля заканчэння школы яна паступіла на факультэт радыёфізікі БДУ. Але праца па спецыяльнасці ў НДІ ёй не падабалася. У 1970 г. у БДУ быў створаны спецыяльны факультэт прыкладной матэматыкі, і малады спецыяліст вырашыла авалодаць новай перспектыўнай спецыяльнасцю, паступіўшы на скарочаны курс. «Калі я першы раз сутыкнулася з праграмаваннем, а проста закахалася ў яго, зразумела, што гэта маё. Днямі і начама я малявала алгарытмы, пісала праграмы», — адзначае Г. У. Суркова.

Развал Савецкага Саюза прывёў да значнага скарачэння распрацовак у ваеннай галіне. Кіраўніцтва НДІ «Агат», у якім працавала Г. У. Суркова, шукала магчымасці для новых сфер занятасці сваіх супрацоўнікаў. Падрыхтоўка групай даследчыкаў праекта на конкурс па шчаслівай выпадковасці прывяла Ганну Уладзіміраўну ў кабінет старшы-

ні Камітэта па архівах і справаводства пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь Аляксандра Мікалаевіча Міхальчанкі. Гэтая сустрэча вызначыла далейшы прафесійны лёс нашага юбіляра.

З 1993 г. Г. У. Суркова займаецца аўтаматызацыяй архіўнай галіны. Спачатку гэта быў праект стварэння архіва машыначытальных дакументаў, які завяршыўся не толькі распрацоўкай інфармацыйнай сістэмы ў 1998 г., але і стварэннем новай установы — Беларускага навукова-даследчага цэнтра электроннай дакументацыі (БелНДЦЭД). Ганна Уладзіміраўна ўспамінае: «Калі праца над праектам падыходзіла да канца, нам стала зразумела, што толькі архівам усё не можа абмежавацца. Пытанні, якія датычацца машыначытальных дакументаў, шырэй. Іх нельга вырашыць у рамках архіва, неабходна займацца навукова-даследчай працай. Патрэбны будуць стандарты, іншыя віды нарматыўных дакументаў. У выніку саспела ідэя стварэння ўстановы, якая будзе займацца даследаваннямі ў гэтым напрамку».

Наступным этапам стала стварэнне аўтаматызаванай сістэмы архіва, ідэю якой дырэктару БелНДЦЭД В. Л. Насевічу выказала Ганна Уладзіміраўна, якая пасля стварэння аўтаматызаванай сістэмы архіва машыначытальных дакументаў валодала прадметнай вобласцю і магла самастойна ставіць задачы. Работы пачаліся ў 2002 г. са стварэння асобных аўтаномных модуляў «Камплектаванне» і «Картка фонду». Паралельна былі выкананы работы па аўтаматызацыі вядзення Дзяржаўнага фондавага каталога. Далей былі праграмныя модулі «Асабістыя фонды», «Улік», «Забеспячэнне захаванасці», «Выкарыстанне» і інш. А ў 2010 г. у прамысловую эксплуатацыю была ўведзена аўтаматызаваная інфармацыйная сістэма дзяржаўнага архіва (АІС архіва). Працы над яе мадэрнізацыяй вядуцца і ў цяперашні час. «Я да гэтага часу люблю сваю працу», — адзначае наша паважаная Ганна Уладзіміраўна. Яе захапленне праграмаваннем перадалося двум сынам, якія сталі вядомымі спецыялістамі ў ІТ-галіне нашай краіны.

За значны ўклад у развіццё і ўкараненне аўтаматызаваных тэхналогій у архіўную галіну, развіццё навуковых даследаванняў і практычнае ўкараненне распрацовак у галіне электроннага дакументаабароту Ганна Уладзіміраўна Суркова ўзнагароджана ганаровымі граматамі Камітэта па архівах і справаводства пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь і Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, нагрудным знакам «Ганаровы архівіст Беларусі».

Калектыў Беларускага навукова-даследчага цэнтра электроннай дакументацыі віншуе Ганну Уладзіміраўну з юбілеем і зычыць моцнага здароўя, аптымізму, далейшых творчых поспехаў.

*Калектыў БелНДЦЭД*

—◇—

*А. А. Макаранка*

### ЧАРНЯЎСКАЯ ГЕЛЕНА ІОСИФАЎНА

1 студзеня 2020 г. Гелене Іосіфаўне Чарняўскай, аднаму з паважаных супрацоўнікаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, споўнілася 70 гадоў. Гэта прыгожая і вельмі пазітыўная жанчына з прыемнай, шчырай усмешкай і з непадуладнымі часу блакітна-васільковымі вачыма. Пра такіх людзей кажуць — «спыніла свой час».

Нарадзілася Гелена Іосіфаўна ў самую святочную зімовую пару — 1 студзеня 1950 г. у вёсцы Беллонцы Воранаўскага раёна Гродзенскай вобласці. Пасля заканчэння Нацкай сярэдняй школы ў 1967 г. яна паступіла ў Мінскі дзяржаўны інстытут замежных моў і працавала выхавальніцай у дзіцячым садку ў г. Мінску. Аднак лёс распара-

дзіўся па-свойму. У 1970 г. Гелена Іосіфаўна была вымушана адлічыцца з інстытута ў сувязі з нараджэннем дзіцяці.

Схільнасць Гелены Іосіфаўны да вывучэння замежных моў і вялікае захапленне беларускай мовай і літаратурай прывялі яе ў 1972 г. на вячэрняе аддзяленне філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ордэна Працоўнага Чырвонага сцяга ўніверсітэта імя У. І. Леніна. У 1978 г. Гелена Іосіфаўна атрымала дыплом выкладчыка беларускай і рускай мовы і літаратуры, але быць настаўніцай ёй не давялося. У лістападзе 1979 г. Гелене Іосіфаўне паступіла прапанова заняць пасаду архівіста другой катэгорыі ў Цэнтральным дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва (ЦДАМЛіМ) БССР. Так пачалася яе працоўная дзейнасць у архіўнай галіне.

У красавіку 1980 г. Гелена Іосіфаўна была пераведзена ў Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва (ЦДАКР) БССР на пасаду часова выконваючага абавязкі археографа другой катэгорыі аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў. Пазней яна займала пасады архівіста другой катэгорыі аддзела ведамасных архіваў, камплектавання і экспертызы каштоўнасці дакументаў; малодшага навуковага супрацоўніка, старэйшага археографа аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў.

Значны практычны ўклад Гелена Іосіфаўна ўнесла ў папулярызацыю дакументаў архіва. Працуючы ў адзеле інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў, яна ўдзельнічала ў больш чым 35 тэле- і радыёперадачах. З'яўлялася адным са складальнікаў зборніка дакументаў і матэрыялаў «Мастацтва Савецкай Беларусі (1941—1965 гг.)», выдадзенага ў 1986 г.

Гелена Іосіфаўна даўно марыла працаваць не толькі з дакументамі, але і з жывымі сведкамі гістарычных падзей. Таму ў студзені 1990 г. яна без разважання згадзілася працаваць на пасадзе старэйшага архівіста групы асабістых фондаў, створанай у сакавіку 1989 г. у складзе аддзела ведамасных архіваў, камплектавання і экспертызы каштоўнасці дакументаў. Калі 1 кастрычніка 1990 г. група асабістых фондаў была пераўтворана ў архівасховішча, а з верасня 1995 г. — у адзел асабістых фондаў, Гелене Іосіфаўне было прапанавана іх узначаліць.

Дзякуючы вялікаму практычнаму вопыту Чарняўскай Г. І., высокаму прафесіяналізму і досведу, уменню наладжваць кантакты з фондаўтваральнікамі, былі прыняты на пастаяннае захоўванне ў архіў і праведзена навукова-тэхнічная апрацоўка дакументаў такіх вядомых дзяржаўных, партыйных і грамадска-палітычных дзеячаў, як Аўхімовіч М. Я., Мазураў К. Т., Слюнькоў М. Н., Тоўсцік А. А., Трусаў А. А., Чагіна Е. П., Шушкевіч С. С., дзеячаў навукі і культуры рэспублікі — Булацкага Г. В., Гудзімава Б. С., Карпачовай А. І., Круталевіча В. А., Міхневіча А. Я., Пачаніна С. З., Штыхава Г. В. і іншых.

Шчырая, добрасумленая праца Чарняўскай Г. І. была адзначана ганаровымі граматамі і падзякамі Галоўнага архіўнага ўпраўлення СССР і БССР, ЦДАКР БССР, знакам «Ударнік адзінаццатай пяцігодкі».

Калегі і сябры паважанай Гелены Іосіфаўны жадаюць ёй душэўнай цеплыні, сардэчнага спакою, моцнага здароўя і бадзёрасці духу на доўгія гады!

Крыніцы

1. НАРБ. — Ф. 250. — Оп. 4лс. — Д. 707.

### СТОЛЯРОВА СВЕТЛАНА АФАНАСЬЕВНА И КАЗАКОВА (СТОЛЯРОВА) ЛЮДМИЛА АФАНАСЬЕВНА

В феврале 2020 г. исполнилось 70 лет со дня рождения историков, архивистов Светланы Афанасьевны Столяровой и Людмилы Афанасьевны Казаковой (Столяровой), проработавших в архивной отрасли Могилевской области 37 лет.

Родились сестры-близнецы 1 февраля 1950 г. в Украине в г. Винница, в семье военнослужащего. Отец, офицер Советской Армии, погиб в 1957 г. при исполнении служебных обязанностей. Из-за этого семья переехала на родину матери в Белоруссию, в г. Могилев.

В том же 1957 г. сестры пошли учиться в первый класс средней школы № 16 г. Могилева. Сестры Столяровы хорошо учились, принимали активное участие в общественной жизни школы. На каникулы любили ездить к бабушке в Мстиславский район. Чудесная природа, река Вихра, древний город Мстиславль, его храмы, Замковая гора восхищали юные сердца. Кто знает, может, все это и повлияло в будущем на выбор сестрами профессии историка и архивиста.

В 1967 г. они окончили среднюю школу и начали свою трудовую деятельность.

С января 1968 г. до сентября 1969 г. Столяровы работали на общественных началах архивариусами в отделе использования документов и публикации и хозяйственно-расчетном отделе Государственного архива Могилевской области, который находился в историческом здании — в костеле св. Станислава, и это само уже имело какую-то притягательную силу.

Свою архивную деятельность Л. А. Столярова и С. А. Столярова начали с работы архивариусов в хозяйственно-расчетном отделе в 1969 г. К работе относились с прилежанием, добросовестно выполняли распоряжения руководства архива, поручения общественных организаций и имели большое желание учиться дальше — получить соответствующее высшее образование.

Через пять лет практической работы и окончания Могилевского государственного педагогического института, Л. А. Казакова возглавила хозрасчетный отдел архива. Руководимый ею отдел проводил большую работу по научно-технической обработке (НТО) документов по договорам с учреждениями, организациями и предприятиями, чем обеспечивал госархив документами для его комплектования.

Учитывая сложную и трудоемкую работу отдела, Людмила Афанасьевна Казакова регулярно проводила методические и практические занятия с молодыми сотрудниками. Благодаря ей, в отделе было развито наставничество, что способствовало закреплению молодых кадров в архиве.

В мае 1984 г. Людмилу Афанасьевну приняли на работу инспектором архивного отдела Могилевского облисполкома. Используя свой богатый опыт архивной работы, она возглавила ЭПК Архивного отдела Могилевского облисполкома, осуществляла регулярный контроль и оказывала практическую помощь в отборе научно-технической документации предприятиям области. Свой богатый профессиональный опыт передавала работникам государственных и ведомственных архивов в совершенствовании их работы, с 2002 г. — главный специалист отдела по архивам и делопроизводству Могилевского облисполкома.

Своей добротой, порядочностью, искренностью, готовностью прийти в любую минуту на помощь Казакова Л. А. пользовалась уважением и авторитетом у коллег.

В октябре 2006 г., после 37 лет добросовестной трудовой деятельности в архивной отрасли, Казакова Людмила Афанасьевна ушла на заслуженный отдых.

Не менее интересна и судьба в архивной жизни Могилевской области Светланы Афанасьевны Столяровой.

После окончания в 1975 г. Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ) она работала младшим научным сотрудником отдела ведомственных архивов, затем — младшим научным сотрудником в хозяйственно-расчетном отделе Госархива Могилевской области. По стечению жизненных обстоятельств Столярова С. А. временно переезжает из Белоруссии в Узбекистан для работы младшим научным сотрудником в хозяйственно-расчетном отделе Самаркандского облисполкома. По возвращению в Могилев продолжает работу в архивной отрасли сначала архивариусом в Могилевском технологическом институте (ныне УО «Могилевский государственный университет продовольствия»).

Полученный профессиональный опыт в разных организациях бывшего Советского Союза позволил С. А. Столяровой профессионально расти в стенах Госархива Могилевской области (старший научный сотрудник хозяйственно-расчетного отдела, заведующий отделом ведомственных архивов, заместитель директора архива). Одно время возглавляла Филиал госархива Могилевской области в г. Могилеве (ныне Госархив общественных объединений Могилевской области).

Свой богатый опыт Светлана Афанасьевна передавала молодым сотрудникам архива, курировала и помогала в ведении делопроизводства в подведомственных архиву организациях и учреждениях, строго контролировала работу ведомственных архивов. Среди коллег пользовалась уважением и авторитетом.

В 2005 г. Светлана Афанасьевна Столярова, посвятив архивной отрасли 36 лет, вышла на заслуженный отдых.

Награждена знаком «Отличник архивного дела СССР».

—◇—

*М. Н. Скоморощенко*

### **МУРМЫЛО ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА**

Есть в архивной номенклатуре должности, которые предполагают глубокую специализацию, а есть те, которые требуют серьезного уровня знаний по широкому спектру направлений. В большей степени последнее относится к руководителям уровня директора архива и их заместителям. Далеко не так часто лицам, занимающим данные должности, удастся зарекомендовать себя компетентными специалистами во всех направлениях деятельности, которыми им выпало руководить. Для этого должен совпасть целый ряд качеств и критериев и, в первую очередь, преданность своему делу и профессии, неподдельный интерес к архивной работе, хорошее образование и практический опыт. С абсолютной уверенностью можно говорить, что перечисленные характеристики в полной мере могут быть применены в отношении бывшего заместителя директора Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) Мурмыло Людмилы Ивановны.

Людмила Ивановна (в девичестве Ефременко) родилась 13 июня 1950 г. в г. Виляка (Латвия) в семье военнослужащего. В 1967 г. окончила среднюю школу в г. Резекне (Латвия). С 1967 по 1972 гг. училась в Московском государственном историко-архивном институте, после успешного окончания которого получила специальность «историк-архивист». Во время учебы в институте принимала активное участие в обществен-

ной жизни: избиралась членом бюро ВЛКСМ комитета комсомола МГИАИ, секретарем комсомольской группы.

В 1972 г. по распределению работала в должности заместителя заведующего техническим архивом «Туркменгипроводхоза» в г. Ашхабаде. После перераспределения в Беларусь с 1972 по 1986 гг. работала в ЦГАКФФД БССР, пройдя путь от старшего научного сотрудника до заместителя директора архива.

В апреле 1986 г. Людмила Ивановна назначена на должность заместителя директора ЦГАОР БССР. Как свидетельствуют воспоминания бывших коллег и строки уже ставших архивными документов, — представлений и характеристик — Людмила Ивановна как работник запомнилась исполнительным и дисциплинированным специалистом самого высокого уровня квалификации, а как человек и соратник пользовалась доверием и авторитетом и, что немаловажно для такой высокопоставленной должности, на протяжении всей своей многолетней трудовой биографии сохраняла самокритичность и способность воспринимать конструктивные предложения от подчиненных.

В сентябре 2010 г. Людмила Ивановна завершила трудовую деятельность в архиве в связи с выходом на пенсию. Почти четверть века Л. И. Мурмыло посвятила работе в ЦГАОР БССР / Белорусском государственном архиве / НАРБ, добросовестно выполняя непростые и ответственные должностные обязанности заместителя директора, разделяя с коллективом радости успехов и новых достижений, преодолевая различные сложности, в том числе связанные с неоднократными преобразованиями и переездами, выпавшими на этот период истории архива. Наглядным подтверждением успешной и продуктивной работы Людмилы Ивановны стали многочисленные награды, среди которых медаль «За трудовое отличие», нагрудные знаки «Отличник архивного дела» и «Ганаровы архівіст Беларусі», Почетная грамота Совета Министров Республики Беларусь. И конечно же, в этом ряду есть еще две абсолютно заслуженные награды — добрая память бывших коллег за годы совместной работы и искренняя благодарность новых поколений работников НАРБ за неоценимый вклад, который Людмила Ивановна внесла в развитие архива.

—◇—

*И. П. Кухаренко*

### **КОЗАК ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА**

Для того чтобы быть архивистом, нужно обладать определенным набором личных качеств, таких как аккуратность в работе, дисциплинированность, ответственность, педантичность, концентрированность внимания, память на числа и символы, усидчивость, канцелярские способности, склонность к работе с документацией, способность к анализу, систематизации большого количества информации. Именно такими качествами и обладает Козак Ольга Александровна, бывший директор учреждения «Зональный государственный архив в г. Борисове».

Родилась Ольга Александровна 19 августа 1950 г. в Украине, в с. Хоружевка Недригайловского района Сумской области, в семье служащих. В 1975 г. окончила Ворошиловоградский машиностроительный институт с присвоением квалификации «инженер-механик».

О. А. Козак приехала в г. Борисов с мужем-военнослужащим к месту дальнейшего прохождения его службы. Так Беларусь для Ольги Александровны стала второй родиной.



До 1991 г. работала на предприятиях г. Борисова инженером. С сентября 1991 г. была принята в Филиал госархива Минской области в г. Борисове на должность архивиста 1 категории, с 1993 г. была переведена на должность зав. сектором ведомственных архивов, с 1995 по 1999 г. — зав. отделом использования документов и фондов Зонального госархива в г. Борисове. С 09.1999 по 01.2013 являлась директором Зонального государственного архива в г. Борисове. С 01.2013 по 31.08.2016 — заведующий отделом использования и публикации документов Зонального государственного архива в г. Борисове. И когда в 2016 г. в архиве встал вопрос о предоставлении отпуска по уходу за ребенком (нынешнему директору архива — Е. Г. Бейнер, ученице Ольги Александровны), не раздумывая, О. А. Козак встала в строй. И по май 2019 г. работала в должности директора Зонального государственного архива в г. Борисове.

Общий трудовой стаж Козак О. А. составляет 48 лет, из них в системе государственных архивных учреждений 28 лет, в должности директора архива — 16 лет.

За долгие годы работы Ольга Александровна вложила много труда в дело упорядочения и обеспечения сохранности документов, создания и усовершенствования научно-справочного аппарата, популяризации и использования документов.

Являясь директором архива, Козак О. А. сумела организовать большой сплоченный коллектив специалистов, который выполняет основные задачи, направленные на сохранение исторического и культурного наследия на территории зоны обслуживания архива, являющегося документальной памятью Беларуси.

Самый великий талант на земле — это умение делиться знаниями с другими, дарить их людям. Этим талантом и обладает Ольга Александровна.

За годы работы Козак О. А. подготовила не одно поколение архивистов. Среди них Кудина Л. А. (архивист 2 категории), Кочко Л. Н. (архивист 1 категории), Бейнер Е. Г. (директор), Кухаренко И. П. (заместитель директора), Гаевская У. Л. (заведующий отделом) и др.

Истинный талант руководителя и инженера проявился у Козак О. А., когда Борисовскому госархиву Миноблисполкомом в 2003 г. было выделено административное здание бывшего ремонтно-строительного участка, площадью 925 кв. м. по ул. Демина, 2, которое требовало капитальной реконструкции. На этой стройке Козак О. А. была и «бухгалтером и прорабом».

И, наконец, 21 апреля 2011 г. состоялось торжественное открытие реконструированного 4-этажного здания архива, оборудованного современной мебелью, стеллажами, компьютерной техникой. С вводом в эксплуатацию здания увеличилась площадь архивохранилищ, и были созданы все условия для работы сотрудников архива и для хранения документов. Современное здание архива и его сплоченный женский коллектив — это детище Ольги Александровны.

Ольга Александровна является автором многих статей и публикаций для местной периодической печати и радиопрограмм. В составе редакционной коллегии принимала участие в подготовке и издании в 2018 г. «Краткого справочника по фондам архива за 1944—2011 годы».

За многолетний добросовестный труд, образцовое исполнение должностных обязанностей Козак О. А. была награждена почетными грамотами Министерства юстиции, Главного управления юстиции Миноблисполкома, Борисовского районного исполнительного комитета, нагрудным знаком Департамента по архивам и делопроизводству «Ганаровы архівіст Беларусі» (2011).

С мая 2019 г. Ольга Александровна находится на заслуженном отдыхе. И сегодня Козак О. А. поддерживает связь с родным коллективом и оказывает необходимую помощь коллегам.

Вот как отзываются коллеги о совместной работе с Козак О. А.:

Кудина Л. А., архивист: «Ольга Александровна — настоящий профессионал, талантливый организатор, глубоко порядочный, интеллигентный и душевный человек. Она всегда заботится о своих сотрудниках. Старается сделать условия работы максимально комфортными, в любой момент оказывает квалифицированную консультацию по работе и помогает решать личные проблемы».

Хадасевич Н. Ф., заведующий отделом учета и обеспечения сохранности документов и фондов: «Я очень рада, что благодаря работе в архиве я познакомилась с таким руководителем и человеком, как Ольга Александровна. С ней легко работать, она создает в коллективе атмосферу доброжелательности и взаимопонимания. Она обладает высокими моральными качествами: порядочностью, взаимовыручкой. Ольга Александровна способна сплачивать коллектив, решать возникающие проблемы в архиве творчески, а не по шаблону».

Коллектив учреждения «Зональный государственный архив в г. Борисове» благодарит Ольгу Александровну за любовь к архивному делу, за внимание к каждому сотруднику архива, комфортные условия работы, за скрупулезный и кропотливый труд.

—◇—

А. В. Петухоў

### ПАНУЖДАЕВА АНТАНІНА МІХАЙЛАЎНА

Цягам 2020 года ажно тры юбілеі святкуе Антаніна Міхайлаўна Пануждаева.

Першы — 14 сакавіка 1955 г. — 65 гадоў з дня нараджэння! З'явілася на свет у г. Магілёве, скончыла сярэдняю школу № 8 і паступіла ў мясцовы педагагічны інстытут на спецыяльнасць «педагагіка і метадыка пачатковага навучання».

Яшчэ будучы студэнткай, пабралася шлюбам з ваеннаслужачым Васілём Кузьмічом Пануждаевым у 1975 г.

Пасля сканчэння ў 1976 г. інстытута выехала ў Польшкую Народную Рэспубліку на месца ваеннай службы мужа. Цягам службы мужа ў г. Каламбыя Івана-Франкоўскай вобл. (Украіна) два гады адпрацавала па спецыяльнасці выхавальнікам дзіцячага садка. Рэгулярныя перадыслакацыі і служба па далніх гарнізонах мужа прыпынілася толькі з пераводам мужа ў г. Магілёў у 1980 г.

Трэці юбілей — 40 гадоў працы ў архіўных установах Магілёўскай вобласці. Менавіта 25 лістапада 1980 г. Антаніна Міхайлаўна пачала працаваць у Дзяржаўным архіве Магілёўскай вобласці архіварыусам аддзела ведамасных архіваў, камплектавання і экспертызы дакументаў (за кошт спецсродкаў). Але гэты этап атрымаўся вельмі кароткім, крыху больш за два месяцы.

У 1981—1988 гг. А. М. Пануждаева працавала старшым інспектарам Магілёўскага абласнога архіва ЗАГС.

Са студзеня 1989 г. пераведзена на пасаду загадчыка аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм Дзяржаўнага архіва Магілёўскай вобласці.

Пасля сыходу на пенсію Ганны Іванаўны Жаваранкавай, у кастрычніку 1997 г. была прызначана дырэктарам Дзяржаўнага архіва Магілёўскай вобласці. Але цяжар усіх тагачасных праблем архіва (затапленні архівасховішчаў, незаконнае будаўніцтва

побач з архівам некалькіх шматпавярховых жылых дамоў і інш.), упаўшы на хрупкія жаночыя плечы, быў невыносны.

У выніку ў канцы жніўня 1999 г. Антаніна Міхайлаўна напісала заяву аб вяртанні на сваю папярэдняю пасаду, на што атрымала станоўчы адказ і з 6 верасня таго ж года працягнула працаваць на пасадзе загадчыка аддзела аўтаматызаваных інфармацыйна-пошукавых сістэм ажно да красавіка 2011 г. Адпрацаваўшы на чале гэтага аддзела сумарна два дзесяцігоддзі, была пераведзена на пасаду вядучага архівіста таго ж аддзела. З красавіка 2012 г. і па сёння працягвае працаваць намеснікам загадчыка аддзела па ўпарадкаванні дакументаў НАФ.

А. М. Пануждаева была кіраўніком аўтарскага калектыву па ўкладанні «Путеводителя по фондам Государственного архива Могилевской области» (2012).

Як паўжартам заўважае дзеючы дырэктар архіва П. І. Шэўчык, калі сярод архівістаў праводзіліся б міжархіўныя спаборніцтвы па ўпарадкаванні дакументаў НАФ, Антаніна Міхайлаўна бясспрэчна была б, самае меншае, сярод прызёраў.

Антаніна Міхайлаўна неаднаразова была ўганаравана граматамі Дэпартаменту па архівах і справаходству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь, Галоўнага ўпраўлення юстыцыі Магілёўскага аблвыканкама, адміністрацыі Ленінскага раёна г. Магілёва і інш. За шматгадовую плённую працу і асабісты ўнёсак у архіўную справу на Магілёўшчыне ў 2009 г. прысвоена званне «Лепшы архівіст Магілёўшчыны», а праз год уганаравана нагрудным знакам «Ганаровы архівіст Беларусі» (2010).

Нягледзячы на амаль 40-гадовую службу архівам Магілёўскай вобласці і іншыя клопаты і напасці, нават COVID-19, не змусілі А. М. Пануждаеву сысці на «заслужаны адпачынак».

—◇—

*А. И. Швырёв*

### СКАПЦОВА НИНА СЕРГЕЕВНА

Связать свою жизнь с архивным делом Нине Сергеевне Скапцовой было словно уготовано с рождения. Она родилась 6 октября 1955 г. — в день, когда в Беларуси празднуется День архивиста. В 2020 г. она отмечает свой 65-летний юбилей.

Нина Сергеевна Скапцова (Аврамова) родилась в д. Хотетово Чаусского района Могилевской области. Ещё в школьные годы у нее появилась мечта стать журналистом. Ее заметки, как внештатного корреспондента, начали публиковаться в местной газете «Искра». После окончания Горбовичской средней школы, преодолев все сложности поступления в столичный университет, в 1975 г. она стала студенткой факультета журналистики Белорусского государственного университета. Будучи студенткой, активно участвовала в общественной жизни своей *alma mater*.

После окончания университета начала работать корреспондентом районной газеты в г. Кировске. В 1981 г. переехала в Могилев, работала воспитателем детского сада. Однако ее не покидало стремление вернуться в журналистику или смежную профессию. Поэтому Нина Сергеевна с энтузиазмом приняла предложение о работе в Государственном архиве Могилевской области. Со 2 марта 1987 г. начался ее трудовой путь в архивной отрасли в качестве археографа отдела информации, публикации и научного использования документов.

В новой профессиональной сфере Нина Сергеевна проявила себя как трудолюбивый и усердный работник. Оценило это и руководство архива — спустя всего год, в апреле 1988 г., она уже возглавила отдел использования документов, один из важней-

ших в архиве. В ее обязанности входило планирование работы всего отдела, контроль исполнения тематических и социально-правовых запросов, работа с исследователями и представителями организаций, выявление и публикация архивных документов. Приходилось работать не только с документами, но и с обращавшимися за справками гражданами. Появилась возможность проявить и свои журналистские навыки — на основе архивных документов готовить газетные статьи, выступления на радио. В ноябре 1991 г. Н. С. Скапцова вошла в состав областной комиссии по созданию историко-документальных хроник «Память».

С искренней заинтересованностью Нина Сергеевна включилась в работу по выявлению архивных документов. При ее участии в свет вышел целый ряд архивных справочников и сборников документов: «Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Справочник» (1996), «Справочник о немецко-фашистских лагерях, гетто, других местах принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Беларуси в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» (1998), «Нацистское золото из Белоруссии (изъятие нацистами у населения республики золотых и серебряных драгоценностей в 1941—1944 годах)» (1998), «История могилевского еврейства: документы и люди» (2002—2011), «Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941—2008. Документы и материалы» (2008).

Под ее руководством отдел успешно справился с потоком запросов, хлынувших в архив после передачи на хранение в 1993—1994 гг. документов УКГБ по Могилевской области на советских граждан, репатриированных в 1945—1946 гг. из Германии, Австрии, Польши и других стран Западной Европы. За период 1994—2003 гг. гражданам было выдано около 50 тысяч архивных справок о пребывании в лагерях, тюрьмах, гетто, на принудительных работах.

После выхода на пенсию в 2010 г. Н. С. Скапцова продолжает работать в архиве, перейдя на должность архивиста 1 квалификационной категории отдела научного использования документов и информации. Нина Сергеевна охотно делится своим опытом и знаниями с молодыми архивистами, заслуженно пользуется большим уважением коллег.

Заслуги Н. С. Скапцовой были неоднократно отмечены: нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі» (2012), званием «Лучший архивист Могилевщины» (2015), почетными грамотами и благодарностями Могилевского областного и городского исполнительных комитетов.

Уважаемая Нина Сергеевна! Сердечно поздравляем Вас с юбилеем! Здоровья Вам, неиссякаемого оптимизма, бодрости и хорошего настроения на долгие годы!

—◇—

С. Н. Громыко

### АФАНАСЬЕВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА

11 января 2020 г. свое 60-летие отметила директор Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно Афанасьева Татьяна Юрьевна.

Родилась в г. Козельск Калужской области Российской Федерации в семье военнослужащего.

Татьяна Юрьевна начала свою трудовую деятельность на архивном поприще в 1982 г. Была принята на работу в ЦГИА БССР в г. Гродно на должность архивариуса и

параллельно училась на заочном отделении исторического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, который закончила в 1985 г.

За период 1987—1998 гг. провела большую работу по усовершенствованию систематического каталога, составила схему единой классификации документной информации НИАБ в г. Гродно.

Ею была разработана методика работы по созданию указателей населенных пунктов по приходам (парафиям) Гродненской губернии.

Принимает активное участие в использовании и популяризации архивных документов в средствах массовой информации, научно-практических конференциях, семинарах, теле- и радиопередачах. Было дано большое количество интервью в средствах массовой информации.

Она является автором более 100 научных и научно-популярных публикаций. Выявляла архивные документы, писала статьи для книг «Памяць». Участвовала в подготовке научно-популярных изданий: «Витебщина архивная: история, фонды, персоналии» (2002), «Czerlona z dziejów rezydencji» (2008), «Беларускае замежжа = Белорусское зарубежье» (2010), «Беларусь и война 1812 года» (2011), «Беларусь в годы Первой мировой войны (1914—1918)» (2014), справочников «Архивисты Гродненщины» и «Архівісты Беларусі» и др.

Работая на должностях младшего, старшего, ведущего научных сотрудников, Татьяна Юрьевна повышала свой профессиональный уровень. И так звезды сошлись, что в 2001 г. была назначена заместителем директора НИАБ в г. Гродно, с сентября 2003 г. — директором архива.

Находясь на посту директора, она осуществляла не только общее руководство архивом, но и вынуждена была массу времени уделять административно-хозяйственной работе, финансовым вопросам. В те годы архив испытывал серьезную проблему с размещением и хранением фондов. Располагаясь в здании, построенном во второй половине XVIII в., архив не мог обеспечить необходимые условия для сохранности документов, которые имеют огромную историческую и культурную ценность. В 2008 г. началась реконструкция здания столовой с приспособлением под архив.

Думаю, не надо объяснять, с какой массой проблем приходится сталкиваться руководителю, если он взялся за строительство, сколько забот и хлопот легло на хрупкие плечи Татьяны Юрьевны. И вот в апреле 2014 г. здание было реконструировано. Затем полгода потребовалось, чтобы полностью оснастить новый архив необходимым оборудованием и перевезти туда все фонды, библиотеку и имущество архива. Татьяной Юрьевной были созданы не только все необходимые условия для хранения документов, но и комфортные рабочие места сотрудникам и пользователям читального зала.

В этот период пришлось также переосмысливать работу архива в новых условиях времени. Резко увеличилось количество обращений граждан по запросам биографического, тематического характера. Возрос интерес к генеалогии своего рода. Делались первые шаги в направлении автоматизации работы архива, создавались базы данных на архивные документы, необходимо было осваивать и заполнять информацией программные модули АИС архива.

Тяжелый путь испытаний пришлось пройти Татьяне Юрьевне за эти годы как руководителю. Но она все выдержала и смогла преодолеть благодаря таким чертам своего характера, как ответственность, дисциплинированность, скрупулезность, точность и аккуратность, дотошность, трудолюбие, неиссякаемая энергия и увлеченность своим делом.

Несмотря на рабочие трудности, она продолжала делать все возможное для развития архива и архивного дела. Ею были созданы справка по истории административно-территориального деления западного региона Беларуси, единые межфондовые указатели метрических книг церквей, костелов, синагог, мечетей, старообрядческих церквей, евангелическо-христианских церквей, предбрачных обысков церквей, костелов, синагог и др. Она является автором инструкций, правил, положений и других нормативных документов, которые обеспечивают технологию архивных работ.

И теперь понятие «отдых» для нее не существует. Активно продолжает заниматься популяризацией архивных документов. Тематика опубликованных работ весьма разнообразна и продиктована запросами времени и спецификой содержания документов архива. Под ее руководством и с ее участием были изданы сборники документов: «Гродненская губерния в законодательных актах Российской империи (1801—1913)» (2004), «Повстанческое движение в Гродненской губернии. 1863—1864 гг.» (2006), путеводитель «Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно» (2016), справочники «Гродненские губернаторы (1801—1917 гг.)» (2007), «Гродненская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1801—1917)» (2018).

Превосходно знает архивное дело, разбирается во всех его направлениях. Всегда оказывает нам, сотрудникам, методическую помощь по разным вопросам. Коллектив, который возглавляет Татьяна Юрьевна, успешно справляется с поставленными задачами и планами.

За свою профессиональную деятельность награждена почетными грамотами и нагрудным знаком «За адзнаку» II степени Министерства юстиции Республики Беларусь (2020), почетными грамотами и нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі» Департамента по архивам и делопроизводству (2007), почетными грамотами Гродненского областного комитета профессионального союза работников государственных и других учреждений. Внесена в справочники «Архивисты Гродненщины» и «Архівісты Беларусі».

Татьяна Юрьевна сумела сохранить прежний коллектив и создать новый, в котором сложилась доброжелательная атмосфера.

Коллектив нашего архива поздравляет Татьяну Юрьевну с юбилеем! Мы желаем ей бесконечного заряда оптимизма и крепкого здоровья. Пусть работа радует новыми интересными задачами, пусть коллектив, которым Вы руководите, продолжает работать слаженно и дружно. Желаем всегда достигать желаемого и даже больше, пусть дома и на работе все ладится!

—◇—

*Л. В. Салкевич*

### **КИСЕЛЬ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА**

В 2020 году отметила свой 60-летний юбилей Людмила Викторовна Кисель.

Родилась Людмила Викторовна 11 января 1960 г. в д. Качки Свислочского района Гродненской области.

В 1982 г. окончила Гродненский государственный университет им. Я. Купалы по специальности «история и педагогика». После окончания университета работала учителем истории и обществоведения Дашковичской средней школы Свислочского района Гродненской области. После — воспитателем в общежитии Гродненского завода автомагнитол, воспитателем детского сада № 94 г. Гродно. В 1998 г. связала свою жизнь с Государственным архивом Гродненской области, где начала свою трудовую деятель-

ность в должности архивиста, ведущего архивиста отдела информационно-поисковых систем. С 2002 г. — заведующая отделом информационно-поисковых систем. В 2005 г. была назначена на должность заместителя директора Государственного архива Гродненской области.

В начале архивной карьеры Людмила Викторовна осуществляла работу по каталогизации документов и фондов. Она являлась одним из ведущих специалистов архива по созданию и усовершенствованию научно-справочного аппарата к архивным документам, усовершенствованию и переработке описей. Внесла значительный вклад в развитие и совершенствование научно-справочного аппарата архива. Принимала активное участие в общественной деятельности, неоднократно избиралась на должность председателя профсоюзной первичной организации архива. Организовывала занятия по повышению квалификации сотрудников архива, проводила практические занятия для студентов университета, являлась председателем аттестационной комиссии архива. Ее кадровая политика позволила привлечь молодых специалистов с высшим профильным образованием и повысить профессиональный уровень уже работающих. Она оказывала методическую помощь сотрудникам архива и представителям учреждений, занималась разработкой методических пособий. Будучи председателем комиссии по качеству работы, грамотно руководила работой экспертно-методической комиссии, была членом экспертно-проверочной комиссии отдела по архивам и делопроизводству Главного управления юстиции Гродненского облисполкома, инспектором Госархивнадзора по Гродненской области.

Является одним из составителей и редактором путеводителя «Государственный архив Гродненской области. Путеводитель (1919—2000)».

Людмила Викторовна принимала непосредственное участие в подготовке сборников документов: «Гродненская область в документах и материалах (1944—1995)», «Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939—1945)». Возглавляла рабочую группу при подготовке сборников архивных документов: «Аўгустоўскі канал і яго наваколле: (Па дакументах Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці)» и «Гродненская православная епархия (1921—1939): документы и материалы».

Внесла особый вклад в развитие и пополнение справочно-информационного фонда архива. Представляла архив на научно-практических конференциях, презентациях, «круглых столах».

Ее добросовестный многолетний труд, профессионализм и значительный вклад в развитие архивного дела отмечен Почетной грамотой Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь.

До сегодняшнего дня Людмила Викторовна продолжает успешно трудиться. С октября 2018 г. она является архивариусом ОАО «Гродненский ликеро-водочный завод».

Благодаря компетентности, чуткости и отзывчивости Людмила Викторовна пользуется заслуженным авторитетом у коллектива. И сейчас она продолжает оставаться частью «архивной семьи».

Уважаемая Людмила Викторовна! Коллектив архива от души поздравляет Вас с юбилеем, желает вам доброго здоровья, счастья, благополучия, оптимизма, неиссякаемой бодрости, радости и новых свершений!

### ЕВЕНКА ІРЫНА АНАТОЛЬЕЎНА

Ірына Анатольеўна Евенка заслугоўвае асаблівых слоў з боку сваіх калег. Удумлівая, працавітая, спакойная, з вялікім багажом ведаў у сваёй галіне архіўных клопатаў. Яна ўжо многа гадоў — нязменны сакратар ЭМК Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва і адзін з самых вопытных экспертаў, які сваю ролю бачыць не толькі ў выпрацоўцы крытычных заўваг, колькі ў імкненні дапамагчы кожнаму, чый вопіс ці іншы дакумент трапляе на яе прафесійную ацэнку.

Ірына Анатольеўна Евенка нарадзілася 10 красавіка 1960 г. у г. Мінску ў сям’і рабочых Анатоля Іванавіча і Паліны Мацвееўны Дубовікаў. Вучылася ў школе № 100 г. Мінска, пасля сканчэння якой у 1977 г. стала студэнткай філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Вучылася на аддзяленні рускай мовы і літаратуры. Як і многія выпускнікі БДУ, у 1982 г. была накіравана на працу ў агульнаадукацыйную школу. Лёсам, які ўвасабляла камісія па размеркаванні маладых спецыялістаў, было вызначана і месца працы Ірыны Анатольеўны — сярэдняя школа ў в. Данілавічы Дзяржынскага раёна. Праца ў школе, дзякуючы добрай універсітэцкай падрыхтоўцы, не была нечым звышскладаным, ды і з дзецьмі і бацькамі ладзіла, але вельмі хацелася дадому. Адпрацаваўшы свой тэрмін адпаведна накіраванню, у 1985 г. вярнулася ў Мінск. Вельмі хутка была прынята на працу выкладчыкам рускай мовы ў Мінскае вышэйшае ваенна-палітычнае вучылішча. Вучылішча было створана ў маі 1980 г. з перспектывай падрыхтоўкі афіцэраў для армій дружалолюбных краін. На вучобу сталі прыбываць курсанты, пераважна з Афганістана і Кубы. Вось для гэтай замежнай аўдыторыі Ірына Анатольеўна і стала ўважлівым і аўтарытэтным педагогам, прыкладам, які спрыяў спасціжэнню глыбіні рускай мовы. У 1994—1995 гг. у гісторыі вучылішча адбыліся кардынальныя змены. У 1995 г., калі пачала стварацца Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь, вучылішча стала асновай яе агульнавайсковага факультэта. У выніку ўсіх гэтых змен Ірына Анатольеўна вымушана была развітацца з працай педагога. У яе працоўнай кніжцы з’явіўся запіс: «Звольнена з займаемай пасады ў сувязі са скарачэннем штатнай колькасці». Але хоць і наступіў перыяд нявызначанасці ў прафесійнай сферы, гэты час Ірына Анатольеўна згадвае вельмі цёпла: падрасцала дачушка Насця, моцна падтрымліваў муж Іван Міхайлавіч Евенка. Сам прайшоў афганскую вайну, стаў выдатным інжынерам, валодаў надзейнай жыццёвай навукай: узаемапавага і ўзаемападтрымка ў сям’і і сярод сяброў пераадолеюць усе перашкоды.

Аднойчы службовы выпадак прывёў у архіў-музей таварыша Івана Міхайлавіча па службе ў Афганістане. Падчас гаворкі і выяснілася, што архіў-музею патрэбен спрактыкаваны філолаг, якога мы мяркуем пасябраваць з архіўнай справай, а ён якраз і можа параіць такую кандыдатуру. Заяву з просьбай прыняць на працу ў Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва на пасаду архівіста аддзела навуковага апісання дакументаў асабістага паходжання Ірына Анатольеўна Евенка напісала 27 сакавіка 1998 г. З таго часу гэты аддзел стаў яе прафесійнай школай, пляцоўкай яе прафесійнага росту, а ўласна архіў-музей — установай, дзе па-сапраўднаму раскрыўся талент Ірыны Анатольеўны: з кожным новым фондам быць экспертам новай галіны мастацтва і біёграфам яго выдатных прадстаўнікоў. Навуку архівіста Ірына Анатольеўна засвойвала з зайздроснай настойлівасцю. І сёння гэта па-сапраўднаму выдатны спецыяліст, верны сваёй справе і з верай у высокую прадвызначанасць прафесіі архівіста. На яе рахунку навукова-тэхнічная апрацоўка звыш 40 фондаў асабістага паходжання дзесяць літа-



ратуры і мастацтва: пісьменнікаў і літаратуразнаўцаў А. Бабарэкі, Я. Брыля, В. Галаўчы-нера, сямейнага фонду Гарэцкіх, У. Дубоўкі, У. Калесніка, А. Карпока, А. Куляшова, А. Кучара, М. Ларчанкі, Р. Няхая, Р. Папараці, Н. Перкіна, А. Петрашкевіча, Р. Семашкевіча, М. Танка, І. Шамякіна, мовазнаўцаў Ф. Янкоўскага, Л. Шакуна, кінарэжысёраў В. Турава, В. Чацверыкова, архівіста і гісторыка В. Скалабана і многіх іншых.

Ірына Анатолеўна з'яўляецца актыўным удзельнікам навуковых мерапрыемстваў і грамадскага жыцця архіва-музея. Прымае ўдзел у навуковых канферэнцыях, з'яўляецца аўтарам анатацый для даведніка «Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва» (2012). Яе праца адзначана Ганаровай граматай Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (2010 і 2020), Ганаровай граматай Дэпартаменту па архівах і справаводству Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь (2015), шматлікімі падзякамі.

У юбілейны год калектыў Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва жадае Ірыне Анатолеўне Евенка здароўя, шчаслівых падзей у асабістым жыцці і яшчэ многіх прафесійных здзяйсненняў.

—◇—

*Т. В. Лёвина*

### **КОЙПИШ ИРИНА ИВАНОВНА**

В 2020 г. исполняется 60 лет нашей коллеге — архивисту Койпиш Ирине Ивановне. Родилась Ирина Ивановна 24 июня 1960 г. в г. Гродно. Окончила Гродненский государственный университет имени Янки Купалы по специальности историко-архивоведение.

В Государственном архиве Гродненской области Койпиш И. И. трудилась более 30 лет, начав свой трудовой путь с должности архивариуса в 1984 г., затем архивиста 2 квалификационной категории отдела обеспечения сохранности документов и фондов. С 1989 по 2005 гг. была архивистом 2 и 1 квалификационных категорий отдела информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий. Благодаря трудоспособности, ответственности, знанию теории и практики архивного дела, в 2005 г. была назначена на должность заведующего отделом информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий, который возглавляла до 2017 г.

Под ее руководством велась работа по созданию и развитию системы научно-справочного аппарата архива, а также внедрение автоматизированных архивных технологий. Ирина Ивановна лично проводила работу по переработке и усовершенствованию архивных фондов, работала над созданием и ведением системы каталогов и вспомогательных картотек, рубрикаторов к каталогам, автоматизированных тематических баз данных архива, в наполнении и представлении архивной информации для Системы открытого доступа к документам Национального архивного фонда Республики Беларусь. Принимала непосредственное участие в подготовке сборников документов «Гродненская область в документах и материалах (1944—1995)», «Гродненщина накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939—1944) (По документам Гродненских архивов)». Внесла большой личный вклад при подготовке сборников архивных документов «Аўгустоўскі канал і яго наваколле: (Па дакументах Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці)», «Гродненская православная епархия (1921—1939): документы и материалы». Является автором указателя к справочнику «Государственный архив Гродненской области. Путеводитель (1919—2000)».

С 2006 по 2009 г. была председателем первичной профсоюзной организации Государственного архива Гродненской области. Активно принимала участие в общественной жизни коллектива, а также в подготовке и проведении культурно-массовых мероприятий, проводимых в архиве.

За многолетний добросовестный труд, высокий профессионализм, большой личный вклад в создание и совершенствование системы научно-справочного аппарата к документам Национального архивного фонда Республики Беларусь Койпиш Ирина Ивановна была награждена почетными грамотами Департамента по архивам и делопроизводству Министерства Республики Беларусь, Гродненского областного исполнительного комитета и Главного управления юстиции Гродненского областного исполнительного комитета.

С января 2018 г. Ирина Ивановна находится на заслуженном отдыхе, но остается примером не только для молодых специалистов, но и для всех, кому небезразлично развитие архивного дела на современном этапе.

—◇—

### СВИРКО СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА

Свирко Светлана Геннадьевна, 1960 года рождения, русская, образование высшее. В 1982 г. окончила Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина, историк, преподаватель истории и обществоведения, в 2006 г. — с отличием Академию управления при Президенте Республики Беларусь.

Трудовую деятельность Светлана Геннадьевна начала в 1982 г. старшим преподавателем кафедры истории СССР досоветского периода Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. В 1983—1985 гг. работала лаборантом кафедры истории СССР эпохи социализма в Белгосуниверситете им. В. И. Ленина, старшим лаборантом сектора истории феодализма Института истории Академии наук БССР. В 1986—1987 гг. трудилась преподавателем Гродненского химико-технологического техникума. С 1989 г. работает в архивной отрасли: в 1989—1995 гг. — заведующей отделом ведомственных архивов, информации, публикации и научного использования зонального государственного архива в г. Лиде Гродненской области, а с 1995 г. — директором учреждения «Зональный государственный архив в г. Лиде».

Свирко С. Г. зарекомендовала себя опытным, грамотным и инициативным руководителем. Умело строит работу с управляющими делами райисполкомов зоны комплектования архива, проводит семинары по вопросам архивного дела и делопроизводства, участвует в проверках государственных органов и иных организаций. Должное внимание Светлана Геннадьевна уделяет укреплению материальной базы архива. В 2007 г. осуществлена реконструкция выделенного помещения бывшего штаба военного госпиталя под архивохранилище, в 2014 г. завершена реконструкция основного здания архива. Общая площадь архивохранилищ увеличилась более чем в два раза, значительно улучшились условия работы сотрудников архива. Архив одним из первых в области приступил к внедрению информационных технологий.

Неоднократно поощрялась руководством Гродненского облисполкома, Департаментом по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь. В 2002 г. награждена Почетной грамотой Национального собрания Республики Беларусь, в 2015 — нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі».

*Коллектив ЗГА в г. Лиде*

**ДЯТЧИК НИНА МИХАЙЛОВНА**

В этом году масса знаменательных событий, и среди них — юбилей Нины Михайловны Дятчик, отнюдь не праздный повод воздать ей должное и заслуженное. И не только потому, что Нина Михайловна один из лучших работников БелНИИДАД, ученый секретарь с двадцатипятилетним стажем, воистину ключевой сотрудник нашего института — в буквальном значении от слова «ключ», в смысле «камень, замыкающий и удерживающий арочный свод».

Да, Нина Михайловна и сердце, и живой нерв БелНИИДАД, его двигатель. Она основное связующее звено руководства и исполнителей конкретных тем, и вспомогательного персонала. Ее каждодневная работа и секретаря, и психолога, и редактора, и делопроизводителя, и контактера с заказчиками разной степени эксцентричности просто неоценима. Эта работа при всей внешней неброскости и будничности, привычности и каждодневности всегда осознавалась и воспринималась нами во всей ее значимости как безусловная потребность, дающая уверенность в том, что «все будет хорошо». Прежде всего благодаря Нине Михайловне работники нашего института воспринимают его не просто как научное «учреждение», а как коллектив, как трудовую семью.

Все это так. Все это правильно и весомо: и закалка рабочего человека, и опыт партийной работы, и годы университетской учебы, и заслуженное звание Почетного архивиста. Но главное в том, что Нина Михайловна — Человек с большой буквы. Наш человек, рожденный липичанской землей. На нее можно положиться всегда и во всем. Она всегда прикроет спину, всегда поможет, никогда не предаст. При всей требовательности у нее для каждого найдется доброе, приободряющее слово. Именно про таких говорят: «Человек большой души».

Дорогая Нина Михайловна! Мы, Ваши коллеги, поздравляем Вас с юбилеем! Хотим с Вами работать долго-долго и искренне желаем здоровья Вам и всем, кто Вам дорог, успехов во всех делах и начинаниях, душевного равновесия и удачи, уверенности в том, что все будет хорошо.

*Коллектив БелНИИДАД*

—◇—

*Е. А. Стуканова*

**ШЕВЧЕНКО ТАТЬЯНА АНАТОЛЬЕВНА**

Случайные люди в архиве надолго не задерживаются. Только искренне полюбившие профессию архивиста остаются верными архиву всю жизнь. 17 октября — юбилей Татьяны Анатольевны Шевченко, заведующей отделом делопроизводства и формирования Национального архивного фонда Национального архива Республики Беларусь.

Татьяна Анатольевна начинала осваивать профессию архивиста в Центральном государственном архиве РСФСР Дальнего Востока, работая там сначала в качестве хранителя фондов отдела обеспечения сохранности документов, потом в отделе научно-справочного аппарата. Параллельно училась в Томском государственном университете им. В. В. Куйбышева по специальности «история».

В 1987 г. судьба привела Татьяну Анатольевну из Сибири в Беларусь, в г. Минск, где она, сохраняя преданность профессии, пришла работать в Центральный государственный архив Октябрьской революции БССР старшим хранителем фондов отдела обеспечения сохранности документов и фондов, затем работала заведующей архивохранилищем, ведущим, главным архивистом. В 1996 г. переведена на должность веду-

щего научного сотрудника отдела делопроизводства, ведомственных архивов и комплектования, в 2005 г. — главным архивистом, а с 2008 г. возглавляет отдел.

За сорок лет в архивной сфере Татьяна Анатольевна познала все тонкости профессии. Создается впечатление, что она о документах знает все: начиная от их создания в делопроизводстве, заканчивая их местом на архивной полке и ценностью для истории. В организациях — источниках комплектования Национального архива Республики Беларусь и среди коллег-архивистов Татьяна Анатольевна Шевченко — признанный специалист по вопросам ведения делопроизводства и архива. Именно поэтому ее часто приглашают провести семинар, помочь разобраться в сложных вопросах, дать рекомендации, разъяснить, научить. Татьяну Анатольевну сложно застать в кабинете. За день она успевает побывать в организациях, дать десятки консультаций по телефону, посмотреть документы с коллегами в архиве. Богатым опытом, любовью к профессии и к архиву Шевченко Т. А. делится с молодым поколением: она преподает в БГУ, выступает наставником для новых работников архива.

Татьяна Анатольевна — добрый и отзывчивый человек. Она берет под свою опеку всех, кто находится рядом. Альтруизм Татьяны Анатольевны проявляется не только в профессиональной сфере. Она никогда не откажет в профессиональной помощи, поддержит в сложной жизненной ситуации, поделится всем, что имеет.

Поздравляя Татьяну Анатольевну с юбилеем, мы желаем ей здоровья, сил, терпения и еще долгих лет в профессии, любви и поддержки близких. А еще побольше возможностей уделять время любимым увлечениям — театру, поэзии, шитью, вязанию и многим другим.

—◇—

*М. Н. Скоморощенко*

### **ДЕМЯНЮК АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ**

Андрей Константинович Демянюк пришел на работу в архивную сферу и занял пост директора одного из ведущих учреждений отрасли — Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) — в июле 2017 г., имея к этому времени за своими плечами богатый жизненный опыт и насыщенную трудовую биографию.

Родился Андрей Константинович 10 декабря 1960 г. в г. Хабаровске. После окончания в 1978 г. средней школы № 10 г. Молодечно работал в этом же городе учеником фрезеровщика, а затем фрезеровщиком в особом конструкторско-технологическом бюро гибридных интегральных схем. В 1979—1981 гг. проходил службу в рядах Советской Армии. В 1989 г. окончил Минский государственный педагогический институт им. А. М. Горького по специальности «история». Учебу в институте Андрей Константинович совмещал с активной общественной деятельностью (воспитателя общежития, секретаря комитета комсомола, председателя профсоюзного комитета медицинского училища № 2).

В дальнейшем А. К. Демянюк успешно трудился на различных должностях: инструктор идеологического отдела Октябрьского райкома КПБ (1989—1991 гг.), главный специалист, начальник отдела организационной и кадровой работы исполкома, администрации Октябрьского района г. Минска (1992—1997 гг.), главный специалист организационного отдела, заведующий отделом организационного обеспечения, подготовки и проведения сессий Секретариата Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (1997—2002 гг.), управляющий делами Администрации Октябрьского района г. Минска (2002—2015 гг.), начальник межрайонного отдела трудоустройства

«Ленинский, Партизанский» управления занятости населения комитета по труду, занятости и социальной защите при Минском городском исполнительном комитете (2015 г.), заместитель генерального директора по идеологии и социальным вопросам ГПО «Горремавтодор» Минского городского исполнительного комитета (2015—2017 гг.). В 2006 г. А. К. Демянюк окончил Академию управления при Президенте Республики Беларусь по специальности «государственное и местное управление».

С самых первых дней на посту директора НАРБ Андрей Константинович методично, последовательно и с искренним интересом принялся открывать для себя секреты и постигать нюансы новой сферы деятельности, осознавая важность каждого из направлений многогранной архивной работы. Уделяя самое пристальное внимание вопросам обеспечения сохранности уникальных документальных материалов и проявляя себя при этом настоящим руководителем-хозяйственником, А. К. Демянюк за период работы сумел значительно укрепить материально-техническую базу архива. В то же время, прекрасно отдавая себе отчет, что ключевая роль в успешной деятельности учреждения принадлежит квалифицированным специалистам, Андрей Константинович отводит важное значение «кадровому вопросу» и созданию условий для максимального раскрытия профессионального потенциала работников архива: каждый член коллектива НАРБ в курсе, что директор всегда открыт к конструктивным предложениям, не оставляя без внимания ни ветеранов архивного дела, ни молодых специалистов.

С инициативами и непосредственным участием А. К. Демянюка связан ряд знаковых событий и новых страниц в летописи истории архива. В частности, при его целенаправленной поддержке была завершена многолетняя процедура по разработке и утверждению Геральдическим советом при Президенте Республики Беларусь официальных символов НАРБ — герба и флага.

Благодаря личному участию А. К. Демянюка за несколько последних лет на качественно новый уровень вышло сотрудничество НАРБ со многими учреждениями архивного и «смежного» профиля — музеями, библиотеками, институтами и общественными объединениями — как отечественными, так и зарубежными. Данное продуктивное взаимодействие закреплено рядом соглашений и договоров о сотрудничестве, положения которых нашли свое дальнейшее практическое воплощение в десятках успешно реализованных совместных проектах.

Активно проявляет себя А. К. Демянюк и в таком принципиально важном направлении архивной деятельности, как организация использования хранящихся документальных материалов: является членом редакционных коллегий ряда научных и научно-популярных исторических изданий, соавтором концепций разнообразных выставок, организатором и непосредственным участником конференций республиканского и международного уровня.

При непосредственном участии А. К. Демянюка в НАРБ был подготовлен к выпуску первый полноценный электронный сборник документов «Оперативные и разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения: 1944 год», который положил начало новой мультимедийной серии «Партизанский архив», а также дан старт еще одному масштабному информационному проекту, который реализуется архивистами совместно с издательским домом «Беларусь сегодня», — комплексу работ по созданию общедоступной базы данных о партизанах и подпольщиках, действовавших на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны, и интернет-портала «Партизаны Беларуси». Подобные примеры наглядно иллюстрируют общую наце-

ленность Андрея Константиновича как руководителя НАРБ на практическое внедрение новейших информационных и автоматизированных технологий в архивную работу.

За период работы в архиве А. К. Демянюку удалось на системном уровне выстроить взаимовыгодное продуктивное сотрудничество архива со средствами массовой информации, благодаря чему до широкой общественности посредством различных теле- и радиопередач, печатных газет и журналов, интернет-ресурсов регулярно доносится актуальная информация о деятельности архива, сведения о хранящихся в его фондах документальных материалах, новых проектах архивистов.

Важное место в работе руководителя НАРБ традиционно занимает международный вектор деятельности: Андрей Константинович за прошедшие годы неоднократно успешно представлял архив на мероприятиях под эгидой Евроазиатского регионального отделения Международного совета архивов (ЕВРАЗИКА), на профессиональных встречах с делегациями архивистов из десятков стран мира, всегда при этом стремясь максимально использовать возможности данных форумов для того, чтобы изучить, перенять и, при необходимости, внедрить в практику работы конструктивный опыт зарубежных коллег.

Общий перечень направлений деятельности, в которых А. К. Демянюку на посту директора НАРБ за относительно небольшой срок работы уже удалось себя успешно проявить и зарекомендовать, конечно, отнюдь не исчерпывается перечисленными выше. Данные примеры, скорее, призваны проиллюстрировать и подчеркнуть ключевые принципы и подходы, которыми Андрей Константинович руководствуется в своей повседневной работе и на которые ориентирует весь трудовой коллектив архива.

В профессиональном архивном резюме А. К. Демянюка в равной мере сочетаются ответственное отношение к эффективному выполнению возложенных в рамках основных должностных обязанностей административных функций и неподдельный интерес к сохранению, изучению и популяризации исторического документального наследия белорусского народа. Полученный опыт совместной работы подсказывает, что Андрей Константинович относится к категории тех людей, которые не считают возможным «почивать на лаврах» и останавливаться на достигнутом результате. Высокая работоспособность и требовательность (в первую очередь — к себе), внимание к трудовой и исполнительской дисциплине, отзывчивость и неравнодушие к проблемам работников, постоянное углубление профессиональных знаний и навыков, четкое осознание актуальных и перспективных направлений в работе учреждения и всей отрасли — все это позволяет Андрею Константиновичу успешно реализовывать свои управленческие функции в рамках выполнения комплекса задач, возложенных сегодня белорусским обществом и государством на коллектив Национального архива Республики Беларусь.

—◇—

### **ВАХРУШЕВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА**

Родилась 22 декабря 1960 г. в д. Романовка Мозырского района Гомельской области. Из крестьянской семьи. В 1976 г. окончила восьмилетнюю школу, в 1980 г. — Мозырский политехнический техникум по специальности инженер-строитель. В 1989 г. окончила факультет архивоведения Московского государственного историко-архивного института. Историк, архивист. В системе государственной архивной службы — с мая 1980 г. Начинала свою профессиональную деятельность архивистом хозяйственной группы в Филиале государственного архива Гомельской области в г. Мозыре

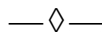
(ныне — учреждение «Зональный государственный архив в г. Мозыре»). С 1989 г. работала здесь в должности заведующей отделом комплектования, ведомственных архивов и делопроизводства. С июля 1993 г. и по сегодняшнее время — директор государственного архива.

Награждена почетными грамотами Совета Министров Республики Беларусь и Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь, Мозырского районного исполнительного комитета, нагрудным знаком «Ганаровы архівіст Беларусі». Поощрена благодарственным письмом Президента Республики Беларусь.

Татьяна Сергеевна — грамотный и опытный специалист, инициативный и умелый организатор с творческим подходом к работе. Объективна в оценке людей и их поступков, корректна в отношениях с подчиненными, внимательна к коллегам и посетителям. Четко организует работу сотрудников государственного архива, оказывает им необходимую методическую и практическую помощь, уделяет большое внимание работе по техническому оснащению учреждения. Она требовательна к себе и подчиненным, принципиальна в отстаивании профессиональных взглядов. Коммуникабельна, не допускает возникновения конфликтных ситуаций, конструктивно реагирует на критику.

Принимает активное участие в общественной жизни г. Мозыря. Неоднократно избиралась председателем участковой избирательной комиссии.

*Коллектив ЗГА в г. Мозыре*



*А. В. Петухоў*

### **КАНАПЛІЦКІ АЛЯКСАНДР ГЕОРГІЕВІЧ**

Нарадзіўся Аляксандр Георгіевіч 15 лютага 1965 г. у г. Магілёве ў сям’і рабочых. Скончыў сярэдняю школу № 20 г. Магілёва (1982) і Магілёўскі тэхналагічны інстытут (1989).

Працоўны шлях пачаў «па спецыяльнасці» на Магілёўскім камбінаце хлебапрадуктаў дазатаршчыкам вытворчасці камбікармоў, крыху пазней майстрам змены.

Але ў неспакойны час пачатку 1990-х гг., маючы на руках жонку і шасцімесячнага сына, у пошуках больш стабільнага месца працы, вырашыў кардынальна змяніць сферу дзейнасці і стаў на архіўную сцежку. Архіўны шлях пачаўся ў студзені 1993 г., калі Аляксандр Георгіевіч пачаў працаваць у Дзяржаўным архіве Магілёўскай вобласці вядучым архівістам аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм, а з кастрычніка 1994 г. узначаліў адзел забеспячэння захаванасці дакументаў і фондаў.

Працу хваткага, працавітага і пісьменнага спецыяліста амаль адразу заўважыла кіраўніцтва Архіўнага аддзела Магілёўскага аблвыканкама і прызначыла на пасаду дырэктара Дзяржаўнага архіва грамадскіх аб’яднанняў Магілёўскай вобласці, якую А. Г. Канапліцкі займаў амаль 7 гадоў, са снежня 1996 г. па кастрычнік 2003 г.

Але нават пасля сыходжання з дырэктарскай пасады, Аляксандр Георгіевіч не сышоў з архіўнай сцяжыны, вярнуўся на працу ў Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці старшым навуковым супрацоўнікам аддзела аўтаматызаваных інфармацыйна-пошукавых сістэм, а з красавіка 2011 г. і па сённяшні дзень — загадчык гэтага аддзела.

Пасля вяртання на працу ў Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці шмат сіл і часу ахвяраваў на падрыхтоўку навукова-даведачнага апарату. Пры яго актыўным удзеле

быў укладзены «Путеводитель по фондам государственного архива Могилевской области» (Магілёў: МГУ им. А. А. Кулешова, 2012).

Нешматслоўны, удумлівы архівіст, прымаў удзел ва ўдасканаленні шматлікіх фондаў архіва, напісаў не адзін дзясятка гісторыка-архіўных даведак да фондаў, для падрыхтоўкі якіх патрэбна было пераварушыць сотні спраў і нарматыўна-прававых актаў. З дапамогай Аляксандра Георгіевіча і супрацоўнікаў яго аддзела архіў засвойваў новыя камп'ютарныя тэхналогіі.

За шматгадовую плённую працу, значны асабісты ўнёсак у развіццё архіўнай справы ў Магілёўскай вобласці Аляксандр Георгіевіч быў узнагароджаны нагрудным знакам «Ганаровы архівіст Беларусі» (2013), званнем «Лепшы архівіст Магілёўшчыны» (2017), ганаровымі граматамі Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь і Галоўнага ўпраўлення юстыцыі Магілёўскага аблвыканкама і інш.

### *In memoriam*

*Н. В. Анищенко*

#### **САМОЙЛЕНКО НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА**

13 ноября 2020 г. исполнилось бы 100 лет Самойленко Надежде Алексеевне, историку, архивисту, директору Филиала госархива Брестской области в г. Барановичи, которая внесла большой вклад в развитие архива.

Надежда Алексеевна родилась 13 ноября 1920 г. в д. Еловка Балахтинского района Красноярского края. Из семьи служащих. В 1937 г. окончила Балахтинскую среднюю школу. С сентября 1940 г. по июнь 1941 г. обучалась в Московском государственном историко-архивном институте, затем прервала учебу на 2 года. В этот период работала в Балахтинском районе (Красноярский край). Восстановилась в институте и продолжила учебу с ноября 1943 г. по июль 1946 г. С сентября 1946 г. по июнь 1947 г. работала научным сотрудником Государственного архива Кировской области. В октябре 1947 г. назначена начальником отдела дореволюционных фондов Государственного архива Гомельской области. Принимала участие в подготовке сборника «Восстановление народного хозяйства на Гомельщине». Под ее руководством на протяжении 1948—1949 гг. был составлен путеводитель по фондам госархива. В первой половине 1950 г. по указанию заместителя начальника УМВД Гомельской области работала в госархиве Полоцкой области. За хорошие показатели в работе и перевыполнение планов неоднократно Надежде Алексеевне объявлялись благодарности.

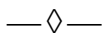
В июле 1951 г. переведена старшим научным сотрудником в Государственный архив Брестской области, в сентябре 1951 г. назначена на должность начальника отдела общих фондов. С сентября 1956 г. по март 1959 г. работала библиотекарем в Бышевском райкоме Компартии Украины. После переезда в г. Барановичи с июля по октябрь 1959 г. работала научным сотрудником Барановичского городского архива, в октябре 1959 г. назначена заведующей Барановичского городского архива. После образования филиалов государственных архивов областей в ноябре 1963 г. — директор Филиала госархива Брестской области в г. Барановичи. Осуществляла руководство до августа 1984 г. За период работы в должности директора была проведена большая организационная и методическая работа, переработано и усовершенствовано значительное количество фондов, разработаны научно-справочный аппарат к документам, система комплектования госархива. Под ее руководством коллектив Филиала госархива неоднократно занимал призовые места в республиканском и областном социалистическом сорев-



нованиі. В перыяд яе работы в 1970 г. было построено новое типовое здание госархива — первое в республике здание, построенное для архива областного подчинения. Ранее архивы находились только в приспособленных помещениях. Принимала непосредственное участие при включении в республиканский план строительства объектов здания архива. За период строительства и перевозки документов из двух старых зданий госархива совмещала работу руководителя и исполнителя, поскольку штат архива был в то время небольшой.

Надежда Алексеевна очень любила свою профессию, архив был для нее «вторым домом». Отличалась скромностью, трудолюбием, ответственностью за выполняемую работу. В общении с подчиненными и коллегами Надежда Алексеевна располагала своей деликатностью, доброжелательностью. Пользовалась уважением всего коллектива. На заседаниях коллегий архивного отдела Брестского облисполкома пользовалась авторитетом.

За многолетний и добросовестный труд Н. А. Самойленко была награждена Грамотой Верховного Совета БССР, Почетной грамотой ЦК профсоюзов работников госучреждений и Главного Архивного Управления при Совете Министров СССР, медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».



*Г. В. Запартыка*

### МІРОНАВА РЫЯНА РЫГОРАЎНА

У Беларускаім дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва Рыяна Рыгораўна Міронава працавала ўсяго пяць гадоў, але прыйшла яна ў гэтую ўстанову з вялікім практычным вопытам архівіста, што ў перыяд яго станаўлення было вельмі важным. Многія старэйшыя архівісты і сёння згадваюць яе патрабавальныя адносіны да справы ў якасці загадчыка аддзела забеспячэння захаванасці дакументаў і фондаў.

Р. Р. Міронава нарадзілася 6 лютага 1930 г. у г. Ленінградзе ў сям’і партыйнага работніка Будзённага Рыгора Іванавіча і архітэктара Будзённай Валянціны Сяргееўны. Яе бацька быў сваяком вядомага савецкага камандарма Сямёна Міхайлавіча Будзённага, пра што неаднойчы згадвала Рыяна Рыгораўна. У 1937 г. пайшла ў школу ў Ленінградзе, але ў гэты ж год, у сувязі з пераходам бацькі на новае месца працы, сям’я пераехала ў Тулу, дзе яна працягвала навучанне ў адной са школ. У 1941 г. разам з маці і братам Леанардам адправілася ў эвакуацыю ў далёкую Кіргізію, у г. Фрунзе, дзе ўсе ваенныя гады вучылася ў мясцовай школе. У Тулу сям’я вярнулася ў 1944 г. У 1948 г. Рыяна Рыгораўна скончыла сярэдняю школу і ў той жа год паступіла ў Маскоўскі дзяржаўны гісторыка-архіўны інстытут. Дыплом аб сканчэнні інстытута з кваліфікацыяй гісторыка-архівіста атрымала 1 ліпеня 1953 г. і па размеркаванні маладых спецыялістаў была накіравана на працу ў Дзяржаўны архіў Паўднёва-Казахстанскай вобласці ў г. Чымкент. У Чымкенце працавала да 1956 г. У 1954 г. пабралася шлюбам са студэнтам Маскоўскага дзяржаўнага гісторыка-архіўнага інстытута Міронавым Уладзіславам Паўлавічам, будучым вядомым у Беларусі архівістам. Уладзіслаў Паўлавіч, франтавік, меў цяжкае раненне, паступіў у інстытут у 1950 г., пасля сканчэння якога ў 1955 г. быў накіраваны на працу ў Дзяржаўны архіў Ровенскай вобласці. У гэтым жа годзе ў сям’і Рыяны і Уладзіслава Міронавых нарадзілася дачка Ірына. У 1956 г. Рыяна Рыгораўна пераехала на Украіну, у г. Роўна, дзе ў гэты час жыў і працаваў яе муж. Працавала, як і Уладзіслаў Паўлавіч, у Дзяржаўным архіве Ровенскай вобласці, займала пасаду началь-

ніка аддзела навукова-даведачнай літаратуры. У 1960 г. Уладзіслава Паўлавіча пераводзяць на пасаду начальніка Філіяла Краснадарскага краявога дзяржаўнага архіва ў г. Новарасійску, і Рыяна Рыгораўна разам з сям'ёй (у 1959 г. у Міронавых нарадзіўся сын Канстанцін) пераязджае ў г. Новарасійск. У Новарасійску сям'я Міронавых пражыла толькі паўтара года і ў верасні 1961 г., у сувязі з пераводам Уладзіслава Паўлавіча на працу ў Архіўнае ўпраўленне пры СМ БССР, пераехала ў Мінск. Вельмі хутка пасля пераезду Рыяна Рыгораўна была прынята на пасаду начальніка аддзела навукова-даведачнага апарату ў Цэнтральны дзяржаўны архіў Кастрычніцкай рэвалюцыі і сацыялістычнага будаўніцтва БССР. Пасля Рыяна Рыгораўна працавала ў многіх архіўных установах Беларусі: з лютага да снежня 1963 г. была намеснікам начальніка Дзяржаўнага архіва Мінскай вобл., з 1964 г. па чэрвень 1968 г. — начальнікам аддзела ўліку і навукова-даведачнага апарату Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва БССР, у 1968—1975 гг. — начальнікам аддзела ўліку, навукова-даведачнага апарату і выкарыстання Цэнтральнага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі БССР. У красавіку 1976 г. Рыяна Рыгораўна перайшла на працу ў Цэнтральны дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва БССР, дзе працавала да 1981 г. З працы ў архіве-музеі вымушана была звольніцца па стане здароўя. Рыяна Рыгораўна Міронава пайшла з жыцця 9 студзеня 2007 г.

У адной з характарыстык, якая захавалася ў асабовай справе Р. Р. Міронавай, запісана: «Да працы адносіцца выключна добрасумленна. Справу сваю ведае дасканала. Многа дапамагае супрацоўнікам іншых аддзелаў па ўсіх пытаннях, з якімі да яе звяртаюцца. З клопатам адносіцца да маладых супрацоўнікаў». І працу яе цанілі. Яна была ўзнагароджана медалём «За доблесную працу», ганаровымі граматамі Галоўархіва БССР, шматлікімі падзякамі і прэміямі. Удзячнай застаецца і наша памяць гісторыку-архівісту і калезе Рыяне Рыгораўне Міронавай.

—◇—

*С. Н. Громько*

### СИНИЦЫНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

22 июня 2020 г. исполнилось бы 90 лет бывшему сотруднику НИАБ в г. Гродно Синицыной Ольге Николаевне (1930—2009).

Родилась в г. Гомеле в семье рабочего. В 1940 г. семья переехала в Гродно, а через год началась Великая Отечественная война. Только в 1947 г. она смогла окончить шесть классов общеобразовательной школы. Дальнейшее продолжение учебы не представлялось возможным, так как надо было помогать материально семье. В 1949 г. уезжает по вербовке в Петрозаводск, где в школе рабочей молодежи оканчивает седьмой и восьмой классы. Желание продолжить учебу не покидало ее.

В 1952 г. поступает работать на должность архивариуса в филиале ЦГИА БССР в г. Гродно. Работая в архиве, оканчивает девятый и десятый классы вечерней школы. Познакомившись с архивными документами, решила посвятить свою жизнь архивному делу. Результатом этого стало поступление на заочное отделение факультета архивного дела Московского историко-архивного института в 1961 г., который окончила в 1967 г. Проработала в архиве 33 года, прошла свой трудовой путь от архивариуса до старшего научного сотрудника.

Внесла большой вклад в комплектование, обеспечение сохранности и использование печатных изданий научно-справочной библиотеки архива. Много сил и труда вложила в обеспечение сохранности документов, создание научно-справочного аппарата.

На протяжении многих лет занималась проблемами создания и усовершенствования информационно-поисковых систем, созданием описей и составлением карточек систематического и именованного каталогов, разработкой методических пособий. Принимала участие в популяризации архивных источников в средствах массовой информации.

Из воспоминаний сотрудников, работавших с ней в те годы:

Горячева Р. Ф. — Все годы работы в архиве Ольга Николаевна проявляла живой интерес к документам, попутно вела записи, связанные с историей родного города Гродно. Ее знания о прошлом города не переставали удивлять нас, молодых сотрудников. Кропотливо, годами она накапливала краеведческий материал. Постепенно в периодической печати в то время стали появляться ее статьи. Также Ольга Николаевна была еще и страстным библиофилом, долгие годы собирала домашнюю библиотеку, не переставала удивлять своими знаниями классической и зарубежной литературы.

Яскевич Т. М. — Ольга Николаевна ответственно подходила к исполнению своих должностных обязанностей, с любовью и трепетом относилась к архивным документам. Она была очень интересным собеседником. Из общения с ней можно было узнать и почерпнуть много интересных событий и фактов об историческом прошлом Гродно, особенно о нелегкой жизни и трагических событиях в военные годы. Навсегда запомнились ее глаза, полные ужаса и страха, когда она рассказывала о пережитом, и слова: «Все что угодно можно пережить, только бы не было войны».

Заслуженными оценками труда Ольги Николаевны стали такие награды, как Почетная грамота Верховного Совета БССР, Почетная грамота Архивного управления при Совете Министров БССР, медаль «Ветеран труда».

—◇—

### ЧАРВІНСКІ РАМУАЛЬД БРАНІСЛАВАВІЧ

Нарадзіўся ў в. Гурнофель Шчучынскага р-на Гродзенскай вобл., партыйны работнік, архівіст. Скончыў Гродзенскі сельскагаспадарчы інстытут (1971), Мінскую ВПШ (1981). У 1985—1998 г. працаваў загадчыкам аддзела па архівах і справаходстве Гродзенскага аблвыканкама. Знаходзячыся на пасадзе заг. архіўнага аддзела, Чарвінскі Рамуальд Браніслававіч удзяляў значную ўвагу арганізацыі працы падведамасных дзяржаўных архіўных устаноў па ўсіх асноўных напрамках іх дзейнасці. Ён праводзіў аналіз стану і перспектывы развіцця архіўнай справы ў вобласці, садзейнічаў матэрыяльна-тэхнічнаму забеспячэнню працы архіўных устаноў. У 1989—1995 г. у значнай ступені дзякуючы яго намаганням пабудаваны сучасныя будынкі для Дзяржархіва Гродзенскай вобл. і Занальнага дзяржархіва ў г. Навагрудку. Рамуальд Браніслававіч каардынаваў дзейнасць прадпрыемстваў, устаноў і арганізацый у галіне архіўнай справы і арганізацыі дакументаў у справаходстве, выступаў з дакладамі і паведамленнямі на канферэнцыях і семінарах. Ён забяспечваў удзел архіўнай службы вобласці ў распрацоўцы сімволікі дзяржаўных органаў і грамадскіх арганізацый. Пры яго ўдзеле ў вобласці аднымі з першых у рэспубліцы прыступілі да стварэння сеткі гарадскіх і раённых архіваў па асабовым складзе. Удзельнічаў у пераўтварэнні філіялаў абл. дзяржархіва ў занальныя архівы, былога партыйнага архіва — у Дзяржархіў грамадскіх аб'яднанняў Гродзенскай вобл. У 1985 г. арганізаваў удзел дзяржаўных і ведамасных архіваў вобласці ў правядзенні Усесаюзнага грамадскага агляду. З 1995 г. Чарвінскі Р. Б. працаваў начальнікам агульнага аддзела камітэта па сельскай гаспадарцы і харчаванні Гродзенскага аблвыканкама.

*Супрацоўнікі Гродзенскага аблвыканкама*

**КАРБУНАР ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА**

27 марта 2020 г. исполнилось бы 70 лет Елене Николаевне Карбунар, историку, архивисту, человеку, посвятившему работе в учреждении «Зональный государственный архив в г. Кобрине» 37 лет.

Карбунар Елена Николаевна родилась 27 марта 1950 г. в д. Именин Кобринского района Брестской области. До прихода в архив она работала шлифовщицей на Кобринском инструментальном заводе. В декабре 1969 г. еще молодой девушкой она пришла работать в архив. В 1977 г. заочно окончила Московский историко-архивный институт. Это было очень престижное, единственное в СССР высшее учебное заведение, где готовили специалистов для государственных архивов.

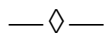
В архиве работала архивариусом, фондохранителем, старшим научным сотрудником, заведующей отделом комплектования ведомственных архивов и делопроизводства. Была инспектором Госархивнадзора Республики Беларусь. В 2001 г. Елена Николаевна была назначена на должность директора архива.

Коллеги всегда вспоминают о ней, как о мудром, аккуратном, спокойном, грамотном, всеми любимом руководителе. Ей удалось сплотить вокруг себя сотрудников, заботясь не только об их профессиональных нуждах, но и личной жизни.

Елена Николаевна за долгую и ответственную работу в архиве была награждена многими почетными грамотами: Главного архивного управления при Совете Министров СССР, для вручения которой ее пригласили в Москву, на Выставку достижений народного хозяйства СССР; Госкомархива БССР; отдела по архивам Брестского облисполкома; Кобринского рай- и горисполкомов. Была внесена в 2006 г. в библиографический справочник «Архівісты Беларусі» Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь.

Елена Николаевна была образованным, любящим свою профессию человеком. Она была яркой, интеллигентной, душой любой компании. Любила сочинять стихи, красиво исполнять песни, шутить, рассказывать истории. Всегда была очень предана своей семье и оставалась прекрасной хозяйкой. Она обладала редким качеством — тонко чувствовать человека, определять его способности. Почти все, кого она в свое время повысила в должности, оправдали ее доверие, также, как и она, всю свою жизнь посвятили архиву. Умудренная опытом, Е. Н. Карбунар всегда могла дать дельный совет, за что пользовалась уважением всего коллектива.

9 июня 2017 г. Елена Николаевна ушла из жизни, оставив в памяти только светлые и теплые воспоминания у тех, кому посчастливилось оказаться с ней рядом. Человек жив, пока жива память о нем.

**АДАМУШКО ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**

10 сентября 2020 г. умер член редакционной коллегии «Беларускага археаграфічнага штогодніка», известный ученый-архивист, организатор архивного дела Беларуси Владимир Иванович Адамушко. В архивной отрасли В. И. Адамушко трудился с 1991 г. Занимал ответственные посты начальника отдела по делам репрессированных граждан Главного архивного управления при Совете Министров БССР, начальника отдела научного использования документов и информации (с 1993 г.), заместителя Председателя Комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь (с 1995 г.). С февраля 2002 г. В. И. Адамушко назначен Председателем Национального

центра по архивам и делопроизводству, а с июля 2002 г. — Председателем Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь. С этого времени и на протяжении 15 лет, до выхода в 2017 г. на пенсию, возглавлял архивную отрасль Республики Беларусь. При В. И. Адамушко значительно укрепилась материально-техническая база архивных учреждений, были построены и введены в эксплуатацию новые здания государственных архивов, многое было сделано по публикации и популяризации архивных документов. Трудовая деятельность В. И. Адамушко отмечена Государственной премией Республики Беларусь (за участие в подготовке издания «Белорусские остарбайтеры»), орденами Дружбы народов, Франциска Скорины, тремя почетными грамотами Совета Министров Республики Беларусь, ведомственными наградами Министерства юстиции, Департамента по архивам и делопроизводству и пр.

*Редакционная коллегия БАШ*

## РЭЗІЮМЭ

**Кулінок Святаслаў Валянцінавіч.** Аб'яднаньня архіўныя фонды партызанскіх злучэньняў у Беларусі: фарміраванне, склад, выкарыстанне *(да 75-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне)*.

Артыкул прысвечаны агляду дакументаў з партызанскіх фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. Аналізуецца працэс фарміравання фондаў, склад дакументаў, іх інфарматыўнасць і выкарыстанне.

**Запартыка Ганна Вячаславаўна.** Гісторыя аднаго архіўнага фонду і яго стваральніка *(да 60-годдзя БДАМЛІМ)*.

У артыкуле асвятляецца гісторыя Дзяржаўнага тэатра музычнай камедыі БССР у 1943—1949 гг., зроблены агляд яго фонду ў Беларускай дзяржаўным архіве-музеі літаратуры і мастацтва.

**Шумейка Міхаіл Фёдаравіч.** Асаблівасці выкарыстання дакументаў былых партыйных архіваў пры падрыхтоўцы археаграфічных публікацый.

Дакументы партыйных органаў, арганізацый і ўстаноў, якія захоўваюцца ў НАРБ, абласных дзяржаўных архівах і дзяржаўных архівах грамадскіх аб'яднанняў абласцей Рэспублікі Беларусь, выступалі ў мінулым і цяпер выступаюць у якасці аб'екта публікацый многіх археаграфічных выданняў. У працэсе іх падрыхтоўкі да выдання для іх характэрны тыя ж прыёмы і метады, якія ўжываюцца пры публікацыі дакументаў, створаных дзяржаўнымі ўстановамі ў найноўшы перыяд. Разам з тым, археограф павінен улічваць асаблівасці існаваўшых сістэм партыйнага справаводства і арганізацыі архіўнага захоўвання дакументаў, створаных партыйнымі ўстановамі, уключаючы сістэму іх кадзіравання, характар і аб'ём навукова-даведачнага апарату і г. д.

**Іванова Вольга Сяргееўна.** Архіўная адукацыя ў Польшчы.

Развіццё архівазнаўства як навуковай дысцыпліны ў апошнія дзесяцігоддзі, а таксама агульныя грамадскія працэсы інфарматызацыі, глабалізацыі і антрапалагізацыі істотна ўздзейнічаюць і на асноўныя прафесійныя кампетэнцыі архівіста і вызначаюць узровень запатрабаванасці грамадствам спецыялістаў такога кшталту. У артыкуле разглядаюцца арганізацыйныя формы і змест мадэлі архіўнай адукацыі ў Польшчы. Асабліва ўвага надаецца зменам апошніх дзесяцігоддзяў і ўкараненню ў архіўнае навучанне дасягненняў лічбавай архівістыкі, сучаснай педагогікі, лічбавага навучання, тэорыі камунікацыі і права.

**Бакун Юлія Аляксандраўна.** Перыядычны друк БДУ як гістарычная крыніца па гісторыі паўсядзённага жыцця студэнцтва 1956—1991 гг.

Паказана рэпрэзентатыўнасць, выяўлены станоўчыя і адмоўныя бакі публікацый у газеце «Беларускі ўніверсітэт» як гістарычнай крыніцы для даследавання паўсядзённага жыцця студэнцтва. Апісана развіццё газеты, асаблівасці фарміравання яе зместу і змяненні рэдакцыйнай палітыкі ў перыяд 50-х — 80-х гг. XX ст. Гістарычная каштоўнасць публікацый ва ўніверсітэцкай шматтыражы абумоўлена насычанасцю яе інфармацыі аб паўсядзённым жыцці студэнцтва, якая нясе культурна-гістарычную спецыфіку свайго часу. Аптымальным падыходам пры выкарыстанні ўніверсітэцкага перыядычнага друку як гістарычнай крыніцы з'яўляецца выкарыстанне яе ў сукупнасці са справаводчымі дакументамі.

**Кулінок Святаслаў Валянцінавіч, Краснажэнава Алена Яўгенаўна.** Нямецкія разведвальна-дыверсійныя школы і курсы на тэрыторыі Віцебскай вобласці і Паўночнага Захаду РСФСР у 1942—1944 гг.: агляд гістарыяграфіі і крыніц.

Артыкул прысвечаны аналізу гістарыяграфіі і крыніц па праблеме дзейнасці разведвальна-дыверсійных школ на акупіраванай тэрыторыі Віцебскай вобласці і Паўночнага Захаду РСФСР у гады Вялікай Айчыннай вайны. У выніку праведзенай класіфікацыі выдзелены чатыры асноўныя групы дакументаў: арганізацыйна-распарадчыя, планавыя-справаздачныя, судовыя-следчыя і даведачна-інфармацыйныя. Аўтарамі аналізуюцца дасягненні, недахопы і перспектывы далейшага вывучэння дадзенай тэмы.

**Кудрыцкі Аляксей Сяргеевіч.** Беларусы ў перыядычным друку польскіх добраахвотнікаў інтэрбрыгад рэспубліканскай арміі Іспаніі.

Перыядычны друк польскіх добраахвотнікаў інтэрнацыйных брыгад рэспубліканскай арміі Іспаніі з’яўляецца каштоўнай крыніцай аб беларусах у інтэрнацыйных брыгадах, якая дапамагае як раскрыць біяграфіі асобных беларускіх добраахвотнікаў, так і даць больш шырокае ўяўленне аб іх побыце і іншых аспектах удзелу ў баявых дзеяннях. Асабліва цікавымі ў гэтай сувязі ўяўляюцца рукапісныя газеты і насценгазеты, якія выдаваліся ў інтэрбрыгадах. Тым не менш, выкарыстанне дадзенага віду крыніц вымагае даследчыка быць вельмі акуратным і ўвесь час правяраць наяўныя факты, зыходзячы з таго, што перыядычны друк у рэспубліканскай арміі вырашаў вельмі дакладныя задачы і таму не мог быць аб’ектыўным ці непрадзутым.

**Антановіч Зінаіда Васільеўна.** Крыніцы па гісторыі прыходаў Мінскай праваслаўнай епархіі ў канцы XVIII — пачатку XX ст.

У артыкуле разглядаюцца праблемы выяўлення і ўвядзення ў навуковы ўжытак крыніц па гісторыі ніжэйшых адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак праваслаўнай царквы ў Мінскай епархіі. Да іх адносяцца архіўныя фонды прыходаў і вышэйстаячых устаноў канфесіянальнага кіраўніцтва, у тым ліку з замежных дакументальных сховішчаў. Аўтар прыходзіць да высновы, што сярод падсістэм агульнай справаводнай дакументацыі для рэканструкцыі гісторыі прыхода і яго архіва будуць карыснымі распарадчыя і пратакольныя дакументацыя, перапіска, матэрыялы па асабовым складзе духавенства, але іх выяўленне патрабуе пааркушнага перагляду спраў. Пошук па вопісах спраў з’яўляецца асноўным метадам выяўлення інфармацыі па гісторыі прыходаў з канфесіянальнай (спецыяльнай) дакументацыі кансісторыі. Замежныя сховішчы прадстаўляюць магчымасць ажыццяўлення з’вязанай з працай па захоўваемым матэрыялах з дапамогай інфармацыйна-пошукавых сістэм, у тым ліку паўнатэкставых. На афіцыйным сайце НГАБ асобныя вопісы даступны ў электронным выглядзе, і праца па іх прадстаўленні працягваецца. Папулярна і выяўленых крыніц прапанована ажыццяўляць праз інфармацыйныя рэсурсы і сацыяльныя сеткі, што будзе садзейнічаць дыверсіфікацыі навуковых даследаванняў у галіне краязнаўства, генеалогіі, сацыялогіі, гісторыі культуры і г. д.

**Дзярновіч Кацярына Пятроўна.** Асноўныя віды кіраўніча-распарадчых дакументаў у дакументацыйным абслугоўванні грамадства Вялікага Княства Літоўскага ў XVIII ст.

У артыкуле, зыходзячы з наміналістычнай канцэпцыі віду дакумента, разглядаюцца дакументы распарадчага характару, якія выкарыстоўваліся ў дакументацыйным абслугоўванні грамадства Вялікага Княства Літоўскага ў XVIII ст. Разгледжаны такія

віды дакументаў, як прывілеі, канфірмацыі, консенсы, рэскрыпты, глейты, рэзальцыі і інш.

**Несцяровіч Юрый Уладзіміравіч.** Новая даследчая парадыгма дакументацыйна-інфармацыйных навук.

Выкладаюцца асноўныя рысы новай навукова-даследчай парадыгмы (сукупнасць тэарэтычных схем, устаноўак, трактовак), якая прызначана для аптымізацыі пабудовы архівазнаўства, дакументазнаўства і іншых навук пра дакументальную інфармацыю. Лічыцца, што прытрымліванне яе дазваляе выяўляць і ўстараняць супярэчнасці і несуразмернасці пры фарміраванні тэорый, паняццяў і тэрмінаў.

**Петухоў Аляксандр Васільевіч.** Дакументы аб абранні беларускага палітыка і ветэрынара І. М. Серады дацэнтам Горацкага сельскагаспадарчага інстытута ў 1925 г.

Прадстаўленая падборка з пяці архіўных дакументаў, якія захоўваюцца ва ўстанове «Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці», прысвечана абранню беларускага палітыка, ветэрынара і педагога Івана Мікітавіча Серады (1879 — пасля 1943 г.) на пасаду дацэнта кафедры фізіялогіі жывёл Горацкага сельскагаспадарчага інстытута (пазней Беларускай дзяржаўнай акадэміі сельскай гаспадаркі імя Кастрычніцкай рэвалюцыі).

**Бондар Ларыса Дзмітрыеўна.** Ад гімназічнага настаўніка да ўніверсітэцкага прафесара: выкладчыцкая кар’ера Я. Ф. Карскага ў архіўных дакументах Варшавы і Санкт-Пецярбурга (да 160-годдзя з дня нараджэння).

У артыкуле ўпершыню ўводзяцца ў навуковы зварот дакументы асабістай справы Я. Ф. Карскага з фонду імператарскага Варшаўскага ўніверсітэта Дзяржаўнага архіва ў Варшаве. У сукупнасці з дакументамі асабістага фонду Е. Ф. Карскага з Санкт-Пецярбургскага філіяла Архіва Расійскай акадэміі навук варшаўскі архіўны матэрыял дазволіў дэтальна апісаць імклівы службовы рост будучага акадэміка, які прайшоў пасля заканчэння Нежынскага гісторыка-філалагічнага інстытута за 11,5 гадоў (з ліпеня 1885 па люты 1897 г.) шлях ад выкладчыка Другой Віленскай гімназіі да ардынарнага прафесара Імператарскага Варшаўскага ўніверсітэта. Далейшая службовая біяграфія вучонага была ўжо звязана з узыходжаннем па навуковай і адміністрацыйнай лесвіцы.

**Барынаў Ігар Ігаравіч, Горны Аляксандр Сяргеевіч.** Эдмунд Зуземіль і беларускі нацыянальны рух у міжваенны перыяд: новыя дакументы.

У артыкуле разглядаюцца раней невядомыя дакументы, звязаныя з гісторыяй беларускага нацыянальнага руху, а іменна лісты Эдмунда Зуземіля, актыўнага ўдзельніка падзей 1915—1918 гг., аднаму з лідараў руху Вацлаву Ластоўскаму. Зуземіль — ураджэнец Палесся і карэспандэнт «Нашай нівы», у гады Першай сусветнай вайны быў фактычна сурэдактарам «Гомана», галоўнага беларускамоўнага выдання на тэрыторыі, акупіраванай германскімі войскамі. Адносіны з беларускімі актывістамі Зуземіль падтрымліваў і ў далейшым, прапаноўваючы ім садзейнічанне ў развіцці іх нацыянальнага праекта. Для гэтых мэт ён імкнуўся па магчымасці інструменталізаваць свае кантакты. Прэтэндуючы на ролю апекуна беларусаў, Зуземіль паддаджваўся адначасова да польскага, літоўскага, нямецкага і савецкага бакоў. Некаторыя дзеянні беларускага руху падкрэслівалі, што Зуземіль такім чынам сыграў ракавую ролю ў лёсе Ластоўскага, і негатыўна адзеньвалі яго ўплыў на ўвесь беларускі нацыянальны рух.

**Пазднякоў Валерый Сямёнавіч.** Беларускія сяляне ў барацьбе з эпідэміяй халеры (казус 1855 г.).

Артыкул асвятляе казус 1855 г., калі беларускія сяляне закапалі зажыва старую сялянку, каб спыніць эпідэмію халеры ў 1855 г.



## РЕЗЮМЕ

**Кулинок Святослав Валентинович.** Объединенные архивные фонды партизанских соединений в Беларуси: формирование, состав, использование (*к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне*).

Статья посвящена обзору документов из партизанских фондов Национального архива Республики Беларусь. Анализируется процесс формирования фондов, состав документов, их информативность и использование.

**Запарыцько Анна Вячеславовна.** История одного архивного фонда и его создателя (*к 60-летию БГАМЛИ*).

В статье освещена история Государственного театра музыкальной комедии БССР в 1943—1949 гг., дан обзор его фонда в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства.

**Шумейко Михаил Федорович.** Особенности использования документов бывших партийных архивов при подготовке археографических публикаций.

Документы партийных органов, организаций и учреждений, хранящиеся в НАРБ, областных государственных архивах и государственных архивах общественных объединений областей Республики Беларусь, выступали в прошлом и ныне выступают в качестве объекта публикаций многих археографических изданий. В процессе их подготовки к изданию для них характерны те же приемы и методы, что применяются при публикации документов, созданных государственными учреждениями в новейший период. Вместе с тем, археограф должен учитывать особенности существовавших систем партийного делопроизводства и организации архивного хранения документов, созданных партийными учреждениями, включая систему их кодирования, характер и объем научно-справочного аппарата и т. д.

**Иванова Ольга Сергеевна.** Архивное образование в Польше.

Развитие архивоведения как научной дисциплины в последние десятилетия, а также широкие общественные процессы информатизации, глобализации и антропологизации существенно влияют на основные профессиональные компетенции архивиста и определяют уровень востребованности таких специалистов обществом. В статье рассматриваются организационные формы и содержание модели архивного образования в Польше. Особое внимание уделяется изменениям последних десятилетий и введению в архивное образование достижений цифрового архивоведения, современной педагогики, цифрового обучения, теории коммуникации и права.

**Бакун Юлия Александровна.** Периодическая печать БГУ как исторический источник по истории повседневной жизни студенчества 1956—1991 гг.

Показана репрезентативность, выявлены достоинства и недостатки публикаций в газете «Беларускі ўніверсітэт» как исторического источника для исследования повседневной жизни студенчества. Описано развитие газеты, особенности формирования ее содержания и изменения редакционной политики в период 50-х — 80-х гг. XX в. Историческая ценность публикаций в университетской многотиражке обусловлена насыщенностью ее информации о повседневной жизни студенчества, несущей культурно-историческую специфику своего времени. Оптимальным подходом при использовании университетской периодической печати как исторического источника является использование ее в совокупности с делопроизводственными документами.

**Кулинок Святослав Валентинович, Красноженова Елена Евгеньевна.** Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Витебской области и Северо-Запада РСФСР в 1942—1944 гг.: обзор историографии и источников.

Статья посвящена анализу историографии и источников по проблеме деятельности разведывательно-диверсионных школ на оккупированной территории Витебской области и Северо-Запада РСФСР в годы Великой Отечественной войны. В результате проведенной классификации выделены четыре основные группы документов: организационно-распорядительные, планово-отчетные, судебно-следственные и справочно-информационные. Авторами анализируются достижения, недостатки и перспективы дальнейшего изучения данной темы.

**Кудрицкий Алексей Сергеевич.** Белорусы в периодической печати польских добровольцев интербригад республиканской армии Испании.

Периодическая печать польских добровольцев интернациональных бригад республиканской армии Испании является ценным источником о белорусах в интернациональных бригадах, которая позволяет как раскрыть биографии отдельных белорусских добровольцев, так и дать более широкое представление об их быте и других аспектах участия в боевых действиях. Особенно интересными в этой связи представляются рукописные газеты и стенгазеты, издававшиеся в интербригадах. Тем не менее, использование данного вида источников вынуждает исследователя быть крайне аккуратным и постоянно проверять имеющиеся факты, исходя из того, что периодическая печать в республиканской армии решала весьма четкие задачи и поэтому не могла быть объективной или беспристрастной.

**Антонович Зинаида Васильевна.** Источники по истории приходов Минской православной епархии в конце XVIII — начале XX в.

В статье рассматриваются проблемы выявления и введения в научный оборот источников по истории низших административно-территориальных единиц православной церкви в Минской епархии. К ним относятся архивные фонды приходов и высших учреждений конфессионального управления, в том числе из зарубежных документальных хранилищ. Автор приходит к выводу, что среди подсистем общей делопроизводственной документации для реконструкции истории прихода и его архива будут полезны распорядительная и протокольная документация, переписка, материалы по личному составу духовенства, но их выявление требует подокументного просмотра дел. Поиск по описям дел является основным методом поиска информации об истории приходов среди конфессиональной (специальной) документации консистории. Зарубежные репозитории дают возможность проводить эвристическую работу с хранимыми материалами с использованием информационно-поисковых систем, в том числе полнотекстовых. Популяризацию выявленных источников предлагается осуществлять через информационные ресурсы и социальные сети, что будет способствовать диверсификации научных исследований в области краеведения, генеалогии, социологии, истории культуры и т. д.

**Дернович Екатерина Петровна.** Основные виды управленческо-распорядительных документов в документационном обслуживании общества Великого Княжества Литовского в XVIII в.

В статье, исходя из номиналистической концепции вида документа, рассматриваются документы распорядительного характера, применяемые в документационном обслуживании общества Великого Княжества Литовского в XVIII в. Рассмотрены такие

виды документов, как привилеи, конфирмации, консенсы, рескрипты, глейты, резолюции и др.

**Нестерович Юрий Владимирович.** Новая исследовательская парадигма документально-информационных наук.

Изложена новая научно-исследовательская парадигма (основные методологические и теоретические черты), продуктивная для оптимизации построений архивоведения, документоведения и других наук о документальной информации. Обосновывается, что данная парадигма позволяет выявлять и устранять противоречия и несоразмерности при формировании теорий, понятий, их терминологии.

**Петухов Александр Васильевич.** Документы об избрании белорусского политика и ветеринара И. Н. Середы доцентом Горецкого сельскохозяйственного института в 1925 г.

Представленная подборка из пяти архивных документов, хранящихся в учреждении «Государственный архив Могилевской области», посвящена избранию белорусского политика, ветеринара и педагога Ивана Никитовича Середы (1879 — после 1943 г.) на должность доцента кафедры физиологии животных Горецкого сельскохозяйственного института (позднее Белорусской государственной академии сельского хозяйства им. Октябрьской революции).

**Бондарь Лариса Дмитриевна.** От гимназического учителя к университетскому профессору: преподавательская карьера Е. Ф. Карского в архивных документах Варшавы и Санкт-Петербурга (к 160-летию со дня рождения).

В статье впервые вводятся в научный оборот документы личного дела Е. Ф. Карского из фонда Императорского Варшавского университета Варшавского государственного архива. В совокупности с документами личного фонда Е. Ф. Карского из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук варшавский архивный материал позволил детально описать стремительный служебный рост будущего академика, прошедшего после окончания Нежинского историко-филологического института за 11,5 лет (с июля 1885 по февраль 1897 г.) путь от преподавателя Второй Виленской гимназии до ординарного профессора Императорского Варшавского университета. Дальнейшая служебная биография ученого была уже связана с восхождением по научной и административной лестнице.

**Баринов Игорь Игоревич, Горный Александр Сергеевич.** Эдмунд Зуземиль и белорусское национальное движение в межвоенный период: новые документы.

В статье рассматриваются ранее неизвестные документы, связанные с историей белорусского национального движения, а именно письма Эдмунда Зуземиля, активного участника событий 1915—1918 гг., одному из лидеров движения Вацлаву Ластовскому. Зуземиль — уроженец Полесья и корреспондент «Нашей нивы», в годы Первой мировой войны один из участников издания газеты «Гоман», главного белорусскоязычного издания на территории, оккупированной германскими войсками. Отношения с белорусскими активистами Зуземиль поддерживал и в дальнейшем, предлагая им содействие в развитии их национального проекта. Для этих целей он стремился по возможности инструментализировать свои контакты. Претендуя на роль покровителя белорусов, Зуземиль заигрывал одновременно с польской, литовской, немецкой и советской сторонами. Некоторые деятели белорусского движения подчеркивали, что Зуземиль таким образом сыграл роковую роль в судьбе Ластовского и негативно оценивали его влияние на все белорусское национальное движение.

**Поздняков Валерий Семенович.** Белорусские крестьяне в борьбе с эпидемией холеры (казус 1855 г.).

Статья освещает казус 1855 г., когда белорусские крестьяне закопали живьем старую крестьянку, чтобы остановить эпидемию холеры в 1855 г.

## SUMMARY

**Sviataslaŭ Kulinok.** United archival fonds of partisan formations in Belarus: formation, composition, use (*to the 75<sup>th</sup> anniversary of Victory in the Great Patriotic War*).

The article is devoted to a review of documents from the partisan fonds of the National Archives of the Republic of Belarus. The process of formation of fonds, the composition of documents, their information content and use are analyzed.

**Hanna Zapartyka.** The history of one archival fond and its creator (*to the 60<sup>th</sup> anniversary of the Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art*).

The article covers the history of the State Theater of Musical Comedy of the BSSR in 1943—1949, provides an overview of its fond in the Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art.

**Michail Shumeyka.** Features of the use of documents from the former party archives in the preparation of archaeographic publications.

The documents of party bodies, organizations and institutions, stored in the National Archives of the Republic of Belarus, regional state archives and state archives of public associations of regions of the Republic of Belarus, were in the past and now act as the object of publications of many archaeographic publications. In the process of preparing them for publication, they are characterized by the same techniques and methods that are used in the publication of documents created by government agencies in the latest period. At the same time, the archaeographer must take into account the peculiarities of the existing systems of party records management and the organization of archival storage of documents created by party institutions, including their coding system, the nature and volume of the scientific information apparatus, etc.

**Volha Ivanova.** Archival Education in Poland.

The development of archival science as a scientific discipline in recent decades, as well as the general public processes of informatization, globalization and anthropologization, significantly influence the basic professional competencies of the archivist and determine the level of demand of such specialists by the society. The article examines the organizational forms and content of the model of archival education in Poland. Particular attention is given to the changes of recent decades and the introduction to archival education of the achievements of digital archives, modern pedagogy, digital learning, communication theory and law.

**Yulia Bakun.** Periodicals of the Belarusian State University as a historical source on the history of everyday life of students in 1956—1991.

The article shows the representativeness, merits and demerits of publications in the newspaper «Belarusian University» as a historical source for the study of the everyday life of students. The development of the newspaper, the features of the formation of its content and changes in editorial policy in the period of the 1950s—1980s are described. The historical value of publications in the university newspaper is due to the richness of its information about the everyday life of students, bearing the cultural and historical specifics of their time. The optimal approach when using the university periodical press as a historical source is to use it in conjunction with office documents.

**Sviataslaŭ Kulinok, Alena Krasnazhenova.** German intelligence and sabotage schools and courses in the Vitebsk region and the North-West of the RSFSR in 1942—1944: a review of historiography and sources.

This article analyzes historiography on the problem of intelligence and sabotage activities of schools in the occupied territory Vitebsk region and North-West of the RSFSR during the

Great Patriotic War. As a result of the classification, the author identified four main groups of documents: organizational-administrative, planning and reporting, forensic investigation and inquiry. The author analyzes achievements, shortcomings and prospects of further study of the topic.

**Aliaksey Kudrycki.** Belarusians in the periodicals of Polish volunteers of the International Brigades of the Republican Army of Spain.

The periodical press of Polish volunteers of the international brigades of the Republican Army of Spain is a valuable source about Belarusians in international brigades. It allows to reveal the biographies of individual Belarusian volunteers and to give a broader picture of their life and other aspects of participation in hostilities. Particularly interesting in this regard are handwritten newspapers and wall newspapers published in inter-brigades. Nevertheless, the use of this type of source forces the researcher to be extremely careful and constantly check the facts, based on the fact in the republican army periodical press, because it solved very clear tasks and therefore could not be objective or impartial.

**Zinaida Antonovich.** Sources on the history of the parishes of the Minsk orthodox Diocese in the late 18<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries.

The article deals with the problems of identifying and introducing into scientific circulation sources on the history of the parishes — administrative-territorial units of the Orthodox Church in the Minsk diocese. These include archives of parishes and institutions of confessional administration, including those from foreign documentary depositories. The author comes to the conclusion that among the subsystems of general records for the reconstruction of the history of the parish and its archives administrative and protocol documentation, correspondence, materials on the personnel of the clergy will be useful, but their identification requires documentary review of files. Search by archival inventories is the main method for finding information about the history of parishes among the confessional (special) documentation of the consistory. Foreign repositories make it possible to carry out heuristic work with stored materials using finding aids, including full-text ones. It is proposed to popularize the sources on the history of the Orthodox parishes through information resources and social networks, which will contribute to the diversification of scientific research in the field of local history, genealogy, sociology, cultural history, etc.

**Ekaterina Dernovich.** The main types of administrative records in the documentation service of the society of the Grand Duchy of Lithuania in the 18<sup>th</sup> century.

The article considers the main types of records involved in the documentation service of the society of the Grand Duchy of Lithuania in the 18<sup>th</sup> century. The article based on the nominalistic concept of the type of records. The article considered are such types of records as privileges, confirmations, consensus, rescripts, glates etc.

**Yury Nietsiarovich.** New research paradigm of documentary information sciences.

A new research paradigm (the main methodological and theoretical features) is presented, which is productive for optimizing the construction of archival science, document science, and other Sciences of documentary information. It is proved that this paradigm allows us to identify and eliminate contradictions and inconsistencies in the formation of theories, concepts, and their termination.

**Aliaksandr Petukhoŭ.** Documents of election to the position of associate professor of the Agricultural institute in Gor'ki in 1925.

The presented selection of five archival documents stored in the institution «State Archive of the Mogilev Region» is dedicated to the election of the Belarusian politician, veterinarian

and teacher Ivan Mikitavich Serada (1879 — after 1943) as an assistant professor at the Department of Animal Physiology Agricultural Institute in Gorki (after Belarusian State of the October Revolution Agricultural Academy).

**Larysa Bondar.** From gymnasium teacher to university professor: E. F. Karsky's teaching career in the reflection of archival documents of Warsaw and St. Petersburg (To the 160<sup>th</sup> anniversary of his birth).

The article introduces for the first time the documents of the personal file of E. F. Karsky from the found of the Imperial Warsaw University of the State Archive in Warsaw. The Warsaw archive material in conjunction with the documents of the personal found of E. F. Karsky allowed us to describe in detail the rapid career growth of the future academician, who went for 11.5 years (from July 1885 — after graduating from the Nezhyn Historical and Philological Institute — to February 1897) a way from a teacher at the Second Vilna Gymnasium to an ordinary professor at the Imperial University of Warsaw. Further career biography of the scientist was already associated with the climbing the scientific and administrative ladder.

**Ihar Barynaŭ, Aliaksandr Gorny.** Edmund Zuzemil and the Belarusian national movement in the interwar period: new documents.

The article discusses previously unknown documents related to the history of the Belarusian national movement. Here are investigated the letters of Edmund Zuzemil, an active participant in the events of 1915—1918, to one of the leaders of the movement, Vaclau Lastouski. Zuzemil, a native of Polesie and a correspondent for «Nasha Niva», during the First World War, was the co-editor of «Homan», the main Belarusian-language publication in the territory occupied by German army. Zuzemil maintained relations with Belarusian activists, helped in the development of their national project. Trying to support the Belarusians, Zuzimel was in contact with the Polish, Lithuanian, German and Soviet sides. Some figures of the Belarusian movement noted that Zuzemil played a fatal role in the fate of Lastouski and negatively assessed his influence on the entire Belarusian national movement.

**Valery Pazdniakoŭ.** Belarusian peasants in the fight against the cholera epidemic (casus of 1855).

The article covers the incident of 1855, when Belarusian peasants buried an old peasant woman alive to stop the cholera epidemic in 1855.

## ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

### «БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні па розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументалістыкі і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя працы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляе Вышэйшая атэстацыйная камісія Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года паслявузаўскага навучання (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць персанальную адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю ўжо раней апублікаваных артыкулаў або артыкулаў, прынятых да друку іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасыллак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонай рады, аддзела, кафедры з месца працы з рэкамендацыйнай артыкула да друку.
7. Дапускаецца замест выпіскі з пратакола прадставіць дзве рэцэнзіі — доктара і кандыдата навук, якія з'яўляюцца спецыялістамі ў той галіне ведаў, па якой зроблена даследаванне. Рэцэнзіі павінны ўтрымліваць рэкамендацыі артыкула да друку.
8. Рэкамендацыі да друку навуковых артыкулаў, падрыхтаваных супрацоўнікамі органаў і ўстаноў Дзяржаўнай архіўнай службы Рэспублікі Беларусь, ажыццяўляюць вучоныя рады БелНДДАС, БелНДЦЭД, дзяржаўных архіваў.
9. Для публікацый дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не патрабуюцца.
10. Рукапіс завяраецца подпісам аўтара з прастаўленнем даты, а таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы, займаемая пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (не публікуюцца) і кантактныя тэлефоны (e-mail) для зваротнай сувязі чытачоў з аўтарам (публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычны электронны варыянт артыкула.
11. Артыкул забяспечваецца анатацыяй на беларускай (рэзюмэ), рускай (рэзюме) і англійскай (summary) мовах памерам 100—150 слоў.
12. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца шрыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвала, палі верхняе і ніжняе па 2 см, левае 3 см, правае 1,5 см.
13. Бібліяграфічныя спасылкі афармляюцца згодна з главай 5 Інструкцыі па афармленні дысертацыі і аўтарэферата (пастанова ВАК Рэспублікі Беларусь ад 22.02.2006 № 2, апублікавана ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 20 сакавіка 2006 г., № 41, 7/603).



14. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца для публікацыі ў штогодніку ў наступным годзе.
15. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за апублікаванне навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія  
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»  
вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск,  
arheograph@belniidad.by*

## ЗМЕСТ

## АРТЫКУЛЫ

- С. В. Кулинок.* Объединенные архивные фонды партизанских соединений в Беларуси: формирование, состав, использование (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) ..... 5
- Г. В. Запартыка.* Гісторыя аднаго архіўнага фонду і яго стваральніка (да 60-годдзя БДАМЛМ) ..... 11
- М. Ф. Шумейко.* Особенности использования документов бывших партийных архивов при подготовке археографических публикаций ..... 26
- В. С. Иванова.* Архіўная адукацыя ў Польшчы ..... 38
- Ю. А. Бакун.* Периодическая печать БГУ как исторический источник по истории повседневной жизни студенчества 1956—1991 гг. .... 45
- С. В. Кулинок, Е. Е. Красноженова.* Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Витебской области и Северо-Запада РСФСР в 1942—1944 гг.: обзор историографии и источников ..... 56
- А. С. Кудрицкий.* Белорусы в периодической печати польских добровольцев интербригад республиканской армии Испании ..... 64
- З. В. Антановіч.* Крыніцы па гісторыі прыходаў Мінскай праваслаўнай епархіі ў канцы XVIII — пачатку XX ст. .... 74
- Е. П. Дернович.* Основные виды управленческо-распорядительных документов в документационном обслуживании общества Великого Княжества Литовского в XVIII в. .... 83
- Ю. В. Нестерович.* Новая исследовательская парадигма документально-информационных наук ..... 93

## ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

- А. В. Петухов.* Документы об избрании белорусского политика и ветеринара И. Н. Середы доцентом Горецкого сельскохозяйственного института в 1925 г. .... 107
- Л. Д. Бондарь.* От гимназического учителя к университетскому профессору: преподавательская карьера Е. Ф. Карского в архивных документах Варшавы и Санкт-Петербурга (к 160-летию со дня рождения) ..... 118
- И. И. Баринов, А. С. Горный.* Эдмунд Зуземиль и белорусское национальное движение в межвоенный период: новые документы ..... 131
- В. С. Пазднякоў.* Беларускія сяляне ў барацьбе з эпідэміяй халеры (казус 1855 г.) ..... 143

## РЭЦЭНЗІІ

- М. Ф. Шумейко.* Справочник, помогающий формированию Национального архивного фонда Республики Беларусь ..... 169

<i>М. Ф. Шумейко. О выборе объекта публикации в археографии (Размышления о книге «Улада і грамадства БССР у 1929—1939 у дакументах Сакрэтнага аддзела / Асобага сектара ЦК КП(б)Б»)</i> .....	176
<i>З. В. Антановіч. Лёсы ссланых у біяграфічным выданні прафесара Я. Нябельскага «Zesłańcy pokolenia 1863: siedem historii»</i> .....	186
<b>ПОСТАЦІ</b>	
<i>Е. С. Савченко, О. В. Пашкевич. Симакова (Васильева) Евгения Борисовна</i> .....	191
<i>Е. А. Макаренко. Лихтенштейн Галина Николаевна</i> .....	193
<i>Л. В. Салкевич. Караськ Нина Витальевна</i> .....	194
<i>Суркова Ганна Уладзіміраўна</i> .....	195
<i>А. А. Макаранка. Чарняўская Гелена Іосіфаўна</i> .....	196
<i>Н. С. Скацова. Столярова Светлана Афанасьевна и Казакова (Столярова) Людмила Афанасьевна</i> .....	198
<i>М. Н. Скоморощенко. Мурмыло Людмила Ивановна</i> .....	199
<i>И. П. Кухаренко. Козак Ольга Александровна</i> .....	200
<i>А. В. Петухоў. Пануждаева Антаніна Міхайлаўна</i> .....	202
<i>А. И. Швырѐв. Скацова Нина Сергеевна</i> .....	203
<i>С. Н. Громыко. Афанасьева Татьяна Юрьевна</i> .....	204
<i>Л. В. Салкевич. Кисель Людмила Викторовна</i> .....	206
<i>Г. В. Запартыка. Евенка Ірына Анатольеўна</i> .....	208
<i>Т. В. Лёвина. Койпиш Ирина Ивановна</i> .....	209
<i>Свирко Светлана Геннадьевна</i> .....	210
<i>Дятчик Нина Михайловна</i> .....	211
<i>Е. А. Стуканова. Шевченко Татьяна Анатольевна</i> .....	211
<i>М. Н. Скоморощенко. Демянюк Андрей Константинович</i> .....	212
<i>Вахрушева Татьяна Сергеевна</i> .....	214
<i>А. В. Петухоў. Канапліцкі Аляксандр Георгіевіч</i> .....	215
<i>Н. У. Анищенко. Самойленко Надежда Алексеевна</i> .....	216
<i>Г. В. Запартыка. Міронава Рыяна Рыгораўна</i> .....	217
<i>С. Н. Громыко. Синицына Ольга Николаевна</i> .....	218
<i>Чарвінскі Рамуальд Браніслававіч</i> .....	219
<i>Т. М. Якушич. Карбунар Елена Николаевна</i> .....	220
<i>Адамушко Владимир Иванович</i> .....	220
<i>Рэзюмэ</i> .....	222
<i>Резюме</i> .....	225
<i>Summary</i> .....	229
<i>Правілы для аўтараў</i> .....	232

## CONTENTS

### ARTICLES

- S. Kulinok*. United archival fonds of partisan formations in Belarus: formation, composition, use (to the 75<sup>th</sup> anniversary of Victory in the Great Patriotic War) ..... 5
- H. Zapartyka*. The history of one archival fond and its creator (to the 60<sup>th</sup> anniversary of the Belarusian State Archive-Museum of Literature and Art) ..... 11
- M. Shumeyka*. Features of the use of documents from the former party archives in the preparation of archaeographic publications ..... 26
- V. Ivanova*. Archival Education in Poland ..... 38
- Yu. Bakun*. Periodicals of the Belarusian State University as a historical source on the history of everyday life of students in 1956—1991 ..... 45
- S. Kulinok, A. Krasnazhenova*. German intelligence and sabotage schools and courses in the Vitebsk region and the North-West of the RSFSR in 1942—1944: a review of historiography and sources ..... 56
- A. Kudrycki*. Belarusians in the periodicals of Polish volunteers of the International Brigades of the Republican Army of Spain ..... 64
- Z. Antonovich*. Sources on the history of the parishes of the Minsk orthodox Diocese in the late 18<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries ..... 74
- E. Dernovich*. The main types of administrative records in the documentation service of the society of the Grand Duchy of Lithuania in the 18<sup>th</sup> century ..... 83
- Yu. Niestsiarovich*. New research paradigm of documentary information sciences ..... 93

### PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

- A. Petukhoŭ*. Documents of election to the position of associate professor of the Agricultural institute in Gorki in 1925 ..... 107
- L. Bondar*. From gymnasium teacher to university professor: E. F. Karsky's teaching career in the reflection of archival documents of Warsaw and St. Petersburg (to the 160<sup>th</sup> anniversary of his birth) ..... 118
- I. Barynaŭ, A. Gorny*. Edmund Zuzemil and the Belarusian national movement in the interwar period: new documents ..... 131
- V. Pazdniakoŭ*. Belarusian peasants in the fight against the cholera epidemic (casus of 1855) ..... 142

### REVIWES

- M. Shumeyka*. A handbook helping to form the National Archival Fond of the Republic of Belarus ..... 168
- M. Shumeyka*. On the choice of the object of publication in archeography (Reflections on the book «Power and Society of the BSSR in 1929—1939 in the documents of the Secret Department / Special Sector of the Central Committee of the Communist Party of Belarus (Bolsheviks)») ..... 175

<i>Z. Antonovich</i> . The Fates of the Exiles in the Biographical Edition of Professor J.Nebelski «Zesłańcy pokolenia 1863: siedem historii» .....	185
---	-----

## PERSONALITIES

<i>E. Savchenko, O. Pashkevich</i> . Simakova (Vasilieva) Evgenia Borisovna .....	190
<i>E. Makarenko</i> . Lihtenstein Galina Nikolaevna .....	192
<i>L. Salkevich</i> . Karas'k Nina Vitalievna .....	193
Surkova Ganna Uladzimiraŭna .....	194
<i>A. Makaranka</i> . Charnyauskaya Gelena Iosifaŭna .....	195
<i>N. Skaptsova</i> . Stolyarova Svetlana Afanasyevna and Kazakova (Stolyarova) Lyudmila Afanasyevna .....	197
<i>M. Skomoroshchenko</i> . Murmylo Lyudmila Ivanovna .....	198
<i>I. Kukhareno</i> . Kozak Olga Aleksandrovna .....	199
<i>A. Petukhoŭ</i> . Panuzhdaeva Antanina Mihaylaŭna .....	201
<i>A. Shvyrev</i> . Skaptsova Nina Sergeevna .....	202
<i>S. Gromyko</i> . Afanasyeva Tatiana Yurievna .....	203
<i>L. Salkevich</i> . Kisel Ludmila Viktorovna .....	205
<i>H. Zapartyka</i> . Evenka Iryna Anatolyeŭna .....	207
<i>T. Lyovina</i> . Koypish Irina Ivanovna .....	208
Svirko Svetlana Gennadievna .....	209
Dyatchik Nina Mikhailovna .....	210
<i>E. Stukanova</i> . Shevchenko Tatiana Anatolievna .....	210
<i>M. Skomoroshchenko</i> . Demyanyuk Andrey Konstantinovich .....	211
Vakhrusheva Tatiana Sergeevna .....	213
<i>A. Petukhoŭ</i> . Kanaplitsky Alyaksandr Georgievich .....	214
<i>N. Anischenko</i> . Samoylenko Nadezhda Alekseevna .....	215
<i>H. Zapartyka</i> . Mironava Ryana Rygoraŭna .....	216
<i>S. Gromyko</i> . Sinitsyna Olga Nikolaevna .....	217
Charvinski Ramuald Branislavavich .....	218
<i>T. Yakushik</i> . Karbunar Elena Nikolaevna .....	219
Adamushko Vladimir Ivanovich .....	230

Навуковае выданне

**Беларускі археаграфічны штогоднік**

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 21

Рэдактары: *Т. М. Мальцава, Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*  
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванава*

Падпісана да друку 01.12.2020. Фармат 60×84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Папера 80 г/м<sup>2</sup>. Умоўн. друк. арк. 13,95. Улік.-выд. арк. 14,90.  
Тыраж 100 экз. Зак. 10.

---

Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы» (БелНДЦДАС).  
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы і распаўсюджвальніка  
друкаваных выданняў ад 24.03.2014. Нумар у Дзяржаўным рэестры выдаўцоў, вытворцаў  
і распаўсюджвальнікаў друкаваных выданняў Рэспублікі Беларусь № 1/229.  
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.